

Сигрид Унсет Венец

Серия: *Кристин, дочь Лавранса – 1*

Часть первая ЙОРЮНДГОРД

I

При разделе наследства после смерти Ивара Младшего Йеслинга из Сюдбю, в 1306 году, его имение в Силе¹ перешло к дочери Рагнфрид и ее мужу Лаврансу, сыну Бьёргтольфа. До того они жили в имении Скуг в Фоллу², недалеко от Осло, но затем переехали в усадьбу Йорюндгорд, лежащую высоко на сельских холмах³.

Лавранс происходил из рода, известного в Норвегии под именем Сыновей лагмана⁴. Род этот – выходцы из Швеции, и первым, кто поселился здесь, был некий Лаврентиус – лагман в Эстгёте, тот самый, что выкрал из монастыря Врста сестру ярла⁵ из Бьельбу, девуцу Бенгту, и бежал с нею в Норвегию. Лаврентиус жил при дворе короля Хокона Старого и заслужил его любовь и уважение; король пожаловал ему усадьбу Скуг. Но, прожив в Норвегии восемь лет, Лаврентиус умер от поветрия, а вдова его, которую народ прозвал Королевой, отправилась домой в Швецию и помирилась со своей родней. Впоследствии она вышла замуж за богатого чужестранца. У нее не было детей от Лаврентиуса, и поэтому усадьба Скуг досталась по наследству брату Лаврентиуса – Кетилю. Сыном Кетиля был Бьёргюльф, отец Лавранса.

Лавранс женился в молодых годах. Ему исполнилось всего двадцать восемь лет, когда он переехал в Силь, и был он на три года моложе своей жены. Подростком он состоял одно время в королевской дружине и получил хорошее воспитание; но после женитьбы удалился на покой и жил в своем поместье, ибо Рагнфрид была несколько странной и угрюмой и худо уживалась с людьми на юге Норвегии. А после того как Рагнфрид постигло несчастье и у нее умерли еще в младенческом возрасте трое сыновей, она стала совсем чуждаться посторонних. И, пожалуй, потому и переехал Лавранс в долину Гюдбрансдал, чтобы жена была поближе к своим родным и знакомым. Когда они переехали туда, у них остался в живых один ребенок, маленькая девочка по имени Кристин.

Но и поселившись в Йорюндгорде, они продолжали жить замкнуто и держались очень обособленно; казалось, Рагнфрид не чувствовала большой приязни к своей родне и виделась с нею не чаще, чем того требовало приличие. Это происходило еще потому, что Лавранс и Рагнфрид были необычайно набожны и богобоязненны, усердно посещали церковь, охотно давали приют Божьим служителям и людям, разъезжающим по делам церкви, или пилигримам, шедшим на север к Нидаросу⁶, и оказывали величайшее почтение своему приходскому священнику; тот жил в усадьбе Румюндгорд и был их ближайшим соседом. А окрестное население находило, что служение Богу и без того обходится достаточно дорого – тут и церковная десятина и пожертвования имуществом и деньгами; поэтому не следует уж так налегать на посты да на молитвы и таскать в дом священни-

---

¹ Сил, – местность и долине Гюдбрансдал, пересекающей центральную часть Южной Норвегии с севера на юг.

² Фоллу – местность южнее Осло.

³ Во всех норвежских именах собственных ударение падает на норный слог Кристин, Лавранс, Инар, Йеслинг, Сюдбю. Рагнфрид и т. д.

⁴ Лагман – выборный или назначенный чиновник, наблюдавший за исполнением законов и имевший право чинить суд.

⁵ Ярл – в Скандинавии высшее звание после короля.

⁶ Нидарос – ныне Тронхейм, к тем времена – самый большой город Норвегии. Здесь находился собор покровителя Норвегии святого Улана ТТ резиденции архиепископа.

ков и монахов без особой надобности.

Впрочем, хозяева Йорюндгорда пользовались большим уважением, да и любовью, в особенности Лавранс; он слыл за человека сильного и мужественного, а вместе с тем миролюбивого и справедливого, ровною в поведении и учтливом, необычайно умелого земледельца и великого охотника; с особенным рвением преследовал он волков, медведей и всякое вредное зверье. За короткое время он собрал в своих руках много земли, но был добрым хозяином и щедрым на помощь своим издольщикам.

Рагнфрид же так редко показывалась в народе, что скоро о ней почти совсем перестали говорить. Первое время по ее приезде в родную долину многие удивлялись, глядя на Рагнфрид, так как помнили ее еще с тех пор, когда она жила дома в Сюдбю. Она никогда не была красавицей, но тогда по крайней мере выглядела довольной и веселой; теперь же она изменилась и извелась, и легко можно было подумать, что она старше своего мужа не на три года, а на целых десять лет. Люди считали, что она приняла слишком близко к сердцу смерть детей, потому что, вообще говоря, ей жилось во всех отношениях лучше, чем большинству других женщин, – ее окружали богатство и почет, да и с мужем она, насколько можно было судить, жила хорошо. С другими женщинами Лавранс не водился, постоянно советовался с нею во всех делах и ни разу не сказал ей ни одного недоброго слова ни трезвый, ни пьяный. При этом она была достаточно молода, чтобы иметь еще детей, будь на то воля Божия.

Хозяевам усадьбы бывало нелегко находить молодых работников и работниц для службы в Йорюндгорде – из-за угрюмого нрава хозяйки и из-за того, что в доме чересчур строго соблюдались все посты. Впрочем, людям жилось хорошо в усадьбе, где редко слышалось резкое слово или попреки; кроме того, и Лавранс и Рагнфрид всегда показывали пример другим во всякой работе. Притом же хозяин был по-своему человеком веселым, иногда не прочь был поплясать и даже запевал, когда молодежь веселилась в светлые ночи на церковном пригорке. Но все же на службу в Йорюндгорд больше шли люди пожилые; им там очень нравилось, и они живали в усадьбе подолгу.

Однажды, когда Кристин было семь лет, отцу ее захотелось взять ребенка с собою в горы на их летний выгон – сетер⁷.

Было ясное утро близко к середине лета. Кристин была на чердаке, где все они спали летом⁸, она видела яркий солнечный свет и слышала, как отец и работники переговаривались внизу во дворе, и от этого ей было так радостно, что она не в силах была устоять на месте, пока мать одевала ее, и скакала и прыгала в ожидании каждой новой вещи, в которую ее наряжали. Она никогда еще не бывала в настоящих горах, переезжала лишь через лесистый хребет по дороге на Вогэ, когда ее брали с собою погостить у родителей матери в Сюдбю⁹, да ходила с матерью и домашними в ближайшие леса за ягодами, на которых Рагнфрид настаивала легкое вино. Мать приготавливала еще кислую барду из брусники и клюквы и намазывала ее на хлеб вместо масла во время Великого Поста.

Мать закрутила кверху длинные золотистые волосы Кристин, спрятала их под старую синюю шапочку, завязала ленты, поцеловала дочку в щеку – и Кристин помчалась вниз к отцу.

Лавранс сидел уже в седле; он поднял Кристин на лошадь и посадил ее сзади себя, подстелив ей плащ, сложенный в виде подушки. Кристин села верхом на эту подушку и ухватила за отцовский кушак. Можно было трогаться в путь, и они пожелали матери счастливо оставаться, но Рагн-

---

⁷ Сетер – пастбище па альпийских лугах с пастушьей хижиной.

⁸ В старину в Норвегии летом спали на чердаке стабюра – сарая, строившегося в два этажа и ставившегося па четыре камня или на сваи. Внизу хранились разные продукты; перед входом на чердак была галерея, на которую вела открытая лестница

⁹ Долина Гюдбрандсдал делится на отдельные отрезки, совпадающие по большей части с церковными приходами и разделенные невысокими холмами. Вог, где была расположена усадьба Сюдбю, лежала в боковой долине выше (севернее), чем Силь, где был расположен Йорюндгорд. Ниже (южнее) долина тянулась через множество приходов вплоть до города Хамара.

фрид сбежала с галереи с плащом Кристин в руках, отдала его Лаврансу и попросила мужа хорошенько присматривать за ребенком.

Солнце сняло, но ночью прошел сильный дождь: со всех сторон журчали и плескались ручейки, сбегавшие вниз в долину, и клочья тумана медленно ползли вдоль подножия гор. Но над краем в голубое небо поднимались белые облака, предвестники хорошей погоды, и Лавранс и его люди говорили, что день выдастся, вероятно, жаркий. Лавранс взял с собой четырех слуг, и все они были хорошо вооружены, так как в это время в горах можно было повстречать недобрых людей; впрочем, с путниками вряд ли могло что случиться – их было много, да и ехали они недалеко. Кристин любила всех этих слуг; трое из них были уже пожилыми людьми, но четвертый, Арне, сын Гюрда из Финсбреккена, был еще подростком и лучшим другом Кристин; он ехал сразу же за лошадью Лавранса, так как взялся рассказывать Кристин обо всем, что они увидят в пути.

Они проехали между постройками усадьбы Румюндгорд и обменялись приветствиями с отцом Эйриком. Он стоял на дворе и бранился с дочерью, которая вела его хозяйство, из-за мотка свежеращенной шерсти: дочь вывесила шерсть накануне и забыла снять ее, а теперь дождь совершенно все испортил.

На холме возле усадьбы священника стояла церковь; она была невелика, но красива, содержалась в порядке и недавно была заново осмолена. Лавранс и его люди сняли шапки и склонили головы перед крестом у ворот кладбища; потом отец повернулся в седле и вместе с Кристин помахал Рагнфрид, которую еще можно было разглядеть на лугу перед домом; мать тоже помахала им концом своего белого головного платка.

Кристин почти каждый день играла здесь, на церковном пригорке и на кладбище; но сегодня, когда ей предстояло такое долгое путешествие, все эти знакомые места казались ей совершенно новыми и необыкновенными. Кучка строений в Йорюндгорде, во дворе и за оградой, стала как будто меньше и серее. Река изгибалась и блестела, и долина расширялась, пестрея широкими зелеными холмистыми лугами, болотами по низине да усадьбами с пашнями и полянами, карабкавшимися на поросшие лесом склоны у подножия серых скалистых обрывов гор.

Кристин знала, что далеко внизу, где горы как будто сходились вместе и закрывали кругозор, лежит усадьба Лоптсгорд. Там жили Сигюрд и Ион, два старика с седыми бородами; приходя в Йорюндгорд, они всегда принимались играть и шутить с Кристин. И она любила Иона, потому что он вырезал ей из дерева замечательно красивых зверей и как-то даже подарил колечко. А в последний раз, когда он был у них на Троицу, он принес ей маленького рыцаря, который был так красиво вырезан и раскрашен, что Кристин показалось – такого прекрасного подарка ей еще никогда не дарили. Она брала его с собой в постель каждый вечер, но, просыпаясь утром, всегда находила рыцаря стоящим на ступеньке кровати¹⁰, в которой спала вместе с родителями. Отец говорил, что рыцарь вскакивает с кровати при первом крике петуха, но Кристин отлично знала, что это мать убирает его, как только она заснет, – она слышала однажды, как мать говорила, что очень больно и неприятно лежать на твердой игрушке, если она ночью подвернется под бок. Но Сигюрда из Лоптсгорда Кристин боялась, – она не любила, когда он брал ее к себе на колени, потому что он обыкновенно говорил при этом, что будет спать с ней, когда она вырастет. Он пережил уже двух жен и уверял, что переживет и третью. Тогда Кристин может сделаться четвертой. Но когда Кристин начинала плакать, Лавранс смеялся и говорил, что едва ли Маргит испустит дух так скоро; но если бы даже это, к несчастью, и случилось и Сигюрд пришел свататься, то все равно он получил бы отказ, так что Кристин нечего бояться.

К северу от церкви, на расстоянии полета стрелы или около того, лежал у дороги большой плоский валун, окруженный густой зарослью берез и осин. Там дети любили играть в церковь, и младший внук отца Эйрика, Томас, служил обедню, подражая деду, кропил святой водой и крестил, когда в углублениях камня скоплялась дождевая вода. Но прошлой осенью им досталось за такую игру. Сначала Томас обвенчал Кристин с Арне – Арне был еще настолько юн, что охотно бегал поиграть с детьми, когда выдавалась свободная минута. Потом Арне поймал мирно гуляв-

¹⁰ Деревянные кровати, частично встроенные к стену горницы, имели вид ящиков, завешенных занавеской или запирающихся дверцами; у подножия такой кровати была деревянная ступенька.

шего тут же поросенка, и дети понесли его крестить. Томас миропомазал его грязью, окунул в ямку с водой и начал передразнивать деда: читал молитву по-латыни и бранил прихожан за то, что они жертвуют слишком мало на церковь, – дети начали хохотать, так как слышали разговоры взрослых о чрезмерной жадности Эйрика. И чем громче они хохотали, тем больше изощрялся Томас; затем он сказал, что ребенок этот зачат во время Великого Поста и потому надо уплатить за грех пеню в пользу священника и церкви. Тут взрослые мальчишки захохотали как сумасшедшие, а Кристин до того смутилась, что чуть было не заплакала, стоя с поросенком в объятиях. Но, пока они смеялись, произошла большая неприятность: на дороге показался сам Эйрик, возвращавшийся верхом с какой-то требы. Догадавшись, чем именно занимаются ребяташки, он соскочил с лошади и так быстро сунул священный сосуд в руки Бентейна, старшего внука, которого брал с собой, что Бентейн едва не уронил на землю серебряного голубка с телом Господним; священник же бросился в толпу детей и принялся колотить их направо и налево. Кристин выронила поросенка, и тот с визгом помчался по дороге, таща за собою крестильное покрывало, так что поповские лошади взвились от ужаса на дыбы. Священник рванул и девочку, да так сильно, что она упала, и пнул ее ногой, из-за чего у нее еще много дней спустя болело бедро. Когда Лавранс узнал об этом, он нашел, что Эйрик поступил слишком строго с Кристин, – она ведь еще совсем маленькая. Он сказал, что поговорит об этом со священником, но Рагнфрид упростила его оставить это – девочка, мол, получила по заслугам. Не надо было принимать участия в такой кощунственной игре! В конце концов Лавранс не поминал больше об этом, но задал Арне такую порку, какой мальчик еще никогда не получал.

Поэтому, проезжая мимо камня, Арне дернул Кристин за рукав. Он ничего не посмел сказать в присутствии Лавранса, но состроил рожу, улыбнулся и похлопал себя по задку. Кристин же, сгорая от стыда, опустила голову.

Путники ехали под горой Хаммер; долина становилась узкой и темной, и рев реки слышался все сильнее и свирепее. Когда перед ними на мгновение открывалась река, они видели, как Логен мчится меж крутых скалистых берегов, прозрачно-зеленый, как лед, и весь покрытый белой пеной. По обеим сторонам долины подымались горы, поросшие черным лесом; было мрачно, страшно и тесно и веяло холодом. Они переехали по бревнам через ручей и вскоре увидели внизу в долине мостик через речку Росто. Пониже моста в глубокой заводи жил водяной; Арне хотел было рассказать о нем Кристин, но Лавранс строго приказал не болтать о таких вещах в лесу. И когда они подъехали к мосту, Лавранс соскочил с лошади и повел ее под уздцы, придерживая девочку за талию другой рукой.

На том берегу тропа поднималась так круто в гору, что мужчины соскочили с лошадей и пошли пешком; отец пересадил Кристин в седло, и девочка могла держаться за седельную луку – так ей позволили ехать одной верхом на Гюльдсвейне.

По мере того как путники поднимались выше и выше, из-за горных хребтов показывались все новые серые скалы и синие вершины с полосками снега, и теперь уже Кристин могла видеть сквозь ветви деревьев далеко внизу поселок, лежавший к северу от перевала. Арне указывал ей усадьбы, которые можно было разглядеть, и говорил, как они называются.

Высоко в горах подъехали они к маленькому домику, построенному в лесу. Они остановились у изгороди. Лавранс аукнул, и крик его долго отдавался в горах. Появилось двое мужчин, бегом спускавшихся им навстречу между маленькими заплатками возделанной земли. Это были сыновья хозяйки домика, умелые смолокуры; Лавранс хотел нанять их для перегонки смолы у себя. Следом за ними вышла их мать, неся в руках большую чашу молока с погреба, потому что день действительно стал жарким, как и предполагали мужчины.

– Я вижу, ты на этот раз взял дочку с собой, – сказала она, поздоровавшись, – ну, я должна посмотреть на нее! Развяжи-ка завязки и сними с нее шапочку; люди сказывают, что у нее такие чудные волосы!

Лавранс исполнил просьбу женщины, и волосы Кристин рассыпались по плечам до самого седла. Они были густые и золотистые, как зрелая пшеница. Женщина, которую звали Исрид, потрогала их и сказала:

– Да, теперь я вижу, что людская молва не перехваливает, и правду говорят о твоей малень-

кой девочке – она что твой розовый цвет и выглядит как рыцарская дочь! И у нее хорошие глаза – она похожа на тебя, а не на Йеслинг. Дай тебе Бог счастья в этом ребенке, Лавранс, сын Бьёргюльфа! А как ловко ты сидишь на Гюльдсвейне, прямо придворный! – пошутила она, держа в руках чашку, пока Кристин пила.

Девочка покраснела от радости; она знала, что ее отца считают красивейшим мужчиной во всей округе; и действительно, среди своих людей он походил на рыцаря, хотя и был одет по-крестьянски, как ходил обыкновенно дома в будние дни. На нем были довольно широкий и короткий кафтан из зеленого домотканого сукна, – открытый у шеи, так что видна была рубашка, – штаны и сапоги из некрашеной кожи, а на голове – старинная широкополая войлочная шляпа. Из украшений он носил только одну гладкую серебряную пряжку на кушаке и маленькую застежку на воротах рубашки; кроме того, на шее у него виднелась золотая цепочка. Ее Лавранс никогда не снимал; на ней висел золотой крест, украшенный крупными горными хрусталами; его можно было открывать, и внутри лежал маленький кусочек савана и волосы святой Элин из Скёвде, потому что Сыновья лагмана считали своей родоначальницей одну из дочерей этой святой женщины. Отправляясь в лес или на работу, Лавранс обыкновенно спускал крест под рубашку, на голую грудь, чтобы не потерять его.

Но в этом грубом домашнем платье Лавранс выглядел благороднее многих рыцарей и дружинников в праздничной одежде. Он был очень красиво сложен: высок, широк в плечах и узок в бедрах; небольшая голова его красиво сидела на шее, а черты чуть-чуть длинного лица были привлекательны: щеки в меру округлы, подбородок красиво очерчен, рот правильный. У него был светлый цвет кожи, свежий румянец, серые глаза и густые гладкие, шелковистые светлые волосы.

Он все стоял и разговаривал с Исрид о ее делах, спросил также и про Турдис, ее родственницу, которая этим летом управлялась на горном выгоне Лавранса. У той как раз недавно родился ребенок; Исрид ждала только удобного случая, чтобы с надежными попутчиками проехать через лес, – тогда бы она взяла с собой мальчика в долину и окрестила его. Лавранс предложил ей ехать вместе с ними: уже на следующий вечер они отправятся в обратный путь; ей с некрещеным младенцем будет хорошо и спокойно под охраной стольких мужчин. Исрид поблагодарила.

– Правду сказать, я того и ждала. Мы, бедняки, живущие здесь у горных пастбищ, знаем, что ты всегда оказываешь нам дружескую помощь по мере сил своих, когда приезжаешь сюда. – Она побежала домой, чтобы захватить с собой узелок и плащ.

Уж так повелось, что Лаврансу нравилось среди этого мелкого люда, жившего на расчищенных наемных участках высоко в горах, на окраинах долины; с ними он всегда был весел, всегда шутил. С ними он мог говорить о повадках лесных зверей, об оленях, бродящих на бесконечных плоскогорьях, о всякой нечисти, гнездящейся в таких местах. И он всегда помогал им советом и делом, лечил их больной скот, ходил с ними и в кузницу и на постройки; случалось даже, что он иногда и сам прилагал свою огромную силу, когда надо было выворачивать особенно тяжелые камни или упрямые корни. Поэтому-то все эти бедные люди с такой радостью приветствовали Лавранса, сына Бьёргюльфа, и Гюльдсвейна, его большого рыжего жеребца. Это был красивый конь с блестящей шерстью, белыми гривой и хвостом и со светлыми глазами – такой сильный и дикий, что о нем шла слава по долинам; но с Лаврансом жеребец этот был кроток, как овечка, и Лавранс часто говорил, что любит его, как младшего брата.

Первое дело, которое наметил себе Лавранс, было осмотреть сторожевую башню, стоящую на горе Хеймхуген. Лет сто или более тому назад, в суровые годы войны и смуты, крестьяне некоторых окрестных долин выстроили сторожевые башни на вершинах гор, вроде вышек около гаваней вдоль побережья; но эти вышки на горах не имели отношения к государственной обороне. Крестьянские гильдии¹¹ сами содержали их в порядке, и «братья» по очереди следили за ними и подновляли их.

Когда они добрались до первого пастушьего хутора, Лавранс оставил всех лошадей, кроме вьючной, пастись на выгоне, и люди стали взбираться вверх по крутой тропинке. Деревья начали

---

¹¹ Крестьянские гильдии – союзы крестьян-собственников и издольщиков, объединявшихся для взаимопомощи и защиты и выбиравших себе "патроном" какого-нибудь снятого.

заметно редеть. Высокие сосны стояли на болотах сухие, мертвые и белые, как кость; и Кристин видела, как повсюду кругом стали подниматься к небу голые серые скалы. Путники долго взбирались по каменистым россыпям, а иногда отцу приходилось нести Кристин на руках, так как по тропинке сбегал вниз ручей. Свежий и сильный ветер дул в горах, и кругом черничные заросли синели от ягод, но Лавранс сказал, что некогда останавливаться и собирать их. Арне то забегал вперед, то отставал, рвал для Кристин веточки черники и рассказывал девочке, чьи сетеры они видят под собою среди леса, – в те времена весь Хёврингсванген был покрыт лесом.

И вот они добрались до последней обнаженной и округлой вершины и увидели огромное бревенчатое сооружение, вырисовывающееся на фоне неба и сторожевую избушку под защитой скалы.

Когда они поднялись на самый обрыв, ветер налетел и стал хлопать их одеждой; Кристин показалось, что кто-то живой, обитающий на вершине, поспешил им навстречу поздороваться. Ветер дул и свистел, а Кристин с Арне пошли вперед по мшистым каменным плоскостям. Дети уселись на самом краю скалистого выступа, и Кристин смотрела не отрываясь, во все глаза – она никогда и не думала, что мир так велик и широк.

Ниже нес, насколько мог охватить глаз, простирались горы, ошетинившиеся густыми лесами; главная долина казалась небольшим углублением между горными громадами, а боковые – совсем маленькими ямками; их было множество, и все-таки было мало долин и много гор. Повсюду над ковром леса вздымались серые вершины, опаленные желтым огнем лишайников, а далеко, на краю неба, стояли синие горы с белыми крапинами снега, едва отличимые на глаз от серо-голубых и ярко-белых летних облаков. А совсем рядом, тут же, за лесом, на северо-востоке, теснились синеватые каменные холмы с целыми сугробами свежевыпавшего снега по обрывам. Кристин догадалась, что это и есть "Кабаны", о которых она слышала раньше, потому что они и на самом деле походили на стадо громадных кабанов, которые уходят прочь, повернувшись спинами к долине. Но Арне сказал, что только до их подножия ехать верхом самое малое полдня.

Кристин думала, что стоит только перевалить через цепь родных гор, как сейчас же внизу, на другую сторону, откроется еще одна долина, похожая на их собственную, с усадьбами и постройками; и теперь сердце у нее екнуло, когда она увидела, как громадны расстояния между людскими поселениями. Она видела внизу на дне долины желтые и зеленые пятнышки и крошечные полянки с серыми точками изб посреди горных лесов; Кристин принялась считать их, но, дойдя до трех дюжин, сбилась и бросила. И все-таки человеческое жилье было ничто в этой громадной пустыне!

Кристин знала, что в дремучих лесах хозяйничают волки и медведи, а под всем камнем живут тролли, горные ведьмы и всякий подземный народен; и ей стало страшно, потому что их-то уж было никому не счесть, и, во всяком случае, их гораздо больше, чем крещеных людей. Она стала громко звать отца, но тот не услышал ее на ветру – Лавранс с работниками катил вверх огромные камни, чтобы подпереть ими бревенчатые сваи вышки.

Но Исрид подошла к детям и показала Кристин, где лежит на западе долина Вогэ. Арне же указал ей на Серую гору, где люди из окрестных поселков ловят в ямы оленей и где в хижинах, сложенных из камня, живут королевские ловцы соколов. Арне сам подумывал заняться этой работой, но еще ему хотелось научиться натаскивать этих птиц и приучать их к охоте – и он взмахнул рукой, как бы подбрасывая сокола в воздух.

Исрид покачала головой:

– Это скверная жизнь, Арне, сын Гюрда, и для твоей матери было бы большим горем, если бы ты стал ловцом соколов, парень! Там никто не может соблюсти себя – поневоле начнет путаться со всякими дурными людьми или с кем еще похуже!

Тут подошел к ним Лавранс, слышавший последние слова Исрид.

– Да, – сказал он, – в этих местах есть не одно тягло, что не платит ни долгов, ни церковной десятины!..

– А ведь ты, Лавранс, вероятно, навидался всякой всячины, – сказала Исрид. – Ведь ты забираться так далеко в горы!..

– А-а! – Лавранс помедлил немного. – Может, и так; но кажется мне, что о таких вещах не стоит говорить! Я думаю, кто утратил право на мир среди людей в долинах, тому надо дать жить в

мире в горах¹². И я должен сказать, что мне приходилось видеть желтые хлебные поля и отличные луга там, где мало кто подозревает о существовании плодородных долин; видал я и стада рогатого скота и овец, но, право, не знаю, принадлежали ли они людям или кому другому...

– Охо-хо! – вздохнула Исрид. – Люди клянут бирюков и медведей, когда скот пропадает с горных выгонов; но в горах встречаются разбойники и похуже.

– Ты думаешь, хуже? – задумчиво сказал Лавранс и погладил дочку по головке. – Однажды я встретил в горах, к югу за "Кабанами" трех мальчуганов, и старший из них был не больше моей Кристин; у них были светлые волосы, и одеты они были в меховые куртки. Они оскалили зубы на меня, как волчата, а потом бросились бежать и спрятались. Не удивительно, если бы их отцу, бедняге, захотелось пригнать для них корову-другую...

– Ах, да, ведь и у волков с медведями есть детеныши, – сердито сказала Исрид, – но их-то ты не щадишь, Лавранс, ни их самих, ни детенышей! А они не обучены ни законам, ни христианской вере, как те злодеи, которым ты желаешь всяких благ...

– Ты считаешь, что я желаю им всяких благ только потому, что не желаю им самого что ни на есть худого? – сказал Лавранс с легкой усмешкой. – Но пойдем-ка посмотрим, что нам дала сегодня Рагнфрид в дорогу. – Он взял Кристин за руку и повел ее за собою. И, наклонившись к ней, произнес тихонько:

– Я подумал тогда о твоих трех братиках, Кристин!

Они заглянули в сторожевую избушку, но там было душно и пахло плесенью. Кристин успела только разглядеть земляные лежанки вдоль стен, очаг прямо среди пола да бочки со смолой и пачки лучины и бересты. Лавранс решил, что лучше будет поесть на вольном воздухе, и вот, немного ниже избушки они нашли хорошую зеленую лужайку в березовой роще на склоне.

Разгрузили выючную лошадь, и все растянулись на траве. В мешке, который Рагнфрид дала на дорогу, оказалось много хорошей еды: свежий хлеб и лепешки, масло, сыр, сало, сушеная оленина, свинина и вареная коровья грудинка, две корчаги с немецким пивом и маленький бочонок пьяного меда. Работа закипела – один резал мясо, другой раздавал его, а Халвдан, старший из мужчин, развел огонь. В лесу у костра куда спокойнее.

Исрид и Арне рвали вереск и карликовую березу и бросали их в костер; огонь, шипя и потрескивая, пожирал свежую зелень с веток, и белые обожженные хлопья взлетали высоко, на самый верх огненной красной гривы; жирный черный дым клубами вздымался к ясному небу. Кристин смотрела, и ей казалось, что огонь рад вырваться на волю и поиграть. Здесь ему было привольно, не то что дома, на очаге, где он должен выбиваться из сил – варить пищу, освещать горницу.

Она сидела, прислонившись к отцу и перебросив руку через его колено; он давал ей все самое лучшее, сколько она хотела, угощал ее пивом вволю и усердно поил медком.

– Она так охмелеет, что не сможет спуститься вниз к сетеру, – сказал Халвдан смеясь.

Но Лавранс только потрепал круглые щечки девочки.

– Ну, нас, мужчин, здесь достаточно, чтобы снести ее на руках! Ей это только полезно; пей и ты, Арне; вы еще растете, и Божьи дары пойдут вам на пользу, а не во вред, они дают здоровую, алую кровь и крепкий сон и не толкают на всякие глупости и сумасбродства.

Мужчины тоже пили вволю, да и Исрид от них не отставала. Скоро голоса и треск и шипение огня слились в ушах Кристин в один неясный и далекий гул – голова ее начала тяжелеть. Она смутно разбирала еще, что кругом все подзадоривают Лавранса, чтобы он рассказал им про те чудеса, что случались с ним на охоте. Но Лавранс не хотел ничего говорить, и ей было так хорошо и спокойно, и так сытно она поела...

Отец сидел с ломтем свежего ячменного хлеба, мял кусочки между пальцами и лепил из них лошадок, потом отщипывал кусочки мяса, сажал их верхом на хлебных коней и заставлял скакать по своей ноге прямо в рот Кристин. Но она до того устала, что не могла уже ни открывать рот, ни

---

¹² Лишенными мира назывались люди, поставленные вне закона за кровную месть и другие преступления. Перед крестьянской войной XII-XIII веков и в последующие годы гражданской войны к горах укрывались крестьяне и издольщики, спасавшиеся от феодального гнета.

жевать, – и вдруг опрокинулась навзничь на землю и заснула.

Очнувшись, Кристин почувствовала, что лежит в темноте, в теплых объятиях отца, – он закрыл ее своим плащом, накинув его и на себя. Кристин села, вытерла пот с лица и сняла шапочку, чтобы свежий ветер просушил ее влажные волосы.

Должно быть, прошло уже много времени, так как солнечный свет стал совсем желтым и тени протянулись длинными полосами на юго-восток. Было тихо, ни ветерка, и мухи с комарами жужжали целыми роями над спящими людьми. Кристин сидела смирно, как мышка, чесала свои искусанные комарами руки и смотрела по сторонам; круглая каменная вершина, поднимавшаяся над ними, белела в лучах солнца от мшистого ковра и желтела от лишайников, а башня из серых, потемневших от непогоды бревен вздымалась к небу, словно скелет какого-то невиданного зверя.

Кристин сделалось как-то не по себе – так было странно, что все спят при ярком дневном свете. Если, бывало, она просыпалась дома по ночам, то это было совсем другое дело. Там Кристин лежала в уютной темноте, между матерью и ковром, закрывавшим бревенчатую стену. Там она знала, что горница закрыта верхней ставней и засовами от ночной теплоты и непогоды и что сонное дыхание и храпение исходит от людей, лежащих спокойно и удобно на перинах под теплыми шкурами. Но все эти скрюченные и скорченные тела, лежавшие на земле вокруг кучки белой и черной золы, могли бы быть мертвыми. Они лежали кто на животе, а кто на спине, с поднятыми кверху коленями, и звуки, которые издавали спящие, пугали ее. Отец тяжело храпел, а когда Халвдан делал вдох, то в носу у него что-то свистело и пищало. Арне лежал на боку, прикрыв лицо рукой, и его блестящие русые волосы разметались по вереску; он лежал так тихо, что Кристин испугалась, не умер ли он. Она перегнулась вперед и стала теревить его, но Арне только перевернулся во сне.

Кристин вдруг пришло в голову, что, может быть, они проспали уже целый день и целую ночь и сейчас наступил новый день, и она так испугалась, что стала тормошить отца, но тот только пробормотал что-то и продолжал спать. Кристин и сама еще чувствовала тяжесть в голове, но не решалась снова лечь. Она подползла к костру и начала мешать в нем палочкой – внутри еще тлел огонек. Она положила на угли вереску и мелких веток, сколько могла собрать вокруг себя, но не посмела выйти из круга спящих, чтобы поискать хворост покрупнее.

Вдруг что-то загремело и загудело совсем близко в лесу – Кристин похолодела от страха, и сердце у нее упало. Но тут она различила что-то большое и рыжее между деревьями: это Гюльдсвейн продирался на поляну сквозь чащу мелкого березняка; потом он остановился и стал смотреть на девочку своими ясными светлыми глазами. Она до того обрадовалась, что вскочила на ноги и подбежала к жеребцу. Там же оказалась и гнедая лошадь, на которой ехал Арне, и еще выючная лошадь. И Кристин сразу почувствовала себя так хорошо и так спокойно; она подошла к лошадям и похлопала всех трех по крупу, а Гюльдсвейн нагнул к ней голову, чтобы девочка могла дотянуться и погладить его по морде, потрепать его желтовато-белую челку; жеребец понюхал ее руки и потыкался в них своей мягкой мордой.

Лошади, неторопливо пощипывая траву, спустились в березовую рощу, и Кристин пошла вместе с ними; ей казалось, что если только она будет держаться поближе к Гюльдсвейну, то никакая опасность ей не будет страшна: ведь ему приходилось расправляться с медведем. Кусты черники разрослись здесь так густо, а девочку томила жажда и во рту был противный вкус; нива ей больше не хотелось, но сладкие, сочные ягоды были вкусны, как вино. Немного дальше, среди груды камней, она увидела малину. Тогда она ухватила за гриву Гюльдсвейна и вежливо попросила его пойти с нею туда; жеребец покорно последовал за девочкой. И по мере того как Кристин углублялась в лес, вниз по горному склону, конь тоже шел за нею, когда она звала, а другие лошади следовали за Гюльдсвейном.

Она услышала, что где-то журчит и плещется ручеек; тогда она пошла по направлению звука и действительно нашла ручей. Там она легла над водою на большой плоский камень и смочила свои потные, искусанные комарами лицо и руки. Под камнем был тихий черный омут, потому что как раз напротив возвышалась позади березок и кустов ивняка отвесная скалистая стена. Вот так зеркало! Кристин нагнулась и стала смотреться в воду. Ей хотелось узнать, правду ли сказала Ирид, будто она похожа на отца.

Она улыбалась, кивала и наклонялась все ниже и ниже, пока ее волосы не коснулись светлых волос и круглого детского личика с большими глазами, которое она видела в воде.

Повсюду кругом буйно росло огромное множество прекрасных розовых цветов, которые зовутся валерьяной, – они были куда краснее и красивее здесь, у горного ручья, чем дома у реки. И Кристин стала рвать их и перевязывать стеблями трав, пока не сплела себе удивительно красивый, пышный розовый венок. Девочка надела его на голову и побежала к омуту, чтобы посмотреть, как она теперь выглядит, – она разукрасилась, словно совсем взрослая девушка, которая идет танцевать.

Она склонилась над водой и увидела, как ее темное изображение поднимается со дна и становится все яснее и яснее, по мере того как близится к ней, – и вдруг она заметила в зеркале ручья, что по ту сторону, между березками, стоит какой-то человек и тянется к ней. Кристин быстро поднялась на колени и взглянула туда. Сперва ей показалось, что там ничего нет, кроме скалистой стены и деревьев, обступивших ее подножие. Но тут она заметила чье-то лицо среди листвы – там стояла женщина с бледным лицом и пышными светлыми, как лен, волосами – большие светло-серые глаза и раздувающиеся бледно-розовые ноздри напоминали Гюльдсвейна. Она была одета во что-то блестящее зеленое, цвета листвы, и ветки закрывали ее вплоть до высокой груди, которая была сплошь украшена пряжками и блестящими цепочками.

Кристин не могла отвести глаз от видения; и вот женщина подняла руку, показала венец из золотых цветов – им она поманила ее к себе.

Кристин услышала позади себя громкое и испуганное ржание Гюльдсвейна и обернулась – жеребец взвился на дыбы, взвизгнул так, что зазвенело в ушах, круто повернулся и поскакал в гору, так что земля дрожала. Две другие лошади помчались вслед за ним и поскакали прямо вверх по каменной осыпи. Обломки камней с грохотом покатались вниз, затрещали сломанные ветки и корни.

И тогда Кристин закричала диким голосом.

– Отец! – кричала она. – Отец!..

Вскочив на ноги, она побежала за лошадьми, не смея оглянуться через плечо, вскарабкалась вверх по крутому, усеянному камнями склону, наступила на край своего платья и покатила было вниз, потом снова поднялась, хватаясь за камни окровавленными руками, поползла вверх на израненных и ушибленных в кровь коленях, звала по очереди то отца, то Гюльдсвейна, обливаясь потом, который ручьями струился по всему ее телу, заливая ей глаза, а сердце у нее билось так, словно хотело вдребезги разбиться о грудную клетку; слезы ужаса душили ее.

– Ай, отец! Отец!

И вот она услышала где-то над собою его голос. Она увидела, что он бежит огромными прыжками вниз по обрыву, добела освещенному солнцем; маленькие березки и осины тихо стояли рядами, только листья их серебристо поблескивали – горная рощица была так тиха и светла, и отец бежал вниз и звал девочку по имени; силы оставили Кристин, и она опустила на землю, зная, что теперь она спасена.

– Пресвятая Мария! – Лавранс встал около девочки на колени и прижал ее к себе; он был бледен, рот у него был как-то странно искажен, и Кристин испугалась еще больше: она как будто только теперь поняла по его лицу, какой страшной опасности она подвергалась.

– Дитя, дитя мое! – Он взял ее окровавленные ручки, посмотрел на них, увидел венок на ее распущенных волосах и коснулся его. – Что это, как ты попала сюда, Кристин, детка?

– Я пошла с Гюльдсвейном, – рыдала она, прижавшись к нему. – Мне стало так страшно, мы все спали, а потом пришел Гюльдсвейн... А потом кто-то махал мне и манил меня у реки...

– Кто манил тебя – мужчина?

– Нет, женщина; она манила золотым венцом – я думаю, это была горная дева, отец...

– Господи Иисусе Христе, – тихо сказал Лавранс, перекрестив ребенка, и сам перекрестился.

Он помогал девочке подыматься вверх, пока они не вышли на поросший травой склон; тогда он поднял ее на руки и понес. Она висела на его шее, плача навзрыд, и не могла остановиться, сколько он ни шикал.

Вскоре они встретили работников и Исрид. Услыша о том, что произошло, та всплеснула ру-

ками.

– Ну конечно, это была горная дева, она хотела заманить такого красивого ребенка и запелить его в гору, уж будьте уверены!..

– Молчи! – резко приказал Лавранс. – Нам не нужно было говорить об этих вещах среди леса – никто не знает, кто сидит тут под камнями и слышит каждое слово!

Он вытащил из-под рубашки золотую цепочку и повесил крест с мощами на шею Кристин, засунув его под платье.

– А вы все держите язык за зубами, – сказал он, – Рагнфрид и знать не должна, какой опасности подвергался ребенок.

Они поймали лошадей, забредших в лес, и пошли быстрым шагом вниз, на выгон у пастушьей хижины, где паслись остальные кони. Потом все сели на лошадей и поехали к селу Йорюндгорда – до него было недалеко.

Солнце близилось к закату, когда они прибыли туда; скот уже был загнан за загородку, и Турдис с пастухами доили коров. В избушке путников ожидала каша – пастухи видели их днем наверху, у сторожевой вышки, и поджидали их приезда.

Только теперь Кристин успокоилась и перестала плакать. Она сидела на руках у отца и ела кашу со сметаной с его ложки.

Лаврансу надо было еще сходить на другой день к озеру, лежавшему дальше в горах; там жили некоторые из его пастухов при быках. Кристин должна была сопровождать отца; но теперь он сказал, что ей придется остаться здесь, в избушке.

– А вы, Турдис и Исрид, смотрите, чтобы и двери и заслон¹³ были плотно закрыты, пока мы не вернемся, – так-то будет лучше и для Кристин и для маленького нехристя, что лежит в колыбели.

Турдис до того перепугалась, что не решалась дольше оставаться в горах с малюткой; ей все еще нельзя было посещать церковь после родов, но все же она предпочла бы ехать теперь же вниз и остаться в поселке. Лавранс сказал, что это разумно, ей можно будет поехать с ними на следующий вечер; он полагал, что ему удастся послать сюда, в горы, на ее место одну пожилую вдову, служившую в Йорюндгорде.

Турдис подстелила душистой свежей горной травы под овечьи шкуры на скамейке; трава пахла так сильно и приятно, и Кристин стала засыпать, пока отец читал над нею "Отче наш" и "Ave Maria".

– Да, не скоро я снова возьму тебя в горы, – сказал Лавранс и потрепал девочку по щеке.

Кристин сразу проснулась.

– Отец, разве ты не возьмешь меня с собою осенью, когда поедешь на юг? Ведь ты же обещаешь!..

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказал Лавранс; и Кристин тотчас же заснула сладким сном под овечьими шкурами.

II

Обыкновенно Лавранс, сын Бьёргюльфа, каждое лето уезжал на юг, чтобы наведаться в свое поместье в Фоллу. Эти поездки отца были вехами лет жизни Кристин – тоскливые недели его отсутствия и огромная радость, когда он приезжал домой с красивыми подарками, заморскими тканями для ее сундука с приданым, винными ягодами, изюмом и медовыми коврижками из Осло, – и столько занимательных рассказов!

Но в этом году Кристин чувствовала, что поездка отцу предстоит необычная. Отъезд его откладывался со дня на день; старики из Лоптсгорда то и дело наезжали к ним и просиживали подолгу за столом с отцом и матерью Кристин, беседуя о наследовании, о родовом поместье, о праве выкупа для родичей. О том, как трудно управлять поместьем отсюда, и об епископстве и королев-

---

¹³ В домах не было окон и свет шел через отверстие в крыше над очагом, закрывавшееся деревянным засовом или ставней.

ском Дворе в Осло, которые отнимают так много рабочих рук от хозяйства по соседним округам. Взрослым некогда было играть с ней, и ее постоянно отсылали в поварню к девушкам.

Дядя Кристин по матери, Тронд, сын Ивара из Сюдбю, приезжал к ним чаще обыкновенного, но он и раньше никогда не любил шутить с девочкой и не ласкал ее.

Понемногу она начала понимать в чем было дело. Переехав и Силь, Лавранс все время старался собрать в своих руках побольше земли в округе. Но теперь рыцарь Андрее, сын Гюдмюнда, обратился к Лаврансу с предложением обменять Формо, родовое имение Андреев, доставшееся ему после матери, на Скуг, местоположение которого было удобнее для рыцаря, так как он состоял в дружине короля и редко бывал здесь, в долине. Лаврансу очень не хотелось расставаться со Скугом, своим родовым поместьем, – оно было подарено одному из предков Лавранса королем. Однако такая мена могла быть выгодна ему во многих отношениях. Но брату Лавранса Осмюнду тоже хотелось выкупить Скуг, – сейчас он жил в Хаделанде, взяв за женою поместье в тех краях, – и было еще неизвестно, откажется ли Осмюнд от своего родового права на Скуг.

И вот однажды Лавранс сказал Рагнфрид, что в этом году ему хочется взять Кристин с собою в Скуг – надо же ей увидеть ту усадьбу, где она родилась и которая была домом ее предков, тем более если она, может статься, скоро уйдет из их владения. Рагнфрид согласилась с желанием мужа, находя его вполне понятным, но, конечно, ей было страшно отпускать маленького ребенка в такую дальнюю дорогу; сама же она не могла ехать с ними.

После того как Кристин увидела горную деву, она первое время так боялась, что все больше сидела дома около матери; ей было даже жутко смотреть на тех людей, которые были вместе с нею в тот день в горах и знали, что там с нею случилось. Она радовалась, что отец запретил людям упоминать о видении.

Но время шло, и Кристин начала думать, что не так уж плохо и поговорить об этом. В глубине души девочка уже рассказывала кому-то про все это, кому – она сама не знала, но самое странное было то, что чем дальше шло время, тем яснее, как ей казалось, было воспоминание и тем ярче и ярче вспоминалась Кристин та красавица... И всего удивительнее было, что всякий раз, как Кристин думала о горной деве, ею овладевало горячее желание ехать в Скуг, и она все больше и больше боялась, что отец не возьмет ее с собою.

Наконец однажды поутру она проснулась на чердаке стабюра и увидела, что старая Гюнхильд и мать сидят на пороге и перебирают отцовские связки беличьих шкурок. Гюнхильд была вдова, ходившая из усадьбы в усадьбу и подбивавшая мехом плащи, шубы и тому подобное. И Кристин поняла из их разговоров, что на этот раз у нее самой будет новая шубка, подбитая беличьим мехом и отделанная куницей. И, догадавшись, что она едет с отцом, девочка подскочила в кровати и стала кричать от радости.

Мать подошла к Кристин и погладила ее по щеке.

– Неужели ты радуешься, доченька, что уедешь так далеко от меня?

Рагнфрид повторила эти же слова в утро отъезда. Они поднялись на рассвете; на дворе было еще темно, и между строениями стоял густой туман, когда Кристин выглянула из двери, чтобы посмотреть на погоду – вокруг фонарей и перед открытыми дверьми ходили как будто волны серого дыма. Кто-то бегал взад и вперед от конюшен к сараям, женщины таскали из поварни дымящиеся котлы с кашей и корыта с вареным мясом и свиной грудинкой – надо было сытно и плотно поесть перед тем, как пускаться в дорогу по утреннему холоду.

В доме затягивали ремнями меха с дорожным скарбом и снова развязывали их и укладывали забытые вещи. Рагнфрид еще раз повторила мужу все свои – поручения, напомнила обо всех родных и знакомых, мимо которых придется ехать, – не забыть бы передать поклон такому-то и спросить, как поживает такой-то.

Кристин бегала взад и вперед, уже который раз прощаясь со всеми в доме, и не могла спокойно усидеть насесте.

– Неужели ты радуешься, Кристин, что уезжаешь от меня так далеко и так надолго? – спросила мать. Кристин стало тяжело и неприятно, и ей хотелось бы, чтобы мать не говорила таких слов. Но она ответила как могла лучше:

– Нет, милая матушка, но я рада, что поеду вместе с отцом!

– Да, пожалуй, что так! – сказала Рагнфрид со вздохом. Потом поцеловала девочку и оправила на ней платье.

И вот наконец все сидят в седлах, весь поезд; Кристин едет на Мурвине, который раньше был верховой лошастью ее отца, – это старый, умный и надежный конь. Рагнфрид подала серебряный кубок мужу, чтобы он еще раз подкрепился на дорогу, потом положила руку на колено дочери и попросила ее не забывать материнских наставлений.

Всадники выехали со двора в сером свете раннего утра. Белый как молоко туман окутывал все кругом. Но через некоторое время он стал легче, и сквозь пелену начало пробиваться солнце. И в белой дымке виднелись росистые луга, поросшие новой зеленой Травкой после покоса, и блеклое жнивье, и желтые деревья, и рябины с проблескивавшими красными ягодами. Горные скалы, синяя, уходили ввысь, в клубы тумана; и вот пелена разорвалась и поплыла хлопьями между купами деревьев по лесистым склонам; путники стали спускаться в долину, озаренные яркими солнечными лучами. Кристин ехала впереди всех рядом с отцом.

Они приехали в Хамар темным и дождливым вечером. Кристин сидела в седле впереди отца; она до того устала, что все сливалось у нее перед глазами – озеро, слабо поблескивающее направо от дороги, темные деревья, с которых на путников капала вода, когда они проезжали под ними, и черные, расплывчатые очертания кучек домов на бесцветных мокрых полях вдоль дороги.

Кристин перестала считать дни – ей казалось, что она едет уже бесконечно давно. Они посещали родных и друзей все время, пока ехали вниз по долине; Кристин знакомилась с детьми в больших усадьбах и играла в чужих горницах, на сеновалах и дворах. Много раз ей приходилось надевать свой красный наряд с шелковыми рукавами. В хорошую погоду путники останавливались на отдых на краю дороги; Арне рвал для девочки орехи, а после обеда ее укладывали спать на кожаных мешках с одеждой. В одном имении им дали на ночь подушки с шелковыми наволочками; а однажды они ночевали в странноприимном доме, и Кристин, просыпаясь, каждый раз слышала, что в соседней кровати тихо и жалобно плакала какая-то женщина.

Но сама она каждую ночь спокойно – спала за широкой спиной отца.

Кристин вдруг проснулась – она не знала, где она, но какие-то необычайные звенящие и гудящие звуки, которые она слышала во сне, продолжали звучать и наяву. Она лежала одна в постели, а в комнате, где находилась кровать, горел огонь в очаге.

Девочка позвала отца, и тот поднялся тотчас же со своего места у очага и подошел к ней в сопровождении какой-то толстой женщины.

– Где мы? – спросила Кристин. Лавранс засмеялся и сказал:

– Мы в Хамаре. а это вот – Маргрет, жена Фартейна-башмачника; поздоровайся с ней, будь умницей, – ты ведь спала, когда мы прибыли. А теперь Маргрет поможет тебе одеться!

– Разве уже утро? – сказала Кристин. – А я думала, что ты тоже сейчас ляжешь! Ах, нет, лучше ты одень меня! – попросила она, но Лавранс довольно строю сказал ей, что лучше бы она поблагодарила Маргрет за то, что она хочет помочь ей.

– И посмотри-ка, что она принесла тебе в подарок! Это была пара красных башмачков с шелковыми завязками. Женщина улыбнулась, видя радостное личико Кристин, и надела на нее сорочку и чулки, не спуская ее с кровати, чтобы ей не пришлось вставать босиком на глиняный пол.

– Что это такое говорит, – спросила Кристин, – как колокол в церкви, но только будто там много-много колоколов?

– Да это и есть наши колокола, – Засмеялась Маргрет. – Разве ты не слышала о большом соборе в нашем городе? Вот туда ты и пойдешь сейчас. Это ударили в большой колокол. А потом еще звонят в монастыре и в церкви Святого креста!

Маргрет намазала толстым слоем масла хлеб девочке, намешала меду в молоко – так будет сытнее, ведь есть как следует уже некогда.

На улице было еще темно, и за ночь подморозило. Холодный, пронизывающий туман колот лицо. Следы людей, скота и лошадиных подков на земле затвердели, словно вылитые из чугуна, так что Кристин в новых тонких башмачках ушибала о них ноги; один раз она провалилась сквозь лед, попав в сточную канаву посреди улицы, и ноги у нее промокли и озябли. Тогда Лавранс поса-

дил ее к себе на спину и понес.

Девочка напрягала зрение в темноте, но не могла хорошенько разглядеть город – она различала только черные коньки домов и очертания деревьев в сером воздухе. Наконец они вышли на лужок, белевший от инея, и на другом конце лужка Кристин разглядела сероватое здание, большое как гора. Вокруг него стояли большие каменные дома, и в некоторых местах в маленьких отдушниках в стенах светились огоньки. Колокола, замолчавшие было на время, начали снова звонить, и теперь звук этот был так силен, что по спине Кристин при каждом ударе словно пробегала струя холодной воды,

Когда они вошли в преддверие храма, то Кристин показалось, что она входит в гору – навстречу им пахло холодом и тьмою. Они прошли в дверь, и на них повеяло застарелым, холодным запахом курений и восковых свечей. Кристин очутилась в темном и страшно высоком помещении. В темноте она не могла разглядеть конца-края ни над собой, ни по сторонам, но далеко впереди на алтаре горели свечи. Там стоял священник, и отзвук его голоса странно разносился по всему помещению, как легкое дыхание или шепот. Отец окропил крестообразно самого себя и ребенка святой водой, и они пошли вперед; хотя Лавранс и ступал осторожно, но его шпоры громко звенели по каменному полу. Девочка прошла со своими спутниками мимо великанских столбов; казалось, что между столбами заглядываешь в черные, как уголь, пещеры.

Пройдя вперед, к алтарю, отец преклонил колена, и Кристин тоже стала на колени рядом с ним. Она начала понемногу различать предметы в темноте – на алтарях между столбами блестели золото и серебро, а на том, что перед ними, горели 'л сияли свечи в золоченых подсвечниках; ярко сверкали и священные сосуды и большая великолепная картина за алтарем. И снова Кристин невольно подумала о подземном царстве внутри горы – она представляла себе, что там все должно быть точно таким же, – такое же великолепие, но только, пожалуй, еще больше света. И лицо горной девы встало перед нею, но тут она подняла взор и увидела на стене над картиной самого Христа, большого и строгого, высоко вознесенного на кресте. И ей стало страшно – он выглядел не таким кротким и скорбным, как дома. в их собственной уютной бревенчатой, осмоленной церкви, где он тяжело висел на раскинутых руках, с пробеленными ладонями и ступнями и с поникшей, обрызганной кровью головой в терновом венце. Здесь же он стоял на деревянной приступке, с распростертыми, будто окоченевшими, руками и поднятой вверх головой; волосы его отливали золотом под золотой короной, а лицо было надменно и сурово.

Тогда она попробовала следить за словами священника, который то читал, то пел, но он выговаривал слова очень неясно и торопливо. Дома она привыкла разбирать каждое слово службы, потому что у отца Эйрика был очень ясный выговор; а кроме того, он научил ее, что значат по-норвежски святыя слова¹⁴, чтобы ей легче было сосредоточить все свое внимание на Боге, когда она бывала в церкви.

Но здесь она не могла сосредоточиться; каждую минуту она замечала в темноте что-нибудь новое. Высоко вверху в стене были окна, начинавшие уже светлеть от занимавшегося дня. А недалеко от того места, где они с отцом стояли на коленях, возвышалось удивительное сооружение из бревен, напоминавшее виселицу, а за ним лежали светлые каменные глыбы и стояли корыта и разные инструменты, – и вот Кристин услышала шаги людей, расхаживавших там и неслышно возившихся над чем-то. Но тут взор ее снова упал на строгого Господа Христа перед ней на стене, и она попыталась не отвлекаться больше от богослужения. Из-за ледяного холода от каменного пола ее ноги застыли до самых бедер и заныли колени. Наконец она до того устала, что все начало кружиться перед ее глазами.

И вот отец поднялся с колен; служба окончилась. Священник подошел к ним и поздоровался с отцом. Пока они разговаривали, Кристин уселась на ступеньку, увидев, что мальчик, певший в хоре, сделал то же самое. Мальчик зевнул, и она тоже невольно зевнула. Заметив, что девочка смотрит на него, певчий уперся языком в щеку и скосил выкаченные глаза в ее сторону. Потом вытащил из-под одежды кошель и выложил все его содержимое на камни – там были рыболовные крючки, кусочки свинца, ремешки и пара игральные кости. И все время строил ей рожи. Кристин

---

¹⁴ Имеются в виду латинские слова католического богослужения.

это весьма удивило.

Но вот священник с отцом взглянули на детей. Священник засмеялся и сказал мальчику, чтобы тот шел к себе в школу;

Лавранс же нахмурился и взял Кристин за руку.

В церкви стало теперь уже светлее, Кристин сонно повисла на руке у отца, пока тот ходил со священником под бревенчатым сооружением и беседовал о строительных работах епископа Ингьялда.

Они медленно прошли через всю церковь и вышли наконец в преддверие храма. Каменная лестница вела оттуда в западную башню. Кристин устало плелась вверх по ступенькам. Священник открыл дверь в красивую исповедальню, но тут отец сказал Кристин, чтобы та посидела на лестнице и подождала его здесь, пока он будет исповедоваться; а потом она тоже может войти и приложиться к ковчежцу святого Томаса.

В это время из исповедальни вышел монах в пепельно-бурой рясе. Он остановился на мгновение, улыбнулся ребенку и вытащил из стенной ниши несколько мешков и дерюжек, которые были запиханы туда. Он разостлал их на площадке лестницы.

– Садись-ка сюда, тогда ты не так озябнешь, – сказал он и начал спускаться по лестнице, ступая босыми ногами.

Кристин спала, когда господин Мартейн, – так звали священника, – вышел из двери и тронул девочку за плечо. Снизу, из церкви, доносилось дивное пение, а в исповедальне горели свечи на алтаре. Священник знаком показал Кристин, чтобы она стала на колени рядом с отцом, и снял с алтаря стоявший там золотой ковчежец. Он шепнул Кристин, что в нем находится кусок окровавленной одежды святого Томаса из Кантерборга¹⁵, и указал ей на изображение святого, чтобы Кристин приложила к его стопам.

Когда они спустились вниз, из церкви неслись потоки дивных звуков. Господин Мартейн сказал, что это упражняется органист, а мальчики-школяры поют, но им некогда было слушать, так как отец был голоден – он постился до исповеди. Нужно было пройти в странноприимный дом каноников и там поесть.

Утреннее солнце золотило крутые берега на той стороне большого озера Мьёсен, и увядшая листва деревьев казалась золотой пылью среди темно-синего хвойного бора. По озеру шли волны, на их пенистых гребнях плясали барашки. Дул холодный и свежий ветер, и пестрые осенние листья осыпались с деревьев на покрытую инеем покатую землю.

Между усадьбой епископа и домом братьев Святого креста они повстречались с несколькими всадниками. Лавранс посторонился и сделал поклон, прижав руку к груди и чуть ли не подметая шляпой дорогу; Кристин поняла, что господин в меховом плаще, должно быть, сам епископ, и потому почтительно присела почти до самой земли.

Епископ остановил копя и ответил на приветствие; он поманил к себе Лавранса и некоторое время говорил с ним. Вскоре Лавранс вернулся к священнику и дочери и сказал:

– Я приглашен отобедать к епископу. Как вы думаете, отец Мартейн, не сможет ли кто-нибудь из работников братства проводить мою девочку домой к Фартейну-башмачнику и сказать моим людям, чтобы Халвдан приехал сюда за мной с Гюльдсвейном перед вечерней?

Священник ответил, что это можно устроить. Но тут выступил вперед тот босоногий монах, что говорил с Кристин на лестнице в башне, и, поклонившись, сказал:

– У нас в странноприимном доме живет один человек, у которого все равно есть дело к башмачнику, и он может передать твой приказ, Лавранс, сын Бьёргюльфа; а твоя дочка может или пойти с ним вместе, или же остаться в монастыре, пока ты не поедешь домой. Я позабочусь о том, чтобы ее покормили. Лавранс поблагодарил, но сказал:

– Мне совестно, что вам, брат Эдвин, придется принять столько беспокойства из-за ребенка...

– Брат Эдвин тащит к себе всех детей, каких только может поймать, – сказал отец Мартейн смеясь. – По крайней мере у него бывают слушатели, когда он проповедует...

---

¹⁵ Имеется в виду Томас Бекет из Кентерберии (1118-1170), английский политический и церковный деятель.

– Конечно, я не осмеливаюсь предлагать в Хамаре таким ученым мужам, как вы, слушать мои проповеди, – сказал монах, добродушно улыбаясь, – я гожусь только на то, чтобы проповедовать детям и крестьянам, но ведь никто не станет завязывать морду волю, который работает на гумне!

Кристин умоляюще взглянула на отца; ей самой больше всего хотелось пойти с братом Эдвином. Тогда Лавранс поблагодарил монаха, а сам вместе со священником отправился вслед за свитой епископа. Кристин же вложила свою руку в руку монаха и пошла с ним вниз к монастырю. Это были деревянные дома со светлой каменной церковью у самого озера.

Брат Эдвин слегка пожал девочке руку, и они, взглянув друг на друга, не могли не засмеяться. Монах был высок, худ и очень сутулился; девочка невольно подумала, что голова у него как у старого журавля, такая она была маленькая, с узкой, блестящей и гладкой макушкой, окаймленной растрепанным белым венком волос, и сидела она на длинной, тонкой и морщинистой шее. Нос у него был большой и заостренный, словно клюв. Но было что-то такое, отчего девочка чувствовала себя весело и радостно, лишь только она взглядывала на длинное, узкое и изрытое глубокими морщинами лицо монаха. Старые водянисто-голубые глаза были красны по краям, а веки коричневаты и тонки, как перепонка; тысячи морщинок разбегались лучами от глаз, увядшие теки были покрыты сетью красноватых вен и изборозждены морщинами, которые сбегали вниз, к маленькому рту с тонкими губами, – но казалось, что брат Эдвин стал таким сморщенным только оттого, что улыбался людям. Кристин подумала, что она еще никогда в жизни не встречала такого веселого и ласкового человека, как этот монах; словно он ноет в себе какую-то светлую и тайную радость, и о ней-то девочке и хотелось узнать, когда отец Эдвин начинал говорить.

Они прошли вдоль изгороди к яблоневому саду, где на деревьях еще висели редкие желтые и красные плоды. Два брата-проповедника в черных с белым рясах сгребали в саду увядшие стебли бобов.

Монастырь немногим отличался от любого крестьянского двора, и странноприимный дом, куда монах ввел Кристин, тоже скорее походил на бедную избу крестьянина, но только здесь бы то много мест для спанья. На одной из кроватей лежал старый мужчина, а у очага сидела женщина и пеленала грудного младенца; двое детей побольше, мальчик и девочка, стояли около нее.

Оба они, и мужчина и женщина, стали жаловаться, что им еще не давали обедать.

– Никто и не пошевелинется, чтобы принести нам пищу второй раз, – выходит, мы должны голодать, пока ты, брат Эдвин, рыскаешь по городу!

– Не сердись, Стейньюльв, – сказал монах. – Подойди-ка, Кристин, и поздоровайся; посмотрите, какая нарядная, красивая девочка проведет здесь сегодняшний день и будет есть с нами.

Он рассказал, что Стейньюльв заболел по дороге домой с ярмарки и ему позволили лежать в монастырском доме; при больнице жила одна из его родственниц, но она была такая злая, что он не хотел из-за нее лежать там.

– Но я примечаю, что им скоро надоест держать меня здесь, – сказал крестьянин. – Когда ты уедешь отсюда, брат Эдвин, то тут ни у кого не найдется досуга, чтобы ухаживать за мною, и тогда меня опять отошлют, наверное, в больницу.

– Ну, ты поправишься гораздо раньше, чем я окончу свою работу в церкви, – сказал брат Эдвин. – А потом приедет твой сын и заберет тебя... – Он взял с очага котелок с горячей водой и дал Кристин подержать его, пока сам возился со Стейньюльвом. И старик пришел в несколько лучшее расположение духа, а тут как раз вошел монах и принес постояльцам пищу и питье.

Брат Эдвин прочел молитву перед едой и уселся на край кровати Стейньюльва, чтобы помочь ему есть. А Кристин села около женщины и стала кормить ее мальчика, потому что он был такой маленький, что не мог как следует дотянуться до миски с кашей, а когда окунал ложку в чашку с пивом, то проливал все на себя. Женщина была из Хаделанда и приехала сюда с мужем и детьми, чтобы навестить своего брата, монаха в здешнем монастыре. Но того не было в городе, так как он пошел на сборы по соседним приходам, и она очень сетовала, что им приходится жить здесь и терять даром время.

Брат Эдвин ласково заговорил с женщиной; ей не следовало бы говорить, что она теряет время, живя здесь, в епископском Хамаре. Ведь сколько славных церквей тут, и монахи и канони-

ки служат мессы и поют молитвы день и ночь напролет, – да и сам город такой красивый, красивее Осло, хотя он и несколько меньше; но зато здесь почти у каждого дома сад.

– Ты бы видела, как тут было красиво, когда я приехал сюда весной; весь город был белым от цветов! А потом, когда распустился шиповник...

– Ах, какое мне дело до всего этого теперь! – сказала женщина сердито. – Да к тому же здесь больше святых мест, чем святости, думается мне...

Монах тихонько засмеялся и покачал головой. Потом порывлся у себя на кровати и вытащил целую кучу яблок и груш, которые и разделил между детьми. Кристин еще никогда не ела таких вкусных плодов. Сок сбегал у нее из уголков рта каждый раз, когда она откусывала кусочек.

Но тут брату Эдвину надо было идти в церковь, и он сказал, что Кристин может пойти с ним. Они пересекли наискосок монастырский двор и прошли на хоры через боковую дверцу.

В этой церкви тоже еще шло строительство, здесь были возведены высокие леса в том месте, где боковые приделы сходились с кораблем храма. Епископ Ингьялд велел улучшить и украсить хоры, рассказывал брат Эдвин. Епископ очень богат и тратит все свое богатство на украшение церквей в городе; он замечательный пастырь и добрый человек. Братья-проповедники в монастыре святого Улава тоже люди хорошие, чистой жизни, ученые и смиренные; монастырь беден, но они хорошо приняли его, брата Эдвина, – ведь он живет постоянно в монастыре миноритов¹⁶ в Осло, но ему разрешили провести некоторое время здесь, в хамарском диоцезе.

– Но пойдем-ка теперь сюда, – сказал он и, подведя Кристин к подножию лесов, взобрался наверх по приставной лестнице и поправил несколько досок. Потом снова спустился вниз и помог ребенку взобраться.

На серой каменной стене над собой Кристин увидела какие-то удивительные перебегающие световые пятна, красные, словно кровь, желтые, словно пиво, синие, коричневые и зеленые. Она хотела оглянуться, но монах прошептал:

– Не оборачивайся!

Но когда они уже стояли высоко на помосте, брат Эдвин осторожно повернул девочку, и Кристин увидела такое прекрасное зрелище, что у нее захватило дыхание.

Прямо напротив нее, на южной стороне корабля храма, светилась картина, как будто бы она была сделана из одних сверкающих камней. Пестрые световые пятна на стене получались от лучей, исходивших от этой картины; Кристин и монах стояли в самой середине сияния; руки у нее были красные, будто она окунула их в вино, лицо у монаха казалось сплошь позолоченным, а от его темной рясы мягко отражались краски картины Кристин вопросительно взглянула на него, но он только кивнул ей и улыбнулся.

Казалось, они перенеслись куда-то далеко-далеко и теперь перед ними было Царствие Небесное. Сквозь сеть черных полос Кристин мало-помалу различила самого Господа Христа в драгоценном красном плаще, деву Марию в синем, как небо, одеянии, святых мужей и дев в сияющих желтых, зеленых и лиловых одеждах. Они стояли под арками и колоннами светящихся домов, а кругом них вились ветки деревьев с удивительной прозрачной листвою...

Монах потянул ее за собою немножко дальше.

– Стой здесь, – прошептал он, – тогда на тебя прямо будет падать свет от Христова плаща!

Снизу, из помещения церкви, к ним подымался слабый аромат курений и запах холодных камней. Внизу было сумрачно, но солнечные лучи врывались наискось через ряд оконных отверстий в южной стене корабля храма. Кристин начала догадываться, что небесная картина, должно быть, что-то вроде оконного стекла, так как она заполняла одно из таких отверстий. Другие отверстия были пусты или же закрыты роговыми пластинами в деревянных рамах. Вот влетела птичка, села на подоконник, попрыгала и снова улетела, а за стеною хоров слышались удары металла по камню. Впрочем, все было тихо, только ветер влетал легкими порывами, – повздыхает немного меж стен церкви и затихнет.

– Да, да, – сказал брат Эдвин и вздохнул. – Таких вещей никто не умеет делать у нас, хотя, правда, в Нидаросе занимаются живописью по стеклу, но это все-таки не то, что здесь... Но в чу-

¹⁶ Минориты – орден нищенствующих монахов, то же, что францисканцы.

жих краях, на юге, Кристин, в больших соборах есть расписные окна такой величины, как врата вот в этой церкви...

Кристин подумала о картинах в церкви у них дома. Там были алтари Улава и Томаса из Каптерборга с изображениями святых на вратах и на стене алтаря, но они казались ей такими бесцветными и бледными, когда она вспоминала о них теперь.

Они спустились вниз по приставной лестнице и взошли па хоры. Там стоял престол, голый и ничем не покрытый, а на его каменной плите были расставлены коробочки и чашечки из металла, дерева и глины, около них лежали странные ножички и кусочки железа, перья и кисти. И брат Эдвин сказал, что это все его инструмент; его ремесло – малевать картины и делать резьбу на престолах; и все красивые панели, стоящие у скамей на хорах, – его работа. Они пойдут на украшение врат алтаря в этой самой церкви братьев проповедников.

Он позволил Кристин смотреть, как он смешивает цветные порошки и растирает их в каменных чашечках, и помогать ему переносить разные вещи на одну из скамей у стены. И пока монах переходил от одной картины к другой, проводя кисточкой тонкие красные линии в волосах святых мужей и жен, чтобы каждый мог видеть, как эти волосы выются локонами, Кристин ходила за ним по пятам, наблюдая и расспрашивая, а брат Эдвин объяснял ей, что он делает.

Па одной из таких картин был изображен Христос на золотом троне, а святой Николай и святой Клемент стояли около него под одной с ним кровлей. А по бокам было изображено житие святого Николая. Сначала он, еще грудным ребенком, сидел на коленях у Матери, отворачиваясь от груди, которую она ему предлагала, так как был святым с самого рождения и ас хотел сосать больше одного раза по пятницам. Рядом была картина, на которой изображалось, как он кладет кошелек с деньгами перед дверью дома, где жили три девы, такие бедные, что не могли найти себе мужей. Кристин увидела также, как он исцеляет ребенка римского рыцаря, увидела и самого рыцаря с поддельным золотым кубком в руке. Тот пообещал церкви золотой кубок, который был в его роде целую тысячу лег, в награду за то, что святой исцелил его ребенка. Но потом захотел обмануть святого Николая и дать ему поддельный золотой кубок вместо настоящего; за это его мальчик упал в море с настоящим кубком в руке. Но святой Николай провел ребенка невредимым под водою, и тот вышел на берег в ту самую минуту; когда отец его стоял в церкви святого Николая, принося в дар поддельный сосуд. Все это было изображено на доске золотом и прекраснейшими красками.

На другой картине была дева Мария с младенцем Христом на коленях; он держал мать за подбородок одной рукой, а в другой у него было яблоко. Рядом святая Сюннива и святая Кристина стояли, прелестно изогнув стан, и их лица были белые и розовые, а волосы и короны – золотые.

Поддерживая левой рукой правую у запястья, брат Эдвин рисовал листья и розы на коронах.

– Мне кажется, что дракон ужасно маленький, – сказала Кристин, глядя на изображение святой, имя которой она носила. – Не похоже, что он мог проглотить деву.

– Да он этого и не мог сделать, – сказал брат Эдвин. – Он и на самом деле был не больше. Дракон и всякие такие иные слуги дьявола только кажутся нам большими, пока мы таим в себе страх. Не если человек пламенно и от всей души ищет Бога, так что его усердие преисполняет его силой, то тогда могущество дьявола тотчас же терпит такое страшное поражение, что все его орудия становятся мелкими и бессильными – драконы, злые духи съеживаются и делаются не больше гномов, кошек ворон. Ты же видишь, что вся та гора, где была заключена святая Сюннива, так мала, что дева может забрать ее целиком в полу своего плаща.

– Но разве они были не в пещерах, и святая Сюннива и мужи из Селье? – спросила Кристин. – Значит, это не правда?

Монах подмигнул девочке и снова улыбнулся.

– Это и правда и не правда! Так казалось людям, которые обрели их святые тела. И правда еще, что так это казалось и самой Сюнниве и мужам из Селье, потому что они были смиренны и думали, что мир сильнее всех грешных людей, они знали, что они сильнее мира, потому что любят его. Но если бы они знали это, то могли бы взять да и побросать все горы в море, словно камешки! Никто и ничто не может причинить нам вред, дитя мое, кроме того, что мы любим или чего боимся.

– А если человек не боится и не любит Бога? – с ужасом спросила Кристин.

Монах взял девочку за белокурые волосы, ласково отогнул ей назад голову и заглянул в глаза Кристин; ее синие глаза были широко открыты.

– Нет ни одного человека на свете, который не любил бы и не боялся бы Бога, Кристин; если же мы живем и умираем недостойно, то потому лишь, что сердце наше поделено между любовью к Богу и страхом перед дьяволом – и любовью к миру и плоти. И потому, если бы у какого-нибудь человека вовсе не было стремления к богу и Божьей сущности, то он благоденствовал бы в аду; лишь одни мы не понимали бы, что этот человек получил именно то, чего желало его сердце. Ведь огонь не жег бы его, раз он не томился бы по прохладе, и не чувствовал бы он и боли от укусов змиев, раз ему неведомо было бы стремление к покою!

Кристин смотрела на лицо монаха; она не понимала ни слова из его речи. Брат Эдвин продолжал:

– Бог по многолюбию своему, увидев, что сердца наши разрываются на части, сошел к нам и жил среди нас, чтобы самому вкусить во плоти искушения дьявола, когда тот соблазняет нас властью, роскошью и угрозами мира сего, когда тот наноси нам удары, издевается над нами и острыми гвоздями причиняет раны рукам и ногам нашим. Вот так он указал нам путь и дал познать свою любовь к нам...

Он посмотрел на серьезное, внимательное лицо ребенка – вдруг тихонько засмеялся и сказал совсем другим голосом:

– Знаешь ли, кто первый узнал, что Господь соизволил родиться? Это, брат, петух; он увидел звезду и сказал, – в те времена. все звери умели говорить по-латыни, – так вот он и закричал: "Christus natus est!"¹⁷

Последние слова он прокукарекал так похоже на петуха, что Кристин чуть не задохнулась от смеха. Так хорошо было посмеяться, потому что все то необычайное, о чем только что говорил брат Эдвин, давило девочку какой-то благоговейной тяжестью.

Монах и сам рассмеялся:

– Да! А когда бык услышал об этом, то замычал: "Ubi, ubi, ubi?"¹⁸

А коза заблеяла и сказала: "Betlem, Betlem, Betlem!"¹⁹

А овце так захотелось увидеть Богородицу и ее сына, что она сейчас же замяукала: "Eamus, eamus!"²⁰

А новорожденный теленок, что лежал на соломе, вскочил на ноги. "Volo, volo, volo!"²¹ – замычал он.

Этого ты, вероятно, еще не слыхала? Нет? – Я так и думал! Я знаю, что ваш отец Эйрик, там у вас, в горах, священник достойный и ученый, но все же он не знает этого, потому что этому нельзя научиться, пока не побываешь в Париже...

– Значит, вы были и в Париже? – спросила девочка.

– Благослови тебя Бог, маленькая Кристин, я был и в Париже, побывал и в других местах, везде на белом свете; но все же ты должна верить, что я боюсь дьявола, а люблю и сгораю желанием, как всякий иной глупец. Но я изо всех сил крепко держусь за крест – приходится цепляться за него, как котенку за доску, когда он упадет в море.

А ты, Кристин, – тебе не хотелось бы пожертвовать этими прекрасными волосами и служить Царице Небесной, как те невесты, которых я нарисовал здесь?

– У нас дома нет других детей, кроме меня, – отвечала Кристин, – так, я думаю, меня выда-

---

¹⁷ Христос родился! (лат.)

¹⁸ Где, где, где? (лат.)

¹⁹ Вифлеем, Вифлеем, Вифлеем! (лат. искаж.)

²⁰ Пойдем, пойдем! (лат.)

²¹ Хочу, хочу, хочу! (лат.)

дут замуж. У матушки уже готовы и сундуки и ларцы с моим приданым.

– Да, да! – сказал брат Эдвин и погладил девочку по лбу. – Так-то в наше время люди распоряжаются своими детьми! Они отдают Господу Богу дочерей хромых, подслеповатых, уродливых либо убогих или же возвращают обратно лишних детей, когда, по их мнению, Бог даровал их слишком много. И еще при этом удивляются, как это мужи и девы, что живут в монастырях, не все святые!

Брат Эдвин взял девочку с собою в ризницу и показал ей монастырские книги, стоявшие там на полке; в них были чудеснейшие картинки. Но когда вошел один из монахов, то брат Эдвин сказал, что ему надо было лишь поискать в книге голову осла, чтобы срисовать ее. А потом покачал головою, сам себя не одобряя:

– Да, вот теперь ты видишь, Кристин, что значит страх! Но здесь, в монастыре, так боятся за свои книги! Если бы я обладал истинной верой и любовью, то не стоял бы так и не врал брату Осюльву! Но тогда я мог бы взять вот эти старые меховые рукавицы и повесить их вон на тот солнечный луч!

Кристин побывала с монахом в странноприимном доме и пообедала там, все остальное время она провела в церкви, наблюдая, как Эдвин работает, и беседуя с ним. И только когда Лавранс зашел за нею, оба они с монахом вспомнили о том поручении, которое надо было давным-давно передать башмачнику.

Дни, проведенные Кристин в Хамаре, вспоминались ей потом гораздо ярче, чем все другие события, пережитые ею за это долгое путешествие. Правда, город Осло был больше Хамара, но после того как она уже видела торговый город, он не показался ей таким уж удивительным. И ей не показалось, что в Скуге так красиво, как в Йорюндгорде, хотя постройки здесь лучше, – но она радовалась, что ей не надо тут жить. Усадьба лежала на косогоре, внизу был Ботнфьорд, серый и печальный, с темным лесом вокруг; и на другом берегу и за домами стоял лес, а на вершины деревьев уже опускалось небо. Тут не было таких высоких и крутых горных склонов, как дома, где они поднимали небо высоко-высоко над людьми, стесняя и ограничивая кругозор, так что мир становился не слишком большим, но не слишком и малым.

На обратном пути было холодно; время близилось к Рождеству, и когда путники поднялись немного вверх по долине, то там лежал уже снег; они заняли сани и ехали на санях большую часть пути.

Что же касается продажи имения, то дело решилось так, что Лавранс передал Скуг своему брату Осмюнду, с правом выкупа для себя и своего потомства.

III

На следующую весну после далекого путешествия Кристин У Рагнфрид родилась дочка. Конечно, обоим родителям больше хотелось, чтобы это был сын, но они скоро утешились и прониклись глубокой любовью к маленькой Ульвхильд. Она была очень красивым ребенком, здоровым, милым, веселым и тихим. Рагнфрид так полюбила свою новую девочку, что продолжала кормить ее грудью и на втором году ее жизни; поэтому, по совету отца Эйрика, она перестала строго соблюдать посты и бдения, пока ребенок брал еще грудь. От этого и еще потому, что она так радовалась, глядя на Ульвхильд, Рагнфрид снова расцвела, и Лаврансу казалось, что жена его никогда еще, с тех самых пор как они поженились, не была такой веселой, красивой и общительной.

Кристин тоже чувствовала, что для них было большим счастьем появление в доме ее маленькой, грудной сестры. В голову ей никогда не приходило, что тишину в доме создавал угрюмый нрав матери; ей казалось, так и должно быть, что мать ее заказывает и читает ей наставления, а отец играет и шутит с ней. Теперь же мать начала обращаться с нею гораздо мягче, и доставляла ей больше свободы, и даже чаще ласкала ее. Потому Кристин не заметила, что у матери стало гораздо меньше времени, чтобы заниматься ею. Кристин тоже полюбила Ульвхильд, как и все другие, и радовалась, когда ей давали подержать сестру на руках или покачать ее в люльке; а потом, когда Ульвхильд начала ползать, ходить и говорить, стало еще забавнее – так как Кристин могла играть с нею.

Так прошли три хороших года для обитателей Йорюндгорд. Удача сопутствовала им и во многом другом. Лавранс строил и вводил улучшения в усадьбе, потому что жилые дома, хлева и конюшни были стары и малы, когда он переехал сюда, Йеслинги сдавали это поместье в аренду в течение нескольких поколений.

И вот случилось так, что на третий год, незадолго до Тройнина дня, Тронд, сын Ивара из Сюдбю, приехал погостить к ним Йорюндгорд вместе со своей женой Гюдрид и тремя маленькими сыновьями. Однажды утром взрослые сидели на галерее стабюра, беседуя между собой, а дети играли внизу во дворе. Лавранс как раз начал возводить новый дом, и вот дети карабкались и лазили по куче привезенных для постройки бревен, Один из йеслингских мальчиков ударил Ульвхильд так, что та заплакала; тогда Тронд спустился вниз, дал сыну пощечину и взяла Ульвхильд на руки. Ребенка красивее и милее ее нельзя было представить, и дядя очень привязался к девочке, хотя вообще он мало любил детей.

В этот миг во двор вошел со скотного двора работник, таща за собою большого черного быка; бык был злой, непослушный, и он вырвался из рук работника. Тронд вскочил на кучу бревен, загнав туда сперва больших детей, а Ульвхильд продолжал держать на руках и тащил еще за руку своего младшего сына. Тут одно из бревен выскользнуло у него из-под ног, и Тронд уронил Ульвхильд на землю; бревно соскользнуло вслед за нею, покатилося вниз и осталось лежать поперек спины ребенка.

В одно мгновение Лавранс сбежал с галереи; он подскочил к Ульвхильд и хотел поднять бревно, но на нею набросился бык. Он схватился за рога, но бык опрокинул его на землю; Лавранс вцепился быку в ноздри и, приподнявшись с земли, держал его до тех пор, пока Тронд не очнулся от испуга, а из домов не сбежались батраки и не накинули на быка ремни, связав его. Рагнфрид стояла на коленях, стараясь приподнять бревно, – в это время Лавранс поднял его настолько, что мать смогла вытащить ребенка и взять на руки.

Малютка страшно заплакала, когда до нее дотронулись, но мать громко зарыдала:

– Она жива, слава Богу, она жива!

Было великим чудом, что девочку не раздавило совсем, но бревно упало так, что одним своим концом оно уперлось в камень в траве. Когда Лавранс поднялся на ноги, то из углов его рта текла кровь, а платье на нем было на груди совершенно изорвано рогами быка.

Прибежала Турдис, неся меховое одеяло; на него бережно переложили они с Рагнфрид девочку, но Ульвхильд, казалось, испытывала невыносимые муки при малейшем прикосновении. Мать и Турдис перенесли ее в тот дом, где семья жила зимой.

Бледная и неподвижная стояла Кристин да куче бревен; мальчики, плача, жались к ней. Все слуги и работники толпились во дворе, женщины плакали и причитали. Лавранс велел работникам оседлать Гюльдсвейна и еще одну лошадь; но когда Арне привел лошадей, Лавранс свалился на землю, пытаясь сесть в седло. Тогда он приказал Арне скакать за священником, Халвдану – на юг за лекаркой, что жила при слиянии рек.

Кристин увидела, что лицо у отца посерело и что у него так текла кровь, что его голубая одежда сплошь покрылась бурыми пятнами. Внезапно он вскочил на ноги, вырвал топор из рук одного из работников и направился туда, где несколько человек все еще держали быка. Он ударил его обухом между рогов так, что бык упал на колени, а Лавранс продолжал изо всей силы наносить удары, пока кровь и мозги не брызнули во все стороны. Тут у него начался такой припадок кашля, что он повалился навзничь на траву. Тронду и одному из работников пришлось унести его в дом.

Кристин подумала, что отец умер; с громким криком она бежала следом за ними и всем сердцем отчаянно звала отца.

Ульвхильд положили в зимней горнице на кровать родителей, все подушки были сброшены на пол, чтобы ребенок мог лежать выпрямившись. И казалось, что девочка уже распростерта на соломе, как мертвец. Но она громко и непрерывно стонала, а мать, склонившись над ней, утешала ее и гладила, обезумев от горя, так как ничем не могла ей помочь.

Лавранс лежал на другой кровати. Он поднялся и, шатаясь, перешел комнату, чтобы утешить жену. Но она вдруг вскочила на ноги и закричала:

– Не трогай меня, не трогай! Иисусе, Иисусе, тебе бы нужно убить меня на месте!.. Никогда не будет конца несчастьям, что я приношу тебе...

– Разве ты... Дорогая моя жена! Ведь не ты же принесла нам это, – сказал Лавранс и положил руку на ее плечо. Она вздрогнула от его прикосновения, и ее светло-серые глаза заблестели на худом смуглом лице.

– Она, верно, хочет сказать, что я виноват в этом, – резко сказал Тронд, сын Ивара. Сестра с ненавистью взглянула на него и отвечала:

– Тронд знает, что я хочу сказать!

Кристин вбежала и бросилась к родителям, но они оба оттолкнули ее от себя. И Турдис, вошедшая с котелком горячей воды, ласково взяла девочку за плечи и сказала:

– Ступай лучше к нам в горницу, Кристин; тут ты только мешаешь.

Турдис хотела помочь Лаврансу, который сел на ступеньку кровати, но тот сказал, что с ним ничего страшного не случилось.

– Но не можете ли вы хоть немного облегчить страдания Ульвхильд? Помогите нам Боже, она так ужасно стонет, что могла бы разжалобить и горный камень!

– Нет, ее мы не смеем трогать, пока не придет священник или Ингейерд-лекарка, – сказала Турдис.

В этот миг вошел Арне и сообщил, что отца Эйрика нет дома. Рагнфрид молча стояла, ломая руки. Потом сказала:

– Пошлите за фру Осхильд из Хэуга. Я готова на все, лишь бы спасти Ульвхильд.

Никто не обращал внимания на Кристин. Она вскарабкалась на скамейку, стоявшую в головах кровати, подобрала под себя ноги и опустила голову на колени.

Как будто чьи-то жесткие руки сжали ей сердце. Фру Осхильд приведут сюда! Мать ни за что не хотела позволить послать за фру Осхильд ни когда сама лежала при смерти, рожая Ульвхильд, ни когда Кристин была так больна лихорадкой. Фру Осхильд была колдуньей, говорили люди, – епископ в Осло и соборный капитул судили ее. Ее непременно казнили бы или сожгли, если бы она не происходила из такого знатного рода, что была заместо сестры королеве Ингебьёрг²², но люди говорили, что она отравила своего первого мужа, а своего теперешнего, господина²³. Бьёрна, приворожила к себе; он был так еще молод, что годился ей в сыновья. У нее были и дети, но они никогда не навещали матери. И такие знатные люди, как Бьёрн и Осхильд, должны были жить однодворцами в горах Довре, потеряв все свое богатство. Никто из родовитых и состоятельных людей в долине не хотел знаться с ними, но тайно люди искали помощи и совета у фру Осхильд, а бедняки даже открыто шли к ней со своими горестями и болезнями; они говорили, что она добрая, но тоже боялись ее.

Кристин подумала, что мать, всегда такая богомольная, должна была бы лучше призвать теперь на помощь Господа и деву Марию. Она и сама попробовала молиться, особенно святому Улаву, потому что знала, что он был добр и помогал многим, страдавшим от болезней, ран или перелома костей. Но ей трудно было сосредоточить свои мысли на молитве.

Родители остались одни в комнате. Лавранс снова лег на кровать, Рагнфрид сидела, склонившись над больным ребенком, время от времени отирала лоб и руки девочки мокрым платком и смачивала ей вином губы.

Так прошло много времени. Турдис не раз заглядывала в горницу и от всего сердца хотела помочь, но Рагнфрид каждый раз высылала ее прочь. Кристин беззвучно плакала и молилась про себя, но вместе с тем все время думала о колдунье и напряженно ждала, когда та войдет в их дом.

Вдруг среди полной тишины раздался голос Рагнфрид:

– Ты спишь, Лавранс?

– Нет, – ответил муж, – я слушаю Ульвхильд. Бог поможет своему невинному агнцу, жена, в

²² По-видимому, имеется в виду Нигебёсрг Датская, жена короля Магчуса IV (1263-1280).

²³ Титул "господин" перед именем давался людям, посвященным в рыцари; перед именем жены рыцаря ставился титул "фру".

этом мы не смеем сомневаться! Не так томительно лежать здесь в ожидании...

– Бог, – сказала Рагнфрид в отчаянии, – ненавидит меня за грехи мои! Моим сыновьям хорошо там, где они сейчас, в этом я не смею сомневаться, а теперь, конечно, настал час и для Ульвхильд, – но меня, меня он отверг, потому что мое сердце – змеиное гнездо, исполненное грехами и скорбью!..

Тут кто-то взялся за дверную задвижку – вошел отец Эйрик, выпрямился во весь свой богатырский рост и произнес звучным, глубоким голосом:

– Да поможет вам Бог в доме сем!

Священник поставил ларец с лекарствами у ступеньки кровати, подошел к очагу и полил себе на руки теплой воды. Потом вынул из-за пазухи нательный крест, окрестил им все четыре угла комнаты, бормоча что-то по-латыни. После этого он открыл отдушину в крыше, устроенную для выхода дыма, так что свет ворвался в горницу, подошел к Ульвхильд и взглянул на нее.

Кристин испугалась, что священник ее найдет и выгонит вон – нелегко было чему-нибудь укрыться от глаз отца Эйрика. Но он не смотрел по сторонам. Он вынул из ларца бутыл, налил из нее немного жидкости на комок хорошо расчесанной шерсти и положил его на рот и нос Ульвхильд.

– Ну вот, теперь ее страдания скоро уменьшатся, – сказал священник. Он подошел к Лаврансу и начал возиться с ним, пока тот ему рассказывал, как произошло несчастье. У Лавранса были сломаны два ребра и повреждены легкие; однако священник считал, что его положение не очень опасно.

– А Ульвхильд? – печально спросил отец.

– Об этом я скажу тебе, когда осмотрю ее, – ответил священник. – Но тебе придется лечь в стабуре, чтобы тем, кто будет ухаживать за ней, было свободнее и спокойнее в этой горнице.

Он положил руки Лавранса к себе на плечи, подхватил его снизу и вынес из комнаты. Теперь Кристин захотелось пойти вслед за отцом, но она не решалась показаться.

Вернувшись назад, отец Эйрик не стал разговаривать с Рагнфрид, а прежде всего разрезал и снял одежду с Ульвхильд, которая теперь меньше стонала и лежала как будто в забытии. Он бережно ощупал тело, руки и ноги ребенка.

– Что, или моей девочке так уже плохо, Эйрик, что ты и сам не знаешь, как помочь, раз ни слова не говоришь? – спросила глухим голосом Рагнфрид.

Священник тихо ответил:

– По-видимому, Рагнфрид, у нее сильно повреждена спина. Я думаю, что лучше всего будет предоставить все Богу и святому Улаву; я же сам немногим могу здесь помочь.

Мать сказала с жаром:

– Тогда нам надо молиться! Ты отлично знаешь, что мы с Лаврансом дадим тебе все, что ты только пожелаешь, ничего не пожалеем, лишь бы ты вымолил у Бога, чтобы Ульвхильд осталась в живых!

– Это будет чудом, если она останется в живых и снова будет здорова, – сказал священник.

– А разве ты не проповедуешь о чудесах во всякое время дня и ночи? Что же, или ты не веришь, что с моим ребенком может произойти чудо? – сказала она с прежней страстностью.

– Это правда, – сказал священник, – чудеса, конечно, бывают, но Бог внимлет молитвам не всех людей, мы не знаем его неисповедимых путей. А ты не думаешь, что будет гораздо хуже, если эта красивая девочка выживет, но останется искалеченной или уродом?

Рагнфрид покачала головой и тихо заплакала.

– Я столько потеряла, священник, – я не могу потерять и ее!

– Я сделаю все, что могу, – отвечал священник, – и буду молиться, сколько хватит сил моих. Но ты должна стараться, Рагнфрид, безропотно снести судьбу, ниспосланную тебе Богом.

– Никого из детей своих не любила я так сильно, как эту малютку; если и ее тоже отнимут у меня, то сердце у меня, наверное, разорвется!

– Помоги тебе Боже, Рагнфрид, дочь Ивара, – сказал отец Эйрик и покачал головой. – Ты словно хочешь принудить Бога исполнить твою волю за все твои молитвы и посты! Что же ты удивляешься, что это так мало помогло?

Рагнфрид вызывающе взглянула на священника и молвила:

– Я уже послала за фру Осхильд!

– Да, ты ее знаешь, но я не знаю! – сказал священник.

– Я не могу жить без Ульвхильд, – сказала Рагнфрид по-прежнему. – Если Бог ей не поможет, то я буду искать помощи у фру Осхильд или отдам душу дьяволу, если он захочет пособить мне!

По лицу священника было видно, что он собирался ответить гневно, но сдержался. Он снова наклонился и снова ощупал тельце больной девочки.

– У нее похолодели руки и ноги, – сказал он. – Надо обложить ее корчагами с горячей водой, и потом больше не трогайте ее, пока не придет фру Осхильд.

Кристин неслышно опрокинулась навзничь на скамейке и притворилась спящей. Сердце колотилось у нее от страха – она немного поняла из разговора отца Эйрика с матерью, но разговор этот ужасно испугал ее, и она хорошо знала, что он был не для ее ушей.

Мать встала, чтобы идти за водой, но вдруг разразилась рыданиями:

– Молись за нас все-таки, отец Эйрик!

Немного спустя мать вернулась в горницу вместе с Турдис. Священник и женщины стали хлопотать около Ульвхильд, но тут Кристин нашли и выслали вон.

Свет ослепил девочку, когда она вышла во двор. Ей казалось, что большая часть дня уже прошла, пока она сидела в темной зимней горнице, а тут серые дома были освещены, и трава блестела, как шелковая, в лучах яркого полуденного солнца. Позади то темной, то золотистой решетки ветвей ольховой поросли блестела река, наполняя воздух веселым однозвучным шумом, потому что здесь, около Йорюндгорда, она быстро бежала по неглубокому, заваленному большими камнями руслу. Стены утесов уходили ввысь, в темно-голубую дымку, а сверху сбегали ручьи, пробиваясь через тающие снега. На дворе стояла сладостная и могучая весна, и Кристин невольно заплакала от горя, из-за беспомощности, которую она чувствовала повсюду вокруг себя.

На дворе никого не было, но девочка слышала голоса в людской. Свежей землей было посыпано то место, где отец убил быка. Кристин не знала, чем ей заняться, и поэтому забралась на стену строящегося дома – он был уже сложен высотой в два-три венца. Там лежали игрушки ее и Ульвхильд; она собрала их и спрятала в ямку между самым нижним бревном и фундаментом. В последнее время Ульвхильд постоянно требовала себе все игрушки Кристин, и Кристин это иногда злило. Она подумала, что если только сестра поправится, то она отдаст ей все до последней вещицы. И эта мысль немного утешила ее.

Она подумала о монахе в Хамаре – он-то верил, что для всех людей могут совершаться чудеса. Но отец Эйрик был не так уверен в этом, да и родители тоже, а между тем она привыкла больше всего слушать их. И на нее как будто обрушилась страшная тяжесть, когда она впервые поняла, что люди могут думать так различно о многих вещах; не только злые, неугодные Богу люди думают не так, как добрые, но и брат Эдвин – не так, как отец Эйрик, мать – не так, как отец; она внезапно почувствовала, что и они тоже думают различно о многих вещах...

Турдис нашла девочку уже к вечеру, спящей в уголке, и взяла ее к себе – ребенок еще ничего не ел с самого утра. Турдис вместе с Рагнфрид просидели всю ночь около Ульвхильд, а Кристин лежала в кровати Турдис вместе с Ионом, ее мужем, Эйвиндом и Ормом, их маленькими сыновьями. Запах их тел, храп мужчины и ровное дыхание детей заставили Кристин тихо заплакать. Еще так недавно, всего лишь вчера вечером, она ложилась спать, как каждую ночь на протяжении всей своей жизни, вместе с родными отцом и матерью и маленькой Ульвхильд, – и вот как будто разорили и развеяли по ветру гнездо, а сама Кристин осталась без убежища, вышвырнутая из-под крыльев, которые всегда пригревали ее. Она плакала до тех пор, пока не заснула, одинокая и несчастная среди чужих людей...

Встав на следующее утро, она узнала, что дядя со всей своей свитой уехал из Йорюндгорда в гнев; Тронд назвал сестру спятившей и умалишенной бабой, а зятя – тряпкой и дураком, который никогда не умел обуздать жену. Кристин бросило в жар от негодования, но вместе с тем ей стало стыдно – она отлично понимала, что мать совершила грубое неприличие, прогнав из дому своих ближайших родичей. И в первый раз она смутно почувствовала, что с матерью было что-то не со-

всем ладное, что мать ее не такая, как другие женщины.

Пока она раздумывала над этим, пришла служанка и сказала, чтобы она шла в стабюр к отцу.

Но когда Кристин взошла на чердак, то позабыла взглянуть на отца, потому что как раз против раскрытой двери сидела на самом свету маленькая женщина – и Кристин поняла, что это и есть колдунья, хотя никогда не представляла ее себе такой.

В большом кресле с высокой спинкой, которое было вынесено наверх из горницы, она казалась маленькой, словно ребенок. Перед нею был поставлен и стол, покрытый лучшей материнской полотняной скатертью с бахромой. Свиная грудинка и дичь лежали на серебряном блюде; в большой чаше было поставлено на стол вино, а пила гостя из собственного серебряного кубка Лавранса. Она уже кончила есть и как раз вытирала свои маленькие тонкие руки о лучшее полотенце матери. Сама Рангфрид стояла перед нею и держала медный таз с водою.

Фру Осхильд опустила полотенце на колени, улыбнулась ребенку и сказала звонким, прелестным голосом:

– Ну-ка, подойди ко мне! Красивые у тебя дети, Рагнфрид, – прибавила она, обратившись к матери.

Лицо у нее было все в морщинах, но вместе с тем такое нежное, белое и розовое, как у ребенка, и казалось, что кожа на нем должна быть тоже нежная и гладкая на ощупь. Губы у нее были красные и свежие, как у молодой женщины, а большие желтоватые глаза сияли. Головной убор из тонкого белого полотна обрамлял ее лицо и был скреплен под подбородком золотой застежкой; поверх него было накинуто покрывало из мягкой темно-синей шерсти; оно широко падало на плечи и затем спускалось на темную, хорошо сидевшую одежду. Вся она была стройная, как свеча, и Кристин скорее почувствовала, чем подумала, что никогда не видывала такой красивой и величавой женщины, как эта старая колдунья, с которой не хочет видаться окрестная знать.

Фру Осхильд держала ее руку в своей старой мягкой руке; она заговорила с девочкой дружески и шутливо, но Кристин не могла ответить ни слова. Тогда фру Осхильд сказала с легким смехом:

– Что, она боится меня, а?

– Нет, нет! – почти закричала Кристин.

И фру Осхильд засмеялась еще больше и сказала матери:

– У нее умные глаза, у этой твоей дочки, и хорошие, сильные руки, видно не привыкшие к лени. Теперь тебе нужна будет помощница, чтобы ухаживать за Ульвхильд, когда я уеду. Поэтому позволь Кристин пособлять мне, пока я живу в вашем доме, – она уже достаточно большая, лет уж одиннадцать, верно?

Сказав это, фру Осхильд вышла, и Кристин хотела последовать за ней. Но тут Лавранс позвал ее с постели. Он лежал пластом на спине, и все подушки были подложены ему под высоко поднятые колени: фру Осхильд велела лежать в таком положении, потому что тогда скорее заживет повреждение в груди.

– Ведь вы скоро поправитесь, батюшка, не правда ли? – спросила Кристин. Лавранс взглянул на нее – девочка никогда еще не говорила ему "вы". И он серьезно ответил:

– Со мною дело не так плохо; а вот с сестрицей твоей куда хуже!

– Да, – сказала Кристин и вздохнула.

Она постояла немного у кровати. Отец не сказал больше ни слова, а Кристин тоже не знала, что говорить. И когда Лавранс через некоторое время сказал, чтобы она шла вниз к матери и фру Осхильд, Кристин поспешно выскочила на улицу и побежала через двор к зимнему дому.

IV

Фру Осхильд прожила в Йорюндгорде большую часть лета. Выходило как-то само собой, что люди приходили сюда просить у нее совета. Кристин слышала, что отец Эйрик говорил об этом бранно, к смутно чувствовала, что и родителям ее это не нравится. Но она отгоняла от себя все такие мысли, не раздумывала и над тем, как ей самой относиться к фру Осхильд, постоянно бывала с нею и никогда не уставала слушать ее и смотреть на нее.

Ульвхильд все еще лежала пластом на большой кровати. Ее личико побледнело так, что даже губы казались белыми, а под глазами появились черные круги. Ее прекрасные золотистые волосы издавали резкий запах пота, потому что их давно не мыли, они потемнели, развились, утратили свой блеск и стали походить на старое перепревшее сено. Девочка выглядела усталой, измученной и терпеливой: она слабо и болезненно улыбалась. Когда Кристин садилась к ней на кровать, заговаривала с ней и показывала разные чудесные подарки, которые Ульвхильд получала от родителей и от всех их друзей и родичей со всей округи.

Тут были и куклы, и птицы, и звери, маленькая шашечница всякие украшения, бархатные шапочки и пестрые ленты. Кристин складывала все это для нее в шкатулку, и Ульвхильд смотрела на нее своими серьезными глазками и со вздохом утомления выпускала из усталых ручек все эти сокровища.

Но личико Ульвхильд начинало сиять радостью, когда фру Осхильд подходила к ней. Она жадно пила освежающие и снотворные напитки, которые фру Осхильд готовила для нее, никогда не жаловалась, когда та ухаживала за ней, и лежала счастливая, слушая, как фру Осхильд играет на арфе Лавранса и поет – она знала много песен, незнакомых людям у них в долине.

Часто пела она и для Кристин, когда Ульвхильд спала. И тогда рассказывала ей порой о своей молодости, когда она жила на юге Норвегии и бывала при дворе короля Магнуса, и короля Эйрика²⁴, и их жен.

Однажды, когда они сидели так и фру Осхильд рассказывала, у Кристин сорвалось с языка то, о чем она так часто думала:

– Странно мне, что вы всегда такая веселая, когда вы так привыкли к... – Она прервала свою речь и покраснела.

– Ты хочешь сказать, что я теперь рассталась со всем этим? – Она тихо рассмеялась и потом сказала:

– Было у меня счастливое времечко, Кристин, и не так я глупа, чтобы жаловаться: хоть мне теперь и приходится довольствоваться снятым молоком и простоквашей, но я до дна выпила свое вино и пиво. Хорошие дни могут тянуться долго, если человек ведет себя благоразумно и осмотрительно и мудро обращаясь с тем, что у него есть; это знают все разумные люди, и вот поэтому-то, думается мне, разумные люди и должны довольствоваться хорошими днями, потому что лучшие дни – те дорого обходятся. Люди зовут глупцом того, кто проматывает отцовское наследство, чтобы веселее провести свою молодость. Об этом каждый может судить, как ему угодно! Но я назову настоящим глупцом и дураком того, кто задним умом крепок, и дважды глуп и дурак из дураков тот, кто надеется увидеть около себя прежних собратов, когда наследство промотано...

– Что-нибудь случилось с Ульвхильд? – ласково спросила она Рагнфрид, которая сделала резкое движение, сидя у кровати ребенка.

– Нет, она спит спокойно, – сказала та и подошла к Осхильд и Кристин, сидевшим у очага. Взявшись рукой за шест от дымовой отдушины, она взглянула в лицо фру Осхильд.

– Этого Кристин не понять, – сказала она.

– Конечно, – ответила фру Осхильд. – Но ведь она и молитвы свои учила до того, как стала понимать их! В тот час, когда человеку нужны молитвы или добрые советы, у него обыкновенно не бывает охоты ни учить, ни понимать их.

Рагнфрид задумчиво нахмурила свои черные брови. В такие минуты ее светлые глаза, глубоко сидевшие в глазницах, делались похожими на озера, что лежат под горным склоном, поросшим частым темным лесом, – так всегда казалось Кристин, когда она была маленькой, а может, она слышала, как кто-нибудь говорил это. Фру Осхильд смотрела на Рагнфрид с легкой улыбкой. Рагнфрид села на край очага и, взяв ветку, сунула ее в раскаленные уголья.

– Но тот, кто растратил наследство на дрянной товар, а потом увидел такое сокровище, что за его обладание охотно отдал бы жизнь, – разве, по вашему мнению, он не должен раскаиваться в своем безумии?

---

²⁴ Имеется в виду Эйрик II (1260-1299), сын Магнуса IV.

– Боишься разбить – не бери в руки, Рагнфрид, – сказала фру Осхильд. – И кто готов отдать свою жизнь, пусть решается, а там посмотрим, что он добудет...

Рагнфрид выдернула горящую ветку из огня, задула пламя и прикрыла рукой раскаленный конец, так что между пальцами появилось кроваво-красное сияние.

– О, все это слова, слова и только слова, фру Осхильд!

– Да и не много на свете такого, что стоило бы покупать столь дорогой ценой, Рагнфрид, – сказала та. – Ценою собственной жизни...

– Нет, есть, – страстно сказала мать. – Мой муж, – прошептала она чуть слышно.

– Рагнфрид, – тихо сказала фру Осхильд, – так рассуждала не одна девушка, когда стремилась привязать к себе мужчину и отдавала ему за это свое девство. Но разве ты не читала о мужах и девах, которые отдавали Богу все, что имели, и шли в монастыри или нагими уходили в пустыню, а после раскаивались в этом? Конечно, их называют безумными в божественных книгах... И, пожалуй, грешно было бы думать, что Бог обманул их в этой сделке.

Рагнфрид некоторое время сидела молча и неподвижно. Тогда фру Осхильд сказала:

– Пойдем теперь со мною, Кристин, сейчас самое время собирать росу для утреннего умывания Ульвхильд.

Двор лежал черным и белым в лунном сиянии. Рагнфрид проводила их через скотный загон до ворот у капустного поля.

Кристин видела, как она стоит там, облокотись, такая тонкая и черная, и смотрит, как девочка стряхивает росу с больших, холодных, словно лед, капустных листьев и из складок росника в серебряный кубок отца.

Фру Осхильд молча шла рядом с Кристин. Она пошла для того только, чтобы стеречь ее, потому что нехорошо выпускать ребенка одного из дома в такую ночь. Но роса получала больше целебной силы, если ее собирала невинная девушка.

Когда они вернулись обратно к калитке, матери там уже не было. Кристин дрожала от холода, передавая запотевший серебряный кубок в руки фру Осхильд. Озябнув в мокрых башмаках, девочка побежала к стабюру, где спала теперь вместе с отцом. Она уже занесла было ногу на первую ступеньку, но тут из тени под галереей выступила Рагнфрид. Она несла в руках чашку с питьем, от которого шел пар.

– Я согрела тебе немного пива, дочка, – сказала мать. Кристин радостно поблагодарила и поднесла чашку к губам. Тут Рагнфрид спросила ее:

– Кристин, ведь в молитвах и в том другом, чему учит тебя фру Осхильд, нет ничего греховного или безбожного?

– Нет, этого никак нельзя подумать, – отвечала девочка. – Во всех них есть имена Иисуса, девы Марии и святых...

– Чему же она научила тебя? – снова спросила мать.

– Да... про всякие травы... И еще заговаривать кровь, и бородавки, и больные глаза... И чтобы моль не заводилась в одежде и мыши в подклети. И какие травы надо рвать при солнечном свете, а какие имеют силу во время дождя... Но молитвы мне никому не велено читать, а то они потеряют свою силу, – быстро добавила она.

Мать взяла пустую чашку и поставила на лестницу. И вдруг схватила дочь руками, крепко прижала ее к себе и стала целовать... Кристин почувствовала, что щеки матери мокры и горячи.

– Сохрани и защити тебя Бог и Пресвятая дева от всякого зла! Кроме тебя, у нас теперь с отцом никого не осталось, кого не коснулась бы наша злая судьба! Дорогая, дорогая моя, не забывай никогда, что ты единственная радость твоего отца...

Рагнфрид вернулась в зимнюю горницу, разделась и тихонько забралась в постель рядом с Ульвхильд. Она положила свою руку под голову ребенка и прижалась лицом к лицу малютки, так что чувствовала теплоту тела Ульвхильд и резкий запах пота, исходивший от влажных детских волос.

Ульвхильд спала спокойным, глубоким сном, как всегда после вечернего напитка фру Осхильд. Сено из травы зубровки, подложенное под простыню, одуряюще пахло. И все-таки Рагнфрид долго лежала без сна, не спуская глаз с маленького светлого пятна на потолке, – это лу-

на светила на роговую пластинку, вставленную в отдушину.

В стороне, в другой кровати, лежала фру Осхильд, но Рагнфрид никогда не знала, спит она или бодрствует. Никогда Осхильд ни одним словом не упоминала об их прежнем знакомстве в былые годы, – и это страшило Рагнфрид. И ей казалось, что никогда еще она не была такой горемычной и никогда еще ее сердце не сжималось так от страха, как сейчас, – хотя она и знала теперь, что Лавранс будет опять совсем здоров и Ульвхильд останется в живых.

Казалось, фру Осхильд забавляло беседовать с Кристин, и они с каждым днем все больше и больше сближались. Однажды, отправившись на сбор трав, они сидели вместе высоко на склоне горы, на зеленой лужайке под каменистым обрывом. Сверху виден был двор на Форме, и они различали красную куртку Арне, сына Гюрда; он приехал верхом вместе с ними и теперь стерег лошадей, пока фру Осхильд с девочкой собирали травы в горной роще.

Пока они сидели там, Кристин рассказывала фру Осхильд о своей встрече с горной девицей. Она не думала об этом в течение многих лет, но тут все снова ей вспомнилось. И во время рассказа ей вдруг почудилось, что между фру Осхильд и горной женщиной есть какое-то сходство, хотя она отлично знала, что они не похожи друг на друга.

Когда она кончила рассказывать, фру Осхильд некоторое время сидела молча, глядя вниз на долину; наконец она сказала:

– Умно было с твоей стороны, что ты убежала, раз ты была еще ребенком в то время. Но разве ты никогда не слыхала о людях, взявших золото, которое протягивал им горный дух, а потом обращавших самого тролля в камень?

– Я слыхала такие сказки, – отвечала Кристин, – но никогда не решилась бы это сделать. И, по-моему, это некрасиво.

– Это хорошо, если человек не решается делать то, что кажется ему некрасивым, – сказала фру Осхильд, усмехнувшись. – Но зато не так уж хорошо, если человеку что-нибудь кажется некрасивым потому только, что он не решается это сделать. Ты очень выросла за это лето, – вдруг заметила она. – А ты знаешь сама, что будешь красивой?

– Да, – сказала Кристин, – говорят, что я похожа на отца.

Фру Осхильд тихо засмеялась:

– Да, во всяком случае, для тебя было бы лучше, если бы ты походила на Лавранса и душой и телом. Все-таки будет жалко, если тебя выдадут замуж здесь, в долине. Не следует презирать ни крестьянских привычек, ни хуторских обычаев, но все эти знатные люди²⁵ здесь в горах считают себя такими важными, что равных им прямо нет во всей норвежской земле! Они, верно, удивляются, как это я могу жить и благоденствовать, когда они закрыли передо мной свои двери. Но они ленивы, высокомерны и не хотят учиться новым обычаям, а сваливают вину на старую вражду с королевской властью во дни Сверре. Это ложь, – твой прадед помирился с королем Сверре и принимал от него подарки, но если твой дядя захотел бы вступить в свиту нашего короля и служить ему, то ему пришлось бы обтесаться и снаружи и внутри, а делать это вашему Тронду неохота. Но тебе, Кристин, надо бы выйти замуж за человека, воспитанного по-рыцарски, куртуазного...

Кристин сидела, глядя вниз на красную спину Арне во дворе усадьбы Формо. Она сама не сознавала этого, но когда фру Осхильд говорила о том мире, в котором она прежде вращалась, то Кристин всегда представляла себе рыцарей и графов в образе Арне. Прежде, когда она была еще маленькой, она представляла себе их в образе отца.

– Сын моей сестры, Эрленд, сын Никулауса из Хюсабю, вот кто мог бы быть подходящим женихом для тебя – он вырос очень красивым, этот мальчишка. Сестра моя Магнхильд навестила меня в прошлом году, проезжая через долину, и брала с собой сына. Да его ты не получишь в мужья, хотя я бы охотно покрыла вас покрывалом в брачной постели, – у него волосы так же черны, как твои светлы, и красивые глаза. Но, если я не ошибаюсь в зяте, то он, наверное, уже присмотрел для Эрленда невесту получше тебя.

– А чем я не хорошая невеста? – с удивлением спросила Кристин. Она никогда не обижалась

---

²⁵ Под знатными (по-норвежски буквально: большими) людьми имеются в виду как рыцари, так и родовитые и богатые свободные крестьяне (бонды), носящие оружие и нередко ведущие феодальное хозяйство.

на то, что говорила фру Осхильд, но все же почувствовала себя несколько униженной и подавленной тем, что та ставит себя как будто выше ее родных.

– Да, ты хорошая невеста, – сказала та. – Но все-таки трудно тебе ожидать, что ты породнишься с моим родом. Твой предок был иностранцем и стоял вне закона, а Йеслинги сидели и плесневели по своим усадьбам так долго, что скоро никто и не вспомнит о них за пределами этой долины. А нам же с сестрою достались племянники королевы Маргрет²⁶, дочери Скюле²⁷.

Кристин не посмела возразить, что не ее предок, а брат его прибыл в Норвегию, будучи объявленным вне закона. Она сидела, глядя через долину на темные уступы гор, и вспоминала о том дне много лет назад, когда, стоя на пустынном плоскогорье, увидела, как много гор между ее родной долиной и миром. Тут фру Осхильд сказала, что пора возвращаться домой, и велела Кристин позвать Арне. Кристин приставила руки ко рту и стала аукать и махать шейным платком, пока они не увидели, что красное пятно внизу, во дворе, зашевелилось и замахало им в ответ.

Спустя некоторое время фру Осхильд уехала домой, но осенью и в первую половину зимы часто приезжала на несколько дней в Йорюндгорд к Ульвхильд. Девочку начали уже поднимать с постели и пробовали приучать ее держаться на ногах, но они подламывались, когда она пыталась встать. Она постоянно жаловалась, была бледна, уставала, и ее очень мучил корсет, который фру Осхильд сделала для нее из конской кожи и тонких ивовых прутьев; поэтому она предпочитала тихо лежать на коленях у матери. Рагнфрид постоянно держала на руках больную дочку, так что теперь всем домом управляла Турдис. По приказанию матери Кристин всюду следовала за Турдис, помогая ей и учась у нее.

Кристин скучала по фру Осхильд и ждала с нетерпением каждого ее нового приезда. Иногда фру Осхильд много разговаривала с нею; иной же раз девочка напрасно ждала от нее хотя бы одного слова сверх приветов при приезде и отъезде – Осхильд проводила время в беседах только со взрослыми. Так по крайнему мере всегда бывало, когда вместе с нею приезжал и ее муж, потому что теперь случалось, что и Бьёрн, сын Гюннара, сопровождал ее в Йорюндгорд. Лавранс ездил как-то осенью в Хэуг – свезти фру Осхильд плату за лечение: лучший серебряный кувшин с блюдом к нему. Лавранс остался ночевать в Хэуге и после очень расхваливал это имение: оно красивое, хорошо ведется и совсем уж не такое маленькое, как говорят люди, рассказывал он. А в жилых помещениях все в достатке, и обычаи в доме благопристойные, как у знатных людей на юге Норвегии. Какого мнения был Лавранс о Бьёрне, он не говорил, но всегда принимал его прекрасно, когда тот сопровождал жену в Йорюндгорд. Но к фру Осхильд Лавранс относился необычайно хорошо и говорил, что, по его мнению, большая часть всяких рассказов о ней – враки. Он говорил также, что лет двадцать тому назад ей вряд ли нужно было прибегать к колдовству, чтобы привязать к себе мужчину, – теперь ей было уже под шестьдесят, но она все еще выглядела молодою и была очаровательна и прекрасна.

Кристин чувствовала, что матери все это очень не нравится. Правда, Рагнфрид никогда не говорила про фру Осхильд, но однажды она сравнила Бьёрна с желтой, придавленной к земле травой, которую находишь растущей под большими камнями, – и Кристин нашла, что это очень похоже. Бьёрн выглядел удивительно полинявшим – несколько жирным, бледным и неповоротливым и слегка плешивым, хотя он был всего лишь немногим старше Лавранса. Но все же лицо его сохранило следы былой красоты. Кристин ни разу не перемолвилась с ним словом; он вообще мало говорил и обычно, как войдет в горницу, так и сидит на том самом месте, куда ему пришлось впервые усесться, до тех пор, когда надо отправляться спать. Он безмерно много пил, хотя это мало действовало на него, почти ничего не ел и время от времени смотрел пристально и задумчиво на кого-нибудь из присутствующих своими удивительными выцветшими глазами.

Родичи из Сюдбю ни разу не показывались с тех самых пор, как случилось несчастье; Лавранс же раза два ездил в Вогэ. Но отец Эйрик по-прежнему бывал в Йорюндгорде; там он часто встречался с фру Осхильд, и они ладили. Все считали, что это очень хорошо со стороны свя-

²⁶ Маргрет – жена короля Хокона IV Старого, внука Сверре.

²⁷ Скюле – вождь партии баглерон

щенника, который и сам был весьма искусным врачом. Это, вероятно, и была одна из причин, почему владельцы больших поместий не обращались за советами к фру Осхильд, во всяком случае не делали этого открыто, – они считали священника достаточно искусным; но к тому же им трудно было решить, как держать себя с теми двумя, так или иначе как бы изгнанными из их собственного круга. Но отец Эйрик говорил, что хлеба они друг у друга не отбивают, а что касается колдовства фру Осхильд, то ведь не он ее духовный отец; возможно, что фру Осхильд знает несколько больше того, что полезно для спасения души, но нельзя забывать, что невежественные люди охотно говорят о колдовстве, когда женщина умнее своих соседей. Фру Осхильд, со своей стороны, очень хвалила священника и прилежно посещала церковь, если ей случалось гостить в Йорюндгорде в праздничные дни.

Рождество в этом году было грустное, – Ульвхильд все еще не могла стоять на ногах. И затем не было ни слуху ни духу о родне из Сюдбю. Кристин знала, что об этом уже говорят в округе и что отец принимает это близко к сердцу. Но матери было все равно, и это, по мнению Кристин, было очень гадко.

Но вот однажды вечером, уже к концу праздников, приехал в больших санях Сигюрд, домашний священник Тронда Йеслинга, и целью его приезда было пригласить их всех в гости в Сюдбю.

В окрестных приходах недолюбливали отца Сигюрда, потому что, собственно говоря, это он управлял всеми владениями Тронда, – во всяком случае, вина всегда падала на него, когда Тронд поступал сурово или несправедливо, а по правде сказать, Тронд изрядно притеснял своих крестьян. Священник необычайно хорошо писал и считал, знал толк в законах и был искусным лекарем, хотя, может быть, не таким уж искусным, каким сам себя считал. Но, глядя на его поведение, никто не поверил бы, что такой он умный человек; часто он говорил глупости. Рагнфрид и Лаврансу он никогда не нравился, но все в Сюдбю, понятно, ценили его очень высоко и вместе с ним были очень обижены, что его не позвали к Ульвхильд.

И вот по несчастной случайности вышло так, что когда отец Сигюрд приехал в Йорюндгорд, то там уже были фру Осхильд с мужем, а кроме того, отец Эйрик, Гюрд и Инга с Финсбреккена, родители Арне, старый Ион из Лоптсгорда и один из братьев-проповедников из Хамара, брат Осгэут.

Пока Рагнфрид распоряжалась, чтобы столы были вновь накрыты и подано было угощение для гостей, а Лавранс читал привезенные священником письма, тот захотел осмотреть Ульвхильд. Она была уже уложена в постель и спала, но отец Сигюрд разбудил ее, начал щупать ей спину, руки и ноги и расспрашивать сначала довольно ласково, а потом нетерпеливо, потому что она испугалась его; Сигюрд был росту маленького, почти карлик, но с большим огненно-красным лицом. Когда он захотел поднять Ульвхильд с кровати и поставить на пол, чтобы попробовать, держат ли ее ноги, она принялась кричать. Тут фру Осхильд встала, подошла к кровати и покрыла Ульвхильд меховым одеялом, сказав, что девочка теперь такая сонная, что не могла бы стоять на полу, даже если бы у нее были здоровые ноги.

Священник было возвысил голос – его ведь тоже считают хорошим врачом. Но фру Осхильд взяла его за руку, повела на почетное место²⁸, усадила и начала рассказывать обо всем, что она делала с Ульвхильд, причем спрашивала его мнение о каждой мелочи. Тогда он несколько смягчился и стал есть и пить разные вкусные вещи, приготовленные Рагнфрид.

Но по мере того как пиво и вино действовали на его голову, отец Сигюрд опять приходил в дурное настроение, искал ссоры и раздражался: он отлично знал, что никто из находившихся здесь его не любил. Сперва он обратился к Гюрду, который был управителем в имениях хамарского епископа в Вога и Силе, а у епископа с Трондом, сыном Ивара, бывало много тяжб. Гюрд отвечал скупой, но Инга, жена его, была вспыльчива, а тут еще вмешался в разговор брат Осгэут и молвил:

– Тебе не следовало бы забывать, отче Сигюрд, что наш достопочтенный пастырь отец Ингъялд также и твой владыка, а мы в Хамаре достаточно понаслышались о тебе. В Сюдбю ты

²⁸ Почетным местом называлось возвышение под балдахином на столбах у одной из стон горницы, где сидел хозяин дома или почетный гость; остальные сидели на скамьях.

катаешься как сыр в масле и мало думаешь о том, что тебя поставили в священники не для того, чтобы ты был соглядатаем Тронда и помогал ему во всех его беззакониях, на погибель его души и умаление прав церкви. Разве ты никогда не слыхал, что бывает с непослушными и вероломными священниками, которые подают советы против своих духовных отцов и начальников? Иль ты не знаешь, как ангелы привели однажды святого Томаса из Кантерборга к дверям ада и дали ему взглянуть туда? Он очень удивился, что не видит там ни одного из своих священников, которые шли против него, как ты идешь против своего епископа. Он только что хотел восхвалить милосердие Господне, потому что этот святой человек искренне желал спасения всем грешникам, но тут ангел попросил черта приподнять немного хвост, и тут наружу с громким треском и отвратительной серной вонью вылетели все те священники и ученые мужи, которые предали достояние церкви. И тогда он увидел, куда они попали!

– Врешь, монах, – сказал священник. – Я тоже слыхал эту сагу, но только не священники, а нищенствующие монахи вылетели из зада дьявола, как из осинового гнезда!

Старый Ион захохотал громче всех работников и закричал:

– Мне думается, там были обе породы!

– Тогда, значит, у черта здорово широкий хвост, – сказал Бьёрн, сын Гюннара; а фру Осхильд улыбнулась и заметила:

– А разве ты не слыхал, что все злое таскает за собой длинный хвост?

– Молчи, фру Осхильд! – закричал отец Сигюрд. – Не тебе бы уж говорить о длинном хвосте, который злое таскает за собою. Ты восседаешь тут, словно хозяйка здесь ты, а не Рагнфрид. Но все-таки странно, что ты не сумела вылечить ей ребенка – или у тебя не осталось больше той живой воды, которой ты когда-то торговала? Той, что может срastить разрезанную на куски овцу, когда ее уже варят в котле, и превратить женщину в девушку на брачном ложе? Я отлично знаю о свадьбе в этом самом приходе, когда ты приготовила омовение для совращенной невесты...

Отец Эйрик вскочил, схватил священника за плечи и ноги и перебросил его через стол, так что попадали кувшины и кружки; еда и напитки полились по скатерти и по полу, а отец Сигюрд в разорванной одежде растянулся на полу во весь рост. Эйрик обежал вокруг стола и хотел еще раз ударить Сигюрда, покрывая своим громовым голосом поднявшийся шум и гам:

– Заткни свою грязную глотку, ты, бесовский поп!

Лавранс попробовал разнять их, а Рагнфрид стояла у стола бледная как смерть, ломая руки. Тут подроспела фру Осхильд, помогла отцу Сигюрду встать на ноги и вытерла кровь с его лица. Она влила ему в рот кубок меду и сказала так:

– Не годится быть таким суровым, отец Эйрик, что уж и пошутить при тебе нельзя, тем более, когда все подвыпили! Садитесь-ка теперь по местам, и я расскажу вам об этой свадьбе. Случилось это все не в нашей долине, и не я была той счастливницей, которая умеет готовить такую воду; если бы я умела варить ее, то мы не сидели бы теперь в своей крошечной горной усадьбе. Я была бы тогда богатой и владела бы поместьями где-нибудь в больших приходах, вблизи от города, монастырей, епископа и соборного капитула. – Так говорила она, улыбаясь трем духовным особам. – Но кто-то действительно знал в старые дни такое искусство, потому что это произошло во времена короля Инге²⁹, если я не ошибаюсь, а женихом был Петер, сын Лодина из Браттеланда; но которая из трех его жен была невестой, нельзя сказать, потому что еще до сих пор живы потомки всех трех. Ну, так вот, у этой невесты были причины жаждать обладания живой водой, и она ее раздобыла и приготовила себе омовение в подвале. Но только она собралась искупаться, как в подвал вошла ее будущая свекровь. Она очень устала за дорогу и была вся в грязи, так как приехала верхом на свадьбу, и вот она раздевается и лезет в чан. Была она уже старой женщиной и прижила от Лодина девятирех детей. Но в эту ночь и Лодин и Петер испытали то, чего они вовсе не ожидали!

Собравшиеся громко захохотали, а Гюрд с Ионом стали кричать, что фру Осхильд должна рассказать еще несколько таких побасенок. Но фру Осхильд отказалась:

– Здесь сидят два священника с братом Осгэутом, да молодые парни и служанки; прекратим

²⁹ То есть сто лет назад.

лучше эти разговоры, пока они не стали неприличными и грубыми, и вспомним, что стоят праздники.

Мужчины шумели и кричали, но женщины поддерживали фру Осхильд. Никто не заметил, что Рагнфрид вышла из горницы. Но немного спустя Кристин, сидевшая дальше всех на женской скамье³⁰ среди служанок, собралась идти спать. Она спала в доме у Турдис, потому что в главном доме было очень много гостей.

На дворе был трескучий мороз, и северное сияние переливалось и мерцало над крутыми горными лбами. Снег скрипел под ногами Кристин, когда она, стуча зубами от холода, бежала через двор, скрестив на груди руки.

И вдруг она заметила, что в тени старого сарая кто-то быстро ходит взад и вперед, вскидывает вверх руки, ломает пальцы и громко причитает. Узнав мать, Кристин с ужасом подбежала к ней и спросила, не больна ли она.

– Нет, нет, – раздраженно ответила мать. – Мне просто надо было выйти на воздух. Иди ложись, дитя мое!

Кристин повернулась, чтобы идти, но тут мать тихонько окликнула ее:

– Вернись в большую горницу и ложись вместе с отцом и Ульвхильд – обними ее крепко, чтобы он нечаянно не придавил ее: он спит так тяжело, когда пьян. А я подымусь в старый стабюр и переночую в нем.

– Господи Иисусе, матушка, – сказала Кристин, – вы замерзнете насмерть, если будете спать там, да еще одна! И что скажет отец, если вы не ляжете спать в своей постели?

– Он ничего не заметит, – отвечала мать, – он уже почти спал, когда я уходила, а завтра утром он поздно проснется. Иди и делай так, как я сказала.

– Там вам будет так холодно, – дрожа пробормотала Кристин, но мать, на этот раз немного ласковее, приказала ей идти, а сама заперлась в стабюре.

Там было так же холодно, как и на дворе, и темно, что в могиле. Рагнфрид ощупью добралась до кровати, сорвала с себя головной платок, развязала башмаки и забралась в постель под шкуры. Они были холодны как лед; Рагнфрид будто погружалась в снежный сугроб. Она накрылась с головой, подобрала под себя ноги, засунула за пазуху руки и так лежала, плача – то совсем тихо, и слезы бежали ручьями по ее щекам, а то громко рыдая и скрежеща зубами. Наконец она все-таки согрела – свою постель настолько, что начала понемногу забываться, и так заснула в слезах.

V

В год, когда Кристин весною исполнилось пятнадцать лет, Лавранс, сын Бьёргюльфа, и рыцарь Андрее, сын Гюдмюнда из Дюфрина, назначили друг другу свидание во время тинга³¹ в Холледисе. Там они договорились, что второй сын Андреев, Симон, обручится с Кристин, дочерью Лавранса, и получит во владение Формо, родовое имение матери Андреса. Мужчины закрепили сделку рукобятием, однако договорной записи не совершили, потому что Андресу – сперва надо было уладить все с другими своими детьми относительно раздела между ними наследства. Поэтому и обручения не справляли; но рыцарь Андрее вместе с Симоном поехали в Йорюндгорд посмотреть невесту, и Лавранс задал там большой пир.

К этому времени Лавранс уже отстроил новый дом в два жилья, с печами кирпичной кладки как в главной горнице, так и наверху², и обставил его богато и красиво резной деревянной утварью и добротными домашними вещами. Он перестроил также старый стабюр и поправил многие постройки, так что зажил теперь, как подобает мужу, носящему оружие. У него сейчас было большое состояние, потому что ему везло во всех его предприятиях и хозяин он был умный и рачительный; в особенности славились великолепные лошади его завода и разводимый, им замеча-

³⁰ Женские скамьи ставились вдоль коротких стен, поперечно к мужским, длинным скамьям.

³¹ Тинг – род веча. Тинги бывали местные и областные.

тельный скот всевозможных пород. А теперь, когда он так сумел устроить, что отдавал дочь в замужество в Формо за человека от Дюфрннского рода, люди считали, что он довел до благополучного конца свое намерение стать первым человеком в округе. И сам Лавранс и Рагнфрид были тоже очень довольны, как довольны были и рыцарь Андрее с Симоном.

Кристин была несколько разочарована, увидев Симона, сына Андреса, потому что столько слышала о его красоте и учтивости, что ждала невесту чего от своего жениха.

Правда, Симон был недурен собой, но немного тучен для своих двадцати лет; у него была короткая шея, а лицо круглое и блестящее, как полный месяц. Волосы у него были очень красивые, темно-русые и кудрявые, а глаза серые, ясные, но сидели они слишком глубоко и словно заплывали, потому что веки были очень уж пухлые; нос был слишком маленький, рот тоже небольшой с надутыми губами, но не безобразный. И, несмотря на полноту, Симон был легок, подвижен, гибок во всех своих движениях и ловок в разных состязаниях. На язык он был остер и быстр на ответы; Лавранс находил, что в беседах со старшими он обнаруживал здравый смысл и познания.

Рагнфрид скоро полюбила его, а Ульвхильд с первого же раза почувствовала к нему горячую любовь, — правда, он был особенно мил и ласков с маленькой больной девочкой. А когда Кристин несколько привыкла к его круглому лицу и способу выражаться, то и ей жених стал очень нравиться, и она радовалась, что отец все так для нее устроил.

В числе приглашенных была и фру Осхильд. С тех пор как владельцы Йорюндгорда открыли для нее свои двери, другие знатные люди в ближайших приходах начали опять вспоминать о ее высоком происхождении и меньше думать о ее сомнительной славе, так что теперь фру Осхильд постоянно общалась с людьми. Увидев Симона, она сказала:

— Это подходящий для тебя брак, Кристин; этот Симон далеко пойдет в жизни — ты избавишься от многих забот и хлопот, и он будет тебе добрым мужем. Но, по-моему, он чересчур тучен и слишком уж весел. Если бы в Норвегии и теперь все было так, как прежде, в былые дни, или как это бывает в других странах, где люди относятся к грешникам не строже самого Господа Бога, то я посоветовала бы тебе завести худощавого и грустного друга, с которым ты могла бы сидеть и вести разговоры. Тогда я сказала бы, что лучше тебе нечего и желать, как только выйти за Симона!

Кристин покраснела, хотя и не вполне поняла смысл слов фру Осхильд. Но по мере того как время шло, а сундуки ее наполнялись и она постоянно слышала разговоры о своей свадьбе и о том, что она принесет с собой в дом мужа, она стала с нетерпением ждать, чтобы уж все скорее закончилось обручением и Симон приехал к ним на север; в конце концов она стала много думать о женихе и радовалась, что снова его увидит.

Кристин стала уже совсем взрослой и очень похорошела. Она больше походила на отца и была высокой, с тонким станом и стройными узкими руками и ногами, но вместе с тем была она статной и словно налитой. Лицо у нее было несколько коротко и округло, лоб низок, широк и бел, как молоко, глаза большие, серые, добрые, под красиво очерченными бровями, рот несколько велик, но губы свежие, алые и пухлые, а подбородок правильный и круглый, как яблочко. У нее были чудесные густые и длинные волосы, но они не вились и были темноватого опенка, не то русые, не то золотистые. Лавранс ничего так не любил, как слушать, когда отец Эйрик расхваливал Кристин и хвастался ею — девушка выросла на глазах у священника, он учил ее читать и писать и был очень к ней привязан. Но Лаврансу не особенно нравилось, когда священник иной раз сравнивал его дочь с непорочной молодой кобылицей с шелковистыми боками.

И все-таки все говорили, что если бы с Ульвхильд не случилось несчастья, то она была бы во много раз красивее сестры. У нее было такое прекрасное и милое лицо, бело-розовое, как роза и лилии, а белокурые и мягкие как шелк волосы падали пушистыми и волнистыми локонами на ее тонкую шейку и узкие плечи. Глазами она походила на род Йеслингов: они глубоко сидели под прямыми черными бровями и были прозрачны, как вода, и серо-голубые; но взгляд их был мягок, а не колюч, как у Йеслингов. Кроме того, у девочки был такой приятный и ясный голосок, что радостно было слушать, когда она говорила или пела; у нее были большие способности к книжной науке, к струнной игре и к шахматам, но работать она не очень любила, потому что у нее тотчас уставала спина.

Мало было надежды на то, чтобы этот красивый ребенок когда-либо выздоровел вполне. Здоровье Ульвхильд несколько поправилось после того, как родители побывали с ней в Нидаросе, у святого Улава. Лавранс и Рагнфрид ходили туда пешком, не беря с собою ни слуг, ни служанок, и всю дорогу сами несли ребенка на носилках. После этого путешествия Ульвхильд стало лучше, так что она стала ходить, опираясь на костыль. Но было трудно надеяться, что она выздоровеет настолько, чтобы можно было выдать ее замуж; поэтому в свое время придется отдать ее в монастырь со всем причитающимся ей имуществом.

Никто никогда не заговаривал об этом, и сама Ульвхильд не сознавала, что она была не похожа на других детей. Она очень любила украшения и нарядные платья, и у родителей не хватало духа в чем-либо ей отказать; напротив, Рагнфрид шила и вышивала для нее и наряжала ее, как королевскую дочь. Однажды, когда прохожие коробейники остановились ночевать в Лэугарбру, Ульвхильд увидела там их товары, они, между прочим, продавали янтарно-желтую шелковую материю, и девочке непременно захотелось такого шелку на сорочку. Лавранс, вообще говоря, никогда ничего не покупал у торговцев, продававших незаконно по сельским приходам товары, которыми разрешалось торговать лишь по городам, по тут он сразу купил всю штуку. Кристин тоже получила от отца шелку для своей свадебной сорочки и вышивала ее этим летом. До сих пор у нее никогда не было никаких других рубаш, кроме шерстяных и одной полотняной для праздничного наряда. Но Ульвхильд получила шелковую праздничную сорочку и еще воскресную полотняную сорочку с шелковым верхом до пояса.

Лавранс, сын Бьёргюльфа, владел теперь также и небольшой усадьбой Лэугарбру, которой управляли Турдис с Ионом. У них жила самая младшая дочка Лавранса и Рагнфрид – Рамборг, которую Турдис выкормила грудью. Рагнфрид почти не глядела на этого ребенка в первое время после его рождения, говоря, что она приносит своим детям несчастье. Впрочем, она очень любила свою маленькую девочку и постоянно посылала подарки ей и Турдис; позднее она стала часто ходить в Лэугарбру посмотреть на Рамборг, но предпочитала приходить по вечерам, когда девочка уже спала, и только сидела около нее. Лавранс же и две старшие дочери часто бывали в Лэугарбру и играли с малюткой; она была сильным и здоровым ребенком, но не так красива, как сестры.

Это лето было последним, проведенным Арне, сыном Гюрда, в Йорюндгорд. Епископ обещал Гюрду помочь юноше пробить себе дорогу в жизни, и Арне должен был к осени переехать в Хамар.

Хотя Кристин знала, что она любя Арне, но в душе ее было еще так много детского, что она не задумывалась над этим; она держалась с ним, как обычно бывало с тех самых пор, когда они были детьми: постоянно искала его общества и всегда шла с ним об руку, когда плясала дома или на церковном пригорке. И то, что матери это не нравилось, казалось ей скорее забавным. Но она никогда не говорила с Арне о Симоне или о своем замужестве, потому что заметила, что он становится угрюмым, когда при нем заговорят об этом.

Арне был на все руки мастер и решил сделать для Кристин на память о себе рабочий стан. Он уже покрыл резьбой и ящик в сиденье и раму стана, а теперь работал в кузнице, выковывая железные скобы и замок к ящику. Однажды, прекрасным летним вечером, Кристин пошла к нему, захватив с собой отцовскую куртку, которую надо было починить. Она села на каменный порог и принялась шить, болтая с юношей, работавшим в кузнице. Ульвхильд, пришедшая с сестрой, ковыляла поблизости на своем костыле и ела малину с кустов, росших по обочинам поля между грудами камней.

Через некоторое время Арне вышел из двери кузницы, чтобы немного остыть. Он хотел присесть рядом с Кристин, но та слегка отодвинулась и попросила его быть осторожнее, чтобы не запачкать ей сажей шитья, которое лежало у нее на коленях.

– Так вот как теперь у нас стало, – промолвил Арне. – Ты уже не смеешь позволить мне сесть с тобой рядом, потому что боишься, как бы крестьянский парень не испачкал тебя?

Кристин с удивлением взглянула на него и ответила:

– Ты же знаешь, что я хотела сказать! Сними свой кожаный передник, смой сажу с рук и садись тут, отдохни немного рядом со мной... – И она подвинулась, чтобы дать ему место.

Но Арне улегся на траве перед нею; тогда она опять заговорила:

– Не сердись же, Арне мой! Неужели ты можешь думать, что я не благодарна тебе за тот красивый подарок, который ты для меня делаешь, или могу забыть когда-либо, что ты всегда был моим лучшим другом здесь, у нас дома?

– А разве я был твоим лучшим другом? – спросил он.

– Ты сам отлично знаешь, – сказала Кристин. – И я никогда не забуду тебя. Но ты, которому предстоит ехать в широкий свет, ты, может быть, достигнешь богатства и славы много раньше, чем думаешь, и тогда, конечно, забудешь меня гораздо скорее, чем я тебя...

– Ты никогда меня не забудешь? – сказал Арне, улыбаясь. – А я забуду тебя раньше, чем ты меня? Какой ты еще ребенок, Кристин!

– Ты и сам еще не вырос! – отвечала она.

– Я одного возраста с Симоном Дарре, – снова заговорил он. – И мы тоже носим шлем и щит, не хуже владельцев Дюфрина, но только моим родителям не улыбнулось счастье.

Он вытер руки пучком травы, тронул Кристин за щиколотку и прижался щекою к ее ноге, выглядывавшей из-под подола платья. Кристин хотела убрать ногу, но Арне сказал:

– Твоя мать ушла в Лэугарбру, а Лавранс уехал со двора – из усадьбы час никто не увидит. Один-единственный раз ты можешь позволить мне поговорить о том, что лежит у меня на сердце.

Кристин отвечала:

– Ведь мы с тобой оба всегда знали, что если бы мы полюбили друг друга, это ни к чему не привело бы,

– Можно положить голову к тебе на колени? – спросил Арне и, не дождавшись ответа, склонился головой на колени к Кристин, обняв одной рукой ее стан. Другой рукой он перебирал ее косы.

– Каково-то тебе понравится, – произнес он немного спустя, – когда Симон будет лежать у тебя на коленях и играть твоими волосами?

Кристин не отвечала. Казалось, на нее внезапно навалилась какая-то тяжесть... Речи Арне, голова Арне на ее коленях...

Словно открылась какая-то дверь в неизвестное, много темных путей в еще большую темноту. – невеселая, со стесненным сердцем, она медлила и не хотела заглянуть туда.

– Женатые люди не занимаются такими вещами, – неожиданно произнесла она быстро и как бы с облегчением. Она попробовала представить себе толстое, круглое лицо Симона с такими вот глазами, какими сейчас смотрел на нее вверх Арне, услышала его голос – и не могла удержаться от смеха.

– Симону и в голову не пришло бы улечься на землю, чтобы поиграть с моими башмаками!

– Зачем ему? Он гложет играть с тобой в своей постели! – сказал Арне. При звуках этой головы Кристин сразу почувствовала себя слабой и бессильной. Она попробовала скинуть его голову со своих колен, но Арне крепко прижался головой к ее ногам и тихо сказал:

– А я играл бы с твоими башмаками, и с твоими волосами, с твоими пальцами, Кристин, и весь день ходил бы повсюду за тобой, хотя бы ты и была моей женой и спала в моих объятиях каждую ночь!

Он наполовину приподнялся и, обняв ее за плечи, заглянул ей в глаза.

– Нехорошо так говорить со мною, – тихо и смущенно сказала Кристин.

– Да, правда, – ответил Арне. Он поднялся на ноги и стоял теперь перед нею. – Но скажи мне лишь одно – неужели тебе не больше хотелось бы, чтобы это был я?..

– Ах, конечно, мне хотелось бы больше... – Она помедлила немного. – Мне бы больше хотелось не иметь мужа... пока...

Арне не двинулся с места и сказал:

– Так тебе больше всего хотелось бы, чтобы тебя отдали в монастырь, как это задумано с Ульвхильд? Чтобы остаться девой на веки вечные?

Кристин уронила крепко сжатые руки на колени. Станный, сладкий трепет охватил ее; и, вдруг вздрогнув, она словно сразу поняла, как жалко маленькую сестричку, и глаза ее наполнились слезами горя при мысли об Ульвхильд.

– Кристин, – тихо промолвил Арне.

В эту минуту Ульвхильд громко вскрикнула. Костыль застрял у ней между камней, и она упала. Арне с Кристин подбежали к ней, и Арне, подняв ее, передал на руки сестре. Ульвхильд разбила себе губу, из раны сильно шла кровь.

Кристин села вместе с девочкой в дверях кузницы, а Арне принес воды в деревянной чашке, и они принялись вместе обмывать ей лицо. Ульвхильд содрала себе, кроме того, кожу с коленок. Кристин ласково склонилась над маленькими тонкими ножками.

Жалобные рыдания Ульвхильд скоро затихли, и она только тихо и горько плакала, как плачут дети, привыкшие переносить боль. Кристин прижимала ее голову к своей груди и тихонько укачивала девочку.

И тут в церкви святого Улава зазвонил колокол к вечерне.

Арне заговорил с Кристин, но та сидела, склонившись над сестрою, и словно ничего не слышала и не замечала; тогда он испугался и спросил, не думает ли она, что Ульвхильд опасно расшиблась; Кристин покачала головой, не глядя на Арне.

Немного спустя она встала и пошла к дому, неся Ульвхильд на руках. Арне шел следом, молчаливый и смущенный; Кристин так глубоко задумалась, что лицо у нее стало совсем каменным. Пока она шла, колокол все звонил над холмистыми лугами и долиной; он еще звонил, когда Кристин вошла в горницу.

Она положила Ульвхильд на постель, в которой сестры спали вместе с тех пор, как Кристин стала уже слишком большой, чтобы спать с родителями. Потом она сняла с себя башмаки и легла рядом с девочкой; так она лежала, прислушиваясь к звону колокола, и еще долго после того, как он затих, а девочка заснула.

Ей пришлось в голову, когда колокол начал звонить, а она сидела, охватив руками окровавленное личико Ульвхильд, что, может быть, это ей знамение. Если бы она решилась пойти в монастырь вместо сестры, если бы она решилась посвятить себя Богу и деве Марии, то, может быть, тогда Бог вернул бы ребенку здоровье и силы.

Она вспомнила слова брата Эдвина, что в нынешнее время родители посвящают Богу только убогих да немощных детей или таких, которым трудно устроить хорошее замужество. Кристин знала, что ее отец и мать были людьми благочестивыми, и вместе с тем всегда только и слышала о том, что ее выдадут замуж, а когда родители поняли, что Ульвхильд на всю жизнь останется больной, то сейчас же решили, что она пойдет в монастырь...

Но ей самой не хотелось этого, она изо всех сил гнала от себя мысль, что Бог совершит чудо над Ульвхильд, если она, Кристин, станет монахиней. Она цеплялась за слова отца Эйрика, что теперь мало бывает чудес. И все-таки сегодня она чувствовала – правду говорил брат Эдвин: если бы у человека было достаточно веры, то он мог бы творить чудеса. Но она не хотела верить, она не любила так сильно Бога, Богородицу и всех святых, не хотела даже любить их так – она любила мир, она стремилась в мир и тосковала по нему...

Кристин прижалась губами к мягким, шоковым волосам Ульвхильд. Девочка крепко спала; старшая сестра поднялась было, полная беспокойства, но потом снова легла. Сердце ее истекало кровью от горя и стыда, но она твердо знала, что не хочет верить в чудеса, потому что не хочет отказаться от своего наследия – от здоровья, красоты и любви.

Тогда она попробовала утешить себя мыслью, что родители все равно ей никогда этого не позволили бы. Да и не поверили бы, что это принесет какую-нибудь пользу. Ведь она уже помолвлена, и они не захотят потерять Симона, которого так полюбили. Ей показалось, что родители изменяют ей в чем-то, раз они уж так гордятся этим зятем; и внезапно с отвращением вспомнила круглое красное лицо Симона, его маленькие смеющиеся глазки, его упругую поступь, – он прыгает как мячик, вдруг пришло ей на мысль, – его шутивную речь, которая заставляла ее чувствовать себя невежей и душой. Совсем уж не такое большое счастье получить его в мужа и переехать всего только вниз, в Формо... И все-таки лучше уж выйти за него, чем идти в монастырь!.. Но широкий мир, лежащий за горами, королевский Двор, и графы, и рыцари, о которых рассказывала фру Осхильд, и красавец с печальным взором, который повсюду следовал бы за нею, никогда не устая... Она вспомнила Арне в тот летний день, когда он лежал на боку и спал, а его русые блестящие волосы рассыпались по вереску – тогда она любила его так сильно, как родного брата...

Нехорошо было так говорить с нею, раз он знает, что им все равно никогда не принадлежать друг другу...

Мать послала сказать из Лэугарбру, что она останется там ночевать. Кристин встала, чтобы раздеться и лечь спать. Она начала расшнуровывать платье, но вдруг снова надела башмаки, завернулась в плащ и вышла во двор.

Ночное небо, светлое и зеленоватое, простиралось над гребнями гор. Скоро должен был взойти месяц, и в том месте, где он скрывался за горою, медленно ползли маленькие тучки, и нижний край их блестел, как серебро; небо все светлело и светлело, как металл, на который ложится роса.

Кристин побежала между изгородями по дороге вверх к церкви. Церковь спала, черная и замкнутая, но Кристин подошла к кресту, стоявшему неподалеку б память того, что святой Улав отдышал когда-то на этом месте, когда бежал от недругов.

Кристин опустила на колени на камень и положила сложенные руки на подножие креста.

– Святой крест, крепчайшая мачта, прекраснейшее дерево, мост для болящих, ведущий к прекрасным берегам выздоровления...

Казалось, что от слов молитвы ее смутная тоска расплывается, расходится, как круги по воде. Отдельные мысли, смущавшие ее, сглаживались, душа ее понемногу успокаивалась, смягчаясь, и тихая бездумная грусть занимала место горестей.

Она стояла на коленях, чутко воспринимая все ночные звуки. Ветер вздыхал так странно, река шумела в роще за церковью, а ручеек журчал совсем рядом, пересекая дорогу, – и всюду, вблизи и вдали, различала она во мраке и взором и слухом струйки текущей и капающей воды. Внизу в поселке река поблескивала белым. Месяц выглянул в просвет среди гор, влажные от росы листья и камни заблестели, и лунный свет неясно и тускло отразился от просмоленной бревенчатой колоколенки у ограды кладбища. Потом месяц снова скрылся там, где выше вздымался к небу горный хребет. Теперь небо еще больше покрылось сияющими тучками.

С дороги донеслись до нее звуки медленной конской поступи и мужских голосов, тихо и спокойно разговаривавших между собой. Кристин никого не боялась здесь, так близко от дома, где ей был знаком каждый; она почувствовала себя уверенней.

Отцовские собаки налетели на нее, повернули и помчались стрелой обратно в чашу, снова вернулись и кинулись к Кристин опять. Отец громко поздоровался с нею, показавшись на дороге среди берез. Он вел Гюльдсвейна под уздцы; на седле болталась целая связка птиц, а на левой руке Лавранс нес сокола с колпачком на голове. Отец шел в сопровождении высокого сутуловатого монаха в рясе, и Кристин, еще не успев рассмотреть его лица, уже знала, что это брат Эдвин. Она пошла им навстречу, не дивясь этому, словно во сне, и, когда Лавранс спросил ее, узнает ли она их гостя, она только улыбнулась.

Лавранс встретился с ним наверху, у Ростского моста, и ему удалось уговорить его пойти с ним домой и переночевать в усадьбе. Но брат Эдвин настаивал, чтоб ему позволили лечь в хлеву.

– Потому что я совсем завшивел, – сказал он, – меня нельзя класть в хорошую постель.

И как Лавранс ни просил, ни уговаривал, монах стоял на своем; сперва он даже хотел, чтобы его и накормили во дворе. Наконец его все-таки привели с собою в горницу; Кристин затопила печку в углу и поставила на стол свечи, пока девушка вносила еду и питье.

Монах уселся на скамью у самой двери и ничего не хотел на ужин, кроме холодной каши да воды. И не согласился, когда Лавранс предложил приготовить ему баню и плетть постирать одежду.

Брат Эдвин возился, почесывался, и все его худое старое лицо смеялось.

– Нет, нет, – говорил он, – насекомые кусают мою гордую плоть куда лучше, чем бичи и выговоры настоятеля! Все это лето я прожил под скалой в горах – мне разрешили уйти в пустыню, чтобы поститься и молиться; и вот я сидел там, воображая, что стал теперь совсем святым отшельником. А бедняки из Сетпадаля приносили мне пищу и думали – вот уж перед ними действительно благочестивый и целомудренный монах. "Брат Эдвин, – говорили они, – если бы было побольше таких монахов, как ты, то мы бы куда скорее исправились, а то мы постоянно видим священников, епископов и монахов, которые грызутся и дерутся друг с другом, как поросята у ко-

рыта" Я, правда, внушал им, что не по-христиански говорить такие слова, но мне нравилось слышать это, и я молился да пел всюду, так что в горах прямо звенело. И теперь для меня очень полезно чувствовать, как вши грызутся и дерутся на моей собственной шкуре, и слышать, как добрые хозяйки, соблюдающие чистоту и порядок в своих горницах, кричат, что эта грязная монастырская свинья отлично может ночевать и на сеновале в летнее время. Сейчас я иду на север, в Нидарос, к празднику святого Улава, и мне полезно видеть, как люди не очень-то спешат близко подходить ко мне...

Ульвхильд проснулась; Лавранс подошел к ней и поднял с кровати, завернув в свой плащ.

– Вот, дорогой отец, тот ребенок, о котором я рассказывал. Возложите на нее руки и помолитесь Богу о ней, как вы молились за того мальчика в Мельдале, который, как мы слышали, стал снова ходить...

Монах ласково взял Ульвхильд за подбородок и посмотрел ей в лицо. Потом поднял ее ручку и поцеловал.

– Лучше молитесь вы оба, и ты и жена твоя, Лавранс, сын Бьёргюльфа, чтобы вам не впасть в искушение и не пытаться перебороть волю Божию ради этого ребенка. Сам Господь наш Иисус Христос поставил эти маленькие ножки на стезю, по которой вернее всего можно будет дойти до обители мира, – я вижу по твоим глазам, блаженная Ульвхильд, что у тебя есть молельщики и представители в лучшем мире.

– Но я слышал, что мальчик в Мельдале выздоровел, – тихо сказал Лавранс.

– Он был единственный сын у бедной вдовы, и не было никого, кроме прихода, кто стал бы кормить и одевать его, когда матери не станет. И все-таки эта женщина молилась только о том, чтобы Бог даровал ей безбоязненное сердце, дал ей сил верить, что он устроит все так, как будет лучше для мальчика.

А я только то и сделал, что повторял с нею эту молитву.

– Нелегко будет ее матери и мне успокоиться на этом, – глухо ответил Лавранс. – Особенно потому, что девочка такая красивая и такая хорошая.

– Видел ли ты ребенка, который родился в Листаде, на юге долины? – спросил монах. – Или тебе хотелось бы, чтобы твоя дочка была такою?

Лавранс вздрогнул и прижал девочку к себе.

– Разве тебе не кажется, – снова заговорил брат Эдвин, – что все мы в глазах Бога – дети, над которыми он горюет, ибо мы искалечены грехом? И все же нам кажется, что на свете нам жить не так уж плохо!

Он подошел к изображению девы Марии на стене, и все опустились на колени, пока он читал вечернюю молитву. Им казалось, что брат Эдвин принес утешение.

Но когда он вышел, чтобы найти себе место для ночлега, Астрид, старшая из служанок, тщательно подмела пол всюду, где стоял и сидел монах, и сейчас же бросила сор в огонь.

На следующее утро Кристин поднялась рано, положила молочной каши и пшеничных лепешек на красивое деревянное блюдо с выжженными украшениями, – ей было известно, что монах никогда не прикасался к мясному, – и сама отнесла ему поесть. В доме почти никто еще не вставал.

Брат Эдвин стоял на мостках у хлева, уже совсем собравшись в путь, с котомкой на плечах и палкой в руках; он с улыбкой поблагодарил Кристин за беспокойство, уселся на траве и принялся за еду; Кристин же села у его ног.

Прибежала во всю прыть ее маленькая белая собачка; громко звенели колокольчики у нее на ошейнике. Кристин взяла ее на руки, а брат Эдвин стал щелкать перед носом собачки пальцами, бросал ей в пасть кусочки хлеба и очень расхваливал.

– Она из той породы, которую ввезла в Норвегию королева Эуфемия³², – сказал он. – У вас теперь в Йорюндгорде так все богато, и в большом и в малом...

Кристин покраснела от удовольствия. Она и сама знала, что у нее породистая собака, и гордилась ею; во всей округе ни у кого не было домашних собачек. Но она не знала, что ее собака той

---

³² Эуфемия – жена короля Хокона V, царствовавшего в Норвегии в то время.

же породы, что у королевы.

– Симон, сын Андреса, прислал мне ее, – сказала она, прижимая к себе собачку, а та лизнула ее в лицо. – Ее зовут Кортелин.

Она думала было поговорить с монахом о своей тревоге и попросить у него совета. Но теперь ей не хотелось уже снова возвращаться к своим вчерашним вечерним мыслям. Ведь брат Эдвин был уверен, что Бог устроит все к лучшему для Ульвхильд. И как мило, что Симон послал ей такой подарок еще даже до того, как было объявлено их обручение! Об Арне ей не хотелось думать – она считала, что он вел себя не правильно по отношению к ней.

Брат Эдвину взял посох и попросил Кристин передать от него привет всем в доме – ему не дожидаться, когда все встанут, потому что лучше всего идти по утреннему холодку. Кристин проводила монаха до церкви и даже прошла с ним немного по лесу.

Прощаясь с девушкой, монах пожелал ей мира Господня и благословил ее.

– Скажите мне слово, дорогой отец, как сказали Ульвхильд, – попросила его Кристин, держа руку монаха в своих.

Монах провел по мокрой траве босой ногой, скрюченной от подагры.

– Мне хотелось бы внушить тебе, дочь моя, чтобы ты обратила внимание на то, как Бог заботится о достоянии людском здесь, в долине. Тут выпадает мало дождя, но зато он дал вам ручьи, бегущие с гор, а роса освежает поля и луга каждую ночь. Возблагодари Бога за те его добрые дары, которые он дал тебе, и не ропщи, если тебе покажется, что у тебя не хватает чего иного, что, как тебе мнится, очень бы тебе подошло сверх того. У тебя прекрасные золотистые волосы – не огорчайся, что они не выются! Разве ты не слыхала про старуху, которая сидела и плакалась, что у нее к празднику всего только один маленький кусочек свинины на семерых голодных детей? Как раз в это время мимо проезжал святой Улав; он простер руку над блюдом и попросил Бога насытить бедных воронят. Но когда старуха увидела, что на столе лежит целая заколотая свинья, то начала плакать о том, что у нее не хватает котелков да чашек...

Кристин побежала домой с Кортелином, увивавшимся у ее ног, с лаем хватавшим ее зубами за складки платья и звеневшим всеми своими серебряными колокольчиками.

Арне проводил дома, в Финсбреккене, последние дни перед отъездом в Хамар; мать и сестры справляли ему одежду.

За день перед тем, как ехать на юг, он пришел в Йорюндгорд проститься. И ему удалось шепнуть Кристин, – не выйдет та она к нему навстречу завтра вечером на дорогу к югу от Лэугарбру.

– Мне бы хотелось побыть с тобой наедине последний раз, что мы встретимся, – сказал он. – Или тебе кажется, что я прошу слишком много, – ведь мы же росли вместе, как родные браг сестра? – прибавил он, видя, что Кристин медлит с ответом.

Тогда она пообещала прийти, если только ей удастся ускользнуть из дома незаметно.

На следующее утро шел снег, а днем начался дождь, и все дороги и поля превратились в сплошную лужу, серые клочья тумана медленно ползли по горным склонам, спускались временами вниз и свивались в белые клубы у подножия горы, но потом погода снова портилась.

Отец Эйрик зашел помочь Лаврансу составить кое-какие бумаги. Оба они прошли в старую горницу с очагом, так как в такую погоду там было уютнее, чем в большой комнате, где печь заполняла дымом все помещение. Мать была в Лэугарбру, поправлявшей после горячки, которую она схватила ранней осенью.

Поэтому Кристин нетрудно было незаметно ускользнуть, но она не решилась взять лошадь и пошла пешком. Дорога была месивом из грязи, снега и увядших листьев; земля грустно дышала сырым, затхлым и мертвым дыханием, а налетавший время от времени ветер обдавал лицо Кристин водяной пылью. Она плотно натянула капюшон на голову, обеими руками придерживая на себе плащ, и быстро шла вперед. Ей было не того страшно – рев реки раздавался так глухо в сыром, тяжелом воздухе, а черные разорванные тучи неслись по горным хребтам. Время от времени она останавливалась и прислушивалась не идет ли Арне.

Вскоре она услышала шлепанье копыт по размякшей дороге. Кристин остановилась, так как место здесь было пустынное, и она решила, что тут можно без помехи попрощаться. И почти сей-

час же увидела позади себя всадника; Арне соскочил с лошади и шел, ведя ее под уздцы, навстречу Кристин.

– Как хорошо ты сделала, – сказал он, – что пришла, несмотря на такую ужасную погоду!

– Погода еще хуже для тебя – ты ведь должен ехать в такую даль; но почему ты выехал из дому так поздно? – спросила она.

– Ион попросил меня переночевать в Лоптсгорде. – ответил Арне. – Я думал, тебе легче будет прийти сюда вечером.

Некоторое время они молча стояли. Кристин показалось, что она ни разу до этих пор не замечала, как красив Арне. На голове у него был гладкий стальной шлем, надетый на коричневый шерстяной подшлемник, плотно обрамлявший его лицо и спускавшийся на плечи; худощавое лицо казалось под ним таким ясным и пригожим. Кожаный панцирь на Арне был стар, покрыт ржавыми пятнами и исцарапан кольчугой, которую надевали поверх него, – Арне получил его от отца, – но этот панцирь прекрасно сидел на стройном, гибком и крепком теле юноши; сбоку у него висел меч, в руке было копье, остальное оружие висело на седле. Он был совсем взрослым мужчиной и выглядел молодцом.

Она положила руку ему на плечо и молвила:

– Помнишь, Арне, как ты однажды спросил, не думается ли мне, что ты не хуже Симона, сына Андреев? И вот что я скажу тебе теперь, перед тем как нам расстаться: ты, по-моему, настолько же выше его по красоте и обхождению, насколько он считается выше тебя по родовитости и богатству, по мнению людей, которые больше всего обращают внимание на такие вещи!

– Зачем ты говоришь мне это? – спросил Арне затаив дыхание.

– Потому что брат Эдвин внушил мне, что мы должны благодарить Бога за его дары и не быть похожими на ту женщину, которая плакала, когда святой Улав приумножил ее пищу, что у нее не хватает посуды, – и поэтому ты не должен сердиться, что Бог не дал тебе столько же богатства, сколько телесной красоты...

– Так вот что ты хотела сказать! – произнес Арне. И так как она промолчала, то он молвил:

– А мне показалось, ты хотела сказать, что охотнее пошла бы замуж за меня, чем за другого...

– Конечно, я охотнее пошла бы за тебя, – тихо сказала она, – ведь тебя я лучше знаю...

Арне обнял Кристин так крепко, что поднял ее от земли. Он много раз поцеловал ее в лицо, но потом снова опустил ее на землю.

– Боже мой, Кристин, какой ты еще ребенок!

Она стояла, опустив голову, не снимая рук с его плеч. Он схватил ее за руки чуть выше кисти и крепко сжал.

– Я вижу, моя ненаглядная, что ты не понимаешь, как сильно болит мое сердце оттого, что я теряю тебя! Кристин, ведь мы росли вместе, как два яблока на одной ветке, я полюбил тебя раньше, чем мог понять, что когда-нибудь явится другой и отнимет тебя у меня! Клянусь Богом, принявшим смерть за всех нас, – я не знаю, смогу ли я когда-нибудь быть счастливым и веселым после нынешнего дня.

Кристин горько плакала и подняла к Арне лицо, чтобы он мог поцеловать ее.

– Не говори так, Арне мой, – просила она, глядя его по плечу.

– Кристин, – сказал Арне тихим голосом и снова обнял ее. – Не думается ли тебе, что ты могла бы попросить отца, – Лавранс такой добрый человек, он не станет принуждать тебя против твоей воли, – попросить его подождать несколько лет; кто знает, как повернется для меня счастье, мы оба еще так молоды...

– Мне придется поступить так, как хотят мои родители, – плакала она.

Тут и Арне не мог удержаться от слез.

– Нет, ты не понимаешь, Кристин, как ты мне дорога! – Он спрятал лицо у нее на плече. – Если бы ты понимала и сама любила меня, то пошла бы к Лаврансу и стала просить и умолять его...

– Я не могу этого сделать, – всхлипывала девушка, – я никогда не смогу так сильно полюбить мужчину, чтобы пойти ради него против родителей. – Она нащупывала лицо Арне под его

подшлемником и тяжелым стальным шлемом. – Не плачь же так, Арне, самый дорогой мой друг!

– Тогда уж возьми вот это! – сказал он спустя немного и дал ей маленькую застежку. – И думай иногда обо мне, потому что я никогда не забуду тебя и своего горя...

Было уже почти темно, когда Кристин и Арне сказали друг другу последнее прости. Она стояла и смотрела ему вслед, когда он наконец поехал. Желтоватый свет пробивался в прорыве между тучами, отражаясь в отпечатках ног ее и Арне там, где они ходили или стояли в дорожной грязи. Все кругом так холодно и печально, думала Кристин. Она вытащила из-под верхней одежды шейный платок, вытерла им заплаканное лицо, затем повернулась и пошла домой.

Она промокла и озябла и шла быстрым шагом. Через некоторое время она услышала, что кто-то идет за нею по дороге. Ей стало немного страшно: могло случиться, что даже и в такой вечер, как нынче, кто-нибудь из чужих людей бродит на большой дороге, а девушке предстояла пустынная часть пути. По одну сторону дороги отвесно поднимался черный каменистый откос, а с другой стороны шел крутой обрыв, поросший сосновым лесом до самой свинцово-бледной реки на дне долины.. Поэтому Кристин обрадовалась, когда шедший за нею окликнул ее по имени; она остановилась и стала ждать.

Путник оказался высоким и худощавым мужчиной в темной накидке со светлыми рукавами. Когда он приблизился, то Кристин увидела, что он был одет как священник и нес на спине пустой мешок. Тут она узнала Бентейна-поповича, как все его звали, внука отца-Эйрика. Она сразу заметила, что он был очень пьян.

– Да, да, один уходит, а другой приходит, – сказал он со смехом, когда они поздоровались. – Я только что встретился с Арне из Бреккена, а ты, как вижу, идешь и плачешь! Ну, теперь ты можешь и улыбнуться, раз я вернулся домой, – ведь мы с тобой тоже были друзьями с самого детства, не так ли?

– Для поселка плохая замена получить тебя вместо него, – резко сказала Кристин. Она никогда не любила Бентейна. – И я боюсь, что многие согласятся с моим мнением. Твой дедушка был так рад, что тебе повезло в Осло.

– О да! – сказал Бентейн, грубо захохотав. – Так ты полагаешь, что мне повезло? Мне было там так хорошо, как свинье в пшеничном поле, Кристин; и конец был точь-в-точь такой же – меня погнали вон палками с криком и гиком! Да, да! Да, да! Мой дедушка немного видит радости от своего потомства. Однако как ты быстро идешь!

– Мне холодно, – коротко сказала Кристин.

– А мне, по-твоему, не холодно? – отвечал священник. – На мне из платья только и есть, что ты видишь, мне пришлось продать свой плащ, чтобы купить пива и поесть в Хамаре Малом. А ты, наверное, все еще пышешь жаром после прощания с Арне; я думаю, тебе придется пустить меня к себе под мех. – И он схватил край ее плаща, перебросил его через плечо и обнял стан Кристин своей мокрой рукой.

Кристин была настолько ошеломлена его дерзостью, что прошло целое мгновение, прежде чем она сообразила как следует; она хотела вырваться, но он крепко держался за ее плащ, а плащ был скреплен крепкой серебряной застежкой. Бентейн снова обнял ее. хотел поцеловать и приблизился ртом к ее подбородку. Она пыталась ударить его, но он обнимал ее, обхватив ей плечи.

– Ты что, с ума сошел? – прошипела она, отбиваясь от него. – Ты смеешь так прикасаться ко мне, как будто я какая-нибудь... Завтра ты в этом горько раскаешься, негодяй...

– А-а, завтра ты будешь умнее, – сказал Бентейн, подставляя ей ножку, так что Кристин едва не упала навзничь в дорожную грязь, и зажимая ей рот рукой.

И все же ей не приходило в голову кричать. Только сейчас поняла она, что он посмел захотеть от нее, но ярость охватила ее с такой дикой силой, что она почти не ощущала страха; она рычала, как зверь в драке, и боролась с мужчиной, а тот придавливал ее к земле так, что холодная как лед вода от талого снега пропитывала ее платье, проникая до пылающей огнем кожи.

– Назавтра у тебя хватит ума помолчать, – говорил Бентейн, – а если этого нельзя будет скрыть, то можешь свалить на Арне – скорее поверят!..

Один из его пальцев попал ей в рот, и она укусила его изо всех сил: Бентейн закричал и разжал руки. Кристин с быстротой молнии высвободила одну руку, схватила его за лицо и изо всей

мочи нажала ему глаз большим пальцем. Бентейн взревел и поднялся на колени. Она выскользнула, как кошка, толкнула священника так, что тот упал на спину, и кинулась бежать по дороге, разбрызгивая грязь при каждом прыжке.

Ока бежала и бежала, не оглядываясь назад. Она слышала, что Бентейн бежит за нею и мчалась так, что сердце стучало у нее как бешеное. Кристин бежала с тихими стопами, глядя прямо перед собой, – неужели ей никогда не добраться до Лэугарбру? Наконец она добежала до той части дороги, где та шла через распаханное поле; она уже видела кучку построек внизу на склоне холма – и вдруг почувствовала, что не посмеет бежать туда, где была ее мать, в том виде, в каком была сейчас, – вся с головы до ног в грязи и глине, в опавших листьях, в изорванном платье...

Она заметила, что Бентейн нагоняет ее; тогда она нагнулась и подняла два больших камня. Когда он подбежал ближе, она запустила в него камнями; один из них попал в Бентейна и опрокинул его. Тогда она снова побежала и остановилась только на мосту.

Она стояла, вся дрожа, держась за перила моста; в глазах у нее потемнело, и ей показалось, что она сейчас упадет без памяти; но тут вдруг вспомнила о Бентейне – а что, если он придет сюда и найдет ее? И она пошла дальше, содрогаясь от стыда и горечи, хотя ноги едва несли ее; и только теперь она почувствовала, как горит и болит ее исцарапанное ногтями лицо и как она ушибла себе спину и руки. Прорвались горячие, как огонь, слезы.

Ей хотелось, чтобы Бентейн был убит тем камнем, что она бросила, ей хотелось вернуться и прикончить его; она схватилась было за нож, но заметила, что, вероятно, потеряла его.

И тут она опять подумала, что не смеет показаться домой; тогда ей пришло в голову пойти в Румюндгорд. Она решила пожаловаться отцу Эйрику.

Но священник еще не возвращался из Йорюндгорда. В кухне она встретила Гюнхильд, мать Бентейна: женщина была одна, и Кристин рассказала, как ее сын обошелся с нею. Но не упомянула о том, что ходила встречать Арие. Гюнхильд подумала, что она была в Лэугарбру, и когда Кристин это поняла, то не стала разубверять ее.

Гюнхильд говорила мало, но очень плакала, замывая одежду Кристин и зашивая пока что самые большие прорехи. А молодая девушка была так взволнована, что не замечала, какие взгляды кидала на нее втихомолку Гюнхильд.

Но когда Кристин уходила, Гюнхильд захватила свой плащ и вышла за девушкой во двор, а потом пошла по направлению к конюшне. Кристин спросила ее, куда она собирается ехать.

– Полагаю, мне можно будет съездить и проведать сына, – ответила женщина. – Не убила ли ты его камнем или что с ним случилось...

Кристин решила, что ей нечего на это отвечать, и только сказала, что Гюнхильд должна позаботиться о том, чтобы Бентейн как можно скорее убирался из долины и не попадался ей на глаза.

– Иначе я расскажу обо всем этом Лаврансу, а ты понимаешь, что будет тогда.

Бентейн действительно через какую-нибудь неделю уехал на юг; отец Эйрик дал ему письмо к хамарскому епископу, прося того найти внуку какое-нибудь занятие или поддержать его.

VI

В один из дней Рождества в Йорюндгорд совершенно неожиданно приехал верхом Симон, сын Андреса. Он просил извинить его за приезд незванным и без родных, но отец его уехал в Швецию по поручению короля. Сам же он провел некоторое время дома, в Дюфрине, где остались только его младшие сестры и мать, лежавшая больной, но потом ему стало скучно и очень захотелось заглянуть в Йорюндгорд.

Рагнфрид и Лавранс очень благодарили его за то, что он пустился в такую дальнюю дорогу в самую суровую зимнюю пору. Чем чаще они виделись с Симоном, тем больше он им нравился. Он знал обо всем, что было говорено между Лаврансом и Андресом, и теперь было решено, что обручение его с Кристин будет отпраздновано до наступления поста, если Андрес сможет вернуться домой к этому времени, а то – сразу после Пасхи.

Кристин держала себя тихо и робко со своим женихом; она не знала, о чем ей говорить с ним. Однажды вечером, когда все сидели и пили, Симон попросил ее выйти с ним подышать све-

жим воздухом. И когда они стояли на галерее перед дверью верхней горницы, он обнял Кристин за талию и поцеловал. Она не была рада этому, но и не противилась, так как знала, что обручения не избежать. Теперь она думала о своем замужестве только как о чем-то, что должно быть, а не как о том, чего ей самой хотелось бы. Впрочем, ей все же нравился Симон, особенно, когда он разговаривал с другими, но не трогал ее и не говорил с ней.

Всю эту осень она чувствовала себя такой несчастной. Напрасно она твердила себе, что ведь Бентейну не удалось ничего ей сделать; она все равно чувствовала себя как бы опозоренной.

Ничто не могло быть, как раньше, с тех пор, как мужчина осмелился покуситься на нее. По целым ночам она лежала без сна, сгорая от стыда, и не могла не думать об этом. Она помнила, как прижималось к ней тело Бентейна, когда она дралась с ним, помнила его горячее, пахнущее пивом дыхание – она не могла не думать о том, что могло произойти, – и с дрожью всей плоти вспоминала, как Бентейн сказал: если это нельзя будет скрыть, то виновником будет считаться Арне. В ее воображении одна за другою проносились картины того, что произошло бы, если бы с ней действительно стряслось такое несчастье, а люди узнали бы о ее свидании с Арне, и если бы ее отец и мать подумали что-нибудь подобное об Арне, а сам Арне... Она видела его таким, каким он был в последний вечер, и чувствовала себя поверженной ниц перед ним, потому только, что могла увлечь его за собою в пучину горести и позора. И ее преследовали такие безобразные сны! Она слыхала в церкви и читала в священной истории такие слова, как-"плотское желание" и "томление плоти", но они не имели для нее никакого значения. Теперь же ей стало ясно, что у нее самой и у всех людей есть грешное тело из плоти и крови, которое опутывает душу и въедается в нее жесткими оковами.

Потом она начинала рисовать себе, как она убивает Бентейна или ослепляет его. Единственной ее отрадой было упиваться мечтами о мести этому отвратительному, темному человеку, который всегда стоял на ее пути, о чем бы она ни думала. Но этого не надолго хватало; по ночам она лежала рядом с Ульвхильд, горько плача обо всем том, что навлекло на нее насилие. Бентейну все-таки удалось лишить невинности ее душу.

В первый будний день после Рождества все женщины в Йорюндгорде хлопотали в поварне. Рагнфрид и Кристин тоже пробыли там большую часть дня. Поздно вечером, когда некоторые из женщин были заняты уборкой после печения хлеба, а другие готовили ужин, в дверь опрометью вбежала скотница, крича и всплескивая руками.

– Господи, Господи, слыхано ли такое несчастье – Арне, сына Гюрда, везут мертвого домой на санях! Господи, смилуйся над Гюрдом и Ингой, какое ужасное для них горе!..

В кухню вошел человек, живший в маленькой избушке немного ниже по дороге, и с ним Халвдан. Они-то оба и видели, как везли мертвое тело.

Женщины столпились вокруг них. Позади круга стояла Кристин, вся белая и обмершая. Халвдан, ближний слуга Лавранса, знавший Арне с самого детства, рассказывал, рыдая.

Это Бентейн-попович убил Арне. Вечером под Новый год слуги епископа сидели и пили в мужской трапезной, и туда же пришел Бентейн; он работал писцом в церкви Тела Господня. Слуги сперва не хотели впускать его, но он напомнил Арне, что они земляки; тогда Арне посадил его рядом с собою, и они стали пить. Но потом между ними началась драка, и Арне так яростно напал на Бентейна, что тот схватил со стола нож и всадил его в горло Арне, а потом несколько раз ударил его в грудь. Арне умер почти сейчас же.

Епископ принял это несчастье очень близко к сердцу; он лично позаботился о том, чтобы тело обрядили, и велел, чтобы весь долгий путь домой труп везли собственные епископские слуги. А Бентейна приказал заковать в цепи, отлучил его от церкви, и если его еще не повесили, то скоро повесят.

Халвдану пришлось рассказывать об этом много раз, по мере того как стекались все новые слушатели. Лавранс и Симон тоже пришли в поварню, заметив волнение и суматоху в доме. Лавранс очень взволновался; он велел оседлать лошадь, так как хотел сейчас же ехать в Бреккен. Когда он уже собирался уходить, взгляд его упал на бледное лицо Кристин.

– Может быть, ты хочешь поехать со мной? – спросил он.

Кристин помедлила немного; дрожь пробежала у нее по телу, но потом она кивнула головой

– она была не в силах произнести ни слова.

– Не будет ли ей слишком холодно? – заметила Рагнфрид. – Ведь завтра будет заупокойная служба, и тогда мы все пойдем туда...

Лавранс взглянул на жену; он заметил и выражение лица Симона, затем подошел к Кристин и обнял ее за плечи.

– Не забудь, что они молочные брат и сестра; может быть, ей хочется помочь Инге обрядить тело!

И хотя сердце Кристин сжималось от отчаяния и страха, ее согрела благодарность к отцу за его слова.

Рагнфрид сказала тогда, чтобы они поели каши перед тем как ехать, раз Кристин отправится с отцом. Она пожелала также послать с ними подарки Инге – новую полотняную простыню, восковых свечей и только что испеченный хлеб, – и поручила передать ей, что придет сама и поможет в хлопотах по погребению.

За ужином мало ели, но мною говорили. Напоминали друг другу об испытаниях, ниспосланных Богом Гюрду с Ингой. Усадьбу их разрушали то обвалы, то наводнения, многие из старших детей умерли, так что все сестры и братья Арне были еще детьми. За последнее время счастье как будто улыбнулось им, с тех пор как епископ назначил Гюрда своим управителем в Фипсбреккене, и все оставшиеся в живых дети были красивы и подавали надежды. Но мать любила Арне много больше, чем всех остальных...

Все жалели также и отца Эйрика. Священник пользовался уважением и любовью, и население прихода гордилось им; он был ученым и искусным священником и за все годы своего служения церкви ни разу не пренебрег ни единым праздником или мессой или службой, которую обязан был отпеть. В молодости он был военным и служил под начальством графа Алфа ил Турнберга, но имел несчастье убить какого-то очень родовитого человека и потому должен был искать прибежища у епископа в Осло; когда тот заметил его способности к книжной науке, он стал готовить его в священники. И не будь у отца Эйрика до сих пор врагов из-за этого давнего убийства, он, конечно, не сидел бы здесь при маленькой церквушке. Правда, он был очень жаден к деньгам, и для своей мощны и для церковной, но зато теперь в церкви есть столько сосудов, и одеяний, и книг; а эти его дети – он никогда не видел от своего потомства ничего, кроме горя и забот. В сельских приходах считали несправедливым, что священники должны жить как монахи, раз им все равно нужна женская прислуга в усадьбах. И как им быть без женщины для присмотра за хозяйством? Ведь сколько им приходится совершать далеких и трудных разъездов по приходу, и притом во всякую погоду. Люди, кроме того, хороню помнили то время, когда священники в Норвегии были женатыми людьми. Поэтому никто не считал особенным грехом, что отец Эйрик прижил троих детей с женщиной, присматривавшей за его хозяйством, когда он был еще молод. Но в этот вечер люди все-таки говорили, что, пожалуй, Бог хочет наказать отца Эйрика за нецеломудренную жизнь – так много горя видел он от своих детей и внуков! И кто-то заметил, что все же есть смысл в том, что священникам не разрешают заводить себе жен и детей, потому что теперь, наверное, возникнет неприязнь и вражда между священником и семьей из Финсбреккена, а раньше они были добрыми друзьями.

Симон, сын Андреса, отлично знал о поведении Бентейна в Осло и рассказал об этом. Бентейн поступил писцом к священнику церкви святой Марии и, говорят, показал себя способным парнем. Он нравился также многим женщинам – глаза у него таковские, да и за словом в карман он не полезет. Иные считали его красивым мужчиной – все больше замужние женщины, которые думали, что им не повезло в мужьях, да и молодые девушки – из таких, что любят, если мужчины вольно обращаются с ними. Симон засмеялся – вы, конечно, понимаете? Ну, так вот, Бентейн был настолько хитер, что не заходил слишком далеко с такого рода женщинами; с ними он довольствовался одними разговорами и поэтому заслужил славу целомудренного человека. Но дело в том, что король Хокон, господин благочестивый и нравственный; хотел приучить и своих людей к добродетельному и приличному поведению – во всяком случае, молодежь; с остальными, конечно, ему труднее справиться. И вот теперь так заведено, что придворный священник всегда осведомлен обо всех тайных проказах молодых людей – будь то кутеж, игра, или пьянство, или что другое в

этом роде; бедокурам приходилось исповедоваться священнику в своих грехах, и нести потом наказание, и выслушивать строгие выговоры – да, двое-трое самых отчаянных парней были даже выгнаны вон. Но тут вышло наконец наружу, что среди них был этот лис – Бентейн-секретарь: он посещал тайным образом все пивные и еще более скверные дома; выслушивал исповедь девок и давал им отпущение...

Кристин сидела рядом с матерью; она пробовала есть, чтобы никто не заметил ее состояния, но руки у нее так дрожали, что она расплескивала толокенную кашу каждый раз, как набирала ее в ложку, а язык во рту казался таким толстым и сухим, что она не могла проглотить ни одного кусочка хлеба. Но когда Симон начал говорить о Бентейне, ей пришлось перестать притворяться, будто она ест, и схватиться обеими руками за скамейку, на которой она сидела, – такой ужас и отвращение овладели ею, что она почувствовала головокружение и тошноту. И вот он-то хотел... Бентейн и Арне, Бентейн и Арне... Больная от нетерпения, ждала она, когда кончится ужин. Она страстно хотела увидеть Арне, прекрасное лицо Арне, упасть на колени около его тела, предаться горю и забыть обо всем на свете.

Помогая Кристин одеваться, мать поцеловала ее в щеку. Кристин уже так отвыкла от материнской ласки, что ей стало от нее легче; на мгновение она положила голову на плечо Рагнфрид, но не могла плакать.

VII

Выйдя во двор, она увидела, что еще несколько человек собирались ехать с ними – Халвдан, Ион из Лэугарбру, Симон и его слуга. И мысль, что двое чужих тоже поедут с ними, причинила ей невероятную боль.

В этот вечер стоял жестокий мороз, так что снег громко скрипел под ногами; частые звезды искрились, как иней, на черном небе. Проехав немного, они услышали дикие крики, вой и бешеный топот копыт, несшиеся с лугов к югу от них, – несколько дальше по дороге их нагнала буйная ватага всадников и прорвалась вперед мимо них, оглушая звоном металла; запах дымящихся, заиндевелых лошадиных тел ударил в лицо, хотя им и пришлось съехать в сторону, в глубокий снег. Халвдан окрикнул дикую толпу – это была молодежь со дворов южной части прихода; они все еще праздновали Рождество и выехали испытать лошадей. Некоторые из них, чересчур пьяные, чтобы понять что-либо, промчались с шумом и гамом мимо, барабана по своим щитам. Но двое-трое расслышали те вести, что Халвдан прокричал им вслед; они отстали от других, затихли и присоединились к спутникам Лавранса, шепотом разговаривая со всадниками, ехавшими позади всех.

Наконец они увидели перед собой усадьбу Финсбреккен, лежавшую на холме по ту сторону реки Силь. Между постройками светилось что-то – посреди двора в снежные сугробы были воткнуты смоляные факелы, и отблеск пламени играл красным светом на белом склоне, а темные дома казались измазанными запекшейся кровью. Одна из маленьких сестер Арне стояла на дворе, прыгая с ноги на ногу и скрестив руки под плащом. Кристин поцеловала заплаканного, иззябшего ребенка. На сердце у нее лежал тяжелый камень, и ей казалось, что ноги налиты свинцом, когда она поднималась по лестнице на чердак стабюра, где было положено тело.

Звуки пения и блеск множества зажженных свечей встретили их в дверях. Посреди горницы, покрытый простыней, стоял гроб, в котором Арне привезли домой; доски были положены на козлы, и гроб поставлен на них. В головах стоял молодой священник с книгой в руках и пел; кругом были коленопреклоненные люди, прятавшие лица в складках толстых плащей.

Лавранс зажег свою свечу об одну из горевших у гроба, прилепил ее на доску помоста и опустился на колени. Кристин хотела сделать то же самое, но никак не могла поставить свечу; тогда Симон взял свечу и помог ей. Пока священник читал, все стояли на коленях и шепотом повторяли за ним слова молитв, так что пар клубом шел у всех изо рта – на чердаке был ледяной холод.

Когда священник закрыл книгу и все поднялись с колен, – в горнице, где лежал покойник, собралось уже довольно много народу, – Лавранс подошел к Инге. Она устала на Кристин и казалось, не слышала того, что говорил ей Лавранс; в руках у нее были переданные им подарки, но

она держала их, как будто не сознавая, что держит.

– Так и ты тоже пришла, Кристин? – сказала она странным, сдавленным голосом. – Может быть, тебе очень хочется взглянуть на моего сына, каким он вернулся ко мне?

Она отставила в сторону две-три свечи, схватила Кристин за локоть дрожащей рукой, а другою сорвала покров с лица покойника.

Оно было желтовато-серым, как глина, а губы свинцового цвета; они немного разошлись, так что видны были ровные, мелкие, белые, как кипень, зубы, и как будто насмешливо улыбались. Из-под длинных ресниц чуть виднелись остекленелые глаза, а на щеках у висков выступали черные синяки – не то следы от ушиба, не то трупные пятна.

– Может, хочешь поцеловать его? – спросила Инга тем же голосом, и Кристин послушно нагнулась и прижалась губами к щеке мертвеца. Щека была влажной, словно от росы, и Кристин показалось, что она чувствует слабый запах тления; и впрямь, он начал оттаивать от жара стольких свечей.

Кристин продолжала лежать на коленях, опираясь руками о доску гроба, и не в силах была подняться. Инга еще дальше отвернула покров, так что стала видна большая ножевая рана под ключицей. Потом она повернулась к собравшимся и сказала дрожащим голосом:

– Люди лгут, вижу я, когда говорят, будто – раны у мертвеца открываются, если его коснется тот, кто был причиной его смерти. Он теперь холоднее, мой мальчик, и не так красив, как в тот последний раз, когда ты выходила к нему навстречу на дорогу. Я вижу, тебе теперь не нравится целовать его, но я слышала, что тогда ты не брезговала его поцелуями!..

– Инга, – сказал Лавранс, подходя к ней, – ты с ума сошла – или ты бредишь!..

– Да, вы все стали такими важными у себя в Йорюндгорде... Ты слишком богатый человек, Лавранс, сын Бьёрпольфа, чтобы сын мой посмел подумать о честном сватовстве к твоей дочери... Да и она-то сама, Кристин, наверное сочла, что он не достаточно хорош для этого. Но он был достаточно хорош, чтобы ей бегать за ним ночью по большим дорогам и играть с ним в кустах в тот вечер, когда он уезжал... Спроси у нее, увидим тогда, посмеет ли она отпереться здесь, когда Арне лежит мертвый – и тому виной она и ее распущенность...

Лавранс не стал спрашивать; он повернулся к Гюрду:

– Уйми свою жену – она сама себя не помнит!

Но Кристин подняла свое бледное лицо и с отчаянием окинула всех взглядом:

– Я вышла навстречу к Арне в последний вечер, потому что он просил меня о том. Но не было между нами ничего непозволительного. – И вдруг, словно собравшись с духом и сразу поняв все, она громко закричала:

– Я не знаю, что ты хочешь сказать, Инга, неужели ты клеветешь на Арне, когда он лежит тут перед нами? Он никогда не искушал меня и не соблазнял!..

Но Инга громко рассмеялась:

– Не Арне, нет! Но Бентейн-попович – он не позволил тебе так играть с собою! Спроси-ка у Гюнхильд, Лавранс, которая смывала грязь со спины твоей дочери, спроси у любого из тех, кто сидел под Новый год в людской у епископа, когда Бентейн насмеялся над Арне, что тот дал ей уйти и остался с носом, одураченный ею! А потом она позволила Бентейну идти с собой под одним плащом и хотела поиграть с ним в ту же игру,.

Лавранс схватил ее за плечо и зажал ей рот рукою.

– Выведи ее вон, Гюрд! Стыдно тебе говорить так у тела этого доброго и хорошего юноши, но если бы даже все твои дети лежали тут мертвыми, все равно я не стал бы слушать, как ты клеветешь на мое дитя; а ты, Гюрд, ответишь мне за слова этой сумасшедшей женщины.

Гюрд взял жену за руки и хотел было увести ее, но сказал Лаврансу:

– Однако Арне и Бентейн действительно говорили о Кристин в тот вечер, когда мой сын лишился жизни. Ты, понятно, не слышал об этом, но по приходу еще осенью ходили разговоры.

Симон ударил мечом по стоявшему около него сундуку.

– Нет, добрые люди, вы должны найти другой предмет для разговоров в этом скорбном покое, а не болтать о моей нареченной невесте!.. Священник, разве вы не можете унять этих людей, чтобы здесь соблюдался должный порядок?..

Священник. – Кристин разглядела теперь, что это был младший сын из Ульвсволда, приехавший домой на Рождество, – раскрыл книгу и снова встал у помоста. Но Лавранс закричал, что он заставит всех, кто говорил о его дочери, кто бы они ни были, пожалеть о своих словах, а Инга завопила:

– Возьми, возьми мою жизнь, Лавранс, как она отняла у меня всю мою радость и утешение, и сыграй ей свадьбу с этим сыном рыцаря, но все-таки люди знают, что она стала женою Бентейна на большой дороге!.. На! – И она швырнула Кристин через гроб простыню, которую Лавранс подарил ей, – не надо мне полотна от Рагнфрид, чтобы обрывать Арне в могилу! Сделай себе из него бабью повязку или спрячь пока, чтобы пеленать своего пащенка, и ступай к Гюнхильд да помоги ей горевать о повешенном сыне!..

Лавранс, Гюрд и священник схватили Ингу. Симон пытался поднять Кристин, которая лежала, упав головой на помост. Но она резко оттолкнула его руку, выпрямилась, стоя на коленях, и громко вскрикнула:

– Помоги мне, Господь мой спаситель, это не правда! – И, протянув руку, стала держать ее над пламенем ближайшей свечи у гроба.

Пламя как будто приникло и отклонилось в сторону, – Кристин почувствовала, что взоры всех устремлены на нее, – ей показалось, что это тянется очень долго. И вдруг сразу ощутила жгучую боль в ладони и с пронзительным криком упала на пол.

Она подумала, что теряет сознание, но поняла, что Симон и священник поднимают ее. Инга выкрикивала что-то; Кристин увидела испуганное лицо отца и слышала, как священник кричал, что никто не должен считаться с таким испытанием, так нельзя призывать Бога в свидетели! И тут Симон понес ее из горницы вниз по лестнице. Его слуга побежал к конюшне, и скоро все еще полубесчувственная Кристин сидела на седле впереди Симона, закутанная в его плащ, а Симон скакал вниз к поселку во всю прыть.

Лавранс нагнал их почти у самого Йорюндгорда. Остальные всадники с грохотом скакали за ними далеко позади.

– Не рассказывай ничего матери, – сказал Симон, опуская Кристин с лошади у входных дверей. – Сегодня вечером мы слышали слишком много безумных речей: неудивительно, что и ты сама потеряла в конце концов рассудок!

Рагнфрид лежала, но не спала еще, когда они вошли, и стала расспрашивать, что и как было в скорбной горнице. Симон взялся отвечать за всех. Да, было много свечей и много народу. Да, был и священник – Турмуд из Ульвсволда, а насчет отца Эйрика они слышали, что тот уехал нынче же вечером в Хамар, так что все недоразумения с похоронами обошли.

– Нам нужно заказать заупокойную обедню по Арне, – сказала Рагнфрид. – Боже, поддержи Ингу, какие жестокие испытания ниспосланы этой доброй, достойной женщине!

Лавранс подпевал в тон Симону; немного погодя Симон заметил, что всем им надо бы отправиться на покой, "потому что Кристин и устала и опечалена".

VIII

Через некоторое время, когда Рагнфрид заснула, Лавранс накинул на себя кое-что из одежды, подошел к дочерней постели и сел на край. Он нашел в темноте руку Кристин и сказал очень ласково:

– Ну, Расскажи мне теперь, дитя мое, что правда и что ложь во всем том, что болтает Инга.

Кристин, всхлипывая, рассказала ему обо всем, что случилось в тот вечер, когда Арне уезжал в Хамар. Лавранс не расспрашивал ее. Кристин подползла к отцу по кровати, обвила его шею руками и тихо, жалобно сказала:

– Я виновата в смерти Арне! Инга сказала правду...

– Арне сам попросил тебя выйти к нему навстречу, – сказал Лавранс, натягивая одеяло на обнаженные плечи дочери. – Необдуманно было с моей стороны позволять вам так часто бывать вместе, но я думал, что парень благоразумнее... Не буду обвинять вас, я понимаю, как тебе тяжело сейчас переносить все это! Но никогда я не думал, что какая-нибудь из моих дочерей заслужит

дурную славу в нашем приходе... И нелегко будет твоей матери, когда до нее дойдут эти вести... Но что ты пошла к Гюнхильд, а не ко мне, это было до того неразумно, что я просто не могу понять, как ты могла поступить так глупо!

– Я не в силах больше оставаться здесь, – плакала Кристин, – никому я не посмею взглянуть в глаза... И сколько зла я причинила всем. в Румюндгорде и в Финсбреккене...

– Да, – сказал Лавранс, – и Гюрду и отцу Эйрику придется позаботиться о том, чтобы эти сплетни о тебе были похоронены вместе с Арне. Впрочем, Симон, сын Андреса, может лучше всех взять тебя в этом деле под свою защиту, – сказал он и погладил дочь в темноте. – Не правда ли, Симон держал себя сегодня красиво и умно?

– Отец! – Кристин прижалась к нему и взмолилась горячо и жалобно:

– Отошли меня в монастырь, отец! Нет, выслушай меня, я давно уже думала об этом. Может быть, Ульвхильд поправится, если я пойду в монастырь вместо нее. Помнишь те башмачки, что я вышивала ей бисером осенью? Я больно исколола себе пальцы, изрезалась до крови острой золотой ниткой, но продолжала шить – мне казалось таким дурным, что я не так сильно люблю свою сестру, чтобы стать монахиней и тем помочь ей! Арне однажды спросил меня об этом... Если бы я тогда ответила – да, то ничего этого не случилось бы!..

Лавранс покачал головой.

– Ложись-ка! – сказал он. – Ты сама не знаешь, что говоришь, бедное дитя мое! Попробуй-ка лучше, поможешь ли ты заснуть...

Но Кристин лежала без сна, чувствуя боль в обожженной руке, и отчаяние и горькие думы о своей судьбе раздирали ей сердце. Худшей беды не могло с ней случиться, даже если бы она была самой грешной из женщин; все теперь, конечно, поверят... Нет, она не может, она не в силах оставаться здесь! Одна ужасная картина сменялась другой в ее мозгу... А когда еще и мать узнает обо всем этом!.. И теперь кровь лежит между ними и их духовным отцом, вражда разгорится между добрыми друзьями, окружавшими ее в течение всей ее жизни. Но самый невыносимый, щемящий душу ужас охватил ее, когда она подумала о Симоне и о том, как он взял ее и увез и как он говорил за нее дома и распоряжался, словно она была его собственностью! Отец и мать уже не имели значения, как будто она уже принадлежала ему больше, чем им...

Потом ей вспомнилось лицо Арне в гробу – холодное и суровое. Она вспомнила, что, идя в последний раз из церкви, она видела открытую могилу, которая ждала своего мертвеца. Разбитые комья земли лежали на снегу, твердые, холодные и серые, как чугун, – вот куда привела она Арне...

И вдруг она припомнила один летний вечер, много лет тому назад. Она стояла на галерее в Финсбреккене у той самой горницы, где ее повергли в прах нынче вечером. Арне играл в мяч с несколькими мальчиками внизу, во дворе, и мячик залетел к ней. И когда Арне пришел за ним наверх, она спрятала мяч за спиною и не хотела отдавать; тогда Арне стал отнимать его силой – они стали драться на галерее, потом на чердаке между сундуками, а кожаные мешки со всякой одеждой, висевшие под потолком, хлопали их по головам, когда они натыкались на них, гоняясь друг за другом, и они оба хохотали и дурачились...

И тут наконец ей стало ясно, что он умер, и ушел навсегда, и она уже больше никогда не увидит его красивого и мужественного лица, не ощутит прикосновения его горячих рук. А она была так ребячлива и бессердечна, что никогда и не думала о том, каково ему будет потерять ее!.. Она пролиwała горькие слезы, и ей казалось, что она сама заслужила свое несчастье. Но тут она снова начинала думать обо всем, что еще ожидало ее впереди, и плакала уже оттого, что постигшее ее наказание казалось ей все-таки слишком жестоким...

Обо всем, что произошло накануне вечером в Бреккене, в той горнице, где лежало тело Арне, рассказал Рагнфрид Симон. Он передал ей не больше того, что необходимо было сказать. Но Кристин до того была измучена горем и бессонной ночью, что почувствовала совершенно необоснованную досаду, и горечь против Симона за то, что он мог говорить так обо всем, как будто это вовсе уж не было столь ужасно. Кроме того, ее очень раздражало поведение родителей, которые позволяли Симону держать себя так, словно он был хозяином в доме.

– Но ты ведь не веришь всему этому, Симон? – боязливо спросила Рагнфрид.

– Нет, – отвечал Симон. – Я не думаю, чтобы кто-нибудь другой верил, – все ведь знают и вас, и ее, и этого Бентейна; но здесь, в этом отдаленном приходе, так мало есть о чем говорить, потому и не удивительно, что люди ухватятся за такой лакомый кусок. Но теперь вам следует научить их, чти доброе имя Кристин – слишком дорогое угощение для здешних деревенских дураков. Плохо то, что Кристин так перепугалась его грубости, что сразу не пришла к вам или к самому отцу Эйрику – я думаю, что этот развратный поп Бентейн с радостью засвидетельствовал бы, что он всего только хотел невинно пошутить, если бы ты, Лавранс, взялся за него!

Родители подтвердили, что тут Симон, конечно, прав. Но Кристин закричала, топнув ногой;

– Да ведь он сбил меня с ног!.. Я и сама не знаю, что он делал со мною, – я была вне себя, и больше ничего не помню и не знаю... Может быть, так оно и есть, как говорит Инга, – с тех пор я ни одного дня не была здоровой и веселой...

Рагнфрид вскрикнула и всплеснула руками; Лавранс вскочил; Симон тоже изменился в лице; – он зорко и пристально взглянул на Кристин, подошел к ней и взял ее за подбородок. Потом засмеялся:

– Благослови тебя. Бог, Кристин, уж ты бы помнила, если бы он что-нибудь сделал с тобой! Ничего нет удивительного в том, что она была больна и грустна после того несчастного вечера, когда ее так безобразно напугали; она ведь никогда ни от кого не видела ничего, кроме доброты и благожелательности, – сказал он, обращаясь к родителям Кристин. – Ведь всякий, кроме злобного человека, готового всегда верить скорее в дурное, чем в хорошее, видит ясно, что она девушка, а не женщина!

Кристин взглянула в маленькие упрямые глаза своего жениха. Она подняла было руки – ей хотелось обнять его. Но он снова заговорил:

– Не думай, Кристин, что ты никогда этого не забудешь. У меня совсем нет намерения теперь же поселиться с тобой в Формо, чтобы ты никогда не уезжала из долины. "Ни у кого не бывает одинакового цвета волос и расположения духа в дождь и в вёдро", любил говорить старый король Сверре, когда упрекали его приверженцев биркебейнеров в гордыне во время удачи...

Лавранс и Рагнфрид улыгнулись – им забавно было слышать, что молодой человек говорит с видом старого, мудрого епископа. А Симон продолжал:

– Не подобает мне учить тебя, моего будущего тестя: но, может быть, позволительно мне будет сказать, что меня с сестрами и братьями держали куда строже, нам не позволяли так свободно бегать с дворовыми людьми, как, я вижу, Кристин привыкла с детства. Моя мать часто говорила: "Кто играет с детьми скотников, тот в конце концов часто находит вшей у себя в волосах", – в этом есть доля правды!

Лавранс и Рагнфрид на это промолчали. Но Кристин отвернулась, и ее мимолетное желание обнять Симона Дарре совершенно оставило ее.

Около полудня Лавранс и Симон взяли лыжи и пошли в горы взглянуть, не попалась ли дичь в ловушки. Стояла хорошая погода, солнце ярко светило, и было не так холодно. Обоим мужчинам приятно было уйти на время от уныния и плача, царивших дома, поэтому они зашли далеко, до самой вершины горы, выше лугов.

Они лежали на солнце под скалою, пили и ели. Лавранс заговорил об Арне – он очень любил этого юношу. Симон соглашался с ним, хвалил покойного и говорил, что не удивительно, если Кристин горюет о своем молочном брате. Тогда Лавранс заметил, что, может быть, теперь не следовало бы торопить ее, но дать время несколько успокоиться, прежде чем праздновать обручение. Она говорит, что ей очень хотелось бы поехать на время в монастырь.

Симон быстро сел и издал продолжительный свист.

– Тебе это не нравится? – спросил Лавранс.

– Нет, нет, отчего же? – поспешно ответил тот. – Это кажется мне наилучшим выходом, дорогой тесть! Пошлите ее на один годок к монахиням в Осло – пусть она узнает, как люди сплетничают друг про друга в большом свете. Я немного знаком с некоторыми из тамошних девиц, – сказал он и засмеялся. – Те уж не станут падать навзничь и умирать с горя, если двое сумасшедших парней разорвут друг друга на части из-за них! Не то чтобы мне хотелось такую жену, но мне думается, что Кристин не худо будет встретиться с новыми людьми.

Лавранс уложил в мешок остатки еды и сказал, не глядя на юношу:

– Мне кажется, ты любишь Кристин...

Симон тихонько засмеялся, тоже не глядя на Лавранса.

– Ты знаешь сам, я ценю ее и тебя также, – быстро и смущенно сказал он, встал и взялся за лыжи. – Я никого еще не встречал, на ком мне больше хотелось бы жениться...

Незадолго до Пасхи, когда в долине и на озере Мьёсен еще держалась санная дорога, Кристин во второй раз в своей жизни поехала на юг. Симон прибыл к ним, чтобы проводить ее до монастыря, так что на этот раз она ехала в сопровождении отца и жениха, в санях, укутанная в меха; а сзади следовали слуги и сани с ее вещевым сундуком и подарками, съестными припасами и мехами для аббатисы и сестер в женском монастыре Ноннесетер.

Часть вторая ВЕНЕЦ

I

Ранним воскресным утром в конце апреля праздничная лодка Осмюнда, сына Бьёрпольфа, огибала остров Хуведёй³³ под звон колоколов монастырской церкви, которому вторил через залив перезвон городских колоколов, то усиливаясь, то ослабевая вместе с ветром.

Светлые перистые облака разметались по высокому бледно-голубому небу, а солнце беспокойно поблескивало на покрытой рябью воде. Берега выглядели уже совсем по-весеннему, поля лежали почти без снега, и в молодых зарослях кустарника были синие тени и желтоватый отсвет. Но в еловых лесах на высоких холмистых кряжах, словно обрамлявших весь округ Акера, проглядывал еще кое-где снег, и на синевших вдалеке горах на западе, по ту сторону фьорда, зияло еще много белых полос.

Кристин стояла на носу лодки вместе с отцом и Гюрид, женой Осмюнда. Она смотрела вперед на город, на его светлые церкви и каменные дома, поднимавшиеся за множеством серовато-коричневых деревянных построек и деревьев с обнаженными вершинами. Ветер играл полами ее плаща и трепал волосы, выбивавшиеся из-под капюшона.

Накануне в усадьбе Скуг впервые выпустили скотину из хлевов, и Кристин вдруг так затосковала по дому, по Йорюндгорду. Там еще не скоро можно будет выпускать скот, и она с нежностью и жалостью вспомнила о худых после тяжелой зимы коровах в темных хлевах; им-то придется еще долго ждать и терпеть. Мать, Ульвхильд, которая все эти годы спала каждую ночь в ее объятиях, маленькая Рамборг... Кристин так скучала по ним! По всем домашние скучала она, и по лошадям, и собакам, и по Кортелину, которого отдали Ульвхильд, пока ее нет дома, и по отцовским соколам, сидящим на насестах с колпачками на головах. А рядом висят перчатки из конской кожи, чтобы надевать, когда соколов сажают на руку, и палочки из слоновой кости, которыми чешут птиц.

Все ужасы прошлой зимы словно отошли совсем далеко, и теперь она вспоминала дом, каким он был раньше. К тому же ей сказали, что никто в приходе не думает о ней ничего дурного. Отец Эйрик не верил рассказам, он был очень огорчен и гневался на Бентейна за его поступок. А Бентейн исчез из Хамара; говорили, что он бежал в Швецию. Так что между ними и соседней усадьбой не легло того жуткого, чего она так боялась.

По дороге в Осло они гостили у Симона, и она познакомилась с его матерью, сестрами и братьями – рыцарь Андрес был все еще в Швеции. Кристин не понравилось там, и ее нерасположение к хозяевам Дюфрина было тем сильнее, что она не могла тому найти хоть какое-нибудь разумное основание. Всю дорогу туда она твердила себе, что у них нет никакой причины гордиться и считать себя лучше ее родни, – никто ничего не знал о Рейдаре Дарре, биркебейнере, пока ко-

---

³³ Хуведёй – остров в глубине Ослофьорда, перед входом в порт Осло, в старину славившийся своим монастырем.

роль Сверре не устроил ему брака со вдовой ленного владельца из Дюфрина. Но они оказались совсем не гордецами, и сам Симон однажды вечером так сказал о своем прадеде: "Теперь я доподлинно узнал, что он был гребенщиком, – так выходит, что ты, Кристин, породнишься почти с королевским домом"³⁴. – «Держи язык за зубами, парень!» – сказала его мать, но все весело рассмеялись. Кристин чувствовала какую-то странную боль при мысли об отце; он часто смеялся, стоило только Симону дать ему хоть малейший повод для этого, и в душе Кристин рождалось смутное сознание, что, быть может, отец был бы рад, если бы ему было позволено чаще в жизни смеяться... Но ей не нравилось, что он так любит Симона.

Пасху они все провели в Скуге. Кристин скоро поняла, что дядя был строгим хозяином по отношению к своим крестьянам и слугам, – она встречала кое-кого из его людей, которые спрашивали о ее матери и с любовью говорили о Лаврансе; им жилось лучше, когда он был здесь. Мать Осмюнда, мачеха Лавранса, жила особняком в отдельном доме, она была не очень стара, но болезненна и дряхла. Дома Лавранс редко говорил о ней. Однажды, когда Кристин спросила его, обращалась ли с ним мачеха сурово, отец ответил: "Она мне ничего не делала – ни хорошего, ни дурного!"

Кристин нащупала руку отца, и он пожал ее руку. – Тебе, верно, понравится, дочка, у достойных сестер монахинь, там будет тебе чем заняться, не все будешь скучать по дому и по нам!

Они шли на парусах так близко к городу, что до них доносился с пристаней запах смолы и соленой рыбы. Гюрид называла по имени разные церкви, дома и улицы, прорезанные вверх по склону от воды, – у Кристин не осталось никаких воспоминаний с тех пор, когда она была здесь раньше, – только вспомнились тяжелые башни церкви Халварда. Они обошли весь город с западной стороны и пристали к монастырской пристани.

Кристин шла между отцом и дядей мимо разных складов, потом – по дороге, пересекающей поля. Гюрид следовала за ними об руку с Симоном. Слуги же оставались у лодки, чтобы помочь монастырским работникам уложить дорожные вещи на тележку.

Женский монастырь Поннесетер и весь Лейран лежали в черте города; но по дороге попадались лишь отдельные разбросанные там и сям кучки домов. Жаворонки звенели над их головами в бледно-голубом воздухе, на пожухлых глинистых откосах желтели целые толпы маленьких цветов мать-и-мачехи, а вдоль изгородей уже зеленела молодая трава, пробивавшаяся из-под прошлогодней.

Когда они вошли в монастырские ворота и вступили в крытую галерею, окружающую весь двор, из церкви навстречу им появилась вереница монахинь; музыка и пение неслись им вслед из открытых дверей.

Кристин, совершенно подавленная, смотрела вслед этому множеству женщин, одетых в черное, с белыми полотняными покрывалами, обрамлявшими лица. Она низко присела, а мужчины поклонились, прижимая шляпы к груди. За монахинями шла толпа молодых девушек – некоторые еще совсем дети – в платьях из толстой некрашеной шерсти, с белыми и черными кручеными поясами вокруг талий; волосы у них были гладко зачесаны назад и заплетены в косы, перевитые такими же черными и белыми шнурками. Кристин невольно приняла гордый вид, глядя на молодых девушек, потому что очень стеснялась и боялась, что они примут ее за глупую горянку.

В монастыре все было так великолепно, что Кристин была совершенно ошеломлена. Все постройки, окружавшие внутренняя двор, были сложены из серого камня; с северной стороны тянулась боковая стена церкви, высоко вздымавшаяся над другими домами; крыша была в два уровня, с башней на западном конце. Самый двор был выложен каменными плитами, а вокруг него шла крытая галерея, кровля которой поддерживалась красивыми колоннами. Внутри двора стояла каменная статуя Божьей Матери Милосердной, покрывавшей своим плащом несколько коленопреклоненных людей.

Одна из сестер белиц подошла к ним и попросила последовать за ней в приемную аббатисы. Фру Груа, дочь Гютторма, была высокой и крепкой старухой. Она была бы красива, если бы не

³⁴ Основатель царствовавшей и Норвегии династии, король Сверре, глава биркебейнеров, был сыном гребенщика, хотя выдавал себя за королевского сына.

густая растительность вокруг рта. Голос у нее был глубокий и напоминал мужской. Но в обращении она была дружелюбна, напомнила Лаврансу, что она знала его родителей, спросила его о жене и справилась, есть ли у него еще дети. Наконец она ласково сказала Кристин:

– О тебе идет хорошая молва, ты выглядишь умной и хорошо воспитанной и, конечно, не дашь нам повода к неудовольствию. Я слышала, что ты обручена с этим родовитым и добрым человеком, Симоном, сыном Андреса, которого вижу здесь перед собой, по нашему мнению, со стороны твоего отца и будущего мужа очень похвально, что они дают тебе возможность пожить некоторое время здесь, в доме деви Марии, чтобы ты научилась повиноваться и служить до того как тебе придется приказывать и управлять. И вот теперь мне хочется дать тебе в руководство добрый совет – чтобы ты научилась находить радость в молитве и богослужениях, тогда ты привыкнешь на всех путях своих вспоминать своего творца, добрую Божию мать и всех святых, давших нам лучшие примеры силы, справедливости, верности и всех тех добродетелей, которыми ты должна обладать, управляя своим имением и людьми и воспитывая детей. И еще: ты научишься в этом доме, что всякий должен ценить свое время, потому что здесь каждый час посвящен определенному занятию или работе. Многие молодые девушки и женщины любят подолгу лежать в постели по утрам, но зато подолгу сидеть по вечерам за столом и вести бесцельную болтовню; однако как будто ты на них не похожа. Тут ты можешь научиться за этот год многому такому, что послужит к твоему благополучию как здесь, на земле, так и на том свете.

Кристин низко присела и поцеловала ей руку. Затем фру Груа приказала Кристин следовать за необычайно толстой старой монахиней, которую звали сестрой Потенцией, в трапезную монахинь. Мужчин же и фру Гюрид пригласила откусать с собой в другом покое.

Трапезная была красивая, пол в ней был выложен камнем, а в стрельчатые окна были вставлены стекла. Она соединялась дверью с другой комнатой, где, должно быть, были тоже окна со стеклами, потому что Кристин видела, что туда проникают солнечные лучи.

Сестры уже сидели за столом в ожидании трапезы – пожилые монахини на покрытой подушками каменной завалинке вдоль стены с окнами, молодые сестры и простоволосые девушки в светлых шерстяных платьях – на деревянной скамье по другую сторону стола. В соседней комнате тоже был накрыт стол для самых почетных из постоянно живущих при монастыре постояльцев и слуг-мирян; среди них было несколько стариков. Все эти люди не носили монастырской одежды, но все-таки были одеты в скромное темное платье.

Сестра Потенция указала Кристин ее место на деревянной скамье, а сама прошла и встала около почетного места аббатисы в конце стола – сегодня оно было пусто.

Все поднялись с мест как в трапезной, так и в соседней комнате, и сестры прочли молитву перед обедом. Потом вперед вышла молодая красивая монахиня и стала у аналая, поставленного в дверях между обоими помещениями. И пока в трапезной сестры белицы, а в соседней комнате двое из младших монахинь разносили еду и питье, эта монахиня читала громким красивым голосом, не останавливаясь и не запинаясь ни на одном слове, повествование о святой Теодоре и святом Дидиме.

Первое время Кристин думала только о том, чтобы показать за столом свои хорошие манеры, потому что видела, что все сестры и молодые девушки ведут себя благородно и едят красиво, словно сидят зваными гостями на роскошном пиру. Лучшие яства и напитки давались в изобилии, но все накладывали себе лишь понемногу и брали с блюда пищу только самыми кончиками пальцев: никто не проливал подливки ни на скатерть, ни на платье, и все резали мясо так мелко, что не пачкали себе вокруг ртов, а ели до того осторожно, что не слышно было ни звука.

Кристин бросало в пот от страха, что она не сумеет вести себя так же благопристойно, как другие; кроме того, она чувствовала себя неловко в своем пестром наряде среди всех этих черных и белых женщин – она воображала, что все смотрят на нее. И вот когда она ела кусок жирной бараньей грудинки, придерживая кость двумя пальцами и отрезая мясо правой рукой стараясь работать ножом легко и изящно, все выскользнуло у нее из рук; ломоть хлеба и мясо разлетелись по скатерти, и ножик со звоном упал на каменные плиты пола.

В тишине звук раздался особенно громко. Кристин вспыхнула полымем и хотела нагнуться за ножом, но тут к ней подошла, неслышно двигаясь в сандалиях, сестра белица и собрала ей все.

Но Кристин не могла больше есть. К тому же, она почувствовала, что порезала себе палец и боялась запачкать кровью скатерть, поэтому сидела, завернув руку в складку платья и думая о том, что вот теперь она испачкает красивый голубой наряд, который ей подарили для поездки в Осло, и не смела поднять глаз от колен.

Но постепенно она начала внимательно прислушиваться к тому, что читала монахиня. Когда правитель не смог сокрушить твердости девицы Теодоры, – та не хотела ни приносить жертв идолам, ни позволить выдать себя замуж, – то он велел свести ее в дом разврата. Однако по дороге туда он увещевал ее припомнить свое собственное рождение и своих почтенных родителей, которых она теперь покроет вечным позором, и обещал, что ей позволят жить спокойно и оставаться девою, если только она будет служить одной языческой Богине, которую звали Дианой.

Теодора неустрашимо отвечала: "Целомудрие подобно лампаде, но любовь к Богу – пламени; если бы я стала служить той дьяволице, которую вы называете Дианой, то мое целомудрие имело бы не большую цену, чем ржавая лампада без огня или масла. Ты называешь меня свободнорожденной, но ведь все мы рождены рабами, раз наши прародители продали себя дьяволу. Христос выкупил меня на свободу, и я должна служить ему, поэтому не могу выйти замуж за его недруга. Он защитит свою голубицу; но если он захочет допустить, чтобы вы поругали мое тело, храм его святого духа, то это не вменится мне в позор, если я не дам согласия на предание в руки врагов его достояния!"

Сердце у Кристин начало усиленно биться, потому что это каким-то образом напоминало ей ее встречу с Бентейном, ее поразила мысль, что, быть может, согрешила она сама: она ни на мгновение не подумала о Боге и не взмолилась к нему о помощи. Сестра Цецилия читала дальше о святом Дидиме. Он был воином-христианином, но до той поры скрывал свое христианство от всех, кроме немногих друзей. И вот он пошел в тот дом, где была помещена девица, дал денег женщине, владевшей домом, и его первого пустили к Теодоре. Она забилась в угол, словно испуганный заяц, но Дидим приветствовал ее как сестру и невесту своего Господа и сказал, что пришел спасти ее. Некоторое время он беседовал с нею, говоря: "Разве может брат пожалеть жизнь свою ради чести сестры?" И наконец она поступила так, как он просил ее: переменялась с ним одеждой и дала надеть на себя панцирь Дидима; Дидим надвинул ей шляпу на глаза, прикрыл плащом подбородок девушки и сказал, чтобы она, выходя, закрыла лицо, как юноша, который стыдится, что побывал в таком месте.

Кристин подумала об Арне и с большим трудом сдержала слезы. Она неподвижно смотрела прямо перед собой, и глаза ее были влажны, пока монахиня дочитывала конец: как Дидима повели к месту казни, а Теодора поспешила спуститься с гор и упала к ногам палача, умоляя, чтобы ей позволили умереть вместо Дидима. И вот эти двое благочестивых людей заспорили, кому из них первому принять мученический венец; тогда им отрубили головы в один и тот же день. И было это двадцать восьмого апреля 304 года по Рождестве Христовом, в Антиохии, как записал святой Амвросий.

Когда все встали из-за стола, сестра Потенция подошла к Кристин и ласково потрепала ее по щеке.

– Ты, вероятно, скучаешь по матери? – И тут у Кристин закапали слезы. Но монахиня сделала вид, что ничего не замечает, и отвела Кристин в покой, где та должна была жить.

Он помещался в одном из каменных домов у крытой галереи, перед церковью, и оказался красивой горницей с застекленным окном и большим камином у дальней короткой стены. Вдоль одной из длинных стен стояло шесть кроватей, а вдоль другой – все девичьи сундуки.

Кристин хотелось, чтобы ей позволили спать с одной из маленьких девочек, но сестра Потенция подозвала к ней толстую белокурую взрослую девушку.

– Это Ингебьёрг, дочь Филиппуса, она будет делить с тобой постель, постарайся теперь познакомиться! – И с этими словами ушла.

Ингебьёрг тотчас же взяла Кристин за руку и начала болтать. Она была не очень высока ростом и чересчур полна, особенно лицом, – глаза у ней казались совсем маленькими, такие были пухлые щеки. Но кожа у нее была чистой, бело-розовой, а волосы – желтые, как золото, и такие кудрявые, что ее толстые косы свивались и скручивались, словно канаты, а мелкие локоны беспре-

станно выбивались наружу из-под повязки на лбу.

Она сейчас же начала расспрашивать Кристин о всякой всячине, но не дождалась ответа; вместо того рассказала о себе самой и перечислила свою родню во всех ее разветвлениях – все это были прославленные и богатейшие люди. И помолвлена она была с одним очень богатым и могущественным человеком – Эпнаром, сыном Эйнара из Аганеса, но он слишком стар и вдовел уже во второй раз; это было ее самым большим горем, сказала она. Однако Кристин не заметила, чтобы Ингебьёрг была Удручена этим. Потом она поговорила о Симоне Дарре удивительно, как подробно она разглядела его за то короткое время, пока проходила вместе с монахинями мимо них по галерее. Потом ей захотелось заглянуть в сундук Кристин, но сперва она открыла свой собственный и показала все свои платья. Пока они рылись в сундуках, вошла сестра Цецилия и стала выговаривать девицам, сказав, что такое занятие не приличествует воскресному дню. И Кристин снова почувствовала себя несчастной – ей никто никогда не делал замечаний, кроме родной матери, а выслушивать упреки от чужих – это совсем другое дело.

Но Ингебьёрг нисколько не огорчилась. Когда они вечером улеглись в постель, она болтала до тех пор, пока Кристин не заснула. Две пожилые сестры белицы спали в углу горницы; они должны были следить, чтобы девицы не снимали на ночь сорочек, так как по правилам не позволялось совсем раздеваться, и чтобы вставали к ранней утрени. Но, вообще говоря, они мало заботились о поддержании порядка в спальном покое и делали вид, что ничего не замечают, когда девицы болтали, лежа в постелях, или угощались различными лакомствами, припрятанными в сундуках.

Когда Кристин разбудили на следующее утро, Ингебьёрг уже рассказывала какую-то длинную историю, и Кристин подумала, что, пожалуй, та проболтала всю ночь напролет.

II

Иностранные купцы, торговавшие в Осло летом, приезжали в город весною, к крестовому празднику, то есть дней за десять до праздника святого Халварда³⁵. Народ стекался к этому празднику из всех приходов между озером Мьёсен и шведской границей, так что в первые недели мая город кишел людьми. В это время было лучше всего делать закупки у чужестранцев, пока они еще не успели распродать слишком много.

На обязанности сестры Потенции лежало закупать товары для Ноннесетера, и за день до праздника святого Халварда она обещала Ингебьёрг и Кристин взять их с собою в город. Но около полудня в монастырь пришли родичи сестры Потенции на свидание с нею, и она, конечно, не смогла пойти в этот день. Тогда Ингебьёрг выклянчила у нее позволение пойти им одним с Кристин, хотя это было против правил. В провожатые им дали старого крестьянина, который вкупился в монастырь и жил там; звали его Хоконом.

Кристин жила в Ноннесетере уже целых три недели и за все время нигде не была, кроме монастырских дворов и садов. Она очень удивилась, увидев, насколько весна подвинулась вперед за стенами монастыря. Маленькие рощицы среди полей покрылись светлой зеленью, белый лесной подснежник разросся плотным ковром под светлыми стволами деревьев. Яркие облака, предвестники хорошей погоды, плыли над островами фьорда, а легкие порывы весеннего ветра покрывали рябью синюю прохладную воду.

Ингебьёрг шла, весело подпрыгивая, срывала пучки молодых листьев и нюхала их, поглядыва-

---

³⁵ В средневековой Норвегии за календарным счетом времени следили только церковники, имевшие таблицы для расчета тех праздников и постов, которые не связаны с определенной датой, а зависят от фаз луны и т. и. (например, Пасха), и для их соотнесения с праздниками, рассчитываемыми по солнечному календарю. В быту время считали не по месяцам и числам месяца, а от праздника к празднику. Важнейшими праздниками, по которым население ориентировалось во времени, были: Сретение (2 февраля), Григорьев день (13 февраля), Благовещение (Мариин день, 25 марта), день начала лета (14 апреля), день Халварда (15 мая), Иванов день (21 июня), день мужей из Сельс (8 июля), день Улава (29 июля), день Лаврентия (10 августа), Варфоломеев день (24 августа), Рождества Богородицы (Мариин день, 8 сентября), Воздвижение (14 сентября), Матвеев дет. (21 сентября), Михайлов день (29 сентября), день начала зимы (14 октября), Симонов день (28 октября), день Клементя (3ю ноября) и Рождество (неделя, начиная с 25 декабря).

вая украдкой на прохожих; но Хокон побранил ее: разве благородной молодой девице, к тому же еще носящей монастырскую одежду, подобает вести себя таким образом? Девушки должны были взяться за руки и идти следом за ним тихо и чинно; однако Ингебьёрг по-прежнему работала и глазами и языком – Хокон был несколько глуховат. Кристин теперь тоже носила одежду послушницы – платье из некрашеной светло-серой шерсти, шерстяной кушак и повязку на лбу; поверх платья был накинута простой темно-синий плащ, капюшон которого накидывался на голову, совершенно прикрывая заплетенные в косы волосы. Хокон шагнул впереди девушек с крепким, украшенным медным набалдашником посохом в руке. Он был одет в длинный черный кафтан, на груди у него висел свинцовый *agnus Dei*³⁶, а на шляпе – образ святого Христофора; его белая борода и волосы были так тщательно расчесаны, что блестели на солнце, как серебро.

Верхняя часть города, от монастырского ручья до усадьбы епископа, была очень тихой; здесь не было ни лавок, ни постоянных дворов и большая часть жилищ принадлежала родовитым и богатым людям из окрестных приходов; дома выходили на улицу темными бревенчатыми стенами без окон. Но в этот день даже и здесь толкались целые толпы народу, и дворовые люди стояли у калиток, болтая с прохожими.

Когда они дошли до дома епископа, то попали в настоящую давку; посреди площади, у церкви Халварда и монастыря У лава, на зеленой лужайке были разбиты ларьки, и какие-то скоморохи заставляли ученых собак прыгать в обручи от бочек. Но Хокон не позволил девушкам остановиться и посмотреть на это и не разрешил Кристин войти в церковь – он сказал, что ей будет куда занятнее посмотреть церковь в самый день праздника.

Идя вниз по улице, что у церкви святого Клементя, Хокон взял девушек за руки, потому что здесь была страшная давка и толкотня; народ шел от пристани и из переулков между торговыми подворьями. Девушки намеревались пройти к Миклегорду, где сидели башмачники. Дело в том, что Ингебьёрг нашла, что все платья, привезенные Кристин из дому, очень хороши и красивы, но сказала, что по большим праздникам Кристин нельзя надевать ту обувь, которую она привезла с собою из деревни. А когда Кристин увидела заграничные башмаки, которых у Ингебьёрг была не одна пара, то почувствовала, что не успокоится до тех пор, пока не купит себе такие же.

Миклегорд был одним из самых больших кварталов в Осло; он тянулся от пристаней вверх до переулка башмачников, и в него входило свыше сорока домов, расположенных вокруг двух больших дворов. А сейчас во дворах были еще понастроены ларьки, крытые дерюгой; над их крышами возвышалась статуя святого Криспина. Внутри дворов были суетня и толкотня – кто покупал, – кто продавал, женщины бегали взад и вперед из поварни в поварню с котелками и ведрами, дети вертелись под ногами у взрослых; одних лошадей вводили в конюшни, других выводили во двор, а слуги таскали тюки с товарами в лавки и из лавок. Сверху, с галерей, шедших вдоль верхнего жилья, где продавались самые лучшие товары, башмачники и их ученики зазывали девиц, размахивая перед ними пестрыми, расшитыми золотом башмачками.

Но Ингебьёрг направлялась к той лавке, где торговал Дидрек-башмачник; он был немец, но был женат на норвежке, и у него был собственный дом в Миклегорде.

Старик торговался с каким-то господином в дорожном плаще и с мечом у пояса; но Ингебьёрг, не смущаясь, выступила вперед, поклонилась и сказала:

– Добрый господин, не разрешите ли, чтобы сначала мы поговорили с Дидреком? Нам нужно вернуться домой в монастырь к вечерне, а у вас, быть может, больше досуга?

Господин поклонился и отошел в сторону. Дидрек ткнул Ингебьёрг локтем в бок и со смехом спросил: неужели они так здорово пляшут в монастыре, что она уже успела износить все башмаки, купленные в прошлом году? Ингебьёрг, в свою очередь, толкнула башмачника и сказала, что, слава Богу, башмаки у нее еще не изношены, но вот эта девушка... И ту она вытащила Кристин вперед. Тогда Дидрек с учеником вынесли на галерею целый ящик с башмаками, и немец стал выкладывать из него башмаки, пару за парой, одни красивее других. Кристин должна была присесть на сундук, и Дидрек стал примерять ей башмаки – тут были и белые, и коричневые, и красные, и зеленые, и синие башмаки с раскрашенными деревянными каблуками, и башмаки совсем без каблу-

³⁶ Агнец Божий (лат.) – род талисмана с изображением ягненка, символизирующего Христа.

ков, башмаки с пряжками и башмаки с шелковыми завязками, башмаки из двухцветной и трехцветной кожи. Кристин, пожалуй, не прочь была бы купить их все. Но они были так дороги, что она прямо ужаснулась: не было ни одной пары, которая стоила бы дешевле целой коровы у них дома! Отец дал ей, уезжая, кошелек с маркой серебра мелкой монетой – это должно было служить ей карманными деньгами, и Кристин думала, что у нее огромное богатство. Но теперь она поняла по лицу Ингебьёрг, что, по ее мнению, на эти деньги не много купишь!

Ингебьёрг тоже начала удовольствия ради примерять башмаки; Дидрек сказал, смеясь, что это не стоит ни гроша! Она тоже купила себе пару зеленых, как листья, башмаков с красными каблуками – сказала, что возьмет их в долг; ведь Дидрек знает ее и ее родных.

Однако Кристин заметила, что Дидреку это не особенно понравилось; он и без того сердился, что высокий господин в дорожном плаще ушел из лавки, – девушки очень долго провозились с примеркой. Тогда Кристин выбрала себе башмаки без каблучков из тонкой лиловой кожи; они были вышиты серебром с розовыми камнями. Ей только не нравилось, что в них были вдеты зеленые шелковые завязки. Но Дидрек сказал, что это он может сейчас переменить, и провел девушек за собою в заднюю комнату лавки. Там у него стояли ларцы с шелковыми завязками и маленькими серебряными пряжками – собственно говоря, башмачники не имели права торговать этими вещами; многие ленты к тому же были слишком широки для обуви, а пряжки слишком велики.

Девушки не могли удержаться, чтобы не закупить разных мелочей, а пока они пили с Дидреком сладкое вино и он завертывал им покупки в кусок дерюжки, стало уже довольно поздно; кошелек же Кристин значительно полегчал.

Когда они снова вышли на Восточную улицу, то солнечный свет стал уже совсем золотым, а пыль от оживленного городского движения стояла над улицей, словно светлый пар от горячего пива. Погода была теплая и чудесная: народ толпами шел с горы Эйкаберг³⁷ с большими охапками молодых зеленых веток – украшать горницы к празднику. Тут Ингебьёрг пришло в голову, что хорошо бы пройти к мосту Иситабру, – во время ярмарок на той стороне реки на выгонах обычно бывают всякие забавы и фигляры и скоморохи; Ингебьёрг даже слышала, что туда должен был прийти целый корабль с заморскими зверями, которых будут показывать в балаганах на берегу.

Хокон угостили в Миклегорде немецким пивом, и потому старик был очень сговорчив и благодушен, так что, когда девицы взяли его под руки и начали усердно просить, он сдался и все троем направились в сторону Эйкаберга.

За рекой встречались только редкие домики, разбросанные по зеленым склонам между рекою и крутым обрывом горы. Они прошли мимо монастыря миноритов, и сердце Кристин сжалось от стыда: ей вспомнилось, что она собиралась отдать большую часть своих денег за упокой души Арне. Но ей не хотелось говорить об этом священнику в Ноннесетере, она боялась, что ее начнут расспрашивать; она думала, что ей, может быть, удастся посетить обитель босоногих братьев, если брат Эдвин находится сейчас в монастыре. Она была бы так рада увидеть его, но вместе с тем не знала, как ей поприличнее обратиться к кому-нибудь из монахов и объяснить ему свое желание. А теперь у нее осталось так мало денег, что еще неизвестно, хватит ли их заплатить за заупокойную обедню – может быть, придется довольствоваться только толстой восковой свечой.

Вдруг со стороны поляны на берегу послышался страшный вопль, вырвавшийся из бесчисленных глоток, – словно буря пронеслась над сбившейся в одну кучу толпой, и затем народ с воем и криком бросился прямо на них, все в диком ужасе, и кто то, пробегая мимо, крикнул Хокону и девушкам, что вырвались на волю леопарды...

Они бросились бежать обратно к мосту и слышали, как бежавшие около них кричали друг другу, что один из балаганов опрокинулся и два леопарда вырвались на волю; кто-то упомянул и змею... Какая-то женщина как раз перед ними уронила маленького ребенка; Хокон перешагнул одной ногой через малютку и встал над ним, защищая его; через мгновение девушки увидели старика далеко в стороне от себя с ребенком на руках и потеряли его из виду.

Возле узкого моста напор был так велик, что девушек оттеснили в сторону от дороги, на поле. Они видели, как люди сбегали к реке по крутому берегу; молодые парни пускались вплавь, а

³⁷ Эйкаберг – высокая гора на юго-восточной окраине Осло.

пожилые люди прыгали в стоявшие у берега лодки, которые в одно мгновение наполнялись народом и могли вот-вот затонуть.

Кристин пыталась заставить Ингебьёрг выслушать ее – кричала ей, что им надо бежать к монастырю миноритов, откуда уже выбегали монахи в серых рясах, старавшиеся собрать у себя перепуганных людей. Кристин была не так напугана, как ее подруга, да и никаких диких зверей они не видели, но Ингебьёрг совершенно потеряла голову. А когда толпа снова пришла в волнение и была оттеснена обратно с моста, потому что целый отряд мужчин, успевший вооружиться в ближайших домах, пробивался обратно, кто пеший, а кто верхом, Ингебьёрг едва не попала под коня; она испустила пронзительный вопль и помчалась вверх, по направлению к лесу. Кристин никак не ожидала, что ее подруга может так бегать, – ей невольно вспомнилась свинья, которую гоняют по двору, – и бросилась следом, чтобы по крайней мере им не потерять друг друга.

Они забежали уже далеко в чащу леса, когда наконец Кристин удалось остановить Ингебьёрг на тропинке, которая, очевидно, вела вниз, на Трэлаборгскую дорогу³⁸. Некоторое время девушки молча стояли, чтобы немного отдышаться; Ингебьёрг всхлипывала, проливая слезы и говорила, что ни за что не решится идти обратно одна через весь город, до самого монастыря.

Кристин тоже подумала, что это будет не особенно хорошо, потому что на улицах так неспокойно; она решила, что им нужно постараться найти какой-нибудь дом, где они, может быть, смогут нанять мальчика, который и проводит их домой. Ингебьёрг считала, что немного дальше, у берега реки, должна проходить проезжая дорога на Трэлаборг, а вдоль дороги, как она знала, было расположено несколько домов. Тогда девушки пошли дальше вниз по тропинке.

Обе были взволнованы, и им показалось, что они шли очень долго, когда наконец увидели дом среди поля. На дворе за столом под ясенями сидели несколько мужчин и пили; какая-то женщина прислуживала им, подавая кувшины. Она удивленно и кисло взглянула на двух девушек в монастырской одежде, и, по-видимому, никому из мужчин не хотелось пойти провожать их, когда Кристин рассказала, в чем дело. Однако в конце концов двое молодых парней встали из-за стола со словами, что они проводят девиц до Ноннесетера, если Кристин заплатит им один эртуг.

Она поняла по их выговору, что они не норвежцы, но ей показалось, что они выглядят порядочными людьми. Правда, она подумала, что они запрашивают бесстыдно много, но Ингебьёрг была перепугана до смерти, а Кристин считала, что им нельзя идти домой одним так поздно; поэтому она согласилась.

Не успели они выйти на лесную тропинку, как парни стали держаться к ним ближе и вступили в разговор. Кристин это не понравилось, но она не хотела показать виду, что боится, и поэтому спокойно отвечала на их вопросы, рассказала про леопардов и спросила парнем, откуда они родом; при этом она все время оглядывалась по сторонам, как будто ожидая каждую минуту встречи со своими слугами – она вела разговор так, словно слуг этих было много. Тогда парни стали говорить все меньше и меньше – Кристин, кроме того, очень мало понимала из их речей.

Через некоторое время она заметила, что они идут не по той дороге, по которой они шли с Ингебьёрг, – тропинка шла в другом направлении, больше к северу, и Кристин показалось, что они зашли чересчур далеко. В глубине ее души тлел страх, но она не пускала его в свои мысли – ее странно подбадривало то, что с нею Ингебьёрг и что она такая глупая, поэтому Кристин чувствовала себя обязанной решать и действовать за них обеих. Она украдкой под плащом вытащила крест с частичкой мощей, полученный ею от отца, сжала его в руке и начала горячо молиться про себя, чтобы им удалось поскорее встретить кого-нибудь; она старалась призвать на помощь все свое мужество и не обращать ни на что внимания.

Сейчас же вслед за этим она увидела, что тропинка выходит на дорогу; в этом месте в лесу была лужайка. Город и залив лежали далеко внизу. Парни завели их Бог знает куда – с умыслом или же по незнанию местности; они находились высоко на горе и далеко к северу от моста Иейтабру, который был виден отсюда; дорога, на которую они теперь вышли, вела, казалось, как раз туда.

Тут Кристин остановилась, вынула кошелек и начала отсчитывать на ладонь десять пеннин-

³⁸ Трэлаборгская дорога вела на юг, вдоль фьорда, но склонам горы Эйкаберг, и сторону южной Швеции.

гов.

– Ну, добрые люди, – сказала она, – теперь уж мы больше не нуждаемся в провожатых, отсюда мы и сами найдем дорогу! Спасибо вам за беспокойство, а вот та плата, о которой мы с вами сговорились. Да благословит вас Бог, добрые друзья!

Парни переглянулись с таким глупым видом, что Кристин едва не улыбнулась. Но тут один из них заметил с безобразной усмешкой, что дорога вниз к мосту очень пустынна, – неблагоприятно будет идти им одним.

– Едва ли найдутся такие негодяи или дураки, которые будут приставать к двум девушкам, тем более что на них монастырская одежда, – отвечала Кристин. – Мы предпочитаем идти отсюда одни! – И она протянула деньги.

Парень схватил Кристин за кисть руки, придвинулся лицом к ее лицу и произнес что-то насчет "КиВ" и f13eutel", – Кристин поняла, что он отпустит их, если она поцелует его и отдаст ему свой кошелек³⁹.

Ей вспомнилось лицо Бентейна тоже у самого ее лица, и на одну минуту ее охватил такой ужас, что ей стало дурно и у нее потемнело в глазах. Но она сжала губы, призвала в своем сердце Бога и деу Марию – и в тот же миг ей показалось, что до ее слуха донесся топот копыт по тропинке, идущей с севера.

Тогда она ударила парня кошельком по лицу с такой силой, что он пошатнулся, – и толкнула его в грудь так, что он слетел с тропинки вниз, прямо в чашу. Второй немец схватил девушку сзади, вырвал из ее рук кошелек и так рванул за шейную цепочку, что та разорвалась, – Кристин чуть было не упала, но тут же вцепилась в парня, стараясь отнять у него свой крест. Он хотел вырваться, – теперь уж и грабители услышали, что кто-то едет, – Ингебьёрг громко и отчаянно закричала, и всадники, ехавшие по тропинке, пустили лошадей во всю прыть. Они выехали из лесной чаши; их было трое. Ингебьёрг с воплем побежала к ним навстречу, и они соскочили с коней. Кристин узнала господина из лавки Дидрека; он обнажил меч, схватил за шиворот немца, с которым Кристин боролась, и начал лупить его клинком, повернутым плашмя. Спутники всадника помчались за другим парнем, поймали его и принялись колотить в свое удовольствие.

Кристин прислонилась к скале; теперь, когда опасность уже миновала, ее бросило в дрожь, но сильнее испуга было изумление, что ее молитва была так скоро услышана. И вдруг взгляд ее упал на Ингебьёрг: та сдвинула капюшон на затылок, отбросила на плечи плащ и спокойно перебрасывала на грудь свои тяжелые белокурые косы. При этом зрелище Кристин разразилась смехом – силы ее покинули, и, не будучи в состоянии остановиться, она должна была схватиться за дерево; как будто у нее в костях была вода вместо мозга, так она ослабела. Она вся тряслась, смеясь и плача.

Господин подошел к ней и осторожно положил руку на ее плечо.

– Вы, видно, испугались больше, чем хотели показать! – сказал он, и голос у него был ласковый и красивый. – Но возьмите себя в руки – вы вели себя так мужественно во время опасности!..

Кристин смогла только кивнуть ему головой. У него были красивые светлые глаза на узком матово-смуглом лице и черные как смоль волосы, довольно коротко подстриженные на лбу и за ушами.

Ингебьёрг успела поправить волосы; она подошла и поблагодарила незнакомца в самых изысканных выражениях. Отвечая ей, тот продолжал держать руку на плече Кристин.

– А этих пташек, – сказал он своим людям, державшим немцев (те сказали, что они с какого-то ростокского корабля), – нам придется взять с собой в город, чтобы там запереть в темницу. Но сперва проводим этих девиц до монастыря! У вас, вероятно, найдутся ремни, чтобы связать их...

– Вы хотите сказать – девиц, Эрленд? – спросил один из его спутников. Оба они были молодые и хорошо одетые парни и все еще были в возбуждении после схватки.

Их господин нахмурил брови и хотел было резко ответить. Но тут Кристин положила руку на его рукав.

---

³⁹ В старонемецком языке было достаточно слов, похожих на старонорвежские, чтобы Кристин могла с пятого па десятое понять, что си говорят по-немецки. Присдсимые здесь немецкие слова означают "поцелуй" и "кошелек".

– Отпустите их, дорогой господин! – Она слегка вздрогнула. – И мне и сестре моей было бы неприятно, если бы об этом стали болтать!

Незнакомец взглянул на нее, закусил губу и кивнул в знак того, что он понял. Потом дал обоим пленникам плащия мечом по подзатыльнику, так что те полетели на землю.

– Ну, удирайте! – сказал он, пнув их ногой, и они пустились бежать во все лопатки. Господин снова повернулся к девушкам и спросил, не пожелают ли они поехать верхом.

Ингебьёрг – дала посадить себя в седло Эрленда, но оказалось, что в нем она не может усидеть. Она тотчас же соскользнула на землю. Он вопросительно взглянул на Кристин, и та сказала, что привыкла ездить верхом в мужском седле.

Он взял ее под колени и посадил в седло. Сладкая и приятная дрожь пробежала по ее телу оттого, что он так осторожно держал ее, несколько отстраняясь, как будто боялся быть к ней чересчур близко; дома никто, помогая ей садиться на коня, не заботился о том, не прижмет ли ее к себе. Она удивилась, почувствовав, что ей оказано уважение...

Рыцарь, – как Ингебьёрг называла его, хотя он носил только серебряные шпоры, – предложил руку подруге Кристин, а его слуги вскочили на коней. Ингебьёрг непременно хотела, чтобы они проехали к северу от города, под горами Рюэн и лесом Мартестоккер, а не по улицам. Сперва она сослалась на то, что господин Эрленд и его слуги носят полное вооружение, не так ли? Рыцарь серьезно ответил, что запрещение носить оружие соблюдается не так уж строго – ведь им ехать в дальний путь, – кроме того, весь город теперь охотится на диких зверей... Тогда Ингебьёрг заявила, что она боится леопардов... Кристин отлично понимала, что Ингебьёрг хочет пройти самой длинной и пустынной дорогой, чтобы побольше поболтать с Эрлендом.

– Вот уже во второй раз нынче мы задерживаем вас, господин, – сказала Кристин, и Эрленд серьезно ответил:

– Это ничего не значит, я еду сегодня только до Гердарюда, а ночи теперь светлые.

Кристин нравилось, что он не шутит и не насмехается, но говорит с ней как с ровней или даже еще больше того. Она вспомнила о Симоне; ей еще не встречались другие молодые люди из придворного круга. Впрочем, этот человек был, вероятно, старше Симона...

Они спустились в долину под горами Рюэн и поехали вверх, вдоль ручья. Тропинка была узкая, и молодые кусты хлестали Кристин мокрыми душистыми ветвями – здесь, внизу, было немного темнее, вдоль ручья воздух был прохладнее, и листва покрыта росой.

Они медленно подвигались вперед, и топот копыт глухо отдавался по влажной, заросшей тропинке. Кристин покачивалась в седле, слыша позади себя болтовню Ингебьёрг и низкий, спокойный голос незнакомца. Он говорил мало и отвечал словно невпопад – Кристин подумала, что он как будто в таком же настроении духа, как и она сама, – она чувствовала себя во власти какой-то странной дремоты, но вместе с тем на душе у нее было спокойно и хорошо, так как все события дня благополучно миновали.

Словно пробуждение настало, когда они выехали из леса на зеленые луга ниже Мартестоккера. Солнце уже зашло, и город с фьордом лежали под ними в ясном и бледном свете – над горами Акера серовато-голубое небо было обрамлено светло желтой полосой. В вечерней тишине все звуки доносились до них издалека, как будто рождаясь из прохладных глубин, – где-то на дороге скрипели колеса телеги, в усадьбах псы перекликались лаем... А из леса за их спиной теперь неслось голосистое пение и щебетание птиц – солнце зашло.

В воздухе пахло гарью от сжигаемых листьев, а вдаль на одном из полей дрожал красный отблеск костра, – большой цветок пламени давал понять, что ясность ночи была только одной из степеней тьмы.

Они уже ехали между изгородями монастырских полей, когда незнакомец снова заговорил с Кристин. Он спросил, не кажется ли ей, что будет лучше, если он проводит их до ворот и попросит разрешения поговорить с аббатисой, чтобы рассказать ей, как все произошло. Но Ингебьёрг предпочитала проскользнуть через церковь; тогда, может быть, удастся проникнуть в монастырь так, что никто не заметит их слишком долгого отсутствия, – может быть, сестра Потенция позабыла о них, занятая своими посетителями.

Кристин почему-то не удивилась, что на площади перед западными воротами церкви было

так тихо и безлюдно. Обыкновенно по вечерам здесь было очень оживленно, так как соседи сходились в церковь монахинь; тут же вокруг церкви, кроме того, стояло довольно много домов, где жили вкупившиеся в монастырь и слуги-миряне. Здесь они распрощались с Эрлендом;

Кристин стояла, лаская его коня, – конь был вороной, с красивой головой и кроткими глазами; она нашла, что он похож на Мурвина, на котором она ребенком всегда ездила дома.

– Как зовут вашего коня, господин? – спросила она, когда конь отвернулся от нее и стал обнюхивать грудь хозяина.

– Баярд, – сказал тот и посмотрел на нее через шею лошади. – Вы спрашиваете об имени моего коня, но не о моем?

– Я бы очень хотела знать ваше имя, господин! – отвечала Кристин и слегка поклонилась.

– Меня зовут Эрленд, сын Никулауса, – сказал он.

– Примите тогда мою благодарность, Эрленд, сын Никулауса, за добрую услугу, оказанную нам сегодня, – сказала Кристин, протягивая ему руку.

И вдруг покраснела, как зарево, и хотела выдернуть руку из его руки.

– Не родственница ли вам фру Осхильд, дочь Гэуте из Довре? – спросила она.

С удивлением увидела Кристин, что Эрленд сильно покраснел; он неожиданно выпустил ее руку и ответил:

– Она моя тетка по матери. Так и есть, я Эрленд, сын Никулауса, из Хюсабю. – Он так странно посмотрел на девушку, что та еще больше смутилась, но затем овладела собою и сказала:

– Мне следовало – бы поблагодарить вас в более красивых выражениях, Эрленд, сын Никулауса, но я, право, не знаю, что вам сказать!..

Он поклонился ей, и Кристин подумала, что теперь пора прощаться, хотя ей и очень хотелось поговорить с ним подольше. Уже в церковных дверях она обернулась и, увидев, что Эрленд продолжает стоять около своей лошади, помахала ему на прощанье рукой.

В монастыре царил большое волнение, и все страшно переполошились. Хокон послал верхового с известием о случившемся, а сам ходил по городу, разыскивая девиц; на помощь ему из монастыря послали людей. Монахини слышали, будто дикие звери убили и сожрали двоих детей в городе. Это была ложь, леопард – в действительности был всего один леопард – был пойман еще до вечерни слугами из королевской усадьбы.

Кристин стояла молча с опущенной головой, пока аббатиса и сестра Потенция изливали на девушек свой гнев. Все в ней как будто спало. Ингебьёрг плакала и пыталась возражать – ведь они пошли с ведома сестры Потенции, с почтенным провожатым, и разве они виноваты в том, что случилось после?..

Но фру Груа сказала, чтобы они отправлялись в церковь и оставались там до полуночи; пусть они постараются обратить свои мысли на мир духовный и возблагодарят Господа за то, что он спас их жизнь и честь.

– Теперь Бог ясно открыл вам всю истину о мире, – сказала она, – дикие звери и слуги дьявола угрожают его детям на каждом шагу, и нет вам спасения, если вы не прилепите к Богу, взывая к нему и молясь!

Она дала каждой из них по зажженной свече и приказала идти с сестрою Цецилией, дочерью Борда, которая часто молилась в церкви в полном одиночестве всю ночь напролет.

Кристин поставила свою свечу на алтарь в приделе святого Лаврентия и опустилась на колени на скамью для молитвы. Она пристально и неподвижно смотрела на пламя, тихо читая "Pater Noster" и "Ave Maria". И мало-помалу сияние свечи словно окутало ее, отогнало все то, что было вне ее и этого света. Она почувствовала, что сердце ее раскрывается, переполняясь благодарностью, хвалой и любовью к Богу и его кроткой матери – они были так близко, от нее. Она и прежде знала, что они видят ее, но в эту ночь она это почувствовала. Мир предстал перед ней словно в видении: темная горница, в которую врывается столб солнечных лучей, пылинки толпятся и летают взад и вперед между мраком и светом – и Кристин почувствовала – вот наконец! – она погрузилась в солнечный луч...

Ей казалось, что она охотно провела бы в этой тихой, обаятой ночной темнотой церкви сколько угодно времени, – эти редкие пятнышки света, как золотые звездочки среди ночи, сладко-

ватый застарелый аромат курений и теплый запах горящего воска... И сама она, ищущая покоя у своей собственной звезды...

Кончилась какая-то большая радость, когда сестра Цецилия подошла неслышной скользящей походкой к Кристин и тронула ее за плечо. И три женщины, низко приседая перед алтарями, вышли через маленькую южную дверь на монастырский двор.

Ингебьёрг была такая сонная, что легла без болтовни. Кристин была рада этому – ей не хотелось, чтобы ее тревожили после того, как ей только что так хорошо думалось. И еще она была рада, что им не позволяют снимать на ночь сорочки, – Ингебьёрг была такая толстая и сильно потела.

Она долго лежала без сна, однако глубокий поток сладостных чувств, уносивший ее ввысь, когда она стояла на коленях в церкви, не возвращался больше. Но все-таки она еще чувствовала в себе его теплоту и горячо возблагодарила Бога; ей казалось, что она ощущает душевную силу, молясь за своих родителей и сестер и за упокой души Арне, сына Гюрда.

"Отец", – подумала она... Она так тосковала о нем, обо всем том, что они пережили вместе до того, как Симон Дарре вошел в их жизнь. Какая-то новая нежность к нему переполнила ее сердце – словно предвестие материнской любви и материнского горя было сегодня в ее любви к отцу; она смутно чувствовала, что в жизни было много такого, чего не досталось на долю отца. Ей вспомнилась старая черная деревянная церковь – в Гердарюде. – она видела там нынче на Пасху могилки своих трех братьев и бабушки – родной матери отца, Кристин, дочери Сигюрда, – которая умерла, произведя Лавранса на свет...

Что понадобилось Эрленду, сыну Никулауса, в Гердарюде⁴⁰, – Кристин не могла себе представить...

Она сама не знала, что продолжала думать о нем весь этот вечер; но воспоминание о его узком смуглом лице и тихом голосе все время присутствовало где-то в полумраке над ее душою за озаренным свечою кругом...

Когда она на следующее утро проснулась, солнце ярко светило в спальню, и Ингебьёрг сообщила ей, что фру Груа сама приказала сестрам белицам не будить их к ранней утрени. Теперь им позволили идти в поварню и поесть. Кристин почувствовала радость и теплую благодарность за доброту аббатисы – казалось, будто весь свет желал ей только добра.

III

Крестьянская гильдия в Акере считала своей покровительницей святую Маргрету и ежегодно справляла свой праздник двадцатого июля, в память этой святой. Братья и сестры собирались в этот день вместе с детьми, гостями и слугами у Акерской церкви и выстаивали обедню в приделе святой Маргреты, а потом отправлялись в гильдейский дом, находившийся неподалеку от богадельни Хофвина, и там бражничали в продолжение пяти дней.

Но так как и Акерская церковь и Хофвинская богадельня относились к женскому монастырю Ноннесетер, а кроме того, многие акерские крестьяне были монастырскими издольщиками, то вошло в обычай, чтобы аббатиса и некоторые из старших сестер оказывали честь гильдии и приезжали на пир в первый день праздника. И тем молодым девушкам, которые жили в монастыре только для обучения и не предполагали идти в монахини, разрешалось сопровождать туда аббатису и танцевать; поэтому они надевали на праздник свои собственные платья, а не монастырскую одежду.

Вечером накануне праздника святой Маргреты в спальне молодых послушниц царили оживление и суматоха; те из девушек, которые собирались на пир, рылись в сундуках и приводили в порядок свои наряды, а другие, бедняжки, ходили грустные, глядя на подруг. Некоторые девицы ставили на огонь камина горшочки и кипятили в них воду, от которой кожа становится нежной и мягкой; другие варили что-то для смазывания волос – если их потом расплести на пряди и туго накрутить на кожаные ремни, то получаются волнистые и курчавые локоны.

⁴⁰ Гердарюд – местность южнее Осло, где была расположена усадьба Осмюнда, дяди Кристин, – Скуг.

Ингебьёрг вытащила на свет Божий все свои богатства, но никак не могла решить, что ей надеть на себя – во всяком случае, не самое лучшее светло-зеленое бархатное платье, – оно слишком дорогое для такого крестьянского пиршества. Но одна маленькая худенькая сестра, которая не шла на праздник, – ее звали Хельгой, и родители отдали ее в монастырь по обету еще совсем ребенком, – отзывала Кристин в сторону и шепнула ей, что, конечно, Ингебьёрг наденет зеленое платье и розовую шелковую рубашку тоже.

– Ты всегда была добра ко мне, Кристин, – сказала Хельга. – Не приличествует мне мешаться в такие дела, но я все же расскажу тебе: рыцарь, что провожал вас домой в тот вечер весною... Я после того и видала и слыхала, как Ингебьёрг разговаривала с ним... Они потом встречались в церкви, и он часто поджидает Ингебьёрг, притаясь в проулке, когда она ходит к Ингюнн в дом монастырских мирян. Но это тебя он разыскивает, и Ингебьёрг обещала ему, что приведет тебя туда. Однако бьюсь об заклад, что ты ничего об этом не слыхала до сего дня!

– И вправду, Ингебьёрг ничего мне об этом не говорила, – сказала Кристин, и сжала губы, чтобы Хельга не заметила улыбки, невольно просившейся на уста. Так вот какова Ингебьёрг!.. – Наверное, она понимает, что я не из таких, что бегают на свидания с чужими мужчинами за сараями да за заборами! – гордо сказала она.

– Вижу, что я напрасно трудилась и рассказывала тебе о том, про что следовало бы мне лучше промолчать! – обиженно сказала Хельга, и они разошлись в разные стороны.

Но весь вечер Кристин старалась не улыбаться, когда кто-нибудь взглядывал на нее.

На следующее утро Ингебьёрг долго бродила в одной сорочке, пока Кристин не поняла, что ее подруга не желает одеваться и ждет, чтобы сначала оделась Кристин.

Кристин ничего не сказала, но со смехом подошла к своему сундуку и вынула из него золотисто-желтую шелковую сорочку. Кристин еще ни разу не надевала ее; сорочка, легко скользнувшая по ее телу, показалась Кристин такой мягкой и прохладной. Она была красиво вышита серебряным, синим и коричневым шелком вокруг шеи и на груди, как раз сколько видно в вырез платья. К ней были такие же рукава⁴¹. Кристин натянула на ноги льняные чулки и зашнуровала лиловые башмачки, которые Хокону посчастливилось благополучно принести домой в тот тревожный день. Ингебьёрг не спускала глаз с Кристин, и тогда та сказала, смеясь:

– Отец всегда учил меня никогда не пренебрегать теми, кто ниже нас, но ты, верно, такая знатная, что не хочешь наряжаться для каких-то крестьян и издольщиков!..

Покраснев, как спелая малина, Ингебьёрг скинула шерстяную рубаху, соскользнувшую с ее белых бедер, и поспешно накинула на себя розовую шелковую... Кристин надела через голову свое лучшее бархатное платье – оно было фиолетового цвета, с глубоким вырезом на груди и с прорезными рукавами, ниспадавшими почти до земли. Она подпоясалась золоченым кушаком и набросила на плечи плащ с беличьим мехом. Потом распустила по спине и плечам свои длинные светлые волосы и надела на голову золотой обруч с чеканенными на нем мелкими розами.

Тут взгляд ее упал на Хельгу, которая стояла и смотрела на них. Тогда Кристин вынула из сундука большую серебряную пряжку. Это была та самая, которой был застегнут плащ Кристин в тот вечер, когда Бентейн встретил ее на большой дороге, и она с тех пор не любила носить ее. Она подошла к Хельге и тихо сказала:

– Я знаю, что ты хотела вчера показать свое доброе ко мне расположение; не думай, что я не понимаю этого... – И она сунула в руки Хельги пряжку.

Ингебьёрг тоже была очень красива, когда кончила одеваться и стояла в своем зеленом платье, с красным шелковым плащом на плечах и с распущенными прекрасными кудрявыми волосами.

"Мы обе наряжались наперегонки", – подумала Кристин и засмеялась

Утро было прохладное, росистое и свежее, когда процессия тронулась из Ноннесетера и пошла на запад к Фрюшье. Сенокос в этих местах был уже почти закончен, но вдоль плетней кучами росли синие колокольчики и золотистый подмаренник; ячмень на полях уже выкинул колос и колебался серебристыми волнами со слабым розоватым оттенком. Во многих местах, где тропинка

⁴¹ Рукава носились отдельно, не пришитые.

была узкая и шла полями, колосья почти смыкались у колен идущих.

Хокон открывал шествие, неся монастырскую хоругвь с изображением девы Марии на синей шелковой ткани. За ним шли слуги и живущие при монастыре миряне, потом ехали верхом фру Груа и четыре старые монахини, а затем следовали пешком молодые девушки; их пестрые мирские праздничные одежды сверкали и блестели на солнце. Несколько живущих при обители женщин-мирянок и два-три вооруженных прислужника замыкали шествие.

Все с пением шли через залитые солнцем поля, и встречные, выходившие на дорогу с боковых тропинок, отходили в сторону и почтительно кланялись. Повсюду по полям и лугам шли и ехали группы людей, потому что из каждого дома и каждой усадьбы жители спешили в церковь. Через некоторое время позади послышалось хвалебное пение низких мужских голосов, и, из-за пригорка показалась монастырская хоругвь Хуведёя – красная шелковая ткань блестела на солнце, колеблясь и склоняясь вперед при каждом шаге несущего.

Могучий медный голос колоколов гудел, заглушая ржание жеребцов, когда процессия поднималась на последний пригорок к церкви. Кристин еще никогда не видела столько лошадей сразу – было одно сплошное, волнующееся на зеленой лужайке перед церковными воротами беспокойное море блестящих конских спин. На лужайке стояли, сидели и лежали празднично одетые люди, но все почтительно вставали сквозь толпу в церковь; все низко кланялись фру Груа.

Казалось, что к богослужению сошлось больше народу, чем Церковь могла вместить, но для прибывших из монастыря было оставлено место у самого алтаря. Сейчас же вслед за ними пришли и поднялись на хоры монахи цистерцианского ордена – и вот в церкви грянуло пение мужских и детских голосов.

В начале обедни, в одну из тех минут, когда надо было подниматься с колен, Кристин вдруг увидела Эрленда, сына Никулауса. Он был высокого роста – на голову выше окружавших его; она видела его лицо сбоку. У него был высокий, крутой и узкий лоб, большой и прямой нос – он выдавался треугольником и был необычно тонок у красивых трепещущих ноздрей; в Эрленде было что-то напоминавшее Кристин взволнованного, испуганного жеребца. Он не был так красив, как представлялось ей, когда Кристин о нем думала, – какие-то грустные и резкие линии тянулись к маленькому слабому и прекрасному рту, – нет, он все-таки красив!

Он повернул голову и увидел Кристин. Она не помнила, сколько времени они смотрели друг другу в глаза. А после этого только и думала о том, когда кончится обедня; она напряженно ждала, что тогда произойдет.

Когда народ стал выходить из переполненной церкви, произошла давка. Ингебьёрг потащила Кристин за собою в задние ряды толпы; поэтому им посчастливилось отстать от монахинь, выходивших из церкви впереди всех, смешаться с теми, кто последними подходили к причастию и выходили на двор.

Эрленд уже стоял на дворе у самых дверей, между священником из Гердарюда и полным краснолицым человеком в пышной синей бархатной одежде. Сам Эрленд был одет в шелк, но темный: на нем был длинный коричневый кафтан с черным узором и черный плащ с вытканными на нем маленькими желтыми соколами.

Они поздоровались и прошли вместе через луг к тому месту, где были привязаны их лошади. Пока велась беседа о чудной погоде, о прекрасно прошедшей обедне и о большом стечении народа, толстый краснолицый господин – он носил золотые шпоры и звался рыцарем Мюнаном, сыном Борда, – взял Ингебьёрг за руку; казалось, девушка ему необычайно понравилась. Эрленд и Кристин отстали немного – шли рядом и молчали.

На церковном пригорке поднялась большая суматоха, когда народ начал разъезжаться, – лошади сбивались в кучу, люди кричали, кто сердился, а кто смеялся. Многие садились на лошадей вдвоем: мужья усаживали позади себя жен или сажали перед собою на седла детей, молодые парни вскакивали на коня к кому-нибудь из друзей. Церковные хоругви, монахини и священники были уже видны далеко впереди, у подножия холма.

Мимо проехал рыцарь Мюнан; Ингебьёрг сидела впереди него, и он обнимал ее одной рукой. Оба они кричали и махали им. Тогда Эрленд сказал:

– Мои слуги оба здесь, со мной; они могут ехать вдвоем... на одной лошади, а вы садитесь

на коня Хафтура... Если вы хотите...

Кристин покраснела и ответила:

– Мы и так отстали от всех остальных, и я не вижу здесь ваших слуг, так что... – И туг она не могла удержаться от смеха, а Эрленд улыбнулся.

Он вскочил в седло и помог Кристин сесть позади себя. Дома Кристин часто ездила так позади отца, даже после того как настолько выросла, что уже не садилась по-мужски на лошадь. Но все-таки она почувствовала некоторое смущение и неловкость. Положив руку на плечо Эрленда; другою она опиралась о спину лошади. Они медленно поехали вниз, к мосту.

Немного погодя Кристин решила, что надо заговорить, раз Эрленд не начинает, и сказала:

– Как неожиданно, господин, что мы встретились здесь с вами сегодня!

– Разве это было неожиданно? – спросил Эрленд и повернул к Кристин голову. – Разве Ингебьёрг, дочь Филиппуса, не передала вам от меня поклона?

– Нет, – сказала Кристин. – Я ничего не слышала о поклоне; Ингебьёрг ни разу не упоминала о вас с тех самых пор, как вы пришли нам на помощь в мае! – лукаво сказала она. Она ничего не имела против того, чтобы коварство Ингебьёрг обнаружилось.

– А та маленькая черненькая, будущая монашка?.. Не помню ее имени... Я даже заплатил ей, чтобы она передала вам мой привет.

Кристин покраснела, но не могла не засмеяться.

– Да, Хельге, надо отдать должное, она честно заработала плату! – сказала она.

Эрленд слегка шевельнул головой – его шея коснулась руки Кристин. Она быстро передвинула руку подальше на плечо. С некоторым беспокойством она подумала, что, может быть, с ее стороны была проявлена большая смелость, чем следовало бы по правилам приличия, раз она пришла на этот праздник после того, как мужчина как бы назначил ей здесь свидание.

Спустя немного Эрленд спросил:

– Вы будете танцевать со мной сегодня вечером, Кристин?

– Не знаю, господин, – ответила девушка.

– Может, вы думаете, что это неприлично? – спросил он и, не получив ответа, продолжал:

– Возможно, что это и так. Но я думал, может, вы найдете, что не станете хуже оттого, что пройдетесь в танце рука об руку со мною. Впрочем, я танцевал в последний раз целых восемь лет тому назад.

– Почему так, господин? – спросила Кристин. – Может, вы женаты? – Но тут ей пришло в голову, что если он женатый человек, то, конечно, было бы нехорошо с его стороны назначать ей такое свидание. Нужно было исправить свою оплошность, и Кристин сказала:

– Может, вы лишились своей невесты или жены?

Эрленд быстро повернулся и странно взглянул на нее.

– Я? А разве фру Осхильд... Почему вы так покраснели в тот вечер, узнав, кто я такой? – спросил он немного погодя.

Кристин опять покраснела, но ничего не ответила; тогда Эрленд снова спросил:

– Мне очень хотелось бы знать, что моя тетка говорила вам обо мне.

– Ничего, кроме хорошего, – быстро сказала Кристин. – Она очень хвалила вас. Она говорила, что вы так красивы и так знатны, что... Она сказала, что по сравнению с такими, как вы или как ее родня, нас нельзя считать особенно родовитыми – меня и мою родню!..

– Так она все еще говорит о таких вещах, сидя в своем захолустье? – сказал Эрленд и горько засмеялся. – Ну что же, если это может ее утешить... Она ничего больше не говорила обо мне?

– А что она могла говорить? – спросила Кристин; она сама не знала, почему у нее так сильно защемило сердце.

– О, она могла бы сказать... – отвечал Эрленд тихим голосом, глядя вниз, – она могла сказать, что я был отлучен от церкви и должен был дорого заплатить за примирение и покой.

Кристин долго молчала. Потом сказала тихо:

– Есть много людей, которым не улыбнулось счастье, – я часто слышала такие слова. Я мало знаю свет, но никогда не поверю о вас, Эрленд, что это было за какое-нибудь... бесчестное... дело.

– Да вознаградит тебя Бог за эти слова, Кристин, – сказал Эрленд и так порывисто наклонил-

ся и поцеловал ей руку, что лошадь шарахнулась под ними. Когда она снова пошла спокойно, Эрленд сказал настойчиво:

– Вы должны танцевать со мною сегодня. Кристин! После я расскажу вам о своих делах, но сегодня будем веселиться, не правда ли?

Кристин ответила согласием, и они некоторое время ехали молча.

По немного спустя Эрленд начал расспрашивать ее о фру Осхильд, и Кристин рассказала все, что знала о ней, и очень ее хвалила.

– Значит, не все двери закрыты перед Бьёрном и Осхильд? – спросил Эрленд.

Кристин отвечала, что их очень уважают и что отец ее и многие другие находят, что большая часть слухов об Осхильд и Бьёрне ложны.

– Как вам понравился мой родственник Мюнан, сын Борда? – спросил Эрленд с легким смехом.

– Я на него не глядела, – сказала Кристин, – к тому же мне показалось, что на него особенно и не стоит глядеть.

– Разве вы не знали, что он ее сын? – спросил Эрленд.

– Сын фру Осхильд! – сказала Кристин вне себя от изумления.

– Да, красоты своей матери ее дети не могли взять, хотя взяли все остальное, – сказал Эрленд.

– Я даже не знала имени ее первого мужа, – промолвила Кристин.

– Два брата женились на двух сестрах, – сказал Эрленд. – Борд и Никулаус, сыновья Мюнана. Мой отец был старшим, мать была его второй женой, а от первой жены у него не было детей. Борд, за которого вышла Осхильд, тоже был немолод и они, вероятно, никогда не жили хорошо друг с другом... Я был еще ребенком, когда все это случилось, и от меня все скрывали, насколько было возможно... Но Осхильд уехала за границу с господином Бьёрном и вышла за него замуж, не посоветовавшись со своими родными, когда умер Борд. Брак этот хотели признать недействительным – доказывали, что Бьёрн спал в ее постели еще при жизни ее первого мужа и что они с Осхильд постарались спихнуть с дороги моего дядю. Прямого обвинения на них, очевидно, не смогли возвести, раз пришлось оставить их жить в браке... Но зато они должны были отдать в уплату пени все свое имущество... Бьёрн к тому же убил племянника – я хочу сказать, племянника моей матери и Осхильд...

У Кристин забилося сердце. Дома родители строго следили за тем, чтобы дети и молодежь не слыхали нечистых разговоров, но все-таки и в их приходе случались иногда вещи, о которых Кристин приходилось слышать, – например, про одного человека, который жил в незаконной связи с замужней женщиной. Это был блуд, один из самых худших грехов; говорили также, будто любовники хотели известить мужа, – тогда дело дошло бы до объявления их вне закона и отлучения от церкви. Лавранс говорил, что жена не обязана оставаться при муже, если тот сошелся с чужой законной женой; положения детей, рожденных в блуде, нельзя ничем исправить, даже если родители впоследствии освободятся и смогут обвенчаться. Мужчина может узаконить и сделать своим наследником ребенка, прижитого от непотребной женщины или странствующей нищенки, но только не ребенка, родившегося от блуда, хотя бы его мать была женою рыцаря... Кристин подумала о той неприязни, которую она всегда питала к Бьёрну, к его бледному лицу и жирному, оплывшему телу. Она не в силах была понять, как это фру Осхильд может быть всегда доброй и уступчивой по отношению к человеку, навлекшему на нее этот позор и как такая прелестная женщина могла увлечься Бьёрном. А он даже не был добр по отношению к ней: предоставлял ей выносить на своих плечах всю работу в усадьбе, сам же только и делал, что пил пиво. И все-таки Осхильд всегда была нежна и ласкова, говоря со своим мужем. Кристин раздумывала, было ли все это известно ее отцу, раз он приглашал Бьёрна к себе в дом. И теперь, когда она подумала об этом, ей показалось, в сущности, очень странным, что Эрленд рассказывает такие вещи про своих ближайших родичей. Но он, вероятно, думал, что ей уже раньше было это известно...

– Мне очень хотелось бы, – сказал Эрленд немного погодя, – как-нибудь погостить у тетки Осхильд, когда я поеду на север. Он все еще красив, мой родич Бьёрн?

– Нет, – сказала Кристин. – Он похож на сено, пролежавшее на поле всю зиму.

– Да, такие передраги сказываются на человеке, – сказал Эрленд с прежней горькой усмешкой. – Никогда в жизни не видел я более красивого человека, – тому уже двадцать лет, я был тогда совсем еще невелик, – но такого красавца, как Бьёрн, я никогда больше не видел...

Вскоре они подъехали к богадельне. Это было очень большое и красивое заведение: много домов, и каменных и деревянных, – больница, приют для нищих, странноприимный дом, часовня и дом священника. На дворе шла необычайная суeta, так как в поварне готовилась еда для гильдейского пиршества и все призреваемые бедняки и больные тоже должны были получить в этот день отменное угощение.

Гильдейский дом лежал за садами богадельни, и народ шел туда через ту их часть, где росли целебные травы, потому что ими славился сад. Фру Груа ввела в употребление в Норвегии растения, каких здесь никто раньше не знал; и, кроме того, все растения, обычно произрастающие в садах, росли гораздо лучше в ее цветниках и огородах, – как цветы, так и овощи и лекарственные травы. Она была ученойшей женщиной по этой части и сама перевела на норвежский язык салернские книги о целебных травах. Фру Груа особенно благоволила к Кристин, заметив, что девушка немного знакома с наукой о травах и не прочь была бы еще поучиться этому искусству.

Кристин называла Эрленду травы, росшие на грядках по обеим сторонам зеленой тропинки, по которой они шли. Под лучами полуденного солнца жарко и пряно пахли укроп и сельдерей, лук и розы, амбра и желтофиоль. За лишенным тени и припекаемым солнцем огородом, где росли целебные травы, тянулись ограды с фруктовыми деревьями и, казалось, манили к себе своей прохладой, – красные вишни поблескивали в темной листве, а яблони склоняли ветки под тяжестью зеленых плодов.

За садом шла изгородь из лесного шиповника. На кустах оставалось несколько цветов – они не отличались от цветов обыкновенного шиповника, но листья пахли на солнечном припеке вином и яблоками. Народ, проходя мимо, ломал веточки и прикалывал их к одежде. Кристин тоже сорвала несколько цветов и засунула их около висков под золотой обруч па голове. Один цветок остался у нее в руке. Эрленд взял его немного спустя, ничего не сказав. Некоторое время он нес его в руке, но потом вддел в серебряную застежку на груди – вид у Эрленда при этом был беспокойный и смущенный, и он был так неловок, что исколот себе пальцы в кровь.

В верхней горнице гильдейского дома было накрыто несколько широких столов: вдоль длинных стен один стол для мужчин и один для женщин, а посреди еще два, где попеременно сидели дети и молодежь.

Фру Груа сидела во главе женского стола на почетном месте; монахини и наиболее уважаемые замужние женщины – вдоль стены, а незамужние – на внешней скамье, девицы из Ноннесетера – поближе к аббатисе. Кристин знала, что Эрленд смотрит на нее, но ни разу не посмела повернуть головы, ни когда все вставали, ни когда садились. Только когда все поднялись и священник начал читать имена умерших братьев и сестер, членов гильдии, Кристин быстро покосилась в сторону мужского стола и мельком увидела Эрленда, стоявшего у стены, за горящими на столе восковыми свечами. Он смотрел на нее.

Обед продолжался очень долго; много пили во славу Господа Бога, девы Марии, святой Маргреты, святого Улава, святого Халварда, с молитвами и пением в промежутках.

Кристин видела через открытую дверь, что солнце зашло; с луга неслись звуки виол и пения – молодежь уже покинула пиршественные столы, когда фру Груа сказала молодым послушникам, что теперь они тоже могут идти и немного повеселиться, если у них есть охота.

На лугу горело три красных костра; черные и пестрые цепи хороводов ходили вокруг них. Музыканты сидели на ящиках, поставленных один на другой, и пиликали на виолах – каждый хоровод водили под свой напев: слишком много было народу для того, чтобы все могли принять участие в одном танце. Было уже довольно темно – край поросших лесом гор на севере выступал угольно-черным на желтовато-зеленом небе.

Под навесом галереи народ сидел и пил. Несколько мужчин поспешно вышли вперед, как только шесть девиц из Ноннесетера спустились с лестницы. Мюнан, сын Борда, подлетел к Ингебьёрг и умчался с нею, а Кристин кто-то схватил за руку – Эрленд, его рука была уже ей знакома! Он так стиснул Кристин руку, что кольца у обоих закрипели и врезались в тело.

Он увлек ее за собой к крайнему костру. Там танцевало много детей. Кристин подала другую руку какому-то мальчику лет двенадцати, а Эрленд – худенькой девочке-подростку.

Как раз в это время никто не пел в этом хороводе – танцующие плавно раскачивались, двигаясь взад и вперед под звуки виол. Но вот кто-то закричал, что Сиворд-датчанин споет им новый танец. Высокий белокурый человек с чудовищно большими кулаками вышел перед цепью и запел:

Танцы идут на Мункхолмс, на белом песке.
Танцует Ивар, сын Иона, с рукой королевы в руке.
Знаком ли нам Ивар, сын Иона?

Игрёцы не знали напева и только тихо перебирали струны, датчанин же пел один – у него был красивый сильный голос:

"О королева Дания, вы помните ль час,
Когда привезли из Швеции к нам и Данию вас?
Когда нас везли из Швеции по датской земле,
В блестящей короне, слезах и тоске?
В блестящей короне, и слезах и тоске, –
Спорна, королева Дании, достались вы мне!"

Игрёцы стали вторить голосу, танцующие мурлыкали только что заученный мотив и подхватывали припев.

"А если вы Ивар, сын Иона, мой верный паж,
То завтра же рано утром повесят нас!"
Но рыцарь Ивар, сын Иона, не трусом был –
Железной брони не снятии, в челнок вскочил.
"Дан Бог, королева Дании, вам добрых ночей
Так много, как на небе звездных очей?
Дай Бог, король, вам столько же
Несчастливых годов,
Как на липе листов,
На коже волосков..."
Знаком ли нам Ивар, сын Иона?

Была уже глубокая ночь, и костры превратились в груды тлеющих углей, черневших все больше и больше. Кристин и Эрленд, держась за руки, стояли пол деревьями у садовой ограды. Позади них затихал шум и гам подгулявшей толпы – только несколько молодых парней прыгали, напевая, около тлеющих костров: но музыканты уже улеглись спать, и большинство людей разошлось. Там и сям бродили женщины, отыскивая мужей, которые перепились пивом и свалились где-нибудь. – Не знаю, куда это я девала свой плащ? – прошептала Кристин.

Эрленд обнял ее одной рукою за талию и завернул своим плащом и ее и себя. Тесно прижавшись друг к другу, они про'шли сад, где росли целебные травы.

Пряный запах, смягченный и будто увлажненный росистою прохладой, ударил им, в лицо, напомнив о дневном зное. Ночь была темна, а небо над вершинами деревьев затянуто мрачными тучами. Но все же они ощутили, что в саду были и другие люди. Эрленд прижал девушку к себе и шепотом спросил:

– Ты не боишься, Кристин?

В уме ее на миг предстал бледным видением мир, лежавший вне этой ночи, – ведь это безумие! Но Кристин была так блаженно бессильна. Она только крепче прижалась к Эрленду и что-то неслышно прошептала, сама не зная что.

Они дошли до конца тропинки; тут была каменная ограда, отделявшая сад от леса. Эрленд

помог Кристин взобраться наверх. Когда она прыгнула вниз, на ту сторону, Эрленд подхватил ее и некоторое время держал на руках, прежде чем поставить на траву.

Кристин стояла, запрокинув голову под его поцелуями. Он положил ей руки на виски – ей было так приятно ощущать его пальцы, глубоко уходящие в волосы, – ей подумалось, что она тоже должна сделать ему что-нибудь приятное, и поэтому она взяла в обе руки его голову, стараясь поцеловать его так, как он целовал ее.

Когда он положил руки ей на грудь и погладил, Кристин почувствовала, будто Эрленд обнажил ее сердце и взял его; он чуть-чуть раздвинул складки шелковой рубашки и поцеловал там – этот поцелуй обжег ее, проникнув до самого сердца.

– Тебя я никогда бы не мог оскорбить, – прошептал Эрленд. – Ты никогда не пролила бы ни одной слезы по моей вине! Никогда я не думал, что девушка может быть такой хорошей, как ты, моя Кристин...

Он увлек ее на траву под кусты; они сели там спиной к каменной ограде. Кристин ничего не говорила, но, когда он переставал ласкать ее, протягивала руку и дотрагивалась до его лица.

Через некоторое время Эрленд спросил:

– Не устала ли ты, дорогая моя? – И тогда Кристин склонилась на его грудь; он обнял ее и прошептал:

– Спи, спи, Кристин, спи здесь, у меня... Она все глубже и глубже погружалась в темноту, тепло и счастье у него на груди.

Когда Кристин пришла в себя, она лежала, вытянувшись во весь рост, на траве, щекой на коленях Эрленда, обтянутых коричневым шелком. Эрленд по-прежнему сидел, прислонясь к каменной ограде; лицо его было серым в серых сумерках, но широко раскрытые глаза были удивительно чисты и прозрачны. Кристин увидела, что он всю ее закутал в свой плащ – ногам ее было так хорошо и тепло под мехом.

– Вот ты и спала у меня в объятиях, – сказал он и слабо улыбнулся. – Благослови тебя Бог, Кристин, ты спала так сладко, как ребенок на руках у матери...

– А вы не спали, господин Эрленд? – спросила Кристин. Он улыбнулся, глядя в ее заspanные глаза:

– Может быть, придет такая ночь, когда мы с тобою сможем заснуть вместе, – не знаю, что ты на это скажешь, когда обдумаешь! Я бодрствовал эту ночь – между нами все еще столько препятствий, что они разделяют нас больше, чем если бы между мною и тобою лежал обнаженный меч. Скажи, будешь ли ты любить меня, когда эта ночь пройдет?

– Я буду любить вас, господин Эрленд, – сказала Кристин, – я буду любить вас, пока вы сами захотите, и после вас не буду любить никого другого!..

– Тогда, – медленно сказал Эрленд, – тогда пусть Бог отвернется от меня, если когда-либо в объятиях моих будет женщина или девушка до того, как я смогу обладать тобою по чести и по праву! Скажи и ты то же самое, – попросил он. Кристин сказала:

– Пусть Бог отвернется от меня, если я обниму другого, пока живу на земле!

– Теперь нам пора идти, – сказал Эрленд немного погодя, – пока народ еще не проснулся.

Они пошли сквозь кусты вдоль каменной ограды.

– Ты думаешь о том, что теперь будет с нами? – спросил Эрленд.

– Это вам решать, Эрленд, – отвечала она.

– Твой отец... – начал он через некоторое время. – В Гердарюде говорят, что он мягкий и справедливый человек. Как ты думаешь, он будет очень противиться нарушению договора, который он заключил с Андресом Дарре?

– Отец так часто повторял, что не будет принуждать нас, своих дочерей, – сказала Кристин. – Ведь все устроилось больше потому, что наши земли лежат так удобно по соседству. Но отец, конечно, не захочет, чтобы я из-за этого лишилась всех земных радостей! – В душе у нее шевельнулось смутное предчувствие, что, может быть, все это будет не так-то легко и просто, но она поборола его.

– Тогда, может, все произойдет легче, чем я думал сегодня ночью, – сказал Эрленд. – Помогите мне Бог, Кристин, я не могу потерять тебя, – теперь я никогда уже больше не буду счастлив, если

ты не будешь моею!

Они расстались среди деревьев, и Кристин нашла дорогу в предрассветных сумерках к той комнате для гостей, где должны были ночевать монахини из Ноннесетера. Все кровати были заняты, но Кристин бросила плащ на солому среди пола и легла не раздеваясь.

Когда она проснулась, был уже день. Ингебьёрг, дочь Филиппуса, сидела на скамейке недалеко от нее и пришивала к плащу оторванный меховой борт. Она, как и всегда, готова была болтать без умолку.

– Так ты всю ночь была вместе с Эрлендом, сыном Никулауса? – спросила она. – Тебе бы следовало немного поостеречься этого молодца, Кристин: думаешь, Симону, сыну Андреса, понравится, что ты так сдружилась с ним?

Кристин нашла умывальную чашку и начала умываться.

– А твой-то жених? Думаешь, ему понравится, что ты этой ночью танцевала с толстяком Мюнаном? В такой вечер всякий волен танцевать с тем, кто выберет его, – ведь фру Груа сама дала нам разрешение...

Ингебьёрг фыркнула.

– Эйнар, сын Эйнара, и господин Мюнан – друзья, и ведь он женатый и старый человек! Да и некрасивый, хотя обходительный и любезный, – посмотри, что он подарил мне на память об этой ночи, – сказала она, показывая золотую застёжку, которую Кристин накануне видела на шляпе господина Мюнана. – Но этот Эрленд... Правда, с него сняли отлучение в прошлом году на Пасху, но говорят, что Элина, дочь Орма, была у него в Хюсабю и после этого, господин Мюнап говорит, что он бежал к отцу Иону в Гердарюд, – видно, не надеется, что сможет удержаться от греха, если только опять встретится с нею!..

Кристин, побелев как полотно, подошла к подруге:

– Да разве ты не знала этого? – сказала Ингебьёрг. – Ведь он сманил жену от мужа где-то на севере, в Холугаланде⁴², и держал ее в своей усадьбе, несмотря на приказ короля и архиепископское отлучение; они и двух детей прижили; ему пришлось бежать в Швецию и уплатить такую пеню из своего имущества, что, господин Мюнан говорит, он в конце концов станет совсем бедняком, если скоро не исправится...

– Да, уж разумеется я знаю это, – сказала Кристин с каменным лицом. – Но ведь теперь с этим покончено...

– Так-то так, но господин Мюнан говорит, что они уже много раз кончали и снова начинали, – задумчиво сказала Ингебьёрг. – Впрочем, тебе-то что за дело? Ты выйдешь за Симона Дарре. Но он красив, этот Эрленд, сын Никулауса...

Приехавшие из Ноннесетера должны были уезжать в тот же день под вечер. Кристин обещала Эрленду встретиться с ним у каменной ограды, где они сидели ночью, если только ей удастся прийти.

Он лежал ничком на траве, положив голову на руки. Увидев Кристин, он вскочил и протянул ей обе руки, чтобы помочь спрыгнуть со стенки.

Кристин взялась за них, и так они стояли недолго, держась за руки. Потом Кристин сказала:

– Зачем ты вчера рассказывал мне про господина Бьёрна и фру Осхильд?

– Я вижу по твоему лицу, что ты все знаешь, – отвечал Эрленд и выпустил ее руки. – Что ты думаешь теперь обо мне, Кристин?.. Мне тогда было восемнадцать лет, – пылко сказал он, – десять лет тому назад король послал меня вместе с другими в Варгёйхюс⁴³, и мы остались зимовать на Стейгене. Она была замужем за лагманом Сигюрдом, сыном Саксьюльва; мне было жалко ее, потому что он был старик и невероятно безобразен... Я не знаю, как это произошло... Ну да, я и любил ее тоже! Я сказал Сигюрду, что он может требовать все, что хочет, а уплату пени, мне хотелось загладить свою вину перед ним – он был во многих отношениях достойным человеком... Но он хотел, чтобы все шло по закону, и передал это дело на тинг – меня хотели заклеить рас-

---

⁴² Холугаланд область в Норвегии, у Полярного круга.

⁴³ Варгёйхюс – город на самом севере Норвегии.

каленным железом за блуд с хозяйкой того дома, где я был гостем, понимаешь?.

...Потом все стало известно моему отцу, а потом королю Хокону... Он... он выгнал меня вон из своего двора. И если ты хочешь знать все, как есть... нас с Элиной не связывает ничего, кроме детей, да и их она не очень любит. Они живут в Эстердале, в одной моей бывшей усадьбе, я подарил ее Орму, моему мальчику... Но она не хочет быть с ними... Она, верно, надеется, что Сигюрд не вечно будет жить... Я не знаю, чего она хочет!

Сигюрд снова взял ее к себе, но она говорит, что жила в его доме как собака или рабыня. И вот она назначила мне свидание в Нидаросе. Мне тоже жилось немногим лучше в Хюсабю, у отца... Я продал все, что только мог захватить в свои руки, и бежал с нею в Халланд⁴⁴ – граф Якоб был всегда добр ко мне... Я не мог поступить иначе, она носила моего ребенка. Я подумал, многим легко сходит с рук сожительство с чужой женой... Когда ты богат, то... Но король Хокон не таков, он всех строже со своими близкими. Мы были год в разлуке, но тут мой отец умер, и она вернулась ко мне. Потом начались другие беды. Мои крестьяне отказались платить мне и вступать в переговоры с моими управляющими, потому что я был отлучен от церкви, – тогда я обошелся с ними довольно жестоко, и они подали на меня в суд за грабеж, а у меня уже не было денег для уплаты моим слугам. Ты сама понимаешь, я был слишком молод для того, чтобы разумно встретить все эти неприятности, а мои родичи не хотела мне помочь... кроме Мюнана, – тот помогал, насколько ему позволяла жена..

...Ну вот, теперь ты знаешь все, Кристин, что я потерял очень многое, лишился и имущества и чести. И тебе бы лучше держаться Симона, сына Андреса!

Кристин обвила его шею руками.

– Мы будем держаться того, в чем поклялись друг другу сегодняшней ночью, Эрленд, если ты согласен со мною!

Эрленд прижал ее к себе и поцеловал, молвив так:

– Верь мне, мое положение скоро изменится, – теперь никто во всем мире не имеет власти надо мною, кроме тебя! О, я так много передумал ночью, когда ты, моя красавица, спала у меня на коленях! Нет такой власти у дьявола над человеком, чтобы я смог причинить тебе горе или повредить тебе как-нибудь, драгоценная моя жизнь!..

IV

Живя еще в Скуге, Лавранс, сын Бьёргюльфа, сделал вклад в гердарюдскую церковь, чтобы там служили за упокой души его родителей в день их смерти. Годовщина смерти Бьёргюльфа, сына Кетиля, приходилась на тринадцатое августа, и Лавранс договорился с братом, что в этом году тот возьмет Кристин к себе, чтобы она могла присутствовать на обедне.

Она все боялась, как бы что-нибудь не помешало дяде сдержать обещание, – ей казалось, будто Осмюнд не очень любит ее. Но на день до заупокойной обедни Осмюнд, сын Бьёргюльфа, приехал в монастырь и забрал племянницу с собою. Кристин получила приказание одеться в светское платье, но потемнее и попроще. Люди поговаривали, что сестры из Ноннесетера слишком много бывают вне стен монастыря, поэтому епископ велел, чтобы те из девиц, которые не должны впоследствии постричься в монахини, не носили, гостя у своих родичей, платьев, напоминающих орденскую одежду, – тогда прихожане не будут по ошибке принимать их за будущих монахинь или уже постриженных в монашеский чин.

Кристин радовалась от всей души, скача верхом по проселочной дороге рядом со своим дядей; Осмюнд стал более ласков и приветлив с нею, заметив, что девушка, оказывается, может поддерживать беседу с людьми. Впрочем, Осмюнд был несколько подавлен; он говорил, – похоже на то, что к осени будет отдан приказ снарядить ополчение, и король вторгнется в Швецию, чтобы отомстить за убийство зятя и мужа племянницы. Кристин уже слышала об убийстве шведских герцогов и считала это деянием величайшей низости, но все эти дела государственные были ей совсем чужды. У них в долине мало говорили о таких вещах. Впрочем, она припомнила, что отец ее тоже

---

⁴⁴ Халланд – местность, на юге Швеции, и то время датская.

принимал участие в ополчении в походе против герцога Эйрика у Рагнхильдархолма и Конунгахеллы. Тут Осмюнд рассказал ей обо всем, что произошло между королем и герцогом. Кристин немного поняла из рассказа, но внимательно слушала, когда дядя говорил о состоявшихся и расторгнутых обручениях девских дочерей. Ее утешала мысль, что, оказывается не везде на свете считают, как у них дома, что сговор и обручение связывают почти столь же крепко, как и брак. Она набралась храбрости, рассказала о своем приключении вечером накануне праздника святого Халварда, и спросила дядю, знает ли он Эрленда из Хюсабю. Осмюнд отозвался хорошо об Эрленде, сказал что тот поступал неразумно, но больше по вине отца и короля: они вели себя так, будто мальчик, с которым случилось, несчастье, был прямо чертом рогатым. Король слишком уж набожен, а рыцарь Никулаус разгневался на то, что Эрленд растратил столько добра, и вот они обрушились на него с такими словами, как "блуд" да "адское пламя".

– А во всяком стоящем парне всегда должна быть толика упрямства, – сказал Осмюнд, сын Бьёргюльфа. – Да и женщина была красавицей! Но тебе ведь нечего заглядываться на этого Эрленда, так что не занимайся его делами.

Эрленд не пришел к обедне, как обещал Кристин, и она больше думала об этом, чем о словах божественной службы. Она не могла в этом раскаиваться – у нее было только какое-то странное чувство, что она стала чуждой всему, с чем прежде была так связана.

Она пробовала утешать себя – Эрленд, конечно, считает, что разумнее всего, если никто из имеющих над нею власть не будет пока знать об их дружбе. Это она и сама понимала. Но сердце ее так тосковало, и она плакала, ложась вечером спать в том стабюре, где ей приходилось ночевать вместе с маленькими дочерьми Осмюнда.

На следующий день она пошла, в лес с самой младшей из детей дяди – шестилетней девочкой. Не успели они пройти выгон у самого леса, как Эрленд бегом догнал их. Кристин знала, что это он, раньше, чем увидела, кто идет за ними.

– Я весь день просидел здесь, на холме, следя за тем, что делается у вас на дворе, – сказал он. – Я так и думал, что ты найдешь случай выйти из дому...

– Так ты воображаешь, что я вышла из дому на свидание с тобой? – со смехом сказала Кристин. – А ты не боишься ходить с собаками и луком в лесу моего дяди?

– Твой дядя разрешил мне охотиться здесь для препровождения времени, – сказал Эрленд. – И собаки принадлежат Осмюнду – они разыскали меня сегодня утром. – Он погладил собак и поднял на руки маленькую девочку. – А ты знаешь меня, Рагндид? Но не рассказывай никому, что мы говорили со мною, тогда я дам тебе вот что. Он вынул узелок с изюмом и отдал его ребенку. – Я приготовил изюм для тебя, – сказал он Кристин. – Как ты думаешь, ребенок не проболтается?

Оба они говорили быстро и смеялись. Эрленд был одет в короткий и узкий коричневый камзол, а черные волосы его были покрыты красной шелковой шапочкой, – у него был очень молодой вид, он смеялся, играя с ребенком, но время от времени брал руку Кристин и сжимал ее до боли.

С большой радостью он упомянул про слухи об ополчении:

– Тогда мне легче будет снова заслужить дружбу короля, – сказал Эрленд – Все тогда пойдет легче! – с жаром добавил он.

Под конец они присели на лугу, зайдя немного подальше в лес. Эрленд держал ребенка на коленях; Кристин сидела рядом с ним; под покровом густой травы Эрленд трал ее пальцами. Он вложил ей в руку три золотых кольца, связанных шнурком.

– А после, – прошептал он, – у тебя будет столько колец, сколько ты сможешь надеть на пальцы!..

– Я буду поджидать тебя здесь, на лужайке, каждый день около этого же времени, пока ты живешь в Скуге, – сказал он при расставании. – Так что приходи, когда сможешь.

На другой день Осмюнд, сын Бьёргюльфа, с женой и детьми уехал в родовое поместье Гюрид в Хаделанде. Они были напуганы слухами о войне; страх все еще владел умами населения в окрестностях Осло после грабительского вторжения герцога Эйрика несколько лет тому назад. Старая мать Осмюнда так боялась, что решила искать убежище в Ноннесетере; она была к тому же слишком слаба, чтобы ехать вместе со всеми. Кристин должна была поэтому остаться в Скуге

со старушкой, – она звала ее бабушкой, – пока Осмюнд не вернется из Хаделанда.

После полудня, когда все в усадьбе отдыхали, Кристин пошла в стабюр, где она ночевала. Она привезла с собою в овчинном мешке несколько платьев и стала теперь переодеваться, напевая при этом вполголоса.

Отец подарил ей как-то платье из толстой восточной бумажной ткани небесно-голубого цвета, с частым узором из красных цветов; она надела его. Расчесала гребенкой и щеткой свои волосы и перевязала их красными шелковыми лентами, чтобы они не спускались на лицо, подпоясалась красным шелковым кушаком и надела на пальцы кольца Эрленда; наряжаясь, она все время думала о том, покажется ли она ему красивой.

Обе собаки, что были с Эрлендом в лесу, спали по ночам в ее стабюре; она позвала их с собою. Незаметно выскользнув со двора она пошла по той же самой тропинке через выгон, что и накануне.

Лесная полянка лежала одиноко и тихо под лучами жгучего полуденного солнца:

– еловый лес, окружавший ее со всех сторон, издавал горячий и сильный аромат. Солнце пекло, и, густея над вершинами деревьев, синева неба становилась удивительно жесткой.

Кристин села в тени на опушке леса. Она не досадовала на то что Эрленда не было; она была уверена, что он придет, и чувствовала особую радость оттого, что может посидеть тут немного одна и быть первой.

Она прислушивалась к слабому жужжанию маленьких существ над желтой, сожженной солнцем травой, сорвала несколько сухих, пряно пахнущих цветов, которые могла достать не двигаясь, только протянув руку, вертела их между пальцами и нюхала; широко раскрыв глаза, она сидела в каком-то полузабытьи.

Она не пошевелилась, услышав в лесу конский топот. Собаки заворчали и ошетинились, а потом помчались вверх по лугу, лая и виляя хвостами. На краю леса Эрленд соскочил с коня, пустил его, хлопнув по крупу, и побежал к Кристин, собаки прыгали и скакали вокруг него. Он зажал их морды руками и подошел так к Кристин между двумя серыми, похожими на волков, собаками. Кристин улыбнулась и протянула ему руку, не вставая с места.

И вдруг, когда она глядела на темноволосую голову, лежавшую у нее на коленях, в ее руках, у нее мелькнуло воспоминание. Оно восстало перед нею, ясное и далекое, как какой-нибудь домик, стоящий высоко в лесу на горном склоне, может вдруг ясно выступить в ненастный день из тени туч, когда луч солнца внезапно осветит его. И сердце ее словно переполнилось всей той нежностью, о которой однажды просил ее Арне, сын Гюрда, когда она еще не понимала смысла его слов. Она испуганно и порывисто притянула Эрленда поближе к себе, спрятала его лицо на своей груди и стала целовать, будто боясь, что его отнимут у нее. И когда посмотрела на его голову, лежавшую у нее на руках, то ей показалось, что она держит ребенка, – она закрыла ему глаза одной рукой и стала осыпать короткими, быстрыми поцелуями его рот и щеки.

Солнечный свет ушел с полянки; тяжелый цвет неба над вершинами леса сгустился в синевато-черные тучи, затянувшие все небо, короткие медно-красные зарницы вспыхивали в тучах, как дыму пожара. Баярд подошел, громко заржал и встал неподвижно, устремив глаза в одну точку. Сразу же вслед за этим блеснула первая молния, и за нею последовал сильный удар грома, совсем недалеко.

Эрленд встал и взял коня под уздцы. Ниже их, на краю лужайки, стоял старый овин; они подошли к нему, и Эрленд привязал коня к каким-то кольям у самой двери. В глубине сарая лежало сено; Эрленд разостлал на нем свой плащ, и они уселись, а собаки растянулись у их ног.

Вскоре дождь перед открытой дверью стал, как завеса. В лесу свистело, дождь хлестал по земле – немного спустя им пришлось передвинуться дальше в глубь сарая, потому что крыша текла. Каждый раз, когда сверкала молния и гремел гром, Эрленд спрашивал шепотом:

– Ты не боишься, Кристин?

– Немножко... – шептала она в ответ, прижимаясь к нему.

Они не знали, сколько времени они так просидели, – непогода прошла довольно быстро, гром гремел уже где-то далеко, за дверью солнце заливало своим светом мокрую траву, а блестящие капли падали с крыши все реже и реже. Сладкий запах в овине стал сильнее.

– Мне пора идти, – сказала Кристин, и Эрленд ответил:

– Да, пожалуй! – Он тронул рукой ее ногу. – Ты вымокнешь, лучше поезжай верхом, а я пойду прочь из леса...

Он смотрел на нее так странно.

Кристин дрожала. "Это, должно быть, оттого, – подумала она, – что у меня так сильно бьется сердце". Руки у нее были холодные и потные. Когда он поцеловал голое тело выше колена, она бессильно попыталась оттолкнуть его. Эрленд поднял на мгновение лицо, – ей вдруг вспомнился человек, которому однажды подали милостыню в монастыре: он поцеловал протянутый ему хлеб. Она опрокинулась навзничь на сено, широко раскинув руки, и позволила Эрленду делать что он хочет.

Она сидела прямая и неподвижная, когда Эрленд поднял голову, уроненную на руки. Он быстро поднялся на локте.

– Не смотри так... Кристин!

Его голос причинил новую жестокую боль душе Кристин, – значит, он даже не рад, он тоже несчастен...

– Кристин, Кристин... Может, ты думаешь, что я заманил тебя к себе в лес нарочно, потому что хотел причинить тебе это... взять тебя силой? – спросил он ее немного спустя.

Она погладила его по голове, не глядя на него.

– Ведь насилем это не было, ведь ты бы отпустил меня такую же, какою я пришла, если бы я попросила тебя... – тихо сказала она.

– Не знаю, – ответил он и спрятал лицо в ее коленях. – Может, ты думаешь, что я изменю тебе? – страстно спросил он. – Кристин, клянусь тебе своей христианской верой, пусть Бог отвернется от меня в мой последний миг, если я не сохраню верность тебе до смертного часа...

Она ничего не могла выговорить и только все гладила его по голове.

– Не пора ли мне идти домой? – спросила она наконец, и ей показалось, что она в смертельном страхе ждет его ответа.

– Пожалуй, что так, – мрачно отвечал он. Быстро встал, подошел к лошади и принялся отвязывать поводья.

Тогда и она поднялась. Медленно, устало и болезненно она начинала понимать... Она сама не знала, чего ждала от Эрленда, – что Эрленд должен сделать? Посадить ее на лошадь и увезти с собою, чтобы ей не надо было возвращаться к другим людям?.. Как будто все ее тело ныло, пораженное, – неужели вот это недоброе и воспеается во всех песнях? И так как Эрленд причинил это ей, Кристин до того чувствовала теперь себя его вещью, что не в силах была понять, как она сможет продолжать жить не в его руках. Теперь она должна была уйти от него, но не могла постичь, что это произойдет...

Он шел через лес пешком, ведя лошадь под уздцы; в руке его была рука Кристин, но оба молчали, не находя слов.

Когда они отошли так далеко, что увидели строения Скуга, Эрленд распрощался с Кристин.

– Кристин... Не будь такой печальной... Раньше чем ты думаешь придет тот день, когда ты станешь моей законной женой...

Но сердце у нее упало, когда Эрленд так сказал.

– Значит, тебе нужно уехать от меня? – со страхом спросила она.

– Сейчас же, как ты уедешь из Скуга. – сказал он, и голос его звучал бодрее. – Если не будет войны, то я поговорю с Мюнаном: он давно уже пристаёт ко мне, чтобы я женился; он, конечно, поедет со мной к твоему отцу и будет ходатаем за меня.

Кристин поникла головой, – с каждым его словом предстоящее время казалось ей все более долгим и невообразимым – монастырь, Йорюндгорд... Она как будто плыла по какому-то потоку, уносившему ее прочь от всего этого.

– Ты спишь теперь одна в стабюре после отъезда родственников? – спросил Эрленд. – Тогда я приду поговорить с тобою вечером; ты отопрешь мне?

– Да, – тихо сказала Кристин. И они расстались.

Остаток дня она провела у бабушки и после ужина уложила старуху в постель. Потом под-

нялась в стабюр, где должна была ночевать. В верхней горнице было маленькое окно; Кристин села на стоявший под ним сундук – ей не хотелось ложиться

Ждать пришлось долго. На дворе было совсем темно, когда наконец послышались осторожные шаги на галерее. Эрленд постучал в дверь костяшками пальцев, обернув руку в складки плаща; Кристин встала, отодвинула засов и впустила его.

Она заметила, что он очень обрадовался, когда она обвила его шею руками и прижалась к нему.

– Я боялся, что ты сердишься на меня! – сказал Эрленд. – Ты не должна печалиться о грехе, – добавил он некоторое время спустя. – Этот грех невелик! Божий закон о нем не таков, как людские законы... Гюннюльф, брат мой, объяснил мне однажды: если двое дадут обещание всегда быть вместе и крепко держаться друг друга и потом возлягут вместе, то они уже повенчаны перед Богом и не могут нарушить своего слова без большого греха. Я скажу тебе эти слова по-латыни, когда вспомню, – я знал их раньше...

Кристин не могла понять, по какому случаю брат Эрленда мог сказать это, но она отгоняла от себя невольный страх, что это могло быть сказано об Эрленде и другой женщине, и старалась найти утешение в его словах.

Они сели рядом на сундук. Эрленд обнял одной рукой Кристин, и она почувствовала, что теперь ей хорошо и покойно, – только здесь, около Эрленда, она чувствовала себя спокойно и в безопасности.

Время от времени Эрленд много и взволнованно говорил, а потом подолгу сидел молча и только ласкал Кристин. Кристин, сама того не сознавая, выхватывала из его речей всякую мелочь, которая могла сделать его красивее и милее в ее глазах и уменьшить его вину во всем том нехорошем, что она знала о нем.

Отец Эрленда, господин Никулаус, был так стар, когда у него родились дети, что у него не было ни терпения, ни сил воспитывать их самому: оба сына выросли в доме господина Борда, сына Петера, в Хестнесе. У Эрленда не было ни сестер, ни других братьев, кроме Гюннюльфа; тот был на год моложе его и состоял священником в церкви Спасителя.

– Его я люблю больше всех на свете, не считая тебя!

Кристин спросила, похож ли на него Гюннюльф, но Эрленд рассмеялся и сказал, что они и душой и телом совсем разные люди. Сейчас Гюннюльф за границей, учится; он отсутствует уже третий год, но дважды присылал письма домой, последний раз в прошлом году, когда уезжал от святой Геновевы в Париже⁴⁵, думая пробраться в Рим.

Вот обрадуется Гюннюльф, когда вернется домой и застанет меня женатым! – сказал Эрленд.

Потом он стал рассказывать о большом наследстве, доставшемся ему после родителей; Кристин поняла, что он сам едва ли знает, как обстоят сейчас его дела. Сама она была довольно хорошо осведомлена о делах отца по купле и продаже земель, но Эрленд вел свои дела совсем иначе, продавал и расточал, разорял и закладывал – хуже всего в последние годы, когда он хотел расстаться со своей любовницей и потому думал, что со временем его беспутный образ жизни будет забыт и родичи начнут помогать ему; он надеялся в конце концов получить воеводство над половиной округа Оркедал, как его отец.

– Но сейчас я просто ума не приложу, чем все это кончится! – сказал он. – Быть может, я в конце концов буду сидеть в маленькой горной усадьбе, как Бьёрн, сын Гюннара, и таскать на спине навоз, как рабы в прежние времена, потому что лошади у меня не будут!

– Помоги тебе Бог, – смеясь сказала Кристин. – Тогда мне непременно нужно будет переехать к тебе – я уверена, что больше тебя смыслом в крестьянском хозяйстве.

– Ну, корзин-то с навозом ты, я думаю, не таскала? – сказал он тоже со смехом.

– Нет, но видела, как навоз раскладывают по полям, а хлеб сеяла дома почти каждый год. Мой отец обычно сам распахивал ближайшие поля, а потом давал мне засеять первую полосу, чтобы я принесла счастье... – Воспоминание больно укололо ее сердце, и она поспешно продолжала:

⁴⁵ При аббатстве снятой Женевьевы (по-норвежски – Геновевы) находился Сорбонский университет и Париже.

– Да и надо, чтобы у тебя была женщина печь хлеб, варить брагу, штопать твою единственную рубашку и доить – тебе придется нанять одну или две коровы у кого-нибудь из соседних богатых крестьян...

– Благодарение Богу, что я снова слышу твой смех! – сказал Эрленд и поднял Кристин на руки, так что она лежала у него на груди, как ребенок.

В те шесть ночей, когда Осмюнда, сына Бьёргюльфа, не было дома, Эрленд каждый раз с вечера приходил к Кристин.

В последнюю ночь он казался таким же несчастным, как и она; много раз повторял, что они не проживут в разлуке ни одного дня дольше, чем это будет необходимо. Наконец совсем тихо сказал:

– Если случится так скверно, что мне до зимы не удастся вернуться в Осло... а тебе понадобится дружеская помощь... то знай, что ты сможешь спокойно обратиться к отцу Иону здесь, в Гердарюде. Мы с ним друзья с детских лет. И на Мюнана, сына Борда, можешь тоже положить-ся...

Кристин только кивнула головой. Она поняла, что Эрленд говорит о том же, о чем она сама думала каждый божий день; но Эрленд об этом ничего больше не сказал. Поэтому она тоже промолчала, ей не хотелось показывать, как больно сжималось ее сердце.

В те вечера он оставлял ее, когда время подходило к полуночи, но в этот последний вечер начал горячо умолять ее позволить ему лечь и поспать у нее немного. Кристин боялась этого, но Эрленд сказал заносчиво:

– Пойми же, если меня и застанут здесь, в твоей горенке, то я сумею постоять за себя...

Ей и самой хотелось удержать его у себя подольше, и она не в силах была ни в чем отказать ему.

Но Кристин боялась, что они могут проспать. Поэтому она просидела большую часть ночи, прислонясь к изголовью, время от времени забываясь сном, и не могла понять, когда Эрленд действительно ласкал ее и когда ей это только снилось. Одну руку она положила ему на грудь, туда, где ощущалось биение его сердца, и повернулась лицом к окну, чтобы следить за рассветом.

Наконец ей пришлось разбудить его. Она накинула на себя кое-что из одежды и вышла вместе с ним на галерею; он перелез через перила с той стороны стабюра, которая была обращена к другому дому. И вот он исчез за углом. Кристин вернулась к себе и забралась в постель; она дала себе волю и заплакала впервые с тех пор, как стала собственностью Эрленда.

V

В монастыре дни шли по-прежнему. Кристин проводила время то в спальне, то в церкви, то в ткацкой, то в книгохранилище, то в трапезной. Монахини и монастырские работники сняли урожай в огороде и в фруктовом саду; наступил осенний праздник Воздвижения Честного Креста с торжественной процессией, потом начался пост перед Михайловым днем. Кристин удивлялась – по-видимому, никто не замечал в ней никакой перемены. Правда, она всегда была довольно молчаливой среди чужих, а Ингебьёрг, дочь Филиппуса, ее соседка и днем и ночью, вполне справлялась со своей задачей болтать за двоих.

Итак, никто не замечал, что Кристин всеми своими помыслами была далека от окружающего. Любовница Эрленда – она твердила в душе, что теперь она любовница Эрленда! Ей казалось, будто она все это видела во сне – вечер накануне праздника святой Маргреты, тот краткий час в овине, ночи в стабюре в Скуге – или ей все это приснилось, или же ей снится то, что сейчас! Но когда-нибудь ей придется проснуться, когда-нибудь все откроется. Она ни одного мгновения не сомневалась в том, что уже носит ребенка от Эрленда...

Но что именно ожидает ее, когда в один прекрасный день это обнаружится, – об этом она не могла как следует подумать. Посадят ли ее в темницу или отошлют домой?.. Вдали она видела бледные образы отца и матери... И Кристин закрывала глаза, чувствуя дурноту и головокружение, склонялась перед воображаемой грозой, стараясь закалить себя и приучить переносить то зло, которое, как ей верилось, должно кончиться тем, что она будет брошена на веки вечные в объятия

Эрленда – единственное место, где теперь она считала себя дома.

И в этом напряженном состоянии было столько же надежды, сколько и ужаса, столько же сладости, сколько и муки. Она была несчастна, но чувствовала, что ее любовь к Эрленду – словно растение, взращенное в глубине ее существа, и на нем с каждым днем распускаются все новые и все более яркие цветы, несмотря на несчастье. В последнюю ночь, когда Эрленд спал у нее, она познала в проблеске мимолетной сладости, что ее ожидают в его объятиях такие радость и счастье, каких она еще не знала до сих пор, – она вся трепетала при одном воспоминании об этом; это было как горячий, пряный запах разогретых солнцем садов. "Пащенок" – это слово Инга бросила ей в лицо, но теперь она как бы приняла его и прижала к своему сердцу. Пащенок – это был ребенок, тайно зачатый в лесах и на лугах. Она чувствовала свет солнца и запах елей над лесной полянкой. Каждое новое, пробивающееся в душе беспокойство, каждое ускоренное биение пульса в теле принимала она за движение зародыша, который напоминал ей, что теперь она вступила на новый путь, и как бы ни трудно было пройти его весь, она была уверена, что в конце концов этот путь должен привести ее к Эрленду.

Кристин сидела между Ингебьёрг и сестрой Астрид и вышивала большой ковер с рыцарями и птицами под листвой деревьев. А сама тем временем представляла себе, как она убегает, когда придет ее час и нельзя уже будет дольше ничего скрывать. Она идет по большим дорогам, одетая как бедная женщина; все, что она имеет из золота и серебра, она несет с собою в узелке. Она находит себе пристанище в каком-нибудь доме, где-нибудь в глухой долине, живет там как работница, носит коромысло на плечах, убирает хлеб, печет и стирает и выслушивает ругательства, потому что не хочет сказать, кто отец ее ребенка. И вот приходит Эрленд и находит ее...

Порой она представляла себе, что Эрленд приходит слишком поздно. Она, белая как снег и прекрасная, лежит на бедной крестьянской постели. Эрленд, нагнувшись под притолокой, входит в горницу; он одет в длинный черный плащ, который он обыкновенно носил, когда приходил к ней по ночам в Скуге. Хозяйка подводит его туда, где лежит Кристин; он опускается на колени и берет ее холодные руки, глаза его полны смертельного горя – так вот где лежишь ты, моя единственная радость... Согбенный от горя, выходит он из горницы, прижимая к груди своего маленького сына, закутанного в складки плаща... Нет, она не думает, чтобы все это кончилось так; она не умрет, и Эрленд не испытает такого горя!.. Но ей было так тяжело и грустно, что хорошо было думать именно так...

И вдруг на мгновение ей становилось ясно до леденящего ужаса; ребенок – это не воображение, это неизбежность; рано или поздно ей придется ответить за то, что она сделала, – и она чувствовала, что сердце ее замирает от ужаса...

Но спустя некоторое время она стала думать, что еще не так уж верно, что у нее будет ребенок. Она сама не понимала, почему это ее не обрадовало, – как будто она лежала и плакала под теплым одеялом, а теперь надо было вставать и выходить на холод. Прошел еще месяц, два месяца; сейчас уж она была уверена, что это несчастье ее миновало, и чувствовала кругом холод и пустоту и была теперь еще несчастнее; в ее сердце прокралась обида на Эрленда. Приближалось Рождество, а она еще не получала никаких вестей ни от Эрленда, ни о нем; даже не знала, где он.

И теперь ей стало казаться, что она не вынесет этой тревоги и неизвестности, – как будто узы, связывающие их, рушились; и она уже серьезно стала бояться что могло случиться что-нибудь, и она уже никогда не увидит Эрленда. Она была отрезана от всего, с чем была связана прежде, а теперь и между ними связь становилась такой хрупкой и слабой. Она не думала, что Эрленд захочет изменить ей, но так многое может случиться... Ей было трудно представить себе, как сможет она дольше выносить изо дня в день неизвестность и муки ожидания.

Иногда она думала о родителях и сестрах, тосковала по ним, но как по чему-то такому, что она утратила навеки.

А иногда в церкви или еще где-нибудь она вдруг ощущала горячее желание быть со всеми вместе, участвовать в общении людей с Богом. Это всегда было частью ее жизни, а теперь она стояла в стороне, наедине со своим неисповеданным грехом.

Она говорила самой себе, что это отлучение от дома, родных с церкви только временное. Эрленд своей собственной рукой приведет ее обратно ко всему этому. Когда отец даст согласие на их

с Эрлендом любовь, она сможет приходить к нему, как и прежде; когда они с Эрлендом поженятся, то смогут исповедаться и искупить свое преступление.

Она начала искать доказательства тому, что и другие люди не безгрешны. Стала внимательней прислушиваться к сплетням и замечать вокруг себя все мелочи, указывавшие на то, что даже монастырские сестры были не совсем святыми и чуждыми всего мирского. Все это были только мелочи – Ноннесетер под управлением фру Груа являлся для мира примером того, какой должна быть богобоязненная община сестер-монахинь. Монахини были ревностны к божественной службе, прилежны, заботливы к бедным и больным. Их отрешение от мира не было таким уж строгим, чтобы сестрам не разрешалось видаться в приемной комнате со своими друзьями, родственниками или даже самим в особых случаях посещать их в городе: но ни одна из монахинь за все годы управления фру Груа не опозорила монастыря своим поведением.

Но теперь у Кристин открылись уши для всех фальшивых ноток в стенах монастыря – дрызг, зависти, тщеславия. Ни одна из монахинь не хотела исполнять черной домашней работы, кроме ухода за больными, все хотели быть учеными и искусными женщинами; одна старалась перещеголять другую, а те из сестер, которые не обладали способностями к таким благородным занятиям, опускали руки и проводили дни словно в забытии.

Сама фру Груа была ученой и умной женщиной, наблюдала за поведением и прилежанием своих духовных дочерей, но мало занималась спасением их душ. Она всегда была добра и приветлива с Кристин – казалось, даже отдавала ей предпочтение перед другими молодыми девушками, но это объяснялось тем, что Кристин была хорошо обучена книжному искусству и всякому рукоделью, была прилежна и молчалива. Фру Груа никогда не ждала от сестер ответа. Но зато охотно разговаривала с мужчинами. Одни сменяли других а ее приемной – крестьяне и доверенные монастыря, братья-проповедники от епископа, управители с Хуведёя, с которыми у нее была тяж-оа. У нее были полны руки дел, она заботилась о крупных монастырских владениях, счетах, рассылала церковные одеяния, отсылала и получала книги для переписывания. Даже самые недоброжелательно настроенные люди не могли найти ничего предосудительного в поведении фру Груа. Но она любила говорить только о таких вещах, в которых женщины редко бывают осведомлены.

У приора, жившего в отдельном доме к северу от церкви, по-видимому, было столько же собственной воли, сколько в писчем пере аббатисы или лозе в руке ее. Сестра Потенция управляла почти всем, что касалось внутренних хозяйственных дел, заботясь больше всего о поддержании в монастыре такого же порядка, какой она видела в знаменитых немецких женских монастырях, где была послушницей. Прежде ее звали Сигрид, дочь Рагнвалда, но при пострижении она переименовала имя, потому что так было принято в других странах; ей-то и пришло в голову, чтобы молодые сестры-ученицы, приезжавшие в Ноннесетер только на время, тоже носили одежду послушниц.

Сестра Цецилия, дочь Борда, была не такой, как другие монахини. Она ходила тихая, с опущенными глазами, отвечала всегда ласково и смиренно; у всех была на посылках, охотнее всего исполняла самую черную работу, постилась гораздо больше, чем это предписывалось уставом, – так часто, как только ей разрешала фру Груа, – и часами простаивала в церкви на коленях после всенощной или же приходила туда еще до утрени.

Но однажды вечером, проведя целый день у ручья за стиркой белья вместе с двумя белицами, она неожиданно громко разрыдалась за ужином. Бросилась на каменный пол, стала ползать на коленях среди сестер, била себя в грудь и с горящими щеками и горьким плачем умоляла их всех простить ее. Она, мол, худшая грешница из всех, все дни своей жизни каменела она в гордыне – гордыня, а не смирение и благодарность к Иисусу за его искупительную смерть, поддерживала ее, когда она подвергалась искушениям в миру; она бежала сюда не потому, что любит хоть одну человеческую душу, а потому, что любит собственную гордость. Из гордыни служила она своим сестрам, тщеславие пила она с водою из своего кубка и себялюбие намазывала толстым слоем на сухой хлеб свой, когда сестры пили пиво и ели хлеб с маслом.

Изо всего этого Кристин поняла только одно, что в глубине души даже сестра Цецилия, дочь Борда, не была истинной праведницей. С незажженной сальной свечой, висящей под потолком и грязной от копоти и паутины, – вот с чем она сама сравнивала свое чуждое любви целомудрие!

Фру Груа подошла к рыдающей молодой женщине и подняла ее с пола. Она строго сказала,

что в наказание за такой беспорядок сестра Цецилия должна перебраться из спальни сестер к аббатисе и спать вместе с ней, пока не оправится от лихорадки.

– А затем ты, сестра Цецилия, будешь в течение недели сидеть на моем месте; мы станем спрашивать твоих советов по духовным делам и оказывать тебе такую честь за твою богобоязненную жизнь, что ты пресытишься похвалами грешных людей. Таким образом, ты сможешь сама рассудить, стоит ли все это таких трудов и стараний; а потом выбирай, будешь ли ты жить по уставу так, как мы, или станешь продолжать подвиги, которых никто от тебя не требует. Тогда ты сможешь решить сама, будешь ли ты из любви к Богу, – чтобы он милостиво взглянул на тебя с высот, – делать все то, что, по словам твоим, ты делала только для того, чтобы мы смотрели на тебя с завистью и восхищением.

Так это и было сделано. Сестра Цецилия пролежала две недели в горнице аббатисы: у нее была жестокая лихорадка, и фру Груа сама ухаживала за больной. Встав после болезни, она должна была в течение недели сидеть рядом с аббатисой, на почетном месте, как в церкви, так и в монастыре; все прислуживали ей, а она все это время плакала, будто ее хлестали розгами. После этого она стала гораздо спокойнее и веселее. Продолжала держать себя почти как и прежде, но краснела, словно невеста, если кто смотрел на нее, мела ли она в это время пол или шла одна в церковь.

Однако этот случай с сестрой Цецилией пробудил в Кристин глубокую тоску и стремление к покою и примирению со всем тем, от чего, как ей казалось, она начинала чувствовать себя отрезанной. Она подумала о брате Эдвине и однажды, набравшись храбрости, попросила у фру Груа разрешения сходить к босоногим братьям, чтобы провести там одного своего друга.

Она заметила, что это не понравилось фру Груа, – между миноритами и другими монастырями в епископстве не было большой дружбы. И аббатиса не стала добрее, узнав, кто был другом Кристин. Она сказала, что этот брат Эдвин – нестойкий слуга Божий, он постоянно шатается по всей стране и отправляет требы в чужих епископствах. Простой народ считает его святым человеком, но сам он как будто не понимает, что первая добродетель францисканца – повиновение начальникам. Он исповедует лесных бродяг и отлученных от церкви, крестит их детей и отпевает их, не спрашивая на то разрешения, но все же, по-видимому, грешит столько же по невежеству, сколько из упрямства, и терпеливо сносит наказания, налагаемые на него за такие поступки. На него смотрят сквозь пальцы также и потому, что он очень искусен в своем ремесле; но даже и во время своих занятий ремеслом он иногда ссорится с людьми; живописцы епископа в Бьёргвине заявили, что они не потерпят, чтобы он работал в их епископстве.

Кристин осмелилась спросить, откуда он появился, этот монах с таким ненормальным именем. Фру Груа была не прочь поговорить; она рассказала, что он родился в Осло, но отец его был англичанин, Рикард бронник, который женился на крестьянской дочери из округа Скугхейм и обосновался в городе; двое братьев Эдвина были всеми уважаемыми оружейниками в Осло. Но этот старший из сыновей бронника всю свою жизнь был крайне беспокойным существом. Правда, он с самого детства имел охоту к монастырской жизни, достигнув совершеннолетия, он сразу же поступил в монастырь серых братьев на Хуведёе. Оттуда его послали на воспитание в один из монастырей во Франции – у него были большие способности. Уже будучи там, он добился того, что вышел из прежнего ордена цистерцианцев и вступил в орден миноритов. И в тот раз, когда братья начали самовольно и вопреки епископскому приказу строить свою церковь на пустоши к востоку от города, брат Эдвин был самым упрямым и несговорчивым из всех; он даже чуть не убил молотком одного из людей, посланных епископом остановить работы.

Давно уже не бывало, чтобы кто-нибудь так долго говорил с Кристин; поэтому, когда фру Груа сказала, что теперь она может идти, молодая девушка нагнулась и поцеловала почтительно и искренне руку аббатисы. На глазах ее выступили слезы. Но фру Груа, увидав, что Кристин плачет, подумала, что это от огорчения, и тут же сказала, что, может быть, все-таки позволит ей в один из следующих дней сходить в гости к брату Эдвину.

И через несколько дней Кристин известили, что кто-то из монастырских слуг идет с поручением в королевскую усадьбу и может заодно проводить ее к монахам на пустошь.

Брат Эдвин был дома. Кристин не думала, что она может так обрадоваться, увидя кого-

нибудь, кроме Эрленда. Старик сидел, глядя ее по руке, пока они разговаривали, благодарил ее за то, что она пришла. Нет, он не был в ее краях с тех пор, как ночевал в Йорюндгорде, но слышал, что ее выдают замуж, и пожелал ей счастья. Тут Кристин попросила его пройти с нею в церковь.

Они должны были выйти из монастыря и обойти церковь кругом до главного входа; брат Эдвин не решился провести Кристин прямо через двор. Вообще, как ей показалось, он стал каким-то унылым и робким, словно боялся рассердить кого-нибудь. Он очень состарился, подумала Кристин.

И когда она передала свою лету бывшему в церкви священствующему монаху, а потом попросила брата Эдвина исповедать ее, то он очень испугался. Этого он не смеет делать: ему строго запрещено выслушивать исповеди.

– Да ты, может, уже слышала об этом, – сказал он. – Дело в том, что я считал себя не вправе отказывать бедным, несчастным людям, в тех дарах, которые Бог дал мне безвозмездно. Но мне, конечно, следовало бы убедить их искать примирения с церковью в надлежащем месте... Да... Да... Но ведь ты, Кристин, должна исповедоваться у своего приора?

– Есть одна вещь, которую я не могу рассказать на исповеди приору нашего монастыря, – сказала Кристин.

– А ты думаешь, что тебе на пользу будет исповедаться мне в том, что ты хочешь скрыть от своего настоящего духовного отца? – сказал монах более строго.

– Если ты не можешь исповедать меня, – сказала Кристин, – то, может быть, позволишь мне поговорить с тобою и спросить твоего совета о том, что лежит у меня на сердце.

Монах осмотрелся по сторонам. Церковь в эту минуту была пуста. Тогда он уселся на сундук, стоявший в углу.

– Ты должна помнить, что отпустить твои грехи я не могу, но дам тебе совет и буду молчать обо всем, что ты скажешь, как будто ты сказала это на исповеди.

Кристин встала перед ним и проговорила:

– Дело в том, что я не могу стать женою Симона Дарре.

– Ты сама знаешь, что я не могу дать тебе тут – иного совета, чем дал бы твой приор, – сказал брат Эдвин. – Бог не посылает счастья непослушным детям, и ты сама понимаешь, что отец хотел тебе добра!

– Я не знаю, каков будет твой совет, если ты выслушаешь меня до конца, – ответила Кристин. – Видишь ли, Симон слишком хорош для того, чтобы глотать голый сук, с которого другой уже обломал цветок.

Она взглянула прямо в лицо монаху. Но когда встретила с его взором и заметила, как изменилось его сухое, морщинистое, старое лицо, какое горе и ужас изобразились на нем, тогда в ней самой словно оборвалось что-то, слезы хлынули ручьями из ее глаз, и она хотела броситься на колени. Но Эдвин порывисто остановил ее:

– Нет, нет, садись на сундук рядом со мной – я не могу исповедовать тебя... – Он подвинулся и дал ей место.

Она продолжала плакать; он погладил ей руку и тихо сказал:

– Помнишь ли ты то утро, Кристин, когда я в первый раз увидел тебя на лестнице хамарской церкви?... Давно, когда я был за границей, я слышал предание об одном монахе, который не мог поверить, что бог любит всех нас, недостойных, грешных... Тогда явился ангел и дотронулся до его очей, и он увидел камень на дне моря, а под камнем жило слепое белое голое животное, и монах смотрел на него, пока не возлюбил его, потому что оно было такое маленькое и слабенькое. Когда я увидел тебя, как ты, такая маленькая и слабенькая, сидишь в большом каменном здании, то я подумал: справедливо, что Бог любит таких, как ты; ты была такой красивой и чистой и еще нуждалась в защите и помощи. И мне казалось, что вся церковь вместе с тобой лежит на господней ладони...

Кристин тихо сказала:

– Мы связаны друг с другом самыми страшными клятвами... А я слышала, что такое согласие освящает наш союз перед Богом так же точно, как если бы наши родители отдали нас друг другу!

Но монах огорченно ответил:

– Я понимаю теперь, Кристин, что кто-то говорил вам о каноническом праве, но сам не знал его во всей полноте. Ты не могла клятвенно обещать себя этому человеку, не греша против своих родителей; Бог поставил их над тобою до того, как ты встретила с ним. И разве он тоже не причинит своим родичам горя и стыда, когда те узнают, что сын их соблазнил дочь человека, который с честью носил свой щит во все эти годы, – а ты еще вдобавок и помолвлена? Я понимаю, тебе кажется, ты не совершила особенного греха, однако ты не осмеливаешься исповедаться в этом грехе перед своим духовным отцом! А если ты считаешь, что ты как бы повенчана с этим человеком, то тогда почему же ты не наденешь полотняного платка⁴⁶ на голову, а продолжаешь ходить простоволосой среди молодых девушек, с которыми у тебя уже мало общего? Ведь у тебя в мыслях теперь, вероятно, совсем другое, чем у них?

– Я не знаю, что у них в мыслях, – устало сказала Кристин. – Но правда, что все мои помыслы принадлежат теперь тому человеку, о котором я тоскую. Если бы не отец и не мать, то я охотно хоть сегодня же спрятала бы волосы под платок, – я бы не посмотрела на то, что меня назовут любовницей, – лишь бы считалось, что я принадлежу ему!

– Уверена ли ты в том, что этот человек хочет поступить с тобою так, чтобы ты могла принадлежать ему с честью? – спросил брат Эдвин.

Тогда Кристин рассказала ему обо всем, что было между нею и Эрлендом. И пока она говорила, ей даже ни разу не вспомнилось, что она иной раз сама сомневалась с благополучным исходом.

– Разве ты не понимаешь, брат Эдвин, – продолжала она, – что мы были невольны в себе. Помилуй меня Господи, но если бы я встретила его сейчас, идя от тебя, то пошла бы за ним, попроси он только меня об этом!.. Знай, я теперь убедилась, что и другие люди грешат, не мы одни... В то время когда я еще жила дома, я не могла представить себе, что существует такая сила, которая может до того овладеть душой человека, что тот забывает о страхе перед грехом; но теперь я знаю, что если бы люди не могли искупать грехов, совершенных в страсти или в гневе, то тогда небо опустело бы!.. Про тебя ведь тоже говорят, что ты однажды во гневе ударил человека...

– Это правда, – сказал монах, – и я должен благодарить только милосердие Божие, что меня не называют убийцей. Это было много лет назад; я был тогда еще молод и думал, что нельзя стерпеть несправедливость, которую хотел совершить епископ по отношению к нам, бедным братьям. Король Хокон, – он тогда был еще герцогом, – подарил нам участок земли для церкви; но мы были так бедны, что сами строили свою церковь – правда, было еще несколько рабочих, которые помогали нам больше за награду в царствии небесном, чем за то, что мы могли платить им. Быть может, мы, нищенствующие монахи, были обуяны гордыней, когда хотели построить себе такую великолепную церковь, но мы так радовались, словно дети на лугу, и пели хвалебные песнопения, обтесывая камни, выводя стены и трудясь в поте лица. Вечная память брату Ранюльву; он был и строителем и искусным каменотесом; и всем наукам и искусствам, я думаю, сам Бог научил этого человека! Я высекал тогда на каменных плитах изображения святых и только что закончил изображение святой Клары, которую ангелы принесли на рассвете под праздник Рождества в церковь святого Франциска. – вышло все очень красиво, мы все так радовались, – и вот эти дьявольские нечестивцы разрушили стены, камни повалились вниз и разбили мои плиты; я ударил тогда одного из этих людей молотком, не смог совладать с собой... Да, теперь ты улыбаешься, Кристин. Но разве ты не понимаешь, что скверно твое дело, раз тебе больше нравится слушать о проступках других людей, чем о поведении людей хороших, которое могло бы служить для тебя примером?

– Нелегко советовать тебе, – сказал он, когда Кристин собралась уходить. – Ведь если ты поступишь так, как это было бы всего правильнее, то причинишь горе своим родителям и осрамишь всю свою родню. Но ты должна позаботиться, чтобы тебя освободили от слова, данного Симону, сына Андреса, а потом ждать терпеливо того счастья, которое Бог пошлет; раскаиваться в сердце своем как можно усерднее; и пусть этот Эрленд не соблазняет тебя снова ко греху, проси его с лю-

---

⁴⁶ Только девушки могли ходить с распущенными полоски и непокрытой головой. Замужние женщины были обязаны прятать полосы под повязку или платок.

бовью, чтобы он искал примирения с твоими родителями и с Богом...

– Разрешить тебя от греха я не могу, – сказал брат Эдвин при расставании. – Но молиться за тебя буду всеми силами своей души...

И он возложил ей на темя свои старческие тонкие руки и помолился над нею на прощание, чтобы Господь благословил ее и ниспослал ей мир.

VI

Впоследствии Кристин могла припомнить далеко не все из сказанного ей братом Эдвином. Но она ушла от него с удивительно ясной, спокойной и примиренной душой.

Раньше она боролась с глухим и тайным страхом и пробовала упрямо говорить себе; нет, она не так уж тяжело согрешила! Теперь же она чувствовала, что брат Эдвин показал ей ясно: конечно, она согрешила, ее грех состоял в том-то и в том-то, и она должна признаться в нем и попытаться нести его достойно и терпеливо. Она старалась вспоминать об Эрленде без нетерпения – и когда думала о том, что он не дает ей знать о себе, и когда тосковала по его ласкам. Нужно лишь оставаться верной и полной доброжелательства к нему. Она думала о своих родителях и обещала самой себе, что воздаст им за всю их любовь, как только они справятся с тем горем, которое она причинит им своим разрывом с семейством из Дюфрина. И, пожалуй, больше всего думала о словах брата Эдвина, что она не должна искать утешения в ошибках других людей; она сама чувствовала, что стала смиренной и доброй, и скоро увидела, как легко для нее снискать людскую дружбу. Ей тогда пришла в голову утешительная мысль, что все-таки не так уж трудно ладить с людьми, и ей стало казаться, что, наверное, все не так уж трудно сложится и для нее с Эрлендом.

Вплоть до того дня, когда она дала Эрленду слово, она всегда усердно старалась делать только то, что хорошо и справедливо, – но тогда она делала все по слову других. А теперь она сама чувствовала, что выросла из девушки в женщину. Это имело гораздо большее значение, чем те горячие тайные ласки, которые она принимала и расточала, и означало не только то, что теперь она вышла из-под опеки отца и подчинилась воле Эрленда. Эдвин возложил на нее бремя, и она должна была теперь сама отвечать за свою жизнь, да и за жизнь Эрленда тоже. И она готова была нести это бремя достойно и красиво. С этим жила она среди сестер-монахинь на рождественских праздниках; и хотя во время торжественных богослужений, мира и радости она чувствовала себя недостойной, все же утешалась мыслью, что скоро наступит час, когда она снова сможет оправдаться.

Но на другой день после Нового года в монастырь совершенно неожиданно приехал господин Андрес Дарре с женою и всеми пятерыми детьми. Они хотели провести конец рождественских праздников с городскими друзьями и родичами, а в монастырь заехали потому, что хотели взять к себе Кристин погостить на несколько дней.

– Я подумала, дочь моя, – сказала фру Ангерд, – что тебе вряд ли будет неприятно увидеть лица новых людей.

Семья из Дюфрина жила в красивом доме, в одном из дворов недалеко от замка епископа, – дом этот принадлежал племяннику господина Андреса. Внизу была большая комната, где спали слуги, а наверху – прекрасная горница с настоящей кирпичной печью и тремя хорошенькими кроватями; в одной спали господин Андрее с фру Агерд и своим младшим сыном Гюдмюндом, который был еще ребенком, в другой – Кристин с двумя хозяйскими дочерьми: Астрид и Сигрид, а в третьей – Симон со старшим братом Гюрдом.

Все дети господина Андреев были красивы, Симон менее других, но все-таки люди считали, что и он недурен собой. И Кристин заметила еще больше, чем в свой последний приезд в Дюфрин, год тому назад, что и родители и все братья и сестры особенно прислушивались к словам Симона и делали все, что тот хотел. Все в семье сердечно любили друг друга, но единодушно и без зависти предоставляли Симону первое место.

Семья проводила время шумно и весело. Ежедневно посещались церкви, делались пожертвования, а каждый вечер устраивались дружеские сборища и пиры, молодежь же играла и плясала. Все выказывали Кристин самое дружеское расположение, и никто, казалось, не замечал, как мало

она веселилась.

По вечерам, когда в горнице тушили свет и все расходились по своим кроватям, Симон имел обыкновение вставать и переходить туда, где лежали девушки. Он охотно просиживал некоторое время на краю кровати, обращаясь с речью преимущественно к сестрам, но под покровом темноты тихонько клал руку на грудь Кристин и долго держал ее так – Кристин бросало в пот от неприятного, тяжелого чувства.

Теперь, когда ощущения ее стали острее, она хорошо понимала, что есть многое, о чем Симон по своей гордости и застенчивости не мог ей говорить, раз он замечал, что она не хочет этого. И она чувствовала странную горечь и злость к нему, так как ей казалось, что он хочет быть лучше того, кто взял ее, – хотя Симон и не подозревал о его существовании.

Но однажды вечером, когда они все были в гостях и танцевали в другом доме, Астрид и Сигрид остались там ночевать у своей подруги. Когда остальные члены семьи вернулись поздней ночью домой и улеглись спать в горнице, Симон подошел к кровати Кристин, взобрался туда и лег поверх мехового одеяла.

Кристин натянула на себя одеяло до самого подбородка и крепко прижала руки к груди. Немного спустя Симон протянул руку и хотел положить ее на грудь Кристин. Она почувствовала шелковую вышивку на рукаве его рубашки и поняла, что Симон не снимал ничего из одежды.

– Ты такая же застенчивая в темноте, как и при свете, Кристин, – сказал Симон и усмехнулся. – Одну-то руку ты все-таки можешь дать мне поддержать? – спросил он, и Кристин протянула ему кончики пальцев. – Не кажется ли тебе, что у нас есть о чем поговорить, раз так случилось, что мы можем немного побыть наедине? – произнес он, и Кристин подумала, что нужно ему рассказать... И ответила:

– Да. – Но затем не могла вымолвить ни слова.

– Нельзя ли мне лечь под одеяло? – снова попросил он. – В горнице сейчас так холодно... – И Симон забрался между меховым одеялом и шерстяной простыней, в которую Кристин завернулась. Он охватил рукою ее изголовье, но так, что не касался ее.

Так лежали они некоторое время.

– За тобою не так-то легко ухаживать, – сказал Симон и безнадежно засмеялся. – Ну, я обещаю тебе, что даже не поцелую тебя, если тебе это неприятно. Но ведь ты же можешь хоть поговорить со мною?

Кристин облизнула губы кончиком языка, но все-таки молчала:

– Мне кажется, ты дрожишь, – снова начал Симон. – Ведь это же не значит, что ты имеешь что-то против меня, Кристин?

Она почувствовала, что не может солгать Симону, и потому сказала "нет", но и только.

Симон полежал еще немного, сделав попытку снова завязать разговор. Но наконец опять засмеялся и промолвил:

– Видно, по твоему мнению, на нынешний вечер я должен удовольствоваться тем, что ты ничего не имеешь против меня, и радоваться этому! Ну и гордая же ты!.. А все-таки ты должна поцеловать меня, тогда я уйду и не буду больше мучить тебя...

Он принял от нее поцелуй, поднялся и спустил ноги на пол. Кристин подумала: "Вот сейчас я скажу ему то, что должно быть сказано!" – но Симон был уже у своей кровати, и Кристин услышала, что он раздевается.

На другой день фру Ангерд была не так ласкова с Кристин, как обычно. Молодая женщина поняла, что мать Симона, вероятно, слышала кое-что ночью, и решила, что невеста ее сына приняла его далеко не так, как, по ее мнению, следовало бы.

Вечером Симон заговорил о том, что он думает обменяться конем с одним из своих друзей. Он спросил Кристин, не хочет ли она пойти с ним и посмотреть коня. Кристин согласилась, и они вместе пошли в город.

Стояла свежая, прекрасная погода. Ночью выпал легкий снежок, а теперь светило солнце и подмораживало, так что снег хрустел под ногами. Кристин было очень приятно пройтись по морозу. Поэтому когда Симон вывел на улицу того коня, о котором говорил, то она довольно оживленно обсуждала его со своим женихом; она знала толк в лошадях, потому что всегда много бывала с

отцом. А конь был красив – такой мышино-серый жеребец с черной полосой вдоль хребта и подстриженной гривой, хорошо сложенный и живой, но небольшой и не очень крепкий.

– Он недолго выдержит на себе человека в полном вооружении, – решила Кристин.

– Нет, но я и не предназначаю его для этого, – сказал Симон.

Он вывел коня на пустырь за домами, заставлял его бегать и ходить шагом, ездил сам на нем и хотел, чтобы и Кристин попробовала проехаться. Поэтому они довольно долго оставались на покрытом снегом белом лугу.

Наконец, когда Кристин кормила коня из рук хлебом, Симон, который стоял, облокотившись на конскую спину, неожиданно сказал:

– Мне кажется, Кристин, что вы с моей матерью как будто не ладите друг с другом?.

– Я не имела в помыслах досаждать чем-нибудь твоей матери, – сказала Кристин, – но мне не о чем говорить с фру Ангерд!

– Ты, очевидно, считаешь, – промолвил Симон, – что тебе и со мною не о чем говорить! Я не хочу навязываться тебе до времени, Кристин, но ведь так дальше не может продолжаться, – мне никогда не удастся поговорить с тобой!

~ Я никогда не была разговорчивой, – сказала Кристин, – сама это знаю и уверена, что ты не сочтешь за большую потерю, если у нас с тобой ничего не выйдет!

– Ты отлично знаешь, что я думаю об этом, – ответил Симон и посмотрел на нее.

Кровь бросилась ей в лицо. И Кристин стало больно, что ей все-таки не противно ухаживание Симона. Немного спустя он сказал:

– Не Арне ли, сына Гюрда, не можешь ты позабыть, Кристин? – Кристин глядела на него неподвижным взором; Симон продолжал, и голос его был мягок и ласков:

– Я не стану упрекать тебя за это – вы росли вместе, как брат и сестра, и этому едва минул год. Но можешь верить мне, что я хочу тебе добра...

Лицо Кристин совершенно побелело. Никто из них не говорил больше ни слова, когда они в сумерках шли по городу. В конце улицы, в зеленовато-голубом воздухе стоял серп молодого месяца, обхватив рогами блестящую звезду.

"Всего лишь год", – подумала Кристин и не могла припомнить, когда она в последний раз вспоминала об Арне. Ей стало страшно – может быть, она легкомысленная, порочная и дурная женщина, – всего лишь год тому назад она видела Арне в гробу и думала, что уже никогда в жизни не сможет радоваться... И она беззвучно застонала, ужасаясь непостоянству своего собственного сердца и непрочности всего земного. Эрленд, Эрленд! Неужели он может позабыть ее? И все же, казалось, еще хуже, если сама она когда-нибудь сможет позабыть его!

Господин Андрес отправился со своими детьми на большой рождественский прием в королевском дворце. Кристин увидела всю роскошь и убранство дворца; были они и в том зале, где сидел король Хокон с фру Исабель Брюс, вдовой короля Эйрика⁴⁷. Господин Андрес прошел вперед и приветствовал короля, его дети и Кристин остановились несколько позади. Кристин думала обо всем, что говорила ей фру Осхильд: она вспомнила, что король был близким родичем Эрленда, – их бабушки со стороны отцов были сестрами, – а она была соблазненной любовницей Эрленда и не имела никакого права находиться здесь, особенно среди таких хороших и достойных людей, как дети рыцаря Андреев.

И вдруг она увидела Эрленда, сына Никулауса, – он подошел к королеве Исабель и стоял, склонив голову и прижав руку к груди, выслушивая обращенные к нему слова; на нем была коричневая шелковая одежда, в которой он был на гильдейском празднике. Кристин спряталась за спины дочерей господина Андреса.

Когда фру Ангерд много времени спустя подвела своих трех дочерей к королеве, Кристин уже нигде больше не видела Эрленда; но она, впрочем, и не осмеливалась поднять глаза. Она спрашивала себя, не находится ли Эрленд где-нибудь в зале; ей казалось, что она чувствует на себе его взгляд, но ей, кроме того, казалось, что все смотрят на нее, как будто зная, что она лгунья,

---

⁴⁷ Король Эйрик II (1280 – 1290), брат предшественник короля Хокона V, был женат на Изабелле (по-норвежски – Исабель), дочери шотландского короля Роберта Брюса.

которая носит золотой обруч на распущенных по-девичьи волосах!

Его не было в том зале, где угощали молодежь и где молодежь танцевала, когда убрали столы. В этот вечер Кристин должна была танцевать рука об руку с Симоном.

Вдоль одной из длинных стен стоял прикрепленный к полу стол, и королевские слуги всю ночь ставили на него пиво, мед и вино. Один раз, когда Симон подвел ее к столу и пил за ее здоровье, Кристин увидела, что Эрленд стоит совсем рядом с нею, за Симоном. Он смотрел на нее, и рука Кристин задрожала, когда она принимала кубок из рук Симона и подносила его к губам. Эрленд горячо шептал что-то человеку, сопровождавшему его, высокому и сильному, красивому пожилому мужчине, который недовольно качал головой и, казалось, очень сердился. Сейчас же после этого Симон снова увел Кристин танцевать.

Она не знала, сколько времени тянулся этот танец, песня лилась без конца, и каждая минута казалась долгой и мучительной от тоски и беспокойства. Наконец танец кончился, и Симон снова увлек ее к столу с напитками.

Один из друзей подошел к Симону и заговорил с ним, а потом отвел его на несколько шагов в сторону, к кучке молодых людей. Тут перед нею вырос Эрленд-

– Я должен сказать тебе так много, – прошептал он, – и не знаю, с чего начать... Господи Иисусе, Кристин, что с тобой? – быстро спросил он, увидев, что лицо ее побелело как мел.

Она видела его смутно, как будто пелена воды спустилась между их лицами. Он взял со стола кубок, отпил и протянул его ей. Кристин показалось, что кубок слишком тяжел или же рука у нее словно вывернута из плечевого сустава; она не смогла поднять кусок ко рту.

– Так вот как, ты пьешь со своим женихом, а со мной не хочешь? – тихо спросил Эрленд; но Кристин уронила кубок из руки и упала вперед, прямо в объятия Эрленда.

Она очнулась, лежа на скамейке; голова ее покоилась на коленях какой-то незнакомой девушки. Ей распустили пояс и отстегнули большую застежку, скалывавшую платок на груди; кто-то хлопал ее по ладоням, а лицо у нее было смочено водой.

Она поднялась и села. В кольце окружавших ее людей она мельком увидела лицо Эрленда, бледное и больное. Сама она чувствовала такую слабость во всем теле, словно все ее кости растаяли, а голова сделалась какой-то большой и пустой; но где-то в глубине души таилась одна-единственная ясная и полная отчаяния мысль – ей нужно поговорить с Эрлендом.

И она сказала Симону Дарре, стоявшему рядом с нею:

– Мне было слишком жарко – тут горит так много свечей... И я не привыкла пить столько вина...

– Лучше тебе теперь? – спросил Симон. – Ты напугала всех... Может быть, ты хочешь, чтобы я проводил тебя домой?

– Лучше обождать, пока твои родители соберутся уходить, – спокойно сказала Кристин. – Но сядь сюда, я не могу больше танцевать. – Она хлопнула ладонью по подушке рядом с собою и протянула другую руку Эрленду.

– Садитесь сюда, Эрленд, сын Никулауса, я не успела договорить слова приветствия! Ингебьёрг не так давно сетовала, что вы теперь совсем забыли ее.

Она увидела, что ему гораздо труднее совладать с собою, чем ей, и ей стоило большого труда удержаться от легкой нежной улыбки, просившейся на уста.

– Поблагодарите девушку, что она все еще помнит обо мне, – сказал он заикаясь. – Я уже боялся, что она забыла меня.

Кристин помедлила немного. Она не знала, что бы ей такое сказать, что походило бы на послание от ветреной Ингебьёрг и вместе с тем могло бы быть правильно понято Эрлендом. Тут в ней поднялась горечь от чувства беспомощности в течение всех этих месяцев, и она сказала:

– Дорогой Эрленд, как вы можете думать, что мы, девушки, забудем человека, который так красиво защищал нашу честь?..

Она увидела, что слова ее подействовали на него как удар по лицу, и сейчас же раскаялась в них, но тут Симон спросил, о чем она говорит. Кристин рассказала ему об их с Ингебьёрг приключении в лесу на Эйкаберге. Она заметила, что Симону это не особенно понравилось. Тогда она попросила его пойти к фру Ангерд и спросить ее, не поедут ли они скоро домой; она все-таки очень

устала.

Когда тот ушел, она взглянула на Эрленда.

– Просто удивительно, – тихо сказал он, – что ты такая находчивая – этого бы я о тебе не подумал!

– Я должна была научиться скрывать и прятаться, ты отлично знаешь это, – мрачно сказала она.

Эрленд тяжело дышал; он все еще был очень бледен.

– Тогда, значит, это так? – прошептал он. – Но ведь ты обещала обратиться к моим друзьям, если это произойдет! Бог свидетель, я думал о тебе каждый день, не случилось ли самое худшее...

– Я знаю, что ты считаешь худшим, – коротко сказала Кристин. – Можешь не бояться этого. Но мне кажется гораздо хуже, что ты не захотел послать мне ни слова приветов... Или ты не понимаешь, что я хожу там, среди монахинь, как чужая, залетная птица?.. – Она остановилась, почувствовав подступающие слезы.

– Не потому ли ты сейчас проводишь время с семейством из Дюфрина? – спросил он. И это так огорчило ее, что она не могла ответить.

Она увидела входящих в дверь фру Ангерд и Симона. Рука Эрленда лежала у него на колене, совсем близко, но ей нельзя было взять ее...

– Я должен поговорить с тобою, – горячо сказал он, – мы не сказали друг другу ни одного путного слова!..

– Приходи на Крещение к обедне в церковь святой Марии, – быстро сказала Кристин, вставая, и пошла навстречу Симону и его матери.

Фру Ангерд была очень внимательна и ласкова к Кристин на обратном пути и сама уложила ее в постель. С Симоном ей не пришлось говорить до следующего дня. Он сказал тогда:

– Каким образом могло случиться, что ты передаешь приветы этому Эрленду от Ингебьёрг, дочери Филиппуса? Не прикладывай к этому руку, если между ними какие-нибудь тайные отношения!

– Между ними, вероятно, ничего нет, – сказала Кристин. – Она просто болтунья!

– И еще мне кажется, – сказал Симон, – что ты должна была бы стать осторожней и не бродить по лесам и дорогам с этой сорокой.

Но Кристин горячо напомнила ему, что они были не виноваты в том, что заблудились. И тогда Симон больше ничего не сказал.

На следующий день семья из Дюфрина отвезла Кристин обратно в монастырь, перед тем как самим ехать домой.

Эрленд каждый день в течение целой недели приходил к вечерне в монастырскую церковь, но Кристин ни разу не удалось обменяться с ним ни единым словом. Ей казалось, что она чувствует себя соколом, прикованным к жердочке, с колпачком на глазах. Кроме того, ее огорчало каждое слово, сказанное ими друг другу при последней встрече, – не так все должно было бы произойти. Напрасно она себе повторяла, что все это обрушилось на них так неожиданно, что оба они едва знали, что говорят.

Но однажды вечером, уже в сумерки, в приемную комнату пришла красивая женщина, которую можно было принять за жену горожанина. Она попросила позволения повидать Кристин, дочь Лавранса, и сказала, что она жена торговца платьями и муж ее только что возвратился из Дании с красивыми плащами; Осмюнд, сын Бьёрнольфа, хочет подарить один из них своей племяннице, и девушка должна пойти с ней и сама выбрать, какой ей больше нравится.

Кристин получила разрешение пойти с женщиной. Ей показалось непохожим на дядю, что тот захотел сделать ей дорогой подарок, и странным, что он послал за ней незнакомую женщину. Женщина сперва была неразговорчива и скупое отвечала на расспросы Кристин, но, когда они уже очутились в городе, вдруг сказала:

– Я не хочу обманывать тебя, – ты такое прекрасное дитя, – я скажу тебе все, как оно есть, а ты уже решай сама. Это не твой дядя послал меня, но один мужчина – может быть, ты можешь угадать его имя, а если нет, то не ходи со мной! У меня нет мужа, и я должна поддерживать свою жизнь и жизнь своих близких тем, что содержу постоянный двор и пивную; тут не приходится

слишком бояться ни греха, ни городских стражников; но я не хочу предоставлять свой дом, чтобы тебя обманывали за моим порогом.

Кристин остановилась и покраснела. Она почувствовала странную боль и стыд за Эрленда. Женщина сказала:

– Я провожу тебя обратно в монастырь, Кристин, но ты должна немного заплатить мне за беспокойство – рыцарь-то обещал мне большую награду; но и я тоже была когда-то красивой и тоже была обманута. А потому помяни меня, пожалуйста, в своей вечерней молитве – зовут меня Брюнхильд Муха!

Кристин сняла кольцо с пальца и подала его женщине.

– Ты честно поступила, Брюнхильд, но если этот человек не кто иной, как мой родич Эрленд, сын Никулауса, то мне нечего бояться: он хочет, чтобы я его помирила с моим дядей. Можешь не беспокоиться, но спасибо тебе, что ты хотела предостеречь меня.

Брюнхильд Муха отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Она повела Кристин через переулки за церковью Клемента на север, к реке. Здесь стояло несколько обособленных домиков на склоне речного берега. Они зашли между каких-то изгородей, и тут подошел к ним Эрленд. Оглядевшись по сторонам, он снял с себя плащ, закутал в него Кристин и надвинул ей капюшон на самое лицо.

– Что ты думаешь о моей уловке? – негромко и быстро спросил он. – Ты, верно, считаешь, что я поступил нехорошо, но мне нужно поговорить с тобой.

– Пожалуй, нам мало пользы думать о том, что хорошо и что нехорошо, – сказала Кристин.

– Не говори так, – взмолился Эрленд. – Вся вина лежит на мне... Кристин, я тосковал по тебе каждый день и каждую ночь, – прошептал он у самого ее лица.

Дрожь пробежала по ее телу, когда она на мгновение встретилась с его взглядом. Она почувствовала себя преступницей, что могла думать о чем-либо, кроме любви к нему, когда он так смотрит на нее.

Брюнхильд Муха ушла вперед. Эрленд спросил Кристин, когда они вошли во двор:

– Хочешь, пройдем в жилую горницу или же поговорим наверху в светличке?

– Как хочешь, – отвечала Кристин.

– Наверху холодно, – тихо сказал Эрленд. – Придется лечь в постель... – И Кристин только кивнула. – Только Эрленд запер за ними дверь, как Кристин очутилась в его объятиях. Он сгибал ее, как тростинку, ослеплял и душил поцелуями, в то же время нетерпеливо срывая с нее оба плаща, которые бросил на пол. Потом он поднял девушку в светлой монастырской одежде высоко на руки и понес ее на свою постель. Испуганная его бурным порывом и своим собственным внезапным влечением к нему, Кристин обняла его и спрятала лицо на его плече.

В светличке было так холодно, что при свете стоявшей на столе свечи они видели пар от своего дыхания. Но в постели было много разных одеял и мехов; сверху лежала большая медвежья шкура, и они натянули ее на себя и покрылись ею с головой. Кристин не знала, сколько времени она пролежала там в его объятиях, когда Эрленд заговорил:

– Теперь нужно поговорить о том, что должно быть сказано, моя Кристин, – я, право, не смею задерживать тебя слишком долго!

– Я посмею остаться здесь на всю ночь, если ты захочешь, – прошептала она ему в ответ.

Эрленд прижался щекою к ее щеке.

– Тогда я не был бы твоим другом! И так уже все достаточно плохо, но я не допущу, чтобы по моей вине люди злословили о тебе.

Кристин не отвечала – слова его больно отозвались в ее сердце: она не понимала, как это может говорить так он, приведший ее сюда, в дом Брюнхильд Мухи!

Но теперь им уже нельзя было больше пользоваться таким способом, чтобы встречаться, а найти новый было нелегко. Эрленд ходил к вечерне в монастырскую церковь, и после службы у Кристин иногда оказывалось поручение к кому-нибудь из живущих при монастыре мирян: тогда им с Эрлендом удавалось украдкой обменяться несколькими словами у плетней в темноте зимних вечеров.

Кристин пришлось в голову попросить у сестры Потенции разрешения посещать старых, изможденных работою женщин, которых монастырь содержал Христа ради и которые жили вдоми-

ке в одном из близлежащих полей. За домом стоял сарай, где женщины держали корову; Кристин вызвалась ходить за ней во время своих посещений, и вот сюда-то она и впускала к себе Эрленда.

С легким удивлением заметила она, что как ни рад был Эрленд бывать у нее, однако ему было обидно, что она могла придумать такую уловку.

– Ты познакомилась со мной не на пользу себе, – сказал он однажды вечером. – Теперь ты научилась прибегать к таким хитростям.

– Тебе-то уж не следовало бы упрекать меня в этом! – огорченно ответила Кристин.

– Я не тебя и упрекаю, – быстро и смущенно сказал Эрленд.

– Я и сама не думала, – продолжала она, – что мне так легко будет лгать. Но если очень нужно, все сможешь.

– Это не всегда верно, – сказал Эрленд прежним тоном. – Помнишь ли, как ты зимою не могла сказать своему жениху, что не хочешь выходить за него?

Кристин ничего не ответила на это, только провела рукой по его лицу.

Никогда она не чувствовала большей любви к Эрленду, как именно в те минуты, когда он говорил ей такие вещи и огорчал ее или заставлял удивляться. Она рада была принять на себя вину во всем, что было постыдного и дурного в их любви. Если бы у нее хватило мужества поговорить с Симоном так, как следовало бы, то теперь они бы уже сильно подвинулись к благополучному концу. Эрленд сделал все, что было в его силах, когда говорил с родичами о своем предполагаемом браке. Это она повторяла себе, когда дни в монастыре становились длинными и печальными, – Эрленд хотел устроить все как можно лучше и правильней. С легкой, нежной улыбкой вспоминала она, как он развертывал перед нею картину их свадьбы: она поедет в церковь верхом, в шелку и бархате, ее поведут к брачному ложу в высоком золотом венце на распущенных волосах.

"На твоих прекрасных, прекрасных волосах!" – говорил он, пропуская между пальцами ее косы.

– Но для тебя это будет не так, как было бы, если бы ты раньше не владел мною! – задумчиво сказала Кристин, когда однажды Эрленд говорил так.

Он бурно заключил ее в объятия.

– Как ты думаешь, могу я не помнить, как впервые в жизни справлял Рождество или в первый раз увидел у себя на родине, как зеленеют после зимы горные рощи? О, я помню, как ты принадлежала мне в первый раз и каждый раз потом; но владеть тобою – все равно что вечно справлять Рождество или вечно охотиться на птиц в зеленеющих рощах!..

И она, счастливая, прижалась к нему. Не потому, что хоть на мгновение верила, что все произойдет именно так, как с такой уверенностью ждет Эрленд, – Кристин думала, что судный день, наверное, настанет для них вскоре. Ведь невозможно, чтобы все то и впредь продолжало идти гладко... Но она не очень боялась этого – она боялась гораздо больше, как бы Эрленду не пришлось уехать на север раньше, чем все откроется, и тогда она снова останется одна, в разлуке с ним. Он жил теперь в замке на Акерснесе⁴⁸; Мюнан, сын Борда, занимал его, пока посадник находился в Тюнсберге, где лежал опасно больной король. Но рано или поздно Эрленд должен будет поехать домой и навеститься а свои владения. Кристин не хотела признаться даже себе самой, что она потому боится его поездки домой в Хюсабю, что там его ждет любовница; ни в том, что она меньше боится быть уличенной в грехе вместе с Эрлендом, чем одной ответить за все и рассказать Симону и отцу о том, что лежит у нее на сердце.

И Кристин почти желала, чтобы ее постигло наказание, и чем скорее, тем лучше. Потому что у нее теперь не было других мыслей, как только об Эрленде; днем она тосковала по нем, а ночью видела его во сне; она не чувствовала раскаяния, но утешала себя чем, что скоро придет день, когда она должна будет дорого заплатить за все то, что они урвали себе украдкой. А в те короткие вечерние часы, когда она могла видиться с Эрлендом в хлеву нищих старух, она отдавалась его объятиям с таким жаром, словно ценою собственной души заплатила за право принадлежать ему.

Но время шло, и, казалось; Эрленду везло именно так, как он надеялся. Кристин никогда не замечала, чтобы кто-нибудь в монастыре подозревал ее. Правда, Ингебьёрг узнала, что она видит-

⁴⁸ Акерснесе – мыс в порту Осло с городской цитаделью.

ся с Эрлендом, но Кристин поняла, что той и в голову не приходило, что здесь что-нибудь большее, чем просто маленькое развлечение. Чтобы просватанная девица из хорошего дома осмелилась нарушить договор, заключенный ее родными, – этого не могла предположить даже Ингебьёрг, Кристин ясно видела это. И снова ее на мгновение охватывал страх – может быть, она действительно совершает нечто совершенно неслыханное! И опять ей хотелось, чтобы все поскорее открылось и наступил бы конец...

Настала Пасха. Кристин не могла понять, куда девалась эта зима; каждый день, когда она не видела Эрленда, был долог, как лихой год, и долгие лихие дни свивались в цепи, превращаясь в бесконечные недели; но теперь настали весна и пасха, и Кристин казалось, что совсем недавно был рождественский прием у короля. Она просила Эрленда не искать свиданий с нею во время праздников. А он сделает все, о чем она его ни попросит, думала Кристин. То, что они гршили против заповедей во время Великого Поста, было столько же по ее собственной вине, сколько и по вине Эрленда. Но она хотела, чтобы они соблюдали праздник Пасхи. Хотя было очень тяжело не видеться с Эрлендом. Может быть, ему очень скоро придется уехать – он ничего не говорил об этом, но она знала, что король лежит при смерти, и думала, что, может быть, это внесет какую-нибудь перемену в положение Эрленда.

Так складывались для нее обстоятельства, когда в один из первых дней после Пасхи ей передали, чтобы она сошла вниз, в приемную, к своему жениху.

Сразу же, как он шагнул ей навстречу и протянул руку, Кристин поняла, что что-то случилось – лицо у него было не таким, как обыкновенно, его маленькие серые глаза не смеялись, когда он улыбался. И Кристин невольно заметила, что Симону будет к лицу быть серьезным. Он и выглядел очень хорошо в своей дорожной одежде – на нем было синее, обтягивающее тело длинное верхнее платье и коричневый наплечник с капюшоном, который он сейчас же откинул; его русые волосы больше обычного вились от сырости в воздухе.

Они посидели и поговорили немного. Симон был во время поста в Формо и почти ежедневно ходил в Йорюндгорд. Там все благополучно, Ульвхильд здорова, насколько можно ожидать от нее; Рамборг живет теперь дома; она красивая и живая девочка.

– На этих днях истекает год, который ты хотела провести в Ноннесетере, – сказал Симон. – У вас дома начали уже делать приготовления к нашему с тобой обручению.

Кристин ничего не сказала; тогда Симон продолжал:

– Я сказал Лаврансу, что приеду в Осло и поговорю с тобою об этом.

Кристин опустила глаза и тихо молвила:

– Мне, Симон, очень хотелось бы поговорить с тобой обо всем этом с глазу на глаз.

– Я и сам понимаю, что это нужно, – ответил Симон, сын Андреев. – Я только что хотел попросить тебя – спроси у фру Груа, не разрешит ли она нам пройти ненадолго в сад...

Кристин быстро встала и бесшумно выскользнула из комнаты. Немного спустя она вернулась в сопровождении одной из монахинь с ключом.

Небольшая дверь вела из приемной в сад, где росли целебные травы; сад этот лежал позади западных строений монастыря. Монахиня открыла дверь, и Кристин с Симоном очутились в таком густом тумане, что могли видеть между деревьями только на несколько шагов перед собою. Ближайшие стволы казались черными, как уголь; капельки влаги висели бусами на каждой ветке и каждом суку. На мокрой земле лежал кое-где и таял свежевypавший снег, но под кустами некоторые мелкие белые и желтые луковичные растения уже начинали зацветать, а от кустиков фиалок неся свежий и прохладный аромат.

Симон подвел Кристин к ближайшей скамейке. Он сел, слегка наклонясь вперед, и оперся локтями о колени. Затем поднял на Кристин взор с чуть заметной странной улыбкой.

– Мне кажется, что я уже почти знаю, о чем ты хочешь со мной говорить, – сказал он. – Есть другой мужчина, который нравится тебе больше меня?

– Так это и есть, – тихо ответила Кристин.

– Мне кажется также, что я знаю его имя, – сказал Симон более суровым голосом. – Это Эрленд, сын Никулауса, из Хюсабю?

Спустя немного Кристин спросила едва слышно:

– Так, значит, это дошло до тебя?

Симон помедлил немного, прежде чем ответить:

– Ты, конечно, не думаешь, будто я так глуп, что ничего не заметил, когда мы вместе справляли Рождество? Тогда я ничего не мог сказать, потому что отец и мать были с нами. Но потому-то я и приехал сюда на этот раз один. Я не знаю, умно ли с моей стороны касаться всего этого, но думаю, что нам надо поговорить, пока нас не отдали друг другу... Но дело в том, что, приехав сюда вчера, я встретился со своим родственником, отцом Ойстеном. И он говорил о тебе. Он сказал, что однажды вечером ты проходила через кладбище церкви святого Климента и тебя сопровождала женщина, которую здесь называют Брюнхильд Мухой. Я поклялся страшной клятвой, что он ошибается. И если ты скажешь мне, что это не правда, то я поверю тебе на слово.

– Священник сказал правду! – вызывающе сказала Кристин. – Ты поклялся зря, Симон.

Симон немного помолчал, но потом спросил:

– Знаешь ли ты, Кристин, кто такая эта Брюнхильд Муха? – И когда Кристин покачала отрицательно головой, он сказал:

– Мюнан, сын Борда, подарил ей дом в городе, когда женился; она занимается там незаконной продажей вина и другими делами...

– Так ты ее знаешь? – насмешливо спросила Кристин.

– Я никогда не собирался стать монахом или священником, – покраснев, сказал Симон. – Но я знаю, что никогда не делал ничего дурного ни девушкам, ни чужим женам! Разве ты сама не понимаешь, что ни один порядочный человек никогда бы не заставил тебя идти вечером по городу с такой спутницей?..

– Эрленд не совращал меня, – сказала Кристин, краснея от гнева, – и ничего мне не обещал! Я почувствовала любовь к нему без его на то воли или намерения соблазнить меня; я полюбила его больше всех мужчин на свете в первый же раз, как увидела его!

Симон сидел, играя кинжалом и перекидывая его из одной руки в другую.

– Странно слышать такие речи от своей невесты! – сказал он. – Хорошее предзнаменование для нас обоих, Кристин!

Кристин тяжело перевела дух.

– Тебе была бы оказана плохая услуга, Симон, если бы ты взял меня теперь в жены!

– Да, видит Всемогуший Бог, что это, кажется, так! – сказал Симон, сын Андреса.

– Тогда я смею надеяться, – сказала Кристин робко и застенчиво, – что ты поддержишь меня, чтобы господин Андрес и мой отец согласились расторгнуть свой договор о нас обоих?

– Ты надеешься па это? – сказал Симон. Он помолчал немного. – Один Бог знает, понимаешь ли ты хорошенько сама, что говорить!

– Да. понимаю, – проговорила Кристин. – Я знаю, закон гласит, что никто не смеет принуждать девушку к браку против ее воли, иначе она может жаловаться тингу...

– Кажется, не тингу, а епископу, – сказал Симон с горькой улыбкой. – Мне, видишь ли, не было причин изучать, что гласит закон в подобных случаях. И ты сама не думаешь, что тебе придется обращаться куда нужно! Ты знаешь, что я не стану требовать, чтобы ты сдержала свое слово, если тебе это слишком тяжело. Но как ты не можешь понять – прошло уже два года с тех пор, как был решен брак между нами, и ты ни разу не возражала ни одним словом против этого, до самых этих пор, когда все уже готово к обручению и свадьбе! Подумала ли ты о том, что будет значить, если ты теперь заявишь, что хочешь разорвать наш союз, Кристин?

– Но ты ведь и сам не возьмешь меня, – сказала Кристин.

– Нет, возьму! – коротко ответил Симон. – Если ты думаешь иначе, то передумай...

– Эрленд, сын Никулауса, и я поклялись друг другу нашей христианской верой, – дрожа, сказала Кристин. – Если нам с ним не удастся вступить в брак между собою, то никто из нас никогда не будет иметь мужа или жену...

Симон долго молчал. Наконец с трудом проговорил:

– Тогда я не понимаю, Кристин, что ты хотела сказать, говоря, что он не сманивал тебя и ничего не обещал тебе, – он сманил тебя, заставив выйти из-под воли всех твоих родных!.. Подумала ли ты, какого мужа ты получишь, выходя за человека, который взял себе в любовницы чужую же-

ну, а теперь хочет взять в жены невесту другого?..

Кристин проглотила слезы и прошептала хриплым голосом:

– Ты говоришь это, чтобы сделать мне больно.

– Ты думаешь, я хочу сделать тебе больно? – тихо спросил Симон.

– Все это произошло бы не так, если бы ты... – нерешительно сказала Кристин. – Ведь тебя тоже не спрашивали, Симон, твой и мой отцы сговорились об этом между собою. Все было бы совсем иначе, если бы ты сам выбрал меня!..

Симон всадил кинжал в скамейку с такой силой, что тот так и остался стоять. Немного спустя он вытащил его и попробовал вложить обратно в ножны, но кинжал не входил, потому что у него согнулся кончик. Тогда Симон снова стал переключивать его из одной руки в другую.

– Ты сама знаешь, – сказал он тихим, дрожащим голосом, – ты знаешь, что солгала сейчас, говоря, что все было бы иначе, если бы я... Ты отлично знаешь, о чем я хотел говорить с тобой... много раз... когда ты меня так встречала, что я не был бы мужчиной, если бы мог все-таки сказать... после того... хотя бы кто попробовал вырвать у меня эти слова раскаленными щипцами...

Сначала я думал, что это был тот умерший мальчик. Я решил, что надо оставить тебя на некоторое время в покое... Ты меня не знала... Мне казалось, что было бы грехом смущать тебя... так скоро после его смерти. Теперь я вижу, тебе не нужно было столько времени, чтобы забыть – А теперь... а теперь... теперь...

– Да, – спокойно промолвила Кристин. – Я понимаю, Симон. Теперь мне нечего ждать, что ты останешься моим другом.

– Другом!.. – Симон коротко и странно засмеялся. – Или ты так нуждаешься в моей дружбе?

Кристин покраснела.

– Ты мужчина, – тихо сказала она. – И уже достаточно взрослый – можешь сам решать в деле своего брака...

Симон острым взглядом окинул ее. Потом рассмеялся, как прежде.

– Понимаю! Ты хочешь, чтобы я сказал, что это я хочу... чтобы я взял на себя вину за разрыв договора?.. Если ты действительно тверда в своем желании, если ты смеешь и хочешь довести дело до конца, то я сделаю это, – тихо сказал он. – Я скажу это и дома своим родным и всем твоим – кроме одного. Своему отцу ты должна сказать всю правду, как она есть. Если хочешь, я сам передам ему это от тебя и облегчу для тебя задачу, насколько могу, но Лавранс, сын Бьёргюльфа, должен знать, что я никогда не хотел отступать ни от одного своего слова, сказанного ему.

Кристин крепко схватилась обеими руками за край скамейки: эти слова ей было слушать больнее всех других речей Симона Дарре. Бледная и испуганная, подняла она на него свой взор. Симон встал.

– Нам пора вернуться, – сказал он. – Пожалуй, мы немного озябли, и ты и я, а сестра-монахиня сидит и ждет нас с ключом... Я дам тебе неделю, чтобы поразмыслить над всем этим, у меня есть кое-какие дела в городе. Я приду сюда поговорить с тобой перед отъездом, но, думаю, что тебе вряд ли особенно захочется видиться со мной до этого срока.

VII

Кристин сказала себе, что теперь по крайней мере с этим покончено. Но чувствовала себя смертельно усталой, разбитой и болезненно тосковала по объятиям Эрленда.

Она пролежала без сна большую часть ночи и решила на то, о чем прежде никогда не смела и подумать, – послать кого-нибудь к Эрленду. Нелегко было найти человека, который взялся бы исполнить это. Сестры белицы никогда не выходили из монастыря, да Кристин и не знала никого из них, кто мог бы взяться за такое поручение. Мужчины, исполнявшие разные работы в монастырском поместье, были людьми пожилыми и редко подходили близко к домам монахинь, исключая тех случаев, когда надо было поговорить с самой аббатисой. Разве только Улав... Это был мальчик-подросток, работавший в саду; он был приемным сыном фру Груа с тех пор как его нашли в одно прекрасное утро на церковной лестнице новорожденным младенцем. Говорили, что его матерью была одна из сестер белиц; она будто бы должна была принять пострижение, но, про-

сидев шесть месяцев в темнице – как говорили, за дерзостное непослушание, причем в ту самую пору, когда был найден ребенок, – она получила одежду сестры белицы и с тех пор работала на скотном дворе. Кристин часто думала в последние месяцы о судьбе сестры Ингрид, но ей не представлялось случая поговорить с ней. Было опасно довериться Улаву – он был еще ребенком: фру Груа и все монахини при встрече с мальчиком всегда разговаривали и шутили с ним. Но Кристин подумала, что ей теперь уже не приходится бояться риска. И дня два спустя, когда Улав шел утром в город, Кристин поручила ему передать в Акерснес, что Эрленд должен найти какой-нибудь способ, чтобы встретиться с ней наедине.

В тот же вечер к воротам монастыря пришел Ульв, ближний слуга Эрленда. Он сказал, что он слуга Осмюнда, сына Бьёргюльфа, и что хозяин приказал ему попросить, чтобы племяннице разрешили ненадолго пойти в город, так как Осмюнду некогда самому приехать в Ноннесетер. Кристин подумала, что так дело кончится скверно, но когда сестра Потенция спросила ее, знает ли она посланного, девушка ответила утвердительно. И они с Ульвом пошли к дому Брюнхильд Мухи.

Эрленд ждал ее в светличке – он был напуган и взволнован, и Кристин сразу же поняла, что он опять боится того, что, по-видимому, внушает ему наибольший страх.

Ей всегда было больно, что он так безумно боится ее беременности, раз уж они не могут устоять друг перед другом. Душа ее и без того была взбудоражена в этот вечер, и Кристин высказала Эрленду все это довольно горячо и раздраженно. Эрленд густо покраснел и положил голову ей на плечо.

– Ты права, – сказал он, – я должен попытаться оставить тебя в покое, Кристин, не играть так безрассудно твоим счастьем. Если ты хочешь...

Она обвила его шею руками и засмеялась, но он крепко обнял ее за талию, насильно посадил на скамейку, а сам уселся по другую сторону стола. Кристин протянула ему через стол руку, и Эрленд страстно поцеловал ее ладонь.

– Я испытал больше твоего, – горячо сказал он. – Если б та могла понять, как много, по моему, значит для нас обоих, чтобы нас повенчали со всей честью!

– Тогда тебе не следовало бы брать меня.

Эрленд спрятал лицо в ее руке.

– Да, дай Бог, чтоб я не причинял тебе этого зла, – сказал он.

– Этого не хотелось бы ни тебе, ни мне, – сказала Кристин с задорным смехом. – И только бы мне в конце концов получить прошение и помириться со своей родней и с Богом, тогда я не буду горевать о том, что мне придется венчаться уже с бабьим платком! И только бы мне быть всегда с тобой, тогда, мне часто думается, мне и примирения не надо...

– Ты должна принести с собой честь и славу в мой дом, – сказал Эрленд, – а я не должен тащить тебя за собою в свое бесчестье!

Кристин покачала головой. Потом сказала:

– Тогда ты, вероятно, обрадуешься, услышав, что я говорила с Симоном, сыном Андреса, – и он не будет принуждать меня к выполнению договора, которым был заключен о нас до того, как я встретила с тобою!

Эрленд безумно обрадовался, и Кристин должна была рассказать ему все. Однако она промолчала о презрительных словах, сказанных Симоном об Эрленде, но упомянула, что Симон не хочет брать вину на себя перед Лаврансом.

– Это понятно, – коротко сказал Эрленд. – Они очень правятся друг другу, он и твой отец? Да, меня-то, вероятно, Лавранс будет меньше любить.

Кристин приняла эти слова за знак того, что Эрленд все же понимает, что перед нею еще долгий и трудный путь до благополучного конца, она была благодарна ему за это. Но Эрленд больше не возвращался к этому, он был бесконечно рад и счастлив и говорил, как он боялся, что у нее не хватит мужества поговорить с Симоном.

– Он все-таки немного нравится тебе; как я замечаю, – сказал Эрленд.

– Разве для тебя может иметь значение, – спросила Кристин, – если я после всего того, что было между мною и тобою, все же признаю, что Симон справедливый и хороший человек?

– Если бы ты не повстречалась со мною, – сказал Эрленд, – то прожила бы с ним много хороших дней, Кристин. Чему ты смеешься?

– А! Мне вспомнилось, что однажды сказала фру Осхильд, – отвечала Кристин. – Я была тогда еще ребенком. Она говорила, что хорошие дни выпадают на долю разумных людей, но лучшие дни достаются тому, кто посмеет быть безумным!

– Да благословит Бог тетку Осхильд, нежели она тебя научила этому? – сказал Эрленд, сажая Кристин к себе на колени. – Как странно, Кристин, я никогда не замечал, чтобы ты боялась!

– Ты никогда не замечал этого? – спросила она, прижимаясь к нему.

Эрленд посадил Кристин на край постели, развязал и снял с нее башмаки, но потом снова отвел к столу.

– О нет, Кристин, теперь перед нами все же свет впереди! Я, верно, никогда не поступил бы с тобою так, как сделал, – говорил он, поглаживая ее по голове, – если бы не одно: каждый раз, когда я видел тебя, мне всегда казалось невероятным, чтобы мне отдали такую прелестную, красивую жену. Сядь сюда и выпей со мною, – попросил он.

Сейчас же вслед за этим раздался стук в дверь – похоже было, что кто-то колотил в нее рукоятью меча.

– Откройте, Эрленд, сын Никулауса, если вы тут!

– Это Симон Дарре, – тихо сказала Кристин.

– Откройте же, черт возьми, если вы мужчина! – вскричал Симон и снова застучал в дверь.

Эрленд подошел к кровати и снял с гвоздя меч. Он беспомощно огляделся по сторонам:

– Здесь тебе некуда спрятаться, – разве только в постель...

– Вряд ли поможет, если я и спрячусь, – сказала Кристин. Она встала и говорила очень спокойно, но Эрленд видел, что она вся дрожит. – Ты должен открыть, – сказала она тем же голосом. Симон снова заколотил в дверь.

Эрленд подошел к двери и отодвинул засов. Симон вошел с обнаженным мечом в руке, но тотчас же вложил его в ножны.

Некоторое время все трое стояли молча. Кристин дрожала, чувствуя вместе с тем в это первое мгновение какое-то странное и сладкое волнение, в самых глубинах ее души нарастало что-то – предчувствие борьбы между двумя мужчинами, – и она облегченно вздохнула: вот конец молчаливому ожиданию, тоске и страху этих бесконечных месяцев! Бледная, с блестящими глазами, смотрела она то на одного, то на другого – и тут ее волнение разрешилось непостижимым леденящим отчаянием. В глазах Симона Дарре было больше холодного презрения, чем гнева или ревности, и, взглянув на Эрленда, она увидела, что, несмотря на упрямое выражение его лица, он сгорает от стыда. Ей вдруг стало ясно, как другие мужчины будут судить о нем, допустившем ее прийти к себе в такое место, и она понимала, что это все для него сейчас удар по лицу: она знала, что он сгорает желанием выхватить меч и броситься на Симона.

– Зачем ты пришел сюда, Симон? – громко и испуганно закричала она.

Они повернулись к ней оба.

– Чтобы отвести тебя домой, – сказал Симон. – Здесь тебе нельзя оставаться...

– Вам не приходится больше приказывать Кристин, дочери Лавранса, – запальчиво сказал Эрленд, – теперь она моя!..

– Видно, что так, – грубо ответил Симон, – и ты привел ее в отличный дом для новобрачной!.. – Он помолчал, тяжело дыша; потом снова овладел своим голосом и заговорил спокойно:

– Но дело в том, что я все еще ее жених – до тех пор, пока отец не возьмет ее к себе! А до того времени я намерен с мечом в руках охранять то, что еще можно спасти из ее чести – в глазах других людей...

– Тебе нечего этим заниматься – я сам могу... – Эрленд снова густо покраснел под взглядом Симона. – Ты думаешь, я позволю запугать себя такому мальчишке, как ты? – вскипел он и схватился за рукоять меча.

Симон заложил обе руки за спину.

– Я не так боязлив, чтобы бояться, что ты подумаешь, будто я боюсь, – сказал он прежним голосом. – Я буду драться с тобою, Эрленд, сын Никулауса, можешь прозакладывать в этом душу

дьяволу, если ты не зашлешь вовремя сватов к отцу Кристин!..

– Я не сделаю этого по твоему приказу, Симон, сын Андреса! – с жаром сказал Эрленд; краска снова залила его лицо.

– Хорошо, если ты сделаешь это, чтобы загладить зло, причиненное такой молоденькой женщине, – невозмутимо ответил Симон, – то тем лучше для Кристин.

Кристин громко вскрикнула, мучась мукою Эрленда. И затопала ногами о пол:

– Уходи же, Симон, уходи – что тебе до наших дел?..

– Я только что объяснил это вам, – отвечал Симон. – Вам придется терпеть меня, пока твой отец не развяжет нас с тобою.

Кристин совершенно упала духом.

– Иди, иди, я сейчас же пойду за тобою... Господи, зачем ты так мучаешь меня, Симон? Ты ведь и сам, верно, считаешь, что я не стою того, чтобы ты заботился о моих делах!..

– Не ради тебя я и делаю это, – отвечал Симон. – Эрленд, скажите же ей, чтобы она шла со мною.

Эрленда передернуло. Он тронул Кристин за плечо:

– Тебе придется идти, Кристин. Симон Дарре и я – мы поговорим в другой раз!..

Кристин послушно встала, закуталась в плащ. Башмаки ее остались стоять у постели – она помнила это, но не в состоянии была натягивать их на ноги на глазах у Симона.

На улице опять был густой туман. Кристин неслась с быстротой ветра, нагнув голову и впившись руками в складки плаща. Грудь ее разрывалась от сдерживаемых рыданий – ей безумно хотелось, чтобы у нее был хоть какой-нибудь уголок, куда она могла бы забиться, остаться одна и рыдать, рыдать... Самое, самое ужасное еще ждало ее впереди; в этот вечер она испытала нечто новое и извивалась от боли под тяжестью этого: она узнала, каково бывает, когда видишь унижение того человека, которому ты отдалась!

Симон шел рядом с нею, у самого ее локтя, пока она неслась по переулкам, улицам и открытым площадям, где дома пропадали из глаз и не было ничего видно, кроме тумана. Раз, когда она споткнулась обо что-то, Симон схватил ее за руку и не дал ей упасть.

– Не беги же так, – сказал он. – Люди смотрят на нас!.. Как ты дрожишь, – мягче добавил он.

Кристин молчала и продолжала идти.

Она скользила в уличной глине, ноги ее промокли насквозь и были холодны как лед – чулки, хотя и кожаные, были тонкие. Кристин чувствовала, что они начали рваться, грязь просачивалась сквозь них, пачкая ей голые ноги.

Они дошли до моста через монастырский ручей и пошли медленнее, поднимаясь в гору на другом берегу.

– Кристин, – вдруг сказал Симон, – твой отец никогда не должен узнать об этом!

– Как ты догадался, что я... там? – спросила Кристин.

– Я пришел поговорить с тобой, – коротко ответил Симон. – Мне рассказали об этом слуге твоего дяди. Я знал, что Осмюнд в Хаделанде. Нельзя сказать, чтобы вы были хитры на выдумки... Ты слышала, что я сказал?

– Да, – прошептала Кристин. – Это я послала сказать Эрленду, что нам надо встретиться в доме Мухи, я знала эту женщину...

– О, постыдись же! Да, но ведь ты же не могла знать, что это за птица, а он... Ты слышишь? – сурово сказал Симон. – Если еще можно скрывать, то ты должна скрыть от Лавранса, что ты кинула на ветер! А если уже не можешь, то должна постараться избавить его от самого безобразного позора.

– Просто удивительно, как ты заботаешься о моем отце, – Дрожа сказала Кристин. Она пыталась говорить вызывающе, но голос ее готов был прерваться от слез.

Симон прошел с ней еще немного. Потом остановился: они стояли одни среди тумана, и Кристин смутно различала его лицо; таким она его еще никогда не видала.

– Я чувствовал каждый раз, как бывал у вас, – сказал он, – что вы плохо понимаете, что это за человек, – вы, женщины в доме Лавранса! "Не умеет править вами", – говорит этот Тронд Йеслинг! Очень ему нужно, Лаврансу, заниматься таким делом, ему, который рожден, чтобы пра-

вить мужами! Он был прирожденный вождь, за которым воины пошли бы куда угодно с радостью! Теперь не время для таких людей – мой отец помнит его под Богахюсом... Но так случилось, что ему пришлось прожить свою жизнь в горной долине, словно крестьянину... Его слишком рано женили, а мать твоя с ее угрюмым нравом, видно, была не из тех, кто мог бы облегчить ему такую жизнь. Правда, у него много друзей, но, как ты думаешь, есть ли хоть один, который мог бы стоять рядом с ним?.. Ему не суждено было вырастить сыновей – это вы, его дочери, должны были – продолжить его род после него; неужели же ему придется дожить до такого дня, когда он увидит, что одна из его дочерей лишилась здоровья, а другая – чести?..

Кристин прижала руки к сердцу – ей казалось, что она должна крепче держать его, чтобы почерпнуть ту твердость, которая ей была так необходима.

– Зачем ты это говоришь? – прошептала она немного спустя. – Ведь ты же больше не захочешь владеть мною!..

– Конечно, я... не... захочу!.. – нерешительно сказал Симон. – Господи помилуй, Кристин, я вспоминаю тебя а тот вечер в светлице, в Финсбреккене... Но пусть дьявол живьем заберет меня в тот день, когда я еще раз поверю девушке по ее глазам!

– Обещай мне, что ты не будешь видаться с Эрлендом до приезда твоего отца, – сказал он, когда они остановились у ворот.

– Этого я не обещаю, – сказала Кристин.

– Тогда он даст мне такое обещание, – сказал Симон.

– Я не буду встречаться с ним, – быстро сказала Кристин.

– Ту собачку, что я когда-то подарил тебе, – сказал Симон перед тем, как они расстались, – отдай своим сестрам – они так любят ее... Если тебе будет не слишком неприятно видеть ее у себя в доме!.. Я уезжаю на север завтра рано утром, – добавил он пожал на прощание Кристин руку на глазах у сестры привратницы.

Симон Дарре зашагал вниз в сторону города. Он шел, размахивая кулаками, разговаривая сам с собою вполголоса и гневно посылая ругательства в туман. Клятвенно заверял себя, что ничуть не горюет о ней, Кристин... Как будто он считал какую-то вещь сделанной из чистого золота, но, когда разглядел ее ближе, то оказалось, что она из меди и олова! Белая как снег стала она на колени и протянула руку в огонь – это было в прошлом году, а в этом – пила вино с отлученным от церкви распутником на чердаке у Мухи... Черт побери, нет! Только ради Лавранса, сына Бьёргюльфа, который живет в горах в Йорюндгорде и верит... Нет, никогда Лаврансу не приходило в голову, что его могут так обмануть! Теперь сам он, Симон, повезет ему известие и будет помогать им врать этому человеку – вот отчего его сердце горело гневом и печалью.

Кристин не собиралась сдержать свое обещание Симону Дарре, но ей удалось обменяться с Эрлендом всего несколькими словами – как-то вечером на дороге.

Она стояла, держа Эрленда за руку и чувствуя себя удивительно смилившейся, пока тот вспоминал о том, что случилось о доме Брюнхильд. Он еще как-нибудь поговорит с Симоном, сыном Андроса.

– Если бы мы там подрались, то дали бы повод для самых грязных сплетен, – горячо сказал Эрленд. – Симон тоже отлично это знал.

Кристин понимала, как больно задето его самолюбие. Сама она с тех самых пор непрерывно думала о случившемся – нельзя было не сознаться, что в этом приключении на долю Эрленда выпало еще меньше чести, чем на ее собственную. И Кристин чувствовала, что теперь они действительно стали единой плотью, – она будет отвечать за все, что он делает, даже если ей самой не нравятся его поступки, и на собственном теле будет чувствовать, когда Эрленд оцарапается.

Три недели спустя Лавранс, сын Бьёргюльфа, приехал в Осло за дочерью.

Кристин чувствовала страх и боль в сердце, когда шла в приемную для свидания со своим отцом. Первое, что ей бросилось в глаза, когда она увидела его, – он стоял, разговаривая с сестрой Потенцией, – было, что он выглядит иначе, чем она его помнила. Может быть, он и не изменился с тех пор, как они расстались год тому назад, но во все годы своей жизни Кристин видела его молодым, бодрым и красивым человеком, которым так гордилась в детстве при мысли, что он ее отец. Конечно, каждая зима и каждое лето, проносившиеся над ним там, дома, накладывали на Лавранса

свою печать, и он становился старше, как и ее эти годы постепенно превратили во взрослую молодую женщину, – но она не видела этого. Она не видела, что его волосы выцвели в некоторых местах, а у висков приобрели рыжеватый, ржавый оттенок – так всегда седеют светлые волосы. Руки стали сухими, лицо вытянулось, так что мускулы у рта натянулись, словно струны; молодая бело-розовая кожа стала одноцветной, обветренной. Он ходил не горбясь, а все же лопатки выступали под плащом как-то по-другому. Он ступал легко и твердо, идя с протянутой рукой навстречу Кристин, но это не были прежние мягкие и быстрые движения. Наверное, все это было и в прошлом году, но только Кристин не замечала. Может быть, сейчас прибавилась маленькая черточка, которой не было раньше, – какая-то подавленность, и она-то и заставила Кристин теперь так ясно заметить все. Она залилась слезами.

Лавранс обнял ее одной рукой за плечи, а другой приподнял ей голову.

– Ну; ну, возьми себя в руки, дитя мое! – мягко сказал он.

– Вы сердитесь на меня, отец? – тихо спросила она.

– Ты сама должна понять, что сержусь, – отвечал он, продолжая гладить ее по щеке. – Хотя ты, конечно, знаешь, что тебе не нужно меня бояться! – грустно добавил он. – Право, ты должна взять себя в руки, Кристин, – как тебе не стыдно так вести себя! – Кристин так плакала, что должна была сесть на скамейку. – Мы не будем говорить об этом здесь, где столько народу ходит взад и вперед, – сказал он, сядя рядом с Кристин и беря ее за руку. – Что же ты ничего не спросишь о матери и о сестрах?..

– Что говорит об этом мать? – спросила дочь.

– Ах, ты можешь себе представить! Но не будем говорить об этом сейчас, – снова повторил он. – А вообще она здорова... – И он начал рассказывать все, что приходило ему в голову о жизни у них дома, пока Кристин мало-помалу не успокоилась.

Но ей казалось, что ее душевное напряжение стало еще сильнее оттого, что отец ничего не сказал о разрыве помолвки. Лавранс дал ей денег для раздачи бедным, жившим в монастыре, и для подарков подругам; сам же он сделал богатый вклад в монастырь, не забыл и сестер; и все предполагали, что Кристин едет домой справлять обручение и свадьбу. Они с отцом в последний раз отобедали у фру Груа в комнате аббатисы, и та дала самый хороший отзыв о Кристин.

Но вот и это все наконец кончилось. Кристин распрощалась у монастырских ворот с сестрами и подругами. Лавранс подвел ее к лошади и поднял в седло. Ей было так странно ехать с отцом и его йорюндгордскими слугами вниз к мосту по той самой дороге, где она тайком пробиралась в темноте; было так удивительно ехать верхом по улицам Осло свободно и с почетом. Кристин подумала о том великолепном свадебном поезде, о котором ей часто говорил Эрленд, – у нее стало тяжело на сердце; было бы гораздо легче, если бы Эрленд увез ее с собой. Еще так долго придется ей быть одною наедине с самой собой и совсем другою открыто, перед людьми! Но тут взгляд ее упал на серьезное, постаревшее лицо отца, и она заставила себя думать: да, Эрленд все-таки прав.

На постоялом дворе было еще несколько проезжих. Вечером все вместе ужинали в маленькой горнице с очагом, где было только две кровати; Лаврансу и Кристин предоставили спать здесь, потому что они были самыми почетными гостями. Когда время подошло к ночи, все остальные постояльцы встали из-за стола и разошлись в поисках места для сна, приветливо пожелав им спокойной ночи. Кристин вспомнила – ведь это она ходила тайком в дом Брюнхильд Мухи и позволяла Эрленду обнимать себя; чувствуя себя больной от горя и от страха, что ей никогда уж больше не принадлежать ему, она думала: "Нет, здесь мне больше уже не место!"

Отец сидел в стороне на скамейке и смотрел на дочь.

– Мы не поедem на этот раз в Скуг? – спросила Кристин, чтобы нарушить молчание.

– Нет, – ответил Лавранс. – С меня пока довольно и того, что я должен был выслушать от твоего дяди Тронда, – почему я не применю к тебе отцовской власти, – пояснил он, когда Кристин взглянула на него. – Да я бы и заставил тебя сдержать слово, – сказал он немного спустя, – если бы Симон сам не сказал, что не хочет иметь приневоленную жену.

– Я никогда не давала Симону слова, – быстро сказала Кристин. – Ты всегда говорил прежде, что не станешь принуждать меня к браку насильно!..

– Насилием бы это не было, если бы я потребовал, чтобы ты исполнила договор, известный всем людям в течение всего этого времени, – отвечал Лавранс. – В течение двух зим вас называли женихом и невестой, и ты не возражала ни словом и не высказывала неудовольствия, пока не назначили день свадьбы. Если ты хочешь искать оправдания в том, что в прошлом году дело было отложено и поэтому ты не поклялась Симону в верности, то я не назову это честным поступком!

Кристин стояла, смотря в огонь.

– Я не знаю, что хуже, – продолжал отец, – будут ли говорить, что ты отвергла Симона или что ты была забракована! Господин Андрес послал ко мне сказать... – говоря это, Лавранс покраснел, – что он рассердился на сына и просит меня требовать такого денежного удовлетворения, какое только я найду достаточным. Я должен был сказать правду, – не знаю, было ли бы лучше солгать, – но я сказал, что если нужно искупать вину, то скорее всего нашу, а не их! Но в обоих случаях позор лежит на нас.

– Не могу понять, почему это так позорно, – тихо сказала Кристин. – Раз Симон и я согласны друг с другом!

– Согласны? – подхватил Лавранс. – Он не скрывал своего огорчения, но сказал, что после вашего с ним разговора, пожалуй, ничего, кроме несчастья, не выйдет, если он потребует, чтобы ты сдержала свое слово!.. Но теперь ты должна сказать мне, каким образом все это случилось с тобой?

– Разве Симон ничего не говорил? – спросила Кристин.

– По-видимому, он думает, что ты полюбила другого, – сказал отец. – Ты должна теперь сказать мне, в чем тут дело, Кристин!

Кристин немного подумала.

– Видит Бог, – тихо сказала она, – я прекрасно понимаю, что Симон достаточно хорош для меня, и даже больше того! Но правда, что я познакомилась с другим человеком и поняла, что в жизни моей никогда уже не будет ни одного счастливого часа, если мне придется жить с Симоном; даже если бы он обладал всем золотом Англии, я все же предпочту другого, хотя бы у того была одна-единственная корова...

– Надеюсь, ты не ждешь, что я отдам тебя за работника? – спросил отец.

– Он равен мне по рождению, и даже больше того, – отвечала Кристин. ~ Я только так сказала. У него достаточно и земли и имущества, но я предпочитаю спать с ним на соломе, чем с каким бы то ни было другим мужчиной в шелковой постели...

Отец помолчал немного.

– Одно дело, Кристин, что я не хочу заставлять тебя выходить за человека, против которого ты что-нибудь имеешь, хотя один только Бог и святой Улав знают, что ты можешь иметь против того мужа, которого я для тебя нашел! Но другое дело, таков ли тот человек, которого ты полюбила, чтобы я мог выдать тебя за него. Ты еще молода и неразумна, а заглядываясь на девушку, уже обещанную другому, порядочный человек не станет.

– В этом человек не властен над собою! – порывисто сказала Кристин.

– Ну, положим. Но ты, вероятно, сама понимаешь, что я не захочу нанести такое оскорбление семье из Дюфрина, чтобы просватать тебя сейчас же после того, как ты повернула спину Симону, особенно за человека, который может оказаться более родовитым или более богатым! Ты должна сказать, кто этот человек, – произнес он немного спустя.

Кристин крепко стиснула руки, тяжело дыша. Потом очень медленно проговорила:

– Я не могу назвать его, отец! Если я не получу в мужья этого человека, то можешь отвезти меня в монастырь и никогда уже не брать оттуда – не думаю, что я долго проживу тогда. Но не подобает мне называть его имя, пока я не буду знать, что ему так же хочется получить меня, как мне его. Ты... ты не должен принуждать меня говорить, кто он, пока... пока не выяснится, что он... он намерен посвататься ко мне через своих родичей!

Лавранс долго молчал. Ему не могло не понравиться, что дочь так решила; наконец он сказал:

– Ну, пусть будет так. Вполне понятно, что ты не хочешь называть его имя, пока сама еще не знаешь, что он намерен делать!.. Ложись теперь спать, Кристин, – сказал он немного спустя. По-

дошел к ней и поцеловал ее. — Ты причинила всем много горя и досады, дочь моя, своим сумасбродством, но ты хорошо зияешь, что твое благополучие всего ближе моему сердцу — помоги мне бог, но это всегда будет так, что бы ты ни сделала... Бог и его кроткая Матерь помогут нам, так что все может по вернуться к лучшему. Иди же и постарайся хорошенько выспаться!

Когда Лавранс уже лег в постель, ему показалось, что он слышит слабый звук плача у противоположной стены, где лежала дочь. Однако он притворился спящим. У него не хватило духу сказать ей, что он боится, как бы теперь люди снова не выкопали старых сплетен о ней, Арне и Бен-тейне. Но его тяготила мысль, что он мало чем может помешать людям пятнать добрую славу его дочери у него за спиной. И хуже всего было, что Кристин, ему казалось, сама навлекла на себя это своим легкомыслием.

Часть третья ЛАВРАНС, СЫН БЬЁРГЮЛЬФА

I

Кристин приехала домой в чудесную весеннюю пору. Река Логен бурно бежала за домом и полями: поток серебристо поблескивал и искрился на солнце, белея сквозь нежную листву ольховых зарослей. Казалось, солнечные блики обладали голосом и пели вместе с журчанием и шумом реки — когда наступали сумерки, вода неслась как будто с более глухим рокотом. Гул реки днем и ночью наполнял собою воздух над Йорюндгордом, и Кристин чудилось, что даже бревенчатые стены домов дрожат, как дека виолы.

Вверху на обрывах гор, окутанных что ни день голубоватой дымкой, поблескивали висающие струнки воды. Теплый воздух дрожал над полями, и от них исходил легкий пар; зеленые иглы скрывали почти сплошь всю черную землю на нивах, а трава на лугах стала уже густой и переливалась, как шелковая, под дуновением ветра. Сладкий дух несся из рощи и с пригорков, а после заката солнца отовсюду начинал струиться сильный, прохладный и кисловатый запах соков и произрастания — казалось, будто, земля вздыхала с глубоким облегчением. Кристин трепетно вспоминала, как Эрленд выпускал ее из своих объятий. Каждый вечер ложилась она спать больная от тоски и просыпалась по утрам вся в поту, утомленная сновидениями..

Ей казалось непостижимым, как это ее домашние могут не говорить ни слова о том единственном, что было у нее в мыслях. Но недели шли за неделями, и все молчали о ее разрыве с Симоном и не старались узнать, что было у нее на сердце. Отец проводил много времени в лесу, — весенние полевые работы были закончены, — посещал смолокуров, брал с собою соколов и собак и пропадал по несколько дней. Когда он бывал дома, то разговаривал с дочерью, как всегда, ласково, но ему как будто не о чем было говорить с нею, и никогда он не звал ее с собою, уезжая из дома.

Кристин боялась возвращения домой, ожидая жалоб и упреков со стороны матери, но Рагнфрид не говорила ни слова — и это было еще хуже.

Лавранс, сын Бьёргюльфа, имел обыкновение каждый год в Иванов день наделять бедняков своего прихода всем, что сберегалось в доме за время недельного поста перед этим праздником. Те, кто жил поблизости от Йорюндгорда, приходили обыкновенно сами за милостыней; тут их хорошо угощали, а Лавранс с гостями и домочадцами выходил к ним, и все толпились вокруг бедняков, так как среди них были старики, знавшие много сказаний и былин. Все усаживались в горнице у очага и коротали время за пивом и дружескими разговорами, а вечером на дворе устраивались танцы.

Иванов день в этом году выдался холодным и облачным, но никто не горевал об этом, потому что крестьяне в долине начинали уже бояться засухи. С самого праздника святого Халварда не выпадало дождя, а в горах было мало снега. И жители не могли упомнить, чтобы за последние тринадцать лет Логен был таким неполноводным в середине лета.

Лавранс и его гости были в очень хорошем расположении духа, когда сошли вниз, в горницу с очагом, чтобы поздороваться с нищими. Бедняки сидели за столом, ели молочную кашу и пили

доброе пиво, а Кристин ходила вокруг стола, прислуживая старым и больным.

Лавранс приветствовал своих гостей и спросил, довольны ли они угощением. Потом подошел к одной нищей чете стариков, переехавшей в этот день в Йорюндгорд, и поздоровался с ними. Старика звали Хоконом; он был воином старого короля Хокон⁴⁹ и участвовал в последнем походе короля в Шотландию. Был он очень беден и почти слеп; крестьяне предлагали ему жить хозяином в отдельном доме, но старик предпочитал переходить из одной усадьбы в другую, потому что его везде принимали скорее как почетного гостя – он был на редкость искусным человеком и многое повидал на своем веку.

Лавранс стоял, положив руку на плечо брата, – Осмюнд, сын Бьёргюльфа, приехал погостить в Йорюндгорд, – и спросил Хокон, доволен ли он угощением.

– Пиво у тебя хорошее, Лавранс, сын Бьёргюльфа, – сказал Хокон. – Но кашу нам нынче варила какая-то кобыла! "Каша подгуляла, – стряпуха гуляла", – говорит пословица, – каша сегодня пригорела!

– Досадно, – сказал Лавранс, – что мне пришлось угостить вас пригорелой кашей. Но будем надеяться, что старая пословица не всегда говорит правду, потому что сегодня моя дочь сама варила кашу! – Он засмеялся и велел Кристин и Турдис поскорей принести в горницу блюда с жарким.

Кристин быстро выскользнула во двор и пошла к поварне. Сердце ее билось – она мельком увидела лицо дяди, когда Хокон говорил про стряпуху и кашу.

Поздно вечером она видела, что отец и дядя долго ходили взад и вперед по двору и разговаривали. Она перепугалась до дурноты, и ей не стало легче, когда она на другой день почувствовала, что отец неразговорчив и невесел. Но он ничего не сказал.

Не сказал он ни слова и после отъезда дяди. Но Кристин заметила, что он реже обычного беседовал с Хоконом; и когда миновал их черед держать у себя старика, Лавранс не предложил ему пожить у них еще, а допустил, чтобы он перешел в соседнюю усадьбу.

Но, вообще говоря, у Лавранса, сына Бьёргюльфа, было достаточно причин ходить невеселым и угрюмым в это лето, потому что в округе по всем признакам надо было ждать неурожайного года: крестьяне собирали сходки и совещались о том, как им встретить приближающуюся зиму. Уже в самом начале осени для большинства стало ясно, что им придется зарезать или перегнать на юг для продажи большую часть своего скота и закупить хлеб для зимнего пропитания. Предыдущий год не был особенно урожайным, и поэтому запасы старого зерна были меньше обычного.

Однажды утром в начале осени Рагнфрид вышла со всеми тремя дочерьми посмотреть на холст, разостланный для беления. Кристин очень хвалила ткань матери. Тогда Рагнфрид погладила Рамборг по голове.

– Этот холст будет для твоего сундука, малютка!

– Матушка. – сказала Ульвхильд, – а разве я не получу сундука, когда поеду в монастырь?

– Ты хорошо знаешь, что получишь не меньше приданого, чем твои сестры, – сказала Рагнфрид. – Но тебе нужны будут иные вещи, нежели им. И потом ты ведь знаешь, что останешься жить у нас с отцом, пока мы живы, если захочешь.

– А когда ты вступишь в монастырь, – сказала Кристин неуверенным голосом, – то может статься, Ульвхильд, что я уже буду там монахиней много лет.

Она посмотрела на мать, но Рагнфрид смолчала.

– Если бы я была такою, что могла бы выйти замуж., – сказала Ульвхильд, – то никогда бы не отвернулась от Симона – он добрый; и как он горевал, когда прощался со всеми нами!

– Ты знаешь, что об этом твой отец не велел нам говорить, – сказала Рагнфрид, но Кристин промолвила упрямо:

– Да, я знаю, что он больше горевал о разлуке с вами, чем со мною.

Мать гневно ответила:

– В нем было бы мало гордости, если бы он показал тебе, что горюет, – ты некрасиво поступила с Симоном, сыном Андреса, дочь моя! И все-таки он просил нас не бранить тебя и не угро-

---

⁴⁹ Имеется в виду король Хокон IV Старый (1217 – 1263).

жать тебе...

– Да он, наверное, считает, что сам бранил меня столько, – сказала Кристин прежним голосом, – что никому другому уже нет нужды говорить мне, какая я подлая. Но никогда я не замечала, чтобы Симон был особенно ко мне привязан до тех пор, пока не понял, что я люблю другого человека больше него!

– Идите-ка домой, – сказала мать двум маленьким девочкам. И, сев на лежавшее тут же бревно, посадила Кристин рядом с собой.

– Ты, вероятно, знаешь, что неприлично и недостойно мужчины слишком много говорить о любви своей невесте, сидеть с нею наедине и выказывать слишком большой пыл...

– О, хотела бы я знать, – сказала Кристин, – не забываются ли иногда молодые люди, когда любят друг друга, и всегда ли они помнят о том, что старики считают приличным.

– Смотри, Кристин, – сказала мать, – чтобы тебе этого не позабыть! – Она помолчала немного. – Как я понимаю, твой отец боится, что ты полюбила человека, за которого он неохотно отдаст тебя.

– Что сказал мой дядя? – спросила Кристин немного погодя.

– Только то, – сказала мать, – что Эрленд из Хюсабю хорошего рода, но слава о нем дурная. Да, он говорил с Осмюндом и просил замолвить за него словечко у Лавранса. Твой отец не обрадовался, услышав об этом.

Но Кристин расцвела от радости. Эрленд говорил с ее дядей! А она-то так мучилась, что он ничего не дает знать о себе!

Тут мать снова заговорила:

– И вот еще что. Осмюнд упоминал, между прочим, о том, что в Осло ходят слухи, будто бы этот Эрленд слонялся по улицам около обители и ты выходила и разговаривала с ним у заборов!

– Ну? – спросила Кристин.

– Осмюнд-то советует нам согласиться на это дело, понимаешь ли, – сказала мать. – Но Лавранс так разгневался, что я не помню, видела ли я его когда-нибудь таким! Он сказал, что жениха, стремящегося к его дочери подобными путями, он встретит с мечом в руке. И без того мы поступили неблагородно с семьей из Дюфрина, но если Эрленд сманил тебя бегать с ним в темноте по улицам, да еще когда ты жила в монастыре, то отец твой считает – это самый верный признак, что для тебя будет гораздо лучше обойтись без такого мужа.

Кристин стиснула руки, лежавшие на коленях, краска то отливала, то приливала у нее к лицу. Мать обняла ее одной рукой за талию, но Кристин вырвалась и закричала вне себя от испуга:

– Оставьте меня, матушка! Быть может, вы хотите пощупать, не пополнела ли я станом?..

В следующее мгновение она стояла, прижав руку к щеке, – в замешательстве и смущении смотрела она на пылающее лицо матери. Никто не бил ее с тех пор, как она была ребенком.

– Сядь, – сказала Рагнфрид. – Сядь, – повторила она так, что Кристин послушалась. Мать сидела молча некоторое время; потом заговорила неуверенным голосом:

– Я ведь видела, Кристин, что ты меня никогда особенно не любила. Я думала, может быть, это оттого, что тебе кажется, будто я сама не люблю тебя так сильно – не так, как твой отец любит тебя! Я не боролась против этого – я думала, что когда придет время и ты сама родишь, то, вероятно, поймешь...

Я еще кормила тебя грудью, но уже тогда бывало так, что когда Лавранс подходил к нам, ты выпускала мою грудь изо рта и тянулась к нему; ты смеялась, и молоко мое бежало у тебя по губам. Лавранс это очень забавляло, и, видит Бог, я не сердилась на это. И на тебя я не сердилась за то, что твой отец играл и смеялся каждый раз, как видел тебя. Мне самой думалось: приходится жалеть тебя, такое маленькое созданище, что я не могу осушить своих вечных слез. Я всегда больше думала о том, как бы мне не пришлось и тебя потерять, чем радовалась тому, что ты есть у меня. Но один только Бог и дева Мария знают, что я любила тебя не меньше, чем Лавранс!

Слезы текли по щекам Рагнфрид, но лицо ее и голос оставались совершенно спокойными:

– Видит Бог, я никогда не досадовала ни на него, ни на тебя за вашу дружбу. Мне казалось, что не много радости давала я мужу за те годы, которые мы прожили вместе, и радовалась, что у

него была ты. И еще я думала о том, что если бы Ивар, мой отец, был таким со мною...

Много есть такого, Кристин, о чем мать должна рассказывать дочери, чтобы та остерегалась. Я думала, что этого не надо тебе, которая все эти годы была так близка с отцом, – ты ведь должна была знать, что справедливо и благородно. А то, о чем ты только что упомянула, – неужели ты считаешь, что я могла подумать, будто ты способна причинить Лаврансу такое горе!..

Я одно только хочу сказать тебе – мне хотелось бы, чтобы ты получила в мужья того, кого ты сможешь любить. Но ты должна вести себя благоразумно – не дай Лаврансу прийти к мысли, что ты выбрала неудачника и такого человека, который не уважает ни спокойствия, ни чести женщины. Потому что такому он не отдаст тебя – даже чтобы избавить тебя от явного позора. Тогда Лавранс скорее предоставит железу рассудить себя с тем человеком, который загубил твою жизнь...

С этими словами мать встала и ушла от Кристин.

II

24 августа, в день святого Варфоломея, внук покойного короля Хокона по его дочери⁵⁰ был провозглашен королем на тинге на юге страны. Среди выборных, ездивших туда от Северного Гюдбрандсдала, был Лавранс, сын Бьёргюльфа. Он с молодых лет считался приближенным короля, но за все эти годы редко бывал при дружине и никогда не пытался извлечь для себя выгоду из этой доброй славы, которую заслужил в походе против герцога Эйрика. И теперь он не был склонен ехать на это торжественное собрание, но не мог отказаться. Выборные люди округа получили, кроме того, поручение попытаться купить зерно на юге страны и послать его с кораблем в Рэумсдал.

Народ в окрестных приходах впал в уныние, страшась приближающейся зимы. К тому же крестьяне считали плохим делом, что снова королем Норвегии будет ребенок. Старики вспоминали то время, когда умер король Магнус, оставив малолетних сыновей; отец Эйрик говорил: "Vae terrae, ubi puer rex est"⁵¹. А на норвежском языке это будет так: «Нет покоя от крыс по ночам в том доме, где кот еще котенок!».

Рагнфрид, дочь Ивара, управляла усадьбой в отсутствие мужа, и для нее, как и для Кристин, было большим счастьем, что у обеих были полны руки хлопот и забот. Жители всей округи трудились над сбором мха в горах и обдирали кору с деревьев, так как оставалось мало сена и почти не было соломы, а собранные после Иванова дня листья для зимнего корма скота были пожелтевшими и увядшими. Когда в день Воздвижения отец Эйрик выносил на поля распятие, многие в крестном ходе плакали и громко взывали к Богу, умоляя его сжалиться над людьми и скотом.

Спустя неделю после Воздвижения Лавранс, сын Бьёргюльфа, вернулся с тинга домой.

Было уже так поздно, что все давно улеглись спать, но Рагнфрид еще сидела в ткацкой. У нее теперь целый день так много было дел, что она часто работала до поздней ночи за ткацким станком и за шитьем. Притом Рагнфрид очень любила ткацкую. Это, как говорили, была самая старинная постройка во всей усадьбе; ее называли еще "завалом", и люди говорили, что она стоит здесь со времен язычества. Кристин и одна из девушек, которую звали Астрид, сидели с Рагнфрид к пряли у очага.

Они сидели уже довольно долго, молчаливые и сонные, когда вдруг послышался топот копыт одинокой лошади – кто-то скакал во весь опор через мокрый двор. Астрид вышла в сени и выглянула в двери – и сейчас же вернулась назад в сопровождении Лавранса, сына Бьёргюльфа.

И жена и дочь сразу же увидели, что он порядочно пьян. Он держался нетвердо на ногах и ухватился за шест дымовой отдушины, пока Рагнфрид снимала с него промокший плащ и шляпу и отстегивала пояс с мечом.

– Куда ты девал Халвдана и Колбейна? – спросила она, немного испуганная. – Или ты уска-

---

⁵⁰ Имеется в виду малолетний шведский король Магнус.

⁵¹ Горе земле, где царь ребенок (лат.).

кал от них по дороге сюда?

– Нет, я ускакал от них в Лоптсгорде, – сказал он и засмеялся. – Мне так хотелось вернуться поскорее домой: я никак не мог успокоиться – все улеглись там спать, а я взял Гюльдсвейна и помчался домой... Собери-ка мне чего-нибудь поесть. Астрид, – сказал он девушке. – Принеси все сразу сюда, тогда тебе не надо будет ходить так далеко по дождю! Но поторопись, я ничего не ел с раннего утра...

– Разве тебя не накормили в Лоптсгорде? – удивленно спросила жена.

Лавранс сидел на скамейке покачиваясь и посмеивался:

– Там, конечно, была еда, но у меня там не было охоты есть. Я выпил немного с Сигюрдом, но... потом подумал... что могу поехать домой и сегодня вечером, чем ждать до завтрашнего утра...

Астрид вернулась с пивом и едой, захватив с собою сухие башмаки для хозяина.

Лавранс стал было отцеплять шпоры, но чуть не упал головой вперед.

– Подойди сюда, Кристин, – попросил он, – и помоги отцу. Я знаю, ты сделаешь это от любящего сердца, да, любящего сердца... сегодня...

Кристин послушно опустила на колени. Тогда он взял ее голову обеими руками и повернул лицо ее к себе.

– Ты хорошо знаешь, дочь моя, я хочу тебе только добра! Не стал бы я причинять тебе горе, если бы не знал, что этим избавлю тебя от многих горестей в будущем! Ты еще очень молода, Кристин, тебе исполнилось семнадцать лет в этом году – на третий день после святого Халварда... Тебе только семнадцать лет...

Кристин помогла отцу. Немного бледная поднялась она на ноги и снова уселась на скамейку у очага.

Хмель как будто несколько сходил с Лавранса по мере того, как он насыщался. Он отвечал на расспросы жены и служанки о тинге – да, все сошло прекрасно! Им удалось купить муки, и зерна, и солода частью в Осло, частью в Тюнсберге; товар был заграничный и мог бы быть лучше, но мог быть и хуже. Да, он повстречал многих родных и знакомых и привез от всех поклоны. По отвечал Лавранс медленно, слово за словом.

– Я говорил с господином Андресом, сыном Гюдмюнда, – сказал он, когда Астрид вышла. – Симон обручился с молодой вдовою из Мандвика. Свадьбу будут играть в Дюфрине около праздника святого Андрея. На этот раз парень сам устроил все дело. В Тюнсберге я держался в стороне от господина Андреса, но он сам разыскал меня – хотел сообщить мне, что он точно знает, что Симон увидел фру Халфрид в первый раз только в середине этого лета. Он боялся, что я подумаю, будто Симон имел уже в виду эту богатую невесту, когда расходился с нами! – Лавранс на некоторое время умолк и невесело рассмеялся. – Понимаете ли, этот благородный человек страшно боялся, как бы мы не подумали что-нибудь такое о его сыне!

Кристин облегченно вздохнула. Она подумала, что, вероятно, это и разволновало так отца. Быть может, отец все время надеялся, что он все же состоится, этот брак между сыном Андреса и ею. Сперва она испугалась, не прослышал ли отец чего-нибудь о ее похождениях на юге, в Осло.

Она встала и пожелала родителям спокойной ночи. Однако отец сказал, чтобы она обождала немного.

– У меня есть еще одна новость, – сказал Лавранс. – Я не мог бы утаить ее от тебя, Кристин, но будет лучше, если ты узнаешь ее. Дело в том, что того человека, которого ты избрала, ты должна постараться забыть.

Кристин стояла, опустив руки и склонив голову. Но тут она взглянула на отца. Губы ее шевелились, но она не могла произнести ни звука.

Лавранс отвел взор под взглядом дочери и махнул рукой:

– Ведь ты сама знаешь, что не стал бы я противиться, если ты истинно мог поверить, что это приведет к добру!

– Что за новости узнали вы за эту поездку, отец? – спросила Кристин ясным голосом.

– Эрленд, сын Никулауса, и его родич Мюнан, сын Борда, приезжали ко мне в Тюнсберг, – ответил Лавранс. – Господин Мюнан просил твоей руки для Эрленда, и я ответил ему отказом!

Кристин стояла некоторое время, тяжело дыша.

– Почему вы не хотите отдать меня за Эрленда, сына Никулауса? – спросила она.

– Я не знаю, насколько ты осведомлена о том человеке, которого хочешь получить в мужа, – сказал Лавранс. – Если ты сама не можешь понять причины моего отказа, то тебе будет не очень приятно услышать об этом из моих уст.

– Не потому ли, что он был отлучен от церкви и объявлен вне закона? – спросила Кристин прежним голосом.

– Знаешь ли ты, из-за чего король Хокон указал на дверь своему близкому родичу? Знаешь ли ты, что его отлучили от церкви за то, что он противился приказу архиепископа? И что он уехал из Норвегии не один?

– Да, – сказала Кристин. Голос ее зазвучал неуверенно. – Я знаю и то, что ему было всего восемнадцать лет, когда он познакомился с нею... со своей любовницей!

– Мне было столько же лет, когда я женился, – отвечал Лавранс. – Мы считали во дни моей молодости, что восемнадцатилетний мужчина может сам отвечать за себя и отстаивать свое собственное и чужое благополучие!

Кристин стояла молча.

– Ты назвала женщину, с которой он жил в продолжение десяти лет и прижил детей, его любовницей, – сказал Лавранс немного спустя. – Небольшая была бы для меня радость отдать дочь мужу, который до женитьбы год за годом жил в открытой любовной связи! Но ты сама знаешь, что это не было просто любовной связью!

– Вы не так сурово осуждали фру Осхильд и господина Бьёрна, – тихо сказала Кристин.

– И все-таки я не могу сказать, чтобы мне нравилось породниться с ними, – ответил Лавранс.

– Отец, – сказала Кристин, – разве вы были таким уж безгрешным всю свою жизнь, что решаетесь так сурово осуждать Эрленда?..

– Видит Бог, – резко ответил Лавранс, – что я не считаю ни одного человека большим грешником, чем я сам! Но из того, что все мы нуждаемся в милосердии Божиим, не следует, чтоб я отдавал свою дочь первому попавшемуся человеку, который вздумает попросить ее в жены!

– Вы знаете, что я не то хотела сказать, – горячо возразила Кристин. – Отец... матушка... ведь и вы были молоды – или вы уже все забыли, разве вы не можете понять, как трудно остеречься от греха, в который вовлекает любовь?..

Лавранс густо покраснел.

– Не могу, – коротко сказал он.

– Тогда вы не ведаете, что творите, – в отчаянии закричала Кристин, – если хотите разлучить Эрленда со мною!

Лавранс снова опустился на скамейку.

– Тебе всего только семнадцать лет, Кристин, – снова начал он. ~ Возможно, что ты и он... что вы оба полюбили друг друга сильнее, чем я думал. Но он не такой уж молодой человек, чтобы не понимать... Если бы он был хорошим человеком, то не подходил бы с любовными речами к такому юному, незрелому ребенку, как ты... А то, что ты была уже просватана за другого, он, вероятно, считал сущим пустяком!.. Но я не выдам своей дочери за человека, который прижил двоих детей с законной женой другого. Ты знаешь, что у него есть дети?..

Ты слишком молода, чтобы понять, что такое дурное дело порождает раздоры... и вражду в семье... без конца! Человек не может отвернуться от своего собственного порождения и исправить своего проступка тоже не может – и трудно ему найти способ, чтобы вывести в люди своего незаконного сына или выдать дочь замуж, разве только за слугу или мелкого крестьянина! И дети эти – они не были бы созданными из плоти и крови, если бы не возненавидели тебя и твоих детей...

Разве ты не понимаешь, Кристин... Такие грехи... Может быть, Бог и прощает легче такие грехи, чем многие другие, но они так разрушают семью, что ее потом никогда не собрать! Я тоже подумал о Бьёрне и Осхильд – передо мною стоял этот Мюнан, ее сын, он весь сияет золотом, он заседает среди королевских советников в совете, он вместе с братьями двоими владеет материнским наследством, и он за все эти годы ни разу не навестил своей матери в ее бедности! Да, и вот такого-то человека твой друг выбрал своим посредником!..

Нет, повторяю я, нет! С этими людьми ты не породнишься, пока голова моя еще не под землею!

– Тогда я буду молить Бога день и ночь, день и ночь, чтобы он взял меня к себе, если вы не измените своего решения!

– Сегодня бесполезно продолжать этот разговор, – сказал отец сокрушенно. – Ты, вероятно, думаешь иначе, но я должен распоряжаться твоею судьбою, чтобы не быть за тебя в ответе. Иди теперь отдыхать, дитя мое.

Отец протянул ей руку, но Кристин сделала вид, что не замечает ее, и рыдая вышла из горницы.

Родители некоторое время сидели молча. Потом Лавранс сказал жене:

– Не можешь ли принести мне немного пива? Нет, принеси лучше вина, – попросил он. – Я устал...

Рагнфрид исполнила его просьбу. Когда она вернулась с большим кубком, муж сидел, закрыв лицо руками. Он взглянул на нее, потом прикоснулся к ее головному платку и плечам.

– Бедная, ты промокла! Выпей за мое здоровье, Рагнфрид!

Она едва пригубила кубок.

– Нет, выпей со мною, – с жаром сказал Лавранс, стараясь притянуть жену к себе на колени. Она неохотно исполнила его желание.

Лавранс сказал:

– Ведь ты поддержишь меня в этом деле. жена моя? Для самой же Кристин лучше, если она с первого же раза поймет, что должна выкинуть из головы этого человека!

– Тяжело будет нашей девочке, – сказала мать.

– Да, я понимаю это, – ответил Лавранс.

Они помолчали немного, потом Рагнфрид спросила:

– Как он выглядит, этот Эрленд из Хюсабю?

– О-о... – сказал Лавранс, растягивая слова. – Он красивый парень я своем роде! Но мне кажется, что его только на то и станет, чтобы сводить с ума женщин!

Они снова помолчали, потом Лавранс опять сказал:

– Он так хорошо распорядился своим большим наследством, полученным от господина Никулауса, что оно сильно уменьшилось. Не для такого зятя работал я всю жизнь, стараясь обеспечить своих детей!

Мать в волнении ходила взад и вперед по горнице. Лавранс продолжал:

– Всего больше мне не понравилось, что он пробовал подкупить Колбейна серебром, – тот должен был передать Кристин тайком письмо от него!

– Ты читал письмо? – спросила Рагнфрид.

– Нет, я не пожелал, – коротко ответил Лавранс. – Я вручил его обратно господину Мюнану и сказал ему, что я думаю о таких поступках. Он приложил к письму и свою печать – уж и не знаю, что сказать о таком ребячестве. Господин Мюнан показал мне печатку с пояснением, что это личная печать короля Скуюле, которую Эрленд унаследовал от своего отца. Вероятно, он хотел, чтобы мне стало ясно, какая это большая честь, что они просят руки моей дочери! Но я думаю; что господин Мюнан не взялся бы с таким пылом за дело Эрленда, если бы не понимал, что с этим человеком падают все то могущество и честь, которые род из Хюсабю приобрел во дни Никулауса и Борда, – Эрленд не может уже больше надеяться на брак, приличествующий ему по положению!

Рагнфрид остановилась перед мужем.

– Уж не знаю, муж мой, прав ли ты в этом! Во-первых, надо сказать, что по теперешнему времени по всей округе многим владельцам больших поместий приходится довольствоваться меньшим почетом и могуществом, чем в прежнее время их отцам. Ты сам лучше меня знаешь, что теперь человеку труднее, чем прежде, достичь богатства – владеет ли он землею или занимается торговлей...

– Знаю, знаю, – нетерпеливо прервал ее муж, – тем осмотрительнее надо распоряжаться своим наследием!..

Но жена продолжала:

– И еще можно вот что сказать. Мне не кажется, что Кристин вступит в неравный брак, выходя за Эрленда. Твой род в Швеции стоит наравне с лучшими, твой отец и дед носили звание рыцарей в нашей стране. Мои предки были в течение многих веков ленными владетелями, передавая титул от отца к сыну, вплоть до Ивара Старого, а мой отец и дед были воеводами. Вышло так, что ни ты, ни Тронд не получили ни грамот, ни земель от короны. Но тогда, по-моему, можно сказать, что с Эрлендом, сыном Никулауса, дела обстоят не иначе, чем с вами.

– Это не то же самое! – пылко сказал Лавранс. – Эрленду стоило только протянуть руку, чтобы получить и звание рыцаря и власть, но он отвернулся от всего этого ради блуда! Но теперь я вижу, что и ты против меня. Может быть, ты думаешь заодно с Осмюндом и Трондом, что для меня большая честь, если эти знатные люди хотят взять мою дочь в жены для одного из своих родичей?

– Я уже сказала тебе, – промолвила Рагнфрид с некоторой запальчивостью, – что, по-моему, тебе не следует быть таким обидчивым и бояться, как бы родичи Эрленда не подумали, что они унижают себя, вступая с тобой в родство! И, прежде всего, как ты не понимаешь: мягкая, уступчивая девочка имела мужество воспротивиться нашей воле и отвергнуть Симона Дарре... Или ты не видишь, что Кристин сама на себя не похожа с тех пор, как вернулась из Осло, не видишь, что она ходит как околдованная?.. Разве ты не понимаешь, что она так любит этого человека, что если ты не уступишь, то может произойти большое несчастье?

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил отец, окидывая ее острым взглядом.

– Бывает, что иной здороваается с зятем, не ведая о своем с ним родстве, – сказала Рагнфрид. Муж словно окаменел; лицо его медленно бледнело.

– Ты же ее мать! – хрипло сказал он. – Или ты... или ты видела... такие верные признаки... что смеешь обвинять в этом свою собственную дочь?..

– Нет, нет, – поспешила сказать Рагнфрид. – Я не то хотела сказать, что ты думаешь. Но ведь никто не может знать, что произошло или что может произойти. Она ни о чем другом не может думать, кроме своей любви к этому человеку... это я видела. И может доказать нам в один прекрасный день, что любит его больше своей чести... или жизни!

Лавранс вскочил на ноги:

– Да ты с ума сошла! Как ты можешь так думать о нашей милой, хорошей девочке! С нею, конечно, ничего плохого не могло случиться там, у монахинь! Ведь она же не какая-нибудь скотница, которая ложится под забором. Ты должна сообразить, что она не могла видаться с этим человеком или разговаривать с ним много раз – все это, разумеется, пройдет, это только блажь молоденькой девушки! Богу известно, мне тяжело и больно видеть, что она так горюет, но ты должна согласиться, что со временем все это должно пройти...

Жизнь, говоришь ты, и честь... Здесь, в своем собственном доме, я уж сумею уберечь мою девочку. И я не думаю, чтобы какая-либо девушка из хорошего рода и воспитанная в христианском духе и в честных обычаях, могла так скоро расстаться с честью или с жизнью! Э! Об этом люди сочиняют песни, но мне думается, что когда мужчина или девушка впадают в искушение сделать что-нибудь подобное, то они слагают об этом песню и утешаются этим, но не совершают этого на самом деле!.. Ты сама... – сказал он и остановился перед женою. – Был ведь другой человек, за которого тебе больше хотелось выйти замуж, когда нас с тобою соединяли навеки. Как ты думаешь, какова была бы твоя судьба, если бы твой отец предоставил тебе решать в этом деле?..

Теперь Рагнфрид побледнела как смерть.

– Иисус, Мария! Кто сказал тебе?..

– Сигюрд из Лоптсгорда говорил кое-что об этом... когда мы только что переехали сюда, в долину, – сказал Лавранс. – Но ответь мне на мой вопрос: думаешь ли ты, что была бы счастливее, если бы Ивар отдал тебя в жены тому человеку?

Жена стояла, низко опустив голову.

– Тот человек, – почти неслышно отвечала она, – не хотел брать меня в жены! – По телу ее пробежала дрожь, она ударила по воздуху кулаком.

Тогда муж бережно положил руку ей на плечи.

– Так, значит, вот что? – спросил он, ошеломленный, и в голосе его зазвучало глубокое и го-

рестное удивление. – Так, значит, вот что... Все эти годы... ты о нем горевала, Рагнфрид?

Она вся дрожала крупной дрожью, но не говорила ни слова.

– Рагнфрид... – спросил он тем же голосом, – но после... когда умер Бьёргюльф... и потом... когда ты.. когда ты хотела... чтобы я был таким с тобой... каким я не мог быть... ты думала тогда о другом? – прошептал он, испуганный, смущенный и страдающий.

– Как ты можешь так думать? – прошептала она, чуть не плача.

Лавранс прижался лбом ко лбу жены и тихо покачал головой.

– Я не знаю. Ты такая странная... Странно все, что ты говорила сегодня вечером. Я испугался, Рагнфрид. Я, вероятно, мало что понимаю в женской душе...

Рагнфрид слабо улыбнулась и обвила его шею руками.

– Видит Бог, Лавранс... Я жадно просила твоей любви потому, что любила тебя больше, чем нужно человеческой душе! И я так ненавидела другого, что чувствовала, как дьявол радуется этому!

– Я хорошо к тебе относился, жена моя, – тихо сказал Лавранс и поцеловал ее, – от всего сердца! Ты ведь знаешь это? И мне кажется, что нам с тобою хорошо было вместе... Рагнфрид?

– Ты был лучшим из мужей, – сказала она, всхлипнув, и прижалась к нему, пряча лицо у него на груди. Он крепко обнял ее.

– Сегодняшнюю ночь я охотно проспал бы с тобою, Рагнфрид! И если бы ты была со мною такою, как в былые дни, то я бы уже не был... таким дураком!..

Жена застыла в его объятиях, слегка отстранившись от него.

– Теперь пост, – тихо сказала она со странной суровостью.

– Это так. – Муж усмехнулся. – Мы с тобою, Рагнфрид, соблюдали все посты и старались во всем жить по заповедям Божиим. А теперь мне почти кажется... Мы, может быть, были бы счастливее, если бы у нас было больше в чем каяться...

– Ты не должен говорить так, – с отчаянием сказала жена и сжала его виски своими худыми руками. – Ты ведь знаешь, я хочу, чтобы ты делал только то, что самому тебе кажется правильным.

Он еще раз прижал ее к себе, громко застонав.

– Помоги ей, Боже! Помоги, Боже, всем нам, моя Рагнфрид!.. Я устал, – сказал он, отпуская жену. – Ты, вероятно, тоже пойдешь теперь на покой?

Он остался стоять у двери, ожидая, пока Рагнфрид заглушит огонь в очаге, задует маленькую железную лампадку у ткацкого станка и затушит тлеющий фитилек. Вместе прошли они под дождем к главному дому.

Лавранс занес уже ногу на ступеньку лестницы, ведущей в верхнюю горницу, но вдруг опять повернулся к жене, все еще стоявшей в дверях сеней. Он еще раз напоследок горячо прижал ее к себе и поцеловал в темноте. Потом перекрестил ее и пошел наверх.

Рагнфрид скинула с себя платье и забралась в постель. Некоторое время она лежала, прислушиваясь к шагам мужа в верхней горнице над собою, потом наверху закрипела кровать и все стихло. Рагнфрид прижала свои худые руки к увядшей груди.

"Да помоги мне Бог! Что же я за женщина, что же я за мать! Скоро я буду уже старухой! А между тем я все та же, что и прежде!" Она больше уже не выпрашивает его любви, как тогда, когда они были молоды, когда она так бурно и настойчиво умоляла этого человека, который замыкался в себе, стеснялся и стыдился, если она была страстной, и становился холодным, если ей хотелось дать ему больше, чем он получал по праву мужа! Так это было, и так она беременела раз за разом, унижаясь, обезумев от стыда, что не может удовлетвориться его тепловатыми супружескими ласками. Правда, когда она нуждалась в доброте и нежности, муж так много умел дать ей – его неустанная нежная заботливость о ней, когда она болела и страдала, росой падала на ее пылающее сердце. Он охотно брал на себя и нес ее бремя, но чем-то из своего не хотел делиться с нею. Она так любила своих детей, что у нее как будто сердце вырывали из груди каждый раз, когда она теряла одного из них Боже, Боже, что же она за женщина, если даже среди этих мук была в состоянии вкушать каплю улады, видя, что он принимает так близко к сердцу ее скорбь и несет ее вместе со своим собственным горем!

Кристин... Она охотно пошла бы в огонь за свою дочь – они не верят этому, ни Лавранс, ни дочь, но это так! И все-таки сейчас она чувствовала к дочери гнев, похожий на ненависть: затем лишь, чтобы забыть свое горе из-за горя своего ребенка, мог он отдаться любви к жене сегодня вечером...

Рагнфрид не смела встать, потому что не знала, спит ли Кристин. Но она неслышно поднялась на колени и, припав головой к доске в ногах кровати, попробовала молиться. За дочь, за мужа и за самое себя. И пока холод мало-помалу охватывал ее коченеющее тело, она снова пустилась мысленно в одно из своих, столь ей знакомых, ночных странствований, стараясь проложить дорогу в обитель мира для своего сердца...

III

Снег лежал высоко в горах, на заросшем лесом западном склоне долины. В эту лунную ночь весь мир был белым. Белые горные хребты вздымались, волна за волною, под бледно-синим, с редкими звездами, небом. Даже тени, ложившиеся от скал и пиков на снежные равнины, казались удивительно легкими и светлыми, потому что месяц плыл так высоко.

Ниже, по склону долины, стоял причудливый лес, белый от снега и инея, окружая, белые поляны усадеб с мелкой россыпью плетней и домов. Но на самом дне долины тени сгущались в темноту.

Фру Осхильд вышла из хлева, затворила за собою дверь и постояла немного на снегу. Весь мир белый, а еще остается больше трех недель до Рождества. Мороз на святого Клементя – значит, зима пришла уже по-настоящему! Да-а, так бывает в неурожайные годы...

Старуха тяжело вздохнула – лицом к лицу с пустыней. Опять зима, холод и одиночество... Потом подняла подойник и фонарь и пошла к дому. Еще раз окинула взором долину.

Четыре черные точки появились из лесу на склоне долины; на полпути отсюда. Четыре всадника – острие копья блеснуло при свете месяца. Они медленно подвигались вверх. Никто еще не проезжал здесь с тех пор, как выпал снег. Не сюда ли они едут?..

Четыре вооруженных всадника... Никто из мирных посетителей фру Осхильд не стал бы ехать к ней в сопровождении стольких людей. Она подумала про сундук с добром, с имуществом ее и Бьёрна. Не спрятаться ли ей в сарае?..

Она окинула взглядом зимнюю пустыню, окружавшую ее. Затем вошла в дом. Две старые собаки, лежавшие перед огнем, стучали хвостами по дощатому полу. Молодых собак Бьёрн взял с собою в горы.

Осхильд раздула угли в печи и положила сверху дров, наполнила снегом чугунок и подвинула его к огню. Процедила молоко в деревянную чашку и снесла ее в клеть в сенях.

Потом сняла грязную одежду из домотканой некрашеной шерсти, пропахшую хлебом, надела темно-синее платье и переменяла холщовый головной платок на белую полотняную повязку, аккуратно расположив складки вокруг головы и шеи. Сняв мохнатые меховые сапоги, она надела башмаки с серебряными пряжками.

Затем начала прибирать в горнице – разгладила подушки и шкуры на постели, которую смял лежавший на ней днем Бьёрн, вытерла тряпкой длинный стол и поправила подушки на скамейках.

Фру Осхильд стояла у печки, мешая кашу на ужин, когда собаки подняли лай. Она услышала топот копыт во дворе, люди вошли в сени, и один из них толкнул копьём дверь. Осхильд сняла котелок с огня, оправила на себе платье, в сопровождении собак подошла к двери и открыла ее.

На дворе, озаренном луною, стояли трое молодых людей, держа под уздцы четырех покрытых инеем лошадей. А тот, кто вошел в сени, радостно закричал;

– Тетушка Осхильд, так это ты сама открываешь мне! Тогда я должен сказать: "Ben trouve!"⁵²

– Племянник, ты ли это? Тогда и я скажу тебе то же самое! Войди же в дом, пока я провожу твоих слуг на конюшню.

– Ты одна дома? – спросил Эрленд. Он пошел вместе с нею, пока она показывала дорогу слу-

---

⁵² Удачно (старофранц.)

гам.

– Да, господин Бьёрн с работником нашим уехали в лес на санях, они должны были привезти для скота немного корму, что мы собрали в горах, – сказала Осхильд. – А служанки у меня нет, – смеясь добавила она.

Немного спустя четверо молодых людей сидели на скамейке спиной к столу и смотрели на старуху, неслышно и быстро хлопотавшую в горнице, чтобы накормить их ужином. Она накрыла стол скатертью, поставила на него зажженную свечу, принесла масла, сыру, медвежий окорок и высокую горку тонких лепешек. Из погреба под домом она принесла пива и меду, переложив кашу в красивую деревянную чашку и попросила садиться за стол и начинать.

– Этого слишком мало для вас, молодых людей, – сказала она смеясь. – Придется сварить вам еще котелок каши. Завтра вам будет угощение получше – зимою я запираю поварню, кроме тех дней, когда пеку хлеб или варю пиво. Нас немного в доме, а я, племянник, начинаю стареть!

Эрленд засмеялся, покачав головой. Он заметил, что его слуги вели себя очень вежливо и почтительно по отношению к этой старухе, чего он никогда не замечал за ними.

– Ты удивительная женщина, тетушка! Мать была на десять лет моложе, чем ты сейчас, и все-таки, когда мы были у тебя в последний раз, она выглядела старше, чем ты сегодня!

– Да, молодость быстро сошла с Магнхильд, – тихо сказала фру Осхильд. – Откуда ты сейчас приехал? – спросила она немного спустя.

– Я жил некоторое время в одной из усадеб к северу отсюда, в Лешья, – сказал Эрленд. – Я нанял себе там помещение. Не знаю, можешь ли ты угадать, какое у меня здесь дело, в этих краях?

– Ты хочешь сказать, знаю ли я, что ты сватался к дочери Лавранса, сына Бьёргюльфа, в Йорюндгорде? – спросила фру Осхильд.

– Да, – сказал Эрленд, – я попросил ее руки самым благородным и честным образом, и Лавранс, сын Бьёргюльфа, отказал наотрез. Теперь, раз Кристин и я не хотим, чтобы нас принудили разлучиться, я не вижу другого выхода, как только увезти ее силой... Я... Я посылал согляд-тая и долину и знаю, что мать ее должна была поехать в Сьюндоу к празднику святого Клёмента и остаться там на некоторое время, а Лавранс с другими мужчинами уехал на мыс в Рэумсдал, чтобы перевезти в Силь товары, закупленные на зиму.

Фру Осхильд помолчала немного.

– Этот выход, Эрленд, тебе бы лучше оставить, – сказала она. – И не думаю я, чтобы девушка последовала за тобою добровольно, а ты ведь не станешь применять насилие!

– Нет, она поедет. Мы много раз говорили с нею об этом, она сама просила меня, чтобы я увез ее.

– Как, Кристин?.. – воскликнула фру Осхильд. Потом засмеялась. – Но ты все же не надейся, что девушка поедет с тобою, когда ты явишься и захочешь поймать ее на слове.

– Поедет! – сказал Эрленд. – И вот я подумал, тетушка, не пошлешь ли ты кого-нибудь в Йорюндгорд и не пригласишь ли Кристин приехать погостить у тебя – так, на недельку, пока родителей нет дома? Тогда мы успели бы доехать до Хамара раньше, чем кто-нибудь заметит ее отсутствие! – объяснил он.

Фру Осхильд ответила, посмеиваясь:

– А ты подумал о том, что мне с Бьёрном придется отвечать, когда приедет Лавранс и потребует от нас отчета о своей дочери?

– Да, – сказал Эрленд. – Нас было четверо вооруженных людей, а девушка последовала за нами по доброй воле.

– Я не стану пособлять тебе в этом деле, – с жаром сказала фру Осхильд. – Лавранс был нашим верным другом в течение многих лет, и он и жена его – достойные люди, и я не хочу помогать обманывать их и бесчестить. Оставь в покое девушку, Эрленд! Не пора ли уже, чтобы твои родичи прослышали о других твоих подвигах, помимо разъездов взад и вперед через границу с похищенными женщинами?..

– Нам нужно поговорить об этом наедине, тетушка, – коротко сказал Эрленд.

Фру Осхильд взяла свечу, прошла в клеть и заперла за собою дверь. Она села на ларь с мукой; Эрленд стоял, засунув руки за кушак, и смотрел на Осхильд сверху вниз.

– Ты можешь еще сказать Лаврансу, сыну Бьёргюльфа, что отец Ион в Гердарюде обвенчал нас перед тем, как мы поехали дальше, в Швецию, к фру Ингебьёрг, дочери Хокона.

– Так, – сказала фру Осхильд. – А ты уверен, что фру Ингебьёрг хорошо примет вас, когда вы явитесь к ней?

– Я говорил с нею в Тюнсберге⁵³, – сказал Эрленд. – Она приветствовала меня как дорогого родича и благодарила за то, что я предложил ей свою службу здесь или в Швеции. А Мюнан пообещал мне дать письмо к ней.

– Кроме того, тебе хорошо известно, – сказала фру Осхильд, – что если ты и найдешь священника, который обвенчает вас, то все же Кристин потеряет все права на наследство после смерти своего отца. И ее дети не будут твоими законными наследниками. И сомнительно, чтобы ее считали твоей законной женой!

– Может быть, здесь, в Норвегии! Это тоже одна из причин, почему я бегу в Швецию. Ее предок Лаврентиус Лагман, никогда может и не был женат на девице Бенгте, – ведь они так и не получили согласия ее брата. И все-таки ее считали женой...

– У них не было детей, – сказала фру Осхильд. – Неужели ты думаешь, что мои сыновья не протянут рук к наследству после тебя, если Кристин останется вдовой с детьми и можно будет оспаривать законность их рождения?

– Ты несправедлива к Мюнану, – сказал Эрленд. – Я мало знаю других твоих детей – у тебя есть причины осуждать их, это мне известно! Но Мюнан был всегда моим верным родичем – он очень бы хотел, чтобы я женился; он был моим сватом у Лавранса. Но, кроме того, я могу узаконить наших с нею детей и дать им свое имя...

– Этим самым ты заклеить их мать названием любовницы, – сказала фру Осхильд. – Но я не могу понять, как такой тихий и скромный человек, как Ион, сын Хельге, решается навлечь на себя гнев епископа, незаконно повенчав тебя!

– Я исповедался перед ним этим летом, – глухо сказал Эрленд. – И тогда он обещал мне обвенчать – нас, если не будет другого выхода!

– Ах, так, – сказала фру Осхильд. – Тогда ты взял на душу тяжелый грех, Эрленд! Кристин хорошо жилось дома у отца с матерью; было решено, что ее выдадут замуж за прекрасного и достойного человека из хорошего рода.

– А Кристин сама рассказывала мне, – промолвил Эрленд, – будто ты говорила о том, что мы с ней вполне подошли бы друг к другу. И что Симон, сын Андреев, не муж для нее.

– Ах, я говорила, я говорила! – оборвала его тетка. – Мало ли что я говорила в свое время!.. Не могу я понять, как это ты так легко добился своего у Кристин! Вы ведь не могли так уж часто встречаться. И никогда бы я не поверила, что эту девушку легко покорить...

– Мы встречались в Осло, – сказал Эрленд. – Потом она гостила у своего дяди в Гердарюде. Она выходила ко мне в лес. – Он опустил глаза и сказал очень тихо:

– Я бывал с нею там наедине и владел ею...

Фру Осхильд вскочила на ноги. Эрленд еще ниже опустил голову.

– И после этого... после этого она осталась твоим другом? – недоверчиво спросила Фру Осхильд.

– Да, – Эрленд улыбнулся слабой, трепетной улыбкой. – Мы дружили с тех пор. И ей не так уж тяжело это было... Но она ни в чем не виновата! Тогда-то она и пожелала, чтобы я увез ее, – ей не хотелось возвращаться к своим родным...

– Но ты этого не хотел?

– Нет, я хотел попытаться получить ее в жены с согласия ее отца!

– И давно это было? – спросила фру Осхильд.

– Год тому назад, около дня святого Лавранса, – ответил Эрленд.

– Ты не очень спешил со сватовством, – сказала тетка.

– Она не была свободна от прежнего обручения, – отвечал Эрленд.

– А после этого ты не бывал с нею? – спросила Осхильд.

---

⁵³ В Тюнсберге умер король Хокон V, отец Ингебьёрг.

– Нам удалось устроить так, что мы несколько раз встречались... – По лицу Эрлендз снова проскользнула та же нерешительная улыбка. – В одном из городских домов...

– Боже ты мой! – сказала Осхильд. – Я помогу тебе и ей чем только смогу! Я понимаю, Кристин будет слишком тяжело жить у родителей с такой ношей. А другого ничего не произошло?

– Нет, насколько я знаю, – коротко сказал Эрленд.

– Подумал ли ты о том, – спросила фру Осхильд немного спустя, – что у Кристин есть друзья и родные по всей долине?

– Придется ехать тайком, насколько возможно, – сказал Эрленд. Поэтому важно поскорее отправиться в путь, чтобы уехать подальше, прежде чем вернется ее отец. Ты должна одолжить нам свои сани, тетушка.

Осхильд пожала плечами.

– И еще ее дядя в Скуге... А вдруг он прослышит, что ты празднуешь свадьбу с его племянницей в Гердарюде?

– Осмюнд замолвил за меня слово перед Лаврансом, – смазал Эрленд. – Конечно, он не может быть соучастником, это так, но он, верно, закроет глаза; придется приехать к священнику ночью и отправиться дальше в путь тоже ночью. И я думаю, что Осмюнд впоследствии объяснит Лаврансу, что такому богобоязненному человеку, как он, не подобает разлучать нас, раз мы обвенчаны священником, – лучше уж дать свое согласие, и тогда мы станем законными супругами. Ты должна сказать ему то же самое. Пусть он назначает какие угодно условия для примирения между нами и потребует такую пеню, какую сочтет достойной!

– Я не думаю, чтобы Лаврансу, сыну Бьёргюльфа, можно было советовать в таком деле, – сказала фру Осхильд. – Видит Бог и святой Улав, не нравится мне это дело, племянник! Но я понимаю, что это последний выход, к которому ты можешь прибегнуть, если хочешь исправить зло, причиненное тобою Кристин! Я завтра сама поеду в Йорюндгорд, если ты дашь мне с собою одного из твоих слуг; я могу попросить Ингрид, что живет здесь выше нас на горе, присмотреть пока за моими коровами.

Фру Осхильд приехала в Йорюндгорд на следующий вечер, как раз когда лунный свет боролся с последними отблесками дня. Она сразу увидела, как побледнела Кристин и как впали ее щеки, когда девушка вышла на двор встречать гостью.

Старуха сидела у печки и играла с двумя младшими девочками. Украдкой она бросала испытующие взгляды на Кристин, которая накрывала на стол. Очень та похудела и присмирела. Она и всегда была тихой, но теперь стала какой-то по-иному молчаливой. Фру Осхильд угадывала то душевное напряжение и постоянное упорство, которые скрывались за этим.

– Вы, вероятно, слышали, – сказала Кристин, подходя к ней, – о том, что произошло здесь осенью?

– Да, что мой племянник сватался за тебя?

– Помните ли, – спросила Кристин, – как вы однажды сказали, что мы с ним подошли бы друг другу. Но только он слишком богат и родовит для меня?

– Я слышала, что Лавранс другого мнения, – сухо сказала фру Осхильд.

Глаза Кристин блеснули, и она слегка улыбнулась. "Да, она-то достаточно для него хороша", – подумала фру Осхильд. Как ни неприятно, но придется сделать, как просит Эрленд, и протянуть ему руку помощи.

Кристин приготовила для гостии постель в кровати родителей, и фру Осхильд попросила молодую девушку лечь спать вместе с нею. Когда они улеглись и в комнате стало тихо, фру Осхильд рассказала о цели своего приезда.

Странная тяжесть легла ей на сердце, когда она увидела, что девочка как будто вовсе не думает о том горе, которое причинит своим родителям. "Я все-таки прожила с Бордом в горе и муках свыше двадцати лет, – подумала фру Осхильд. – Но, видно так бывает со всеми нами!" Казалось, Кристин даже не замечала, как сильно сдала Ульвхильд за эту осень. Осхильд думалось, что, пожалуй, Кристин никогда уже больше не увидит в живых своей сестрички! Но она ничего об этом не сказала. Пожалуй, чем дольше Кристин сможет сохранять эту дикую и самоуверенную радость, тем лучше.

Кристин встала и в темноте собрала все свои украшения в маленький ларчик, который и взяла к себе в постель. Тут фру Осхильд все-таки сказала:

– Как-никак, а мне кажется, Кристин, что было бы лучше, если бы Эрленд приехал сюда по возвращении твоего отца и чтобы он открыто признался, что причинил тебе большое зло, и отдал бы все на волю Лавранса.

– Я думаю, что тогда отец убил бы Эрленда, – сказала Кристин.

– Лавранс не сделал бы этого, если бы Эрленд отказался поднять меч на своего тестя, – ответила фру Осхильд.

– Я не хочу, чтобы Эрленд подвергался такому унижению, – сказала Кристин. – Я не хочу, чтобы отец знал, что Эрленд тронул меня до того, как просил благородно и честно моей руки.

– А ты думаешь, Лавранс меньше разгневется, – спросила Осхильд, – когда узнает, что ты бежала с Эрлендом из дому, и думаешь, ему легче будет перенести это? Ведь ты будешь по закону считаться просто любовницей Эрленда, пока живешь с ним без согласия твоего отца на ваш брак!

– Это уж другое дело, – сказала Кристин, – буду ли я любовницей Эрленда, раз он не мог получить меня в жены законным путем!

Фру Осхильд замолчала. Она думала; как-то она встретится с Лаврансом, сыном Бьёргюльфа, когда тот приедет домой и узнает, что дочь его похищена.

Тогда Кристин сказала:

– Я понимаю, фру Осхильд, что кажусь вам дурной дочерью. Но с тех самых пор, как отец вернулся с тинга, так уж пошло у нас в доме, что каждый день был мукою и для него и для меня. Для всех будет лучше, если теперь все это кончится.

Они выехали из Йорюндгорда рано утром на следующий День и приехали в Хэуг вскоре после полудня. Эрленд встретил их во дворе, и Кристин бросилась в его объятия, не обращая внимания на слугу, который сопровождал их с фру Осхильд.

Войдя в дом, Кристин поздоровалась с Бьёрном, сыном Гюннара, а потом с двумя другими слугами Эрленда, как будто хорошо знала их. Фру Осхильд не могла приметить и тени того, чтобы она стеснялась или боялась. А после, когда все сидели за столом и Эрленд излагал свой план, Кристин тоже вставляла слова в общую беседу и давала советы о выборе дороги: им надо бы выехать из Хауга на следующий вечер попозже, чтобы приехать к ущелью Рост, когда месяц уже зайдет, и проехать в темноте через Силь и мимо Лоптсгорда, а оттуда вверх, вдоль реки Отта, до моста, и на западному берегу Отты и Логена окольными дорогами, через пустынную местность, куда только выдержат лошади. Дневную пору нужно будет переждать на одном из весенних сетеров, лежащих на поросших лесом склонах. "Потому что на протяжении всего округа тинга Холледис мы можем натолкнуться на людей, знающих меня!"

– А ты подумала о корме для лошадей? – спросила фру Осхильд. – Вы не можете воровать у людей сено на весенних сетерах в такой неурожайный год, – если там вообще есть сено, – а ты знаешь, что в этом году ни у кого в нашей долине не найдется корма на продажу?

– Я думала об этом, – отвечала Кристин. – Вы должны одолжить нам корма для лошадей и еды на три дня. И по этой причине тоже нам не следует ехать всем вместе, а то будет слишком много народу – пусть Эрленд пошлет Иона обратно в Хюсабю. В Трондхеймской области год был более урожайным, и, наверное, можно будет перевезти через горы⁵⁴ несколько возов до Рождества. В южной части прихода живет бедный народ, и мне очень бы хотелось, фру Осхильд, чтобы вы помогли им милостыней от моего с Эрлендом имени.

Бьёрн разразился до странности невеселым хохотом. Фру Осхильд покачала головой. Но слуга Эрленда Ульв поднял смуглое мужественное лицо и взглянул на Кристин с особой, дерзкой улыбкой:

– В Хюсабю никогда ничего не бывает в изобилии, Кристин, дочь Лавранса, ни в хороший, ни в плохой год. Но возможно, что все пойдет по-иному, когда вы вступите в управление поместьем. Судя по вашим речам, вы как раз такая хозяйка, какую нужно Эрленду.

Кристин спокойно кивнула ему головой и продолжала, что нужно будет, насколько возмож-

⁵⁴ То есть из Хюсабю.

но, держаться в стороне от проезжей дороги. И, по ее мнению, неразумно делать путь через ямар. Эрленд заметил на это, что там ведь находится Мюнан – надо взять письмо к герцогине.

– Тогда пусть Ульв отделится от нас у Фагаберга и едет к господину Мюнану, а мы тем временем проедем к западу от озера Мьёсена напрямик через Ланд и обходными путями, через Халланд, вниз, к долине Хакедал. Оттуда, как я слышала от дяди, кажется, идет пустынная дорога на юг, к Маргретадалу. Будет неблагоприятно ехать через Рэумарике нынче, когда в Дюфрине станут торжественно справлять свадьбу, – сказала она смеясь.

Эрленд подошел к ней сзади и обнял ее за плечи, а она откинулась назад и прижалась к нему, не обращая никакого внимания на всех присутствовавших, которые смотрели на это. Фру Осхильд сказала в сердцах:

– Никто бы не поверил, что ты никогда раньше не бегала из дому!

А Бьёрн опять захохотал.

Немного погодя фру Осхильд поднялась, чтобы идти в поварню готовить и затопить очаг, потому что слуги Эрленда должны были там ночевать. Она попросила Кристин лечь с ней.

– Чтобы я могла поклясться Лаврансу, сыну Бьёргюльфа, что вы ни на миг не оставались наедине в моем доме! – сердито сказала она.

Кристин засмеялась и пошла с нею. Вскоре к ним туда прибрел и Эрленд. Он придвинул к очагу треногий табурет и уселся на него, мешая женщинам работать. Он хватал Кристин всякий раз, когда та, поглощенная работой, пробежала мимо. Наконец он привлек ее к себе на колени.

– Правду сказал Ульв, что ты такая хозяйка, какую мне нужно!

– О да! – сердито смеясь, сказала Осхильд. – С нею тебе повезло. В этом безумном предприятии она может все потерять – ты же почти ничем не рискуешь.

– Это правда, – сказал Эрленд. – Но ведь я доказал, что хотел получить ее в жены законным образом. Не будь же такой сердитой, тетушка Осхильд!

– Как же мне не сердиться? – сказала фру Осхильд. – Только ты привел в порядок свои дела, как снова устраиваешь все так, что тебе приходится опять от всего убегать с женщиной!

– Не забывай, тетя, – сказал Эрленд, – всегда бывало так: не самые плохие из мужчин попадали в переделку из-за женщин – об этом говорят все саги...

– Господи помилуй, – сказала Осхильд. Лицо ее помолодело и стало ласковым. – Эти слова я и раньше слышала, Эрленд! – Она обхватила его голову и потрепала за волосы.

В это мгновение Ульв распахнул дверь и захлопнул ее за собою.

– Сюда приехал гость, Эрленд... которого тебе, пожалуй, меньше всего хотелось бы видеть!

– Это Лавранс, сын Бьёргюльфа? – спросил Эрленд и вскочил на ноги.

– Хорошо бы, если так! – сказал Ульв. – Это Элина, дочь Орма!

Кто-то дернул дверь снаружи и отворил ее; вошедшая женщина оттолкнула Ульва и вышла вперед на свет. Кристин взглянула на Эрленда. Сперва он как-то поблек и осунулся, но потом выпрямился, и лицо его густо покраснело.

– Откуда тебя дьявол принес, что тебе тут надо?

Фру Осхильд выступила вперед и сказала:

– Пойдемте со мною в горницу. Элина, дочь Орма; в нашем доме все-таки настолько соблюдаются приличия, что мы не принимаем гостей на кухне!

– Я не жду, фру Осхильд, – отвечала та, – чтобы родичи Эрленда встречали меня как гостью! Ты спросил, откуда я приехала? Я приехала, как ты сам мог догадаться, из Хюсабю. Поклон тебе от Орма и Маргрет – они здоровы.

Эрленд не отвечал.

– Услышав, что ты поручил Гиссюру, сыну Арифинна, собрать денег и что снова намереваться ехать на юг, – продолжала она, – я подумала, что на этот раз ты, вероятно, остановился у своих родных в Гюдбрандсдале. Я знала, что ты засылал сватов к дочери их соседей.

Она в первый раз поглядела на Кристин и встретила взглядом с девушкой. Кристин была очень бледна, но смотрела на Элину спокойно и испытующе.

Ничто не могло бы поколебать Кристин в ее спокойствии. Она сразу же поняла это, как только услышала, кто приехал; именно эту мысль она постоянно гнала от себя; ее хотела она за-

глушить с упорством, нетерпением и беспокойством; все время старалась она не думать о том, вполне ли Эрленд освободился от своей прежней любовницы. А теперь ее застигли врасплох, бесполезно было дольше бороться. Но она просила пощады.

Кристин видела, что Элина, дочь Орма, красива. Она была уже не молода, но все же красива, а когда-то, должно быть, была даже ослепительно прекрасна. Она отбросила назад капюшон плаща; голова у нее была правильной, округлой формы, с резкими чертами лица, с чуть выступавшими скулами, но ясно было всякому, что она когда-то была красавицей, головной платок покрывал у нее только затылок; говоря, Элина заправляла под платок со лба блестящие, как золото, волнистые волосы. Кристин ни у одной женщины не видала таких больших глаз; они были темно-карие, круглые, жестокие, но под тонкими, черными как смоль бровями и длинными ресницами они были изумительно прекрасны, особенно при этих золотистых волосах. Кожа и губы у нее обветрились от езды по морозу, но это ее не очень портило – настолько она была красива. На ней была тяжелая, неуклюжая дорожная одежда, но Элина держала себя так, как только это может делать женщина, полная гордой уверенности в своей телесной красоте. Она была, пожалуй, не такого высокого роста, как Кристин, но держалась прямо и гордо, отчего выглядела выше гибкой и юной телом девушки.

– Она все время жила у тебя в Хюсабю? – тихо спросила Кристин.

– Я не жил в Хюсабю, – коротко сказал Эрленд и снова покраснел. – Я провел почти все лето в Хестнесе.

– Вот какую весть я хотела передать тебе, Эрленд, – сказала Элина. – Тебе уже не надо больше искать пристанища у своих родичей и испытывать их гостеприимство из-за того, что я веду твое хозяйство. Нынче осенью я овдовела.

Эрленд стоял неподвижно.

– Я не просил тебя в прошлом году приезжать и хозяйничать в Хюсабю, – с трудом выговорил он.

– Я узнала, что все пришло у тебя в упадок, – сказала Элина. – А я еще сохранила к тебе столько расположения с прежних лет, Эрленд, чтобы считать себя обязанной позаботиться о твоём благополучии, хотя, видит Бог, ты нехорошо поступил с нашими детьми и со мною!

– Для детей я сделал все, что мог, – сказал Эрленд. – И ты отлично знаешь, что я только из-за них терпел тебя в Хюсабю! Ты, конечно, не станешь утверждать, что приносила этим пользу им или мне, – сказал он, презрительно улыбаясь. – Гиссюр справился бы с хозяйством и без твоей помощи.

– Да, ты всегда так доверялся Гиссюру, – сказала Элина и тихо засмеялась. – Но вот что, Эрленд, отныне я свободна. И если ты хочешь, то можешь теперь исполнить то обещание, что когда-то дал мне.

Эрленд молчал.

– Помнишь ли ту ночь, – спросила Элина, – когда я родила тебе сына? Тогда ты обещал жениться на мне после смерти Сигюрда.

Эрленд провел рукою по мокрым от пота волосам.

– Да, я помню это, – сказал он.

– Сдержишь ты теперь свое слово? – спросила Элина.

– Нет, – сказал Эрленд.

Элина, дочь Орма, взглянула на Кристин, улыбнулась и кивнула головой. Лотом стала смотреть на Эрленда.

– Этому минуло уже шесть лет, Элина! – сказал он. – С того времени мы жили год за годом как два грешника в аду.

– Ну, пожалуй, не только так! – сказала она с прежней улыбкой.

– Прошли годы и годы с тех пор, как между нами было что-нибудь другое! – в изнеможении сказал Эрленд, – Детям это не поможет! Ты знаешь... ты знаешь, что я почти не в силах находиться с тобой в одной горнице, – едва не закричал он.

– Я этого не замечала, когда ты этим летом жил дома, – сказала Элина с многозначительной улыбкой. – Мы бывали тогда и не врагами... иногда!

– Если ты считаешь, что мы были друзьями, то на здоровье! – устало сказал Эрленд.

– Вечно, что ли, вы будете стоять! – проговорила фру Осхильд. Она наложила кашу из котла в две большие деревянные чашки и подала одну из них Кристин. Девушка приняла ее. – Неси ее в горницу! А ты, Ульв, возьми другую. Поставьте их на стол; так или иначе, а ужинать надо!

Кристин и Ульв вышли, неся чашки. Фру Осхильд сказала двум оставшимся:

– Идите и вы, нечего вам тут стоять и лаяться!

– Лучше нам с Элиной договориться друг с другом до конца теперь же, – сказал Эрленд.

Фру Осхильд ничего на это не ответила и ушла.

В горнице Кристин накрыла на стол и принесла из погреба пива. Она сидела на внешней скамейке, прямая, как свеча, со спокойным лицом, – но ничего не ела. Ни у Бьёрна, ни у слуг Эрленда тоже не было особенной охоты есть. Ели только работник Бьёрна и тот слуга, что приехал с Элиной. Фру Осхильд села к столу и поела немного каши. Никто не говорил ни слова.

Спустя долгое время вошла Элина – одна. Фру Осхильд указала ей место между собою и Кристин; Элина села и начала есть. Время от времени по лицу ее пробежала затаенная усмешка, и она косилась в сторону Кристин.

Немного спустя фру Осхильд прошла в поварню. Огонь в очаге почти уже догорел. Эрленд сидел около, на табурете, согнувшись и уронив голову на руки.

Фру Осхильд подошла и положила руку ему на плечо. – Господи прости, Эрленд, как ты довел до этого?..

Эрленд поднял голову; лицо его было обезображено страданием.

– Она беременна, – сказал он и закрыл глаза.

Лицо фру Осхильд вспыхнуло, и она крепко стиснула его плечо.

– Которая из двух? – грубо и презрительно спросила она.

– Но это не мой ребенок, – сказал Эрленд по-прежнему угасшим голосом. – Да ты, конечно, не согласишься мне – наверное, никто не поверит... – И он снова поник.

Фру Осхильд присела на край очага перед Эрлендом.

– Постарайся взять себя в руки, Эрленд! Не так-то легко поверить тебе в этом деле! Клянешься ли ты, что это не твой ребенок?

Эрленд поднял к пей свое измученное лицо.

– Как Бог свят, как я нуждаюсь в его милосердии... как я надеюсь... надеюсь, что Бог утешил мою мать на небесах за все ее страдания на земле, – я не трогал Элины с тех пор, как увидел Кристин в первый раз! – Он громко выкрикнул эти слова, так что фру Осхильд зашикала на него.

– Тогда, мне кажется, это не такое уж большое несчастье. Ты должен узнать, кто отец, и заплатить ему за брак с нею.

– Я думаю, что Гиссюр, сын Арифинна, мой управитель в Хюсабю, – устало сказал Эрленд. Мы говорили с ним об этом прошлой осенью – и позже тоже... Ведь смерть Сигюрда ожидалась уже давно. Он соглашался взять ее в жены, когда она овдовеет, если я дам ей приличное приданое...

– Ну и что же? – сказала фру Осхильд.

– Но она отказывается и клянется, что не хочет его в мужья. Она хочет указать на меня, как на отца ребенка. И если даже я поклянусь, что это не правда, то разве, по-твоему, не подумают, что я даю ложную клятву?..

– Ты должен суметь отговорить ее от этого, – сказала фру Осхильд. – Теперь у тебя нет другого выхода, как ехать с ней завтра же в Хюсабю. И там ты должен проявить всю свою твердость и решимость и устроить этот брак твоего управителя с Элиной!

– Да, – сказал Эрленд и, уронив голову на руки, громко зарыдал.

– Разве ты не понимаешь, тетя?.. Что, по-твоему, подумает Кристин?

Эрленд ночевал в поварне вместе со слугами. В горнице спала Кристин в одной постели с фру Осхильд, а Элина на другой кровати. Бьёрн ушел во двор и улегся в конюшне.

На другое утро Кристин пошла вместе с фру Осхильд в хлев. Потом Осхильд отправилась в поварню, чтобы приготовить завтрак, а Кристин принесла молоко в горницу.

На столе горела свеча. Элина была уже одета и сидела на краю своей кровати. Кристин тихо

поздоровалась с нею, принесла миску и стала процеживать в нее молоко.

– Не дашь ли ты мне попить молока? – попросила Элина. Кристин взяла деревянный ковшик и протянула его Элине; та жадно начала пить, глядя на Кристин через край ковша.

– Так ты и есть та самая Кристин, дочь Лавранса, которая отняла у меня дружбу Эрленда? – сказала она, отдавая ковшик назад.

– Вы сами знаете, было ли что отнимать, – отвечала молодая женщина.

Элина закусила губу.

– А что ты сделаешь, если надоешь Эрленду и он в один прекрасный день предложит тебе выйти замуж за своего работника? Ты и тогда исполнишь его желание?

Кристин не ответила, тогда Элина засмеялась и сказала:

– Я думаю, ты теперь исполняешь все его желания. Как ты думаешь, Кристин... Не разыграть ли нам в кости нашего мужа – нам, двум любовницам Эрленда, сына Никулауса? – Не получив ответа, она снова засмеялась и сказала:

– Или ты так проста, что станешь отрицать, что ты любовница?

– Перед тобою мне не пристало лгать, – сказала Кристин.

– Да это тебе не очень, бы и помогло, – отвечала Элина прежним тоном. – Я знаю молодца! Воображаю, каким петухом налетел он на тебя во второе же ваше свидание. Жалко мне тебя, красивое ты дитя!..

Щеки Кристин побелели. Ей стало противно до тошноты, и она сказала:

– Я не хочу говорить с тобою...

– Думаешь, он поступит с тобою лучше, чем со мною? – продолжала Элина. Тогда Кристин резко ответила:

– Уж я не стану жаловаться на Эрленда, как бы он ни поступил. Сама я вступила на опасную тропинку – и не буду сетовать и жаловаться, если она приведет к обрыву.

Элина помолчала немного. Потом сказала неуверенным голосом, с зардевшимся лицом:

– Я тоже была девушкой, Кристин, когда он взял меня, хотя семь лет называлась женою старого мужа. Но едва ли ты можешь понять, что это была за ужасная жизнь!

Кристин задрожала всем телом. Элина глядела на нее. Затем достала из своего дорожного ларца, стоявшего около нее на ступеньке кровати, небольшой рог. Сломав печать на нем, она тихо сказала:

– Ты молода, а я уже старуха, Кристин. Я знаю, что бесполезно бороться с тобою, теперь настало твое время! Не хочешь ли выпить со мною, Кристин?

Кристин не шевельнулась. Тогда Элина поднесла рог к губам. Кристин заметила, что она не пила. Элина сказала:

– Такую-то честь ты можешь оказать мне, чтобы выпить за мое здоровье... и обещать, что не будешь злой мачехой для моих детей?

Кристин взяла рог. В это мгновение Эрленд открыл дверь. Он постоял немного, глядя то на одну, то на другую женщину.

– Что это значит? – спросил он.

И Кристин ответила; голос ее звучал пронзительно и дико:

– Мы пьем за здоровье друг друга – мы, твои любовницы.

Он схватил Кристин за руку и отнял у нее рог.

– Молчи, – грубо сказал он. – Тебе нечего пить с нею!

– Почему бы нет? – сказала Кристин тем же тоном. – Она была такою же чистой, как и я, когда ты соблазнил ее!..

– Это она повторяла так часто, что, пожалуй, и сама тому поверила, – сказал Эрленд. – Помнишь, как ты заставила меня идти к Сигурду с этой сказкой, а тот призвал свидетелей, подтвердивших, что он еще до того застал тебя с другим мужчиной?

Кристин отвернулась, бледная от отвращения. Элина густо покраснела: потом вызывающе сказала:

– Все же она, полагаю, не станет прокаженной, если выпьет со мною!

Эрленд гневно повернулся к Элине – и вдруг лицо его вытянулось и застыло; он охнул от

ужаса.

– Господи Иисусе! – еле слышно произнес он. И схватил Элину за руку.

– Пей же тогда за нее! – сказал он жестоким и дрожащим голосом. – Пей сперва ты, тогда она выпьет с тобой!

Элина со стоном вырвалась от него. Пятясь, стала она отступать в глубь горницы. Эрленд следовал за нею.

– Пей! – сказал Эрленд. Он шел за Элиной, держа в руке кинжал, который выхватил из-за пояса. – Пей же напиток, который ты приготовила для Кристин!.. – схватил Элину за руку, подтащил к столу и насильно нагнул над рогом.

Элина вскрикнула и закрыла лицо рукой.

Эрленд отпустил ее и остановился дрожа.

– Я жила как в аду с Сигюрдом, – закричала она. – Ты, ты обещал... Но ты поступил со мною еще хуже, Эрленд!

Тогда Кристин выступила вперед и схватила рог.

– Одна из нас двоих должна выпить – ты не можешь владеть нами обеими!..

Эрленд отнял у Кристин рог и отшвырнул ее в сторону, так что она свалилась на пол у кровати фру Осхильд. Он силой пытался заставить Элину пить – стал коленом на скамье рядом с нею и, охватив ее голову рукой, старался влить напиток ей в рот.

Она протянула руку над его рукой, схватила со стола кинжал и ударила Эрленда. Удар разорвал на нем одежду и слегка оцарапал кожу. Тогда Элина повернула острие к себе и сейчас же бессильно опустилась, боком на колено Эрленда.

Кристин встала и подошла к ним. Эрленд держал Элину, голова у нее свешивалась назад через его руку. Она почти сейчас же начала хрипеть – захлебываться кровью, которая текла у нее из рта. Она выплюнула много крови и сказала:

– Для тебя я приготовила... этот напиток... за все твои обманы... когда ты изменял мне...

– Приведи сюда тетку Осхильд, – тихо сказал Эрленд. Кристин стояла неподвижно.

– Она умирает, – сказал Эрленд тем же голосом.

– Тогда ей лучше, чем нам, – проговорила Кристин. Эрленд взглянул на нее, – отчаяние в его глазах смягчило ее. Она вышла из горницы.

– Что случилось? – спросила фру Осхильд, когда Кристин вызвала ее из поварни.

– Мы убили Элину, дочь Орма, – сказала Кристин. – Она умирает...

Фру Осхильд бросилась бежать. Но Элина скончалась, когда она переступала порог.

Фру Осхильд положила мертвую на скамейку, смыла кровь у нее с лица и прикрыла его головным полотняным платком. Эрленд стоял позади тела, прислонясь к стене.

– Знаешь, – сказала фру Осхильд, – хуже этого ничего не могло произойти!

Она подбросила в очаг хвороста и дров; потом сунула туда рог в самую середину и раздула огонь.

– Можешь ты поручиться за своих слуг? – спросила она.

– Думаю, что да – за Ульва и Хафтура... Иона и того, что приехал с Элиной, я мало знаю.

– Ты, конечно, понимаешь, – сказала фру Осхильд, – что если только обнаружится, что вы с Кристин встретились здесь и оставались наедине с Элиной, когда та умерла, то уж лучше бы ты дал Кристин выпить напиток Элины! А если еще заговорят о яде, то люди припомнят и то, в чем меня обвиняли раньше... Есть у нее какие-нибудь родичи или друзья?

– Нет, – глухо сказал Эрленд. – У нее никого не было, кроме меня!

– И все-таки, – продолжала фру Осхильд; – будет трудно скрыть все это и увезти незаметно тело без того, чтобы на тебя не пало самое ужасное подозрение!

– Она должна быть похоронена в освященной земле, – сказал Эрленд, – хотя бы это стоило мне Хюсабю. – Что ты скажешь на это, Кристин?

Кристин кивнула головой.

Фру Осхильд сидела молча. Чем больше она думала, тем невозможнее казалось ей найти какой-нибудь выход. В поварне сидело четверо слуг – если бы даже Эрленду и удалось заплатить им за молчание, если бы все они или хоть кто-нибудь из них, хотя бы слуга Элины, и согласился за

деньги уехать из Норвегии, все-таки они никогда не были бы спокойны. А в Йорюндгорде знали, что Кристин была здесь; если Лавранс услышит об этом, то и представить себе нельзя, что он сделает! И потом: как увезти отсюда мертвую? Сейчас нечего было и думать о дороге на запад через горы; оставалась дорога к Рэумсдалу, или через горы в Трондхейм, или же на юг по долине. А если правда выйдет наружу, то все равно никто не поверит, даже если к их словам и отнесутся внешне с доверием.

– Я должна посоветоваться об этом с Бьёрном! – сказала она, поднявшись, и вышла из горницы.

Бьёрн, сын Поннара, выслушал рассказ жены, ни разу не изменившись в лице и не сводя глаз с Эрленда.

– Бьёрн, – в отчаянии сказала Осхильд, – кто-нибудь должен поклясться в том, что видел, как она сама наложила на себя руки!

Глаза Бьёрна стали медленно темнеть, и в них загорелся отблеск какой-то жизни; он взглянул на жену, и губы его скривились в улыбку:

– Ты хочешь сказать, что я должен быть этим человеком?

Фру Осхильд стиснула руки и протянула их к нему:

– Бьёрн, ты сам понимаешь, как это важно для них!

– А ты считаешь, что мое дело все равно уж пропащее? – медленно спросил он. – Или же ты считаешь, что во мне еще сохранилось так много от мужчины, каким я был когда-то, что я посмею принести ложную клятву, чтобы спасти этого юношу от гибели? Я, которого самого медленно топили все эти годы с той поры! Топили, говорю я! – повторил он.

– Ты говоришь это потому, что я состарилась, – прошептала Осхильд.

По горнице резко пронеслось рыдание Кристин. Она забилась было в угол около кровати фру Осхильд и сидела там неподвижная и безмолвная. Но теперь вдруг начала громко плакать. Как будто голос фру Осхильд обнажил ей сердце. Голос этот был полон воспоминаний о сладости любви; казалось, он впервые заставил Кристин полностью осознать, какая любовь была у нее и у Эрленда. Воспоминание о горячем и пылком счастье нахлынуло на нее и смыло все остальное – смыло жестокую ненависть и отчаяние минувшей ночи. Она знала только о своей любви и о воле выдержать все до конца.

Все трое взглянули на нее. Потом господин Бьёрн подошел к ней, взял ее за подбородок и посмотрел ей в глаза:

– Так ты, Кристин, говоришь, что она сделала это сама?

– Все, что вы слышали, правда, до последнего слова, – твердо сказала Кристин. – Мы угрожали ей, пока она это не сделала.

– Она готовила для Кристин более ужасную участь, – сказала Осхильд.

Господин Бьёрн отпустил девушку. Он подошел к телу, поднял его на руки, снес в ту кровать, где Элина спала прошлую ночь и положив лицом к стене, хорошенько накрыл одеялами.

– Иона и того слугу, которого ты мало знаешь, отошли домой в Хюсабю с известием, что Элина едет вместе с тобою на юг. Пусть они едут в обеденное время. Скажи, что женщины спят здесь, пусть они поедят в поварне. А потом переговори с Ульвом и Хафтуром. Грозила она и раньше покончить с собой? Так что ты мог бы представить свидетелей, если об этом будут спрашивать?

– Всякий, кто бывал у меня в усадьбе последние годы, что мы провели там вместе с нею, – устало сказал Эрленд, – может засвидетельствовать, что она грозила лишить себя жизни, а иногда и меня, когда я говорил, что хочу расстаться с нею.

Бьёрн грубо засмеялся:

– Я так и думал. Вечером мы оденем ее в дорожное платье и посадим в сани. Ты сядешь рядом с нею...

Эрленд пошатнулся:

– Я не могу!..

– Бог знает, много ли в тебе останется от мужчины, когда ты еще лет двадцать поживешь своим умом! – сказал Бьёрн. – Ну, а вожжи держать сможешь? Тогда я сяду с ней. Мы будем ехать

ночами и по пустынным дорогам, пока не спустимся к Фруну. По такому морозу никто не разберет, как давно она умерла. Мы заедем в странноприимный дом к монахам в Руалстаде. Там мы с тобой засвидетельствуем, что вы поссорились, сидя позади меня в санях. Достоверно известно, что ты не хотел жить с нею после того, как с тебя сняли отлучение, и ты сватался к девушке, равной тебе по происхождению. Ульв и Хафтур должны всю дорогу держаться в стороне, чтобы им в случае надобности можно было поклясться, что Элина была жива, когда они видели ее в последний раз. Ведь на это ты сумеешь их уговорить? У монахов пусть ее положат в гроб, а потом ты сторгуешься со священником о ее погребении и о покаянной епитимье для тебя самого... Да, это не очень красиво! Но ты так все запутал, что лучшего ничего не придумаешь. Не стой же, как беременная баба, которая того и гляди повалится без чувств! Помоги тебе Бог, парень, ты, верно, никогда еще не испытывал, каково ощущать острие меча под кадыком!

С гор дул ледяной пронзительный ветер – над снежными сугробами взвивался блестящий, как серебро, тонкий дымок в голубом от лунного света воздухе, когда мужчины собрались уезжать.

Две лошади были запряжены гуськом. Эрленд сел в сани вперед. Кристин подошла к нему.

– На этот раз, Эрленд, ты должен постараться послать мне известие, как сошла поездка и что случилось с тобой.

Он сжал ей руку – Кристин показалось, что кровь брызнет из-под ногтей.

– Так ты все еще решаешься держаться меня, Кристин?

– Да, все еще, – сказала она и потом прибавила:

– В этом поступке мы с тобой оба виноваты, я подстрекала тебя, потому что хотела ее смерти.

Фру Осхильд и Кристин долго стояли, глядя им вслед. Сани ныряли вверх и вниз по сугробам. Они скрылись было за ухабом – потом снова показались ниже, на покрытом снегом склоне. Но вот мужчины въехали в тень от высокой скалы и скрылись из виду.

Обе женщины сидели перед очагом, спиной к пустой кровати, из которой фру Осхильд вынесла все одеяла и солому. Они обе чувствовали, что позади них, зияя пустотой, стоит эта кровать.

– Хочешь, переночуем сегодня в поварне? – спросила, между прочим, фру Осхильд.

– Все равно, где бы ни лечь! – сказала Кристин.

Фру Осхильд вышла во двор взглянуть на погоду.

– Да, если ветер разыграется или если настанет оттепель, то им не успеть отъехать далеко, как уже все откроется, – сказала Кристин.

– Здесь, в Хэуге, всегда ветрено, – ответила фру Осхильд. – Нет признаков, что погода переменится.

Они опять уселись, как раньше.

– Ты не должна забывать, – сказала фру Осхильд, – какую участь она готовила вам обоим!

Кристин тихо ответила:

– Я думаю о том, – что, может быть, у меня явилось бы такое же желание, будь я на ее месте!

– Никогда бы ты не захотела, чтобы другой человек стал прокаженным! – с жаром сказала фру Осхильд.

– Помните ли, тетя, вы говорили мне как-то, что хорошо, если человек не решается делать то, что кажется ему некрасивым. Но не так уж хорошо, если он считает что-либо некрасивым потому лишь, что не решается это сделать.

– Ты никогда не решилась бы на это дело, боясь греха, – сказала фру Осхильд.

– Нет, не думаю, – сказала Кристин. – Ведь я уже сделала много такого, о чем раньше думала, что никогда на это не решусь, боясь греха. Но тогда я не понимала, что кто согрешит, должен попираť ногами других.

– Эрленд хотел покончить со своей распутной жизнью еще задолго до того, как повстречал тебя, – с жаром ответила Осхильд. – Уже давно между ними все было кончено.

– Я знаю это, – сказала Кристин. – Но у нее, вероятно, не было причин думать, что намерения Эрленда настолько тверды, что ей не удастся поколебать их.

– Кристин, – просящим и боязливым голосом сказала Осхильд, – ведь ты теперь не бросишь

Эрленда? Теперь вам нет иного спасения, как только спасти друг друга!

– Такой совет я вряд ли услышала бы от священника, – сказала Кристин и холодно улыбнулась. – Но я знаю, что не покину Эрленда, даже если бы мне пришлось растоптать ногами родного отца.

Фру Осхильд встала.

– Уж лучше нам чем-нибудь заняться, чем сидеть так, – сказала она. – Вероятно, мы все равно не заснем, если даже и попробуем лечь.

Она достала из клетки маслобойку, принесла несколько мисок с молоком, перелила его в маслобойку и приготовилась сбивать масло.

– Дайте лучше мне, – попросила Кристин. – У меня спина помоложе.

Они молча принялись работать; Кристин стояла у двери в клеть и сбивала масло, а Осхильд чесала шерсть у очага. Только уже когда Кристин отцедила воду из маслобойки и начала мять масло, она вдруг спросила старуху:

– Тетя Осхильд, вы никогда не боитесь того дня, когда предстанете перед судом Божьим?

Фру Осхильд поднялась с места, подошла к Кристин и встала перед ней в полосе света:

– Может быть, у меня хватит мужества спросить того, кто создал меня такою, какова я есть, не смилует ли он надо мной, когда придет час его воли? Потому что я никогда не просила его о милосердии, когда нарушала его заповеди. И никогда не просила я ни Бога, ни человека сбавить мне хотя бы одну полушку с той платы, которая была с меня спрошена в этом мире.

Немного спустя она тихо сказала:

– Мюнгану, старшему моему сыну, было в то время двадцать лет. Тогда он был не таким, каким, я знаю, стал теперь. Они, мои дети, не были тогда такими...

Кристин тихо ответила:

– Все-таки господин Бьёрн был с вами каждый день и каждую ночь все эти годы.

– Да, и это у меня было, – сказала Осхильд.

Немного спустя Кристин кончила сбивать масло. Тогда фру Осхильд сказала, что нужно было бы попытаться заснуть.

Лежа в теплой постели, она обняла плечи Кристин одной рукой и прижала молодую голову к своей груди. И вскоре услышала по ровному и тихому дыханию Кристин, что та заснула.

IV

Мороз все держался. По всему приходу в каждом хлеву жалобно мычала голодная, истощенная недоеданием скотина, страдавшая от холода. Но уже теперь люди сберегали корм, насколько только могли.

В этом году мало кто ездил на Рождество в гости друг к другу; все по большей части сидели дома, каждый в своем углу.

На Рождество мороз стал еще крепче – казалось, каждый новый день был холоднее минувшего. Жители прихода не могли упомнить такой суровой зимы – и снегу-то больше не выпадало, даже в горах, а тот снег, что выпал ко дню святого Клемента, смерзся и стал твердым, как камень. Солнце сияло с ясного неба, день начал уже прибавляться. По ночам на севере над горными гребнями мерцали сполохи, раскидываясь на полнеба, но они не приносили перемены погоды; иной раз выдавался облачный день, выпадало немного сухого снега, но потом опять наступала ясная погода и с нею жестокий мороз. Логен глухо ворчал и шумел под сковавшими его ледяными сводами.

Кристин каждое утро казалось, что у нее уже больше не хватит сил, что ей не выдержать этого дня до конца. И у нее было такое чувство, что каждый день – поединок между нею и отцом. Как можно им относиться так друг к другу в такое время, когда каждое живое существо по всему приходу, будь то человек или животное, страдает под гнетом единого для всех испытания? Но когда наступал вечер, то оказывалось, что и этот день она выдержала до конца.

Нельзя сказать, чтобы отец был с нею неласков. Они никогда не говорили о том, что разделяло их, но Кристин чувствовала за всем тем, чего Лавранс не говорил, что он непоколебимо твер-

до решил стоять до конца в своем отказе.

Душа у нее болела, и Кристин страшно не хватало его дружбы. Ей причиняло такую жестокую боль сознание, как много других забот и горестей лежало тяжелым бременем на плечах отца, – а если бы между ними все было по-прежнему, то отец говорил бы с ней об этом. Правда, в Йорюндгорде было лучше, чем в большинстве других мест, но все-таки и у них каждый день и каждый час чувствовался неурожайный год. Прежде, бывало, Лавранс выходил в зимние дни во двор и объезжал своих молодых лошадей, но в этом году он осенью продал их всех на юг Норвегии. И дочери было грустно не слышать звуков его голоса во дворе, не видеть, как отец возится со стройными лохматыми двухлетками в игре, которую он так любил. Конечно, в усадьбе у них не было пусто ни в клетях, ни в амбарах, ни в закромах после прошлогоднего урожая, но зато в Йорюндгорд приходило с просьбами о помощи много народу – купить или просто выпросить – и никто не уходил с пустыми руками.

Однажды поздно вечером к ним пришел на лыжах какой-то рослый старик, одетый в меха. Лавранс беседовал с ним во дворе, а Халвдан вынес ему поесть в старую горницу. Никто из домашних, видевших его, не знал, кто это такой, – пожалуй, это был один из тех, кто скрывается в горах; быть может, Лавранс встречался с ним там. Но отец ничего не рассказывал об этом посещении, молчал и Халвдан.

Но как-то вечером пришел человек, с которым Лавранс, сын Бьёргюльфа, был не в ладах в течение многих лет. Лавранс прошел с ним в амбар. Вернувшись в горницу, он сказал:

– Все то и дело просят у меня помощи. Но здесь, в моем собственном доме, вы все против меня. И ты тоже, жена! – сердито сказал он Рагнфрид.

Тогда мать, вспыхнув, бросила Кристин:

– Слышишь, что твой отец говорит мне? Но я не против тебя, Лавранс. Ведь и ты тоже знаешь, Кристин, что произошло позднее осенью на юге, в Руалстаде, когда он спускался вниз по долине еще с одним блудником, своим родственником из Хэуга, – она лишила себя жизни, несчастная женщина, которую он соблазнил и разлучил со всеми ее родными!

Жестко и сурово ответила Кристин:

– Я вижу, что вы столь же осуждаете его за те годы, когда он старался освободиться от греха, как и за те, когда он жил во грехе!

– Иисус, Мария! – взмолилась Рагнфрид, всплеснув руками. – Что с тобой случилось? Неужели даже это не заставляет тебя переменить свое решение?

– Нет, – сказала Кристин, – я не переменяла решения.

Тут Лавранс поднял на нее взгляд со скамьи, на которой он сидел около Ульвхильд.

– Я тоже, Кристин, – глухо сказал он.

Но в глубине души Кристин знала, что до некоторой степени она переменяла – если не решение, то взгляд на вещи. Она получила известие о том, как прошла эта страшная поездка. Все сошло легче, чем можно было ожидать. Ножевая рана, полученная Эрлендом в грудь, разболелась, – от того ли, что его прохватило морозом, или от чего другого; но только Эрленду пришлось пролежать некоторое время больным в странноприимном доме в Руалстаде. Бьёрн ухаживал там за ним в эти дни. Но то, что Эрленд был ранен, легче объяснило все остальное, и рассказу о происшедшем поверили. Когда Эрленд смог поехать дальше, он повез мертвую Элину в гробу до самого Осло. Там он с помощью отца Иона получил разрешение купить для тела Элины место на кладбище разрушенной церкви святого Никулауса, а потом исповедался у самого епископа в Осло, который наложил на него епитимью – ехать в Шверин к "святой крови"⁵⁵. Сейчас Эрленда уже не было в Норвегии.

Кристин же не могла пойти на богомолье ни в какие края, чтобы получить отпущение грехов. На ее долю выпало сидеть дома, ждать и думать, стараясь выдержать в борьбе с родителями. Какой-то странный, по-зимнему холодный свет пролился теперь на все ее воспоминания о встречах с Эрлендом. Она думала о его безудержности в любви и в горе, и у нее родилась мысль, что

---

⁵⁵ "Святая кровь" – якобы капли кропи распятого Христа, хранившиеся в монастыре и Шверине (Северная Германия) и особенно почитавшаяся скандинавскими пилигримами.

если бы она тоже могла примешать все события в жизни так же горячо к сердцу и так же очертя голову действовать, то, может быть, впоследствии все это казалось бы ей менее значительным и было бы не так тяжело. Случалось, она думала – быть может, Эрленд откажется от нее! Ей казалось, что у нее всегда был какой-то страх перед тем, что если борьба станет слишком трудной для них, то Эрленд откажется от нее. Но она не хотела отступить от него, пока он сам не освободит ее от всех клятв и обещаний.

Так проходила зима. И Кристин не могла уже больше обманывать себя и должна была признать, что теперь для них всех надвигается самое жестокое испытание, потому что Ульвхильд недолго уже осталось жить. И, горько скорбя о сестре, она с ужасом видела, что ее собственная душа действительно совращена и источена грехом. Потому что, видя умирающего ребенка и несказанное горе родителей, она все-таки думала об одном: "Если Ульвхильд умрет, то как я смогу тогда по-прежнему глядеть на отца и не броситься перед ним на колени, не признаться ему во всем и не попросить его простить меня и поступить со мною как он хочет?.."

Давно уже наступил пост. Люди резали мелкий скот, который раньше надеялись было спасти. Иначе скотина все равно бы пала. А само население болело от рыбной пищи с редкой добавкой скверной мучной. Отец Эйрик разрешил всему приходу пить молоко во время поста. Но мало у кого нашлась хоть капля молока!

Ульвхильд лежала в постели. Она одна лежала в кровати сестер, и каждую ночь кто-нибудь бодрствовал около нее. Случалось, что отец и Кристин сидели около больной вдвоем. В одну из таких ночей Лавранс сказал дочери:

– Помнишь, что отец Эдвин сказал о судьбе Ульвхильд? Я тогда уже подумал, что, может быть, он подразумевал именно это! Но тогда я отогнал от себя эту мысль.

В такие ночи Лавранс иногда рассказывал то об одном, то о другом. Кристин сидела, бледная от отчаяния, понимая, что за всеми этими словами отца скрывается безмолвная мольба.

Раз как-то Лавранс ушел с Колбейном из дому, чтобы проведать медвежью берлогу в поросших лесом горах к северу от усадьбы. Они вернулись домой с медведицей в санях, а у Лавранса за пазухой сидел живой медвежонок. Он показал его Ульвхильд, и это немного позабавило ее. Но Рагнфрид сказала, что теперь не время заводить такого зверя; что, собственно, Лавранс собирается с ним делать?

– Я хочу выкормить его, а потом привяжу у терема дочерей, – сказал Лавранс с жестким смехом.

Но трудно было доставать для медвежонка цельное молоко, которым его надо было поить, и поэтому Лавранс убил его через несколько дней.

Солнце припекало уже так сильно, что в полдень иногда начинало капать с крыш. Синицы цеплялись за бревенчатые стены, лазили по освещенной солнцем стороне и звонко долбили по дереву клювами, отыскивая спящих в пазах между бревнами мух. На окрестных полях сверкал твердый и блестящий, как серебро, снег.

Наконец однажды вечером тучи стали заволакивать месяц. Утром жители Йорюндгорда проснулись и увидели густой снегопад, сквозь который ничего нельзя было разглядеть.

В этот день все поняли, что Ульвхильд умирает.

Все домочадцы собрались, пришел и отец Эйрик. В горнице горело много свечей. Ранним вечером Ульвхильд тихо и спокойно угасла в объятиях матеря.

Рагнфрид перенесла это легче, чем кто-нибудь мог ожидать. Родители сидели рядом; оба беззвучно плакали. Плакали все, кто был в горнице. Когда Кристин подошла к отцу, тот обнял ее за плечи. Почувствовав, что она вся дрожит и трепещет, он прижал ее к своей груди. Но ей показалось, что у него должно быть такое чувство, будто она отошла от него еще дальше, чем мертвая малютка, лежавшая в постели.

Кристин не понимала, как это случилось, что она выдержала. Она сама едва ли помнила, ради чего она смогла выдержать; но, оцепеневшая, немая от боли, она все же пересилила себя и не упала к ногам отца,

...И вот подняли несколько досок в церковном полу перед алтарем святого Томаса и под ними, в крепкой, как камень земле, вырубили могилку для Ульвхильд, дочери Лавранса.

Тихо падал снег все те дни, когда ребенок лежал на смертной соломе; снег шел и тогда, когда Ульвхильд хоронили и продолжал идти почти беспрестанно еще целый месяц.

Людам, с нетерпением ждавшим перемен с приходом весны, казалось, что она никогда не придет. Дни стали длинными и светлыми, и долина лежала, окутанная дымкой от тающего снега, пока в небе сияло солнце. Но воздух был холоден, и теплу еще не хватало силы. Ночью жестоко подмораживало – лед на реке трещал, в горах раздавался грохот, а волки выли и лисицы лаяли совсем внизу, у самого жилья, как в середине зимы. Население драло лыко на корм скоту, но скот падал от бескормицы десятками. Никто не мог сказать, чем все это кончится.

Кристин вышла из дому в один из таких дней, когда в колеях дороги хлюпала вода, а снег на полях отблескивал серебром. Снежные сугробы были изъедены до дыр с солнечной стороны, так что тонкое кружево наста ломалось под ее ногою с тихим серебристым звоном. Но всюду, где была хотя бы самая небольшая тень, острый холод наполнял воздух, и снег был совершенно тверд.

Она пошла вверх, к церкви, сама не зная, что ей там нужно, но ее тянуло туда. Там был отец и еще несколько крестьян, гильдейских братьев, у которых, как она знала, была назначена сходка в галерее, шедшей вокруг церкви.

На полпути ей встретились крестьяне, спускавшиеся уже вниз. С ними был и отец Эйрик. Все шли пешком, нестройной угрюмой толпой, насупившись и не разговаривая друг с другом, и неприветливо ответили на поклон Кристин, когда та проходила мимо них.

Кристин подумала: как давно было то время, когда каждый в приходе был ей другом! Теперь, конечно, всем известно, что она дурная дочь. Быть может, они еще и не то знают о ней! Теперь, разумеется, все уверены, что в старой сплетне о ней, об Арне и Бентейне есть доля правды. Быть может, о ней уже идет самая дурная слава. Высоко подняв голову, пошла она по направлению к церкви.

Дверь стояла полуоткрытой. В церкви было холодно, но все же душу Кристин охватил поток какой-то мягкой теплоты, исходящей от этого темного, бревенчатого помещения с убегающими ввысь деревянными стволами колонн, уносившими мрак кверху, к стропилам кровли. На алтарях свечи не горели, но солнечные лучи скупно пробивались через щель двери, слабо отражаясь на картинах и священных сосудах.

У алтаря святого Томаса Кристин увидела отца, который стоял на коленях, опустив голову на сложенные руки, прижимавшие шапку к груди.

Робко и грустно выскользнула Кристин из церкви и остановилась на галерее. Там она схватилась руками за две колонки, соединяющиеся вверху аркой, и стояла так, словно обрамленная ими, глядя на лежащий перед нею Йорюндгорд, а за родным домом – на бледно-голубоватую дымку над долиной. На солнце то там, то тут в долине поблескивала белесой водой и льдом река. Но ольшаник, росший по берегам, уже покрылся желто-бурыми цветущими сережками, еловый лес здесь, наверху, у церкви, выглядел уже по-весеннему зеленым, а в соседней роще пищали, чирикали и свистели птички. Да, птицы теперь заливались каждый вечер после заката солнца!

И Кристин почувствовала, что тоска, которая, как ей казалось, давно уже была ценою мук и страданий исторгнута из души ее. – тоска в крови и во всем теле, – снова зашевелилась в ней, робко и слабо, словно просыпаясь от зимней спячки.

Лавранс, сын Бьёргюльфа, вышел из церкви и запер за собою дверь. Он подошел к дочери и остановился около нее, глядя вдаль через соседнюю арку. Кристин увидела, что минувшая зима сильно сказалась на отце. Она сама не понимала, как можно было говорить сейчас об этом, но слова все-таки сорвались с ее уст:

– Правда ли, что мать мне на днях говорила, будто ты сказал ей – если бы это был Арне, сын Гюрда, то ты сделал бы по-моему?

– Да, – произнес Лавранс, не глядя на дочь.

– Ты не говорил этого, когда Арне был жив, – сказала Кристин.

– Об этом никогда не заходило речи. Я, конечно, понимал, что парень любит тебя... Но он ничего не говорил и был так молод, и я никогда не замечал, чтобы ты задавалась такими мыслями. Ты же не могла ожидать, что я сам предложу свою дочь человеку совершенно неимущему! – Он усмехнулся. – Но мне нравился этот мальчик, – тихо сказал он. – И если бы я увидел, что ты стра-

даешь от любви к нему...

Они всё стояли, глядя вдаль. Кристин чувствовала, что отец смотрит на нее, она старалась изо всех сил сохранить спокойствие и не выдать себя выражением лица, но знала, что щеки ее побелели. Тогда отец подошел к ней, обнял ее и сжал в своих объятиях. Откинув назад ее голову, он заглянул в лицо дочери и потом снова спрятал его у себя на плече.

– Господи Иисусе, милая моя девочка, неужели же ты так несчастна?..

– Наверное, я умру от этого, отец, – сказала она, прижавшись к нему. И залилась слезами. Но плакала она, почувствовав по его ласкам и увидев по его глазам, что теперь он до того измучен, что уже не в силах больше противиться. Она победила его.

Среди ночи она проснулась оттого, что отец трогал ее за плечо в темноте.

– Вставай, – тихо сказал он, – ты слышишь?..

Тут она услышала, как гудело за стеною, – то был густой, полновзвучный голос южного ветра, насыщенного влагой. С крыш текло в три ручья, и слышался шепот дождя, падающего в мягкий, тающий снег.

Кристин накинула на себя платье и подошла вслед за отцом к выходной двери. Вместе стояли они, вглядываясь в светлую майскую ночь; теплый ветер и дождь били им навстречу, небо было путаницей разодранных, бегущих дождевых туч; шелестело в лесу, свистело между домами, – а сверху, с гор, до них доносился глухой грохот снега, который скатывался вниз лавинами.

Кристин отыскала руку отца и держала ее в своей; он позвал ее и захотел показать ей все это! Так бывало у них прежде – тогда отец тоже позвал бы ее. И вот теперь опять.

Когда они вернулись в горницу, чтобы снова лечь, Лавранс сказал:

– Чужой слуга, что был здесь на этой неделе, привез мне письмо от господина Мюнана, сына Борда. Он предполагает приехать сюда этим летом, чтобы повидать свою мать, и спрашивает, не сможет ли он посетить меня и переговорить со мною.

– Что же вы ответите ему, батюшка? – прошептала Кристин.

– Этого я не могу сказать тебе сейчас, – ответил Лавранс. – Но я поговорю с ним, а потом приму такое решение, за которое смогу ответить перед Богом, дочь моя.

Кристин снова забралась в постель к Рамборг, а Лавранс лег рядом со спящей женой. Он лежал и думал о том, что будет, если река разольется сильно и вдруг. Ведь мало усадеб в приходе лежит так близко к ней, как Йорюндгорд, а было, кажется, предсказание, что когда-нибудь Йорюндгорд будет смыт рекою!

V

Весна пришла сразу. Уже через несколько дней после наступившей оттепели весь поселок лежал темно-коричневый под проливным дождем. Вода неслась сквозь лес водопадами по горным склонам; река вздувалась с каждым днем и стояла серым, как свинец, озером на дне долины с островками рощ среди воды, с коварной бурлящей полосой стрежня. В Йорюндгорде вода заходила далеко на поля. Но все-таки ущерб был гораздо меньше, чем боялись.

Весенняя страда пришла очень поздно, и люди засевали поля жалкими запасами зерна, сохраненного для посева, моля Бога пощадить хлеб от ночных заморозков осенью. И казалось, что Бог на этот раз слышал крестьянские молитвы и немного облегчил их бремя. В июне началась ветреная погода, лето выдалось хорошее, и народ стал надеяться, что со временем все следы неурожайного года изгладятся.

Сенокос уже прошел, когда однажды вечером в Йорюндгорд приехали верхами четверо мужчин. Это были двое господ со своими слугами: Мюнан, сын Борда, и Борд, сын Петера из Хестнеса.

Рагнфрид и Лавранс приказали накрыть стол в верхней горнице и приготовить гостям постель в стабюре. Но Лавранс попросил приезжих не рассказывать о цели их приезда до следующего дня, когда они отдохнут с дороги.

За столом больше всего говорил Мюнан; он часто обращался к Кристин и разговаривал с нею так, словно они были хорошо знакомы. Она видела, что отцу это не нравилось. Господин

Мюнан был коренаст, краснолиц, некрасив и болтлив, к тому же он держал себя несколько шутовски. Его прозвали Мюнан Увалень или Мюнан Плясун, Но, несмотря на такую манеру держаться, он все же был сыном фру Осхильд, человеком умным и дельным, и не раз бывал доверенным королем в разных делах, а к словам его прислушивались те, кто вершил дела государства. Он жил в родовом поместье своей матери, в округе Скугхе, был очень богат и женился тоже на богатой. Фру Катрин, его жена, была удивительно безобразна и почти никогда не раскрывала рта, но муж всегда отзывался о ней так, как будто она была умнейшей женщиной, поэтому люди в шутку прозвали ее фру Катрин Премудрая или Красноречивая. Они, по-видимому, жили очень хорошо и дружно, хотя господин Мюнан славился своей распушенностью и до и после брака.

Господин Борд, сын Петера, был красивым и всеми уважаемым стариком, хотя теперь он уже несколько растолстел и отяжелел. Волосы и борода у него немного выцвели, но все еще были скорее золотистыми, чем седыми. С самой смерти короля Магнуса, сына Хокона⁵⁶, он жил на покое и управлял своими большими поместьями в Северном Мере. Он вдовел уже второй раз, и у него было много детей; все они, по слухам, были очень красивы, хорошо воспитаны и хорошо пристроены отцом.

На следующий день Лавранс поднялся со своими гостями в верхнюю горницу для переговоров. Он попросил жену присутствовать при этом, но та не захотела.

– Ты должен сам решать! Ты знаешь, что если дело не сладится, то это будет величайшим горем для нашей дочери, но я вместе с тем вижу, что многое говорит и против этого брака.

Господин Мюнан передал Лаврансу письмо от Эрленда, сына Никулауса. Эрленд предлагал Лаврансу самому ставить во всем какие угодно условия, если он согласится обручить с ним свою дочь Кристин. Сам же Эрленд соглашался предоставить беспристрастным людям оценить его владения и исследовать его доходы и выделял Кристин в виде дополнительного и свадебного подарка столько, что она, в случае если останется бездетной вдовой, будет владеть третьей частью всего его имущества, кроме своего собственного приданого и всего того наследства, которое она получит после своих родичей. Далее он предлагал предоставить Кристин полную власть распоряжаться ее частью состояния, как той, которую она получит из дому, так и получаемой от него. Но если Лавранс пожелает поставить другие условия для раздела имущества, то Эрленд охотно соглашается выслушать его и изменить свое решение сообразно с его желанием. Единственное условие, на которое со своей стороны должны согласиться родичи Кристин, состоит в следующем: если им когда-либо придется быть опекунами детей его и ее, то родичи Кристин не должны пытаться взять дары, переданные им своим детям от Элины, дочери Орма, ни считать, что это имущество было исключено из его состояния до его вступления в брак с Кристин, дочерью Лавранса. Наконец, Эрленд предлагал справить свадьбу со всей подобающей пышностью у себя в Хюсабю.

Лавранс ответил на это так:

– Это благородное предложение. Я вижу, что вашему родичу очень хотелось бы прийти к соглашению со мною. Я вижу это также и из того, что он уговорил вас, господин Мюнан, ехать вторично с поручением от него к такому человеку, как я, который вне этого прихода имеет мало значения, и что такой почтенный человек, как вы, господин Борд, взял на себя труд предпринять подобное путешествие для поддержки просьбы Эрленда. Но я должен сказать относительно его предложения, что дочь моя не воспитана так, чтобы самой распоряжаться своим имуществом и богатством, и я всегда рассчитывал выдать ее за такого человека, в руки которого я мог бы с уверенностью отдать благосостояние девушки. Я не знаю, сможет ли Кристин справиться с такой властью, и мне кажется, едва ли для нее будет хорошо! У нее мягкий и податливый характер, и то, что Эрленд проявил себя неразумным во многих отношениях, было одной из причин, понуждавших меня противиться этому браку. Если бы сна была властолюбивой, сильной и строгой женщиной, то дело бы было другое.

Господин Мюнан расхохотался и сказал:

– Дорогой Лавранс, неужели вы жалуетесь на то, что девушка недостаточно строптивая?..

И господин Борд заметил с легкой усмешкой:

---

⁵⁶ То есть с 1280 года, следовательно – уже около сорока лет.

– Мне кажется, ваша дочь все же показала, что у нее нет недостатка в силе воли, – ведь она в течение двух лет твердо держалась Эрленда наперекор вам.

Лавранс сказал:

– Я отлично помню это, а все-таки знаю, что говорю! Ей самой было тяжело и горько в то время, когда она сопротивлялась моей воле, и она недолго будет счастлива с мужем, который не сможет взять ее в руки.

– Вот так черт! – воскликнул господин Мюнан. – Тогда ваша дочь совершенно непохожа – на всех женщин, которых я знал, потому что я не видел ни одной, которая не хотела бы сама распорядиться собой, да и своим мужем!

Лавранс пожал плечами и ничего не ответил.

Тогда заговорил Борд, сын Петера:

– Я могу представить себе, Лавранс, сын Бьёргюльфа, что ваши возражения против этого брака между вашей дочерью и моим приемным сыном еще более усилились после того, как женщина, которую он держал у себя, умерла такою смертью. Но знайте: обнаружилось, что эта несчастная позволила другому мужчине соблазнить себя, а именно управляющему Эрленда в Хюсабю. Эрленд знал об этом, когда ехал с нею; он предлагал ей дать приличное приданое, если тот согласится жениться на ней.

– Вы уверены, что это так? – спросил Лавранс. – Но все же, по-моему, дело не стало от этого лучше! Тяжело, должно быть, женщине из хорошего рода въехать в имение об руку с хозяином, а выехать оттуда с работником.

Мюнан, сын Борда, сказал на это:

– Я вижу, Лавранс, сын Бьёргюльфа, в моем двоюродном брате вам больше всего не нравится, что у него было несчастье с женою Сигюрда, сына Саксьюльва. И, надо признаться, хорошего в этом мало. Но, Господи Боже мой, не следует же забывать – молодой парень живет в одном доме с молодой, красивой женщиной, а муж у нее человек старый, холодный и неспособный к супружеству; ночь же в тех краях продолжается полгода; мне кажется, трудно было бы ожидать чего-либо другого, разве только если бы Эрленд был совсем святым! Нельзя отрицать, что Эрленд никогда не был монахом, но не думаю, чтобы ваша молодая, красивая дочка поблагодарила вас, если бы ее отдали за мужа-монаха! Конечно, и впоследствии Эрленд вел себя глупо, и даже еще того хуже, это так... Однако нужно же наконец покончить с этим делом; мы, его родичи, постарались помочь молодому человеку снова встать на ноги; женщина эта умерла, и Эрленд сделал все, что только мог, для ее души и тела; сам епископ в Осло отпустил ему его грехи, и теперь он вернулся домой, очищенный святой кровью в Шверине. Неужели вы хотите быть строже самого епископа в Осло и архиепископа, или уж не знаю, кто там ведает этой драгоценной кровью!.. Дорогой Лавранс, целомудрие, конечно, вещь хорошая, но оно, ей-богу, не дается взрослому мужчине без особой на то Божьей благодати! Клянусь святым Улавом – вспомните, что и сам святой король не получил этого дара до тех пор, пока его земная жизнь не склонилась к концу; видно, такова была Господня воля, чтобы он сперва произвел на свет такого славного юношу, как король Магнус, который сломил силу язычников в северных странах. Король Улав прижил этого сына не от королевы, и все-таки он сидит в Царствии Божьем среди самых высших святых! Я вижу, однако, по вашему лицу, что моя речь кажется вам непристойной...

Господин Борд перебил его:

– Лавранс, сын Бьёргюльфа, мне тоже все это понравилось не более, чем вам, когда Эрленд обратился ко мне впервые и сказал, что он полюбил девушку, уже помолвленную с другим. Но позднее я понял: любовь этих двух молодых людей так сильна, что было бы большим грехом разлучать их. Эрленд был вместе со мною на последнем рождественском приеме, который король Хокон устраивал своим подданным, – там они встретились; и как только они увидели друг друга, ваша дочь упала без памяти и долгое время лежала как мертвая; и я увидел по лицу своего приемного сына, что он скорее готов потерять жизнь, чем девушку!

Лавранс помолчал немного, прежде чем ответить:

– Да, все это кажется очень красивым, когда об этом слышишь в рыцарских сагах каких-нибудь южных стран. Но мы сейчас не в Бретани, и вы, вероятно, тоже потребовали бы большего

от человека, которого собираетесь взять в зятья, чем способности заставлять вашу дочь падать без чувств от любви к нему на глазах у всех...

Его собеседники промолчали, и Лавранс продолжал:

– Я думаю, почтенные мои господа, что если бы Эрленд не раскидал по ветру столько своего добра и не повредил своей доброй славе, то вы не сидели бы здесь и не просили бы столь усердно человека в моем положении отдать за него свою дочь. Но я не хочу, чтобы про Кристин говорили, что для нее большая честь брак с владельцем Хюсабю, с человеком, принадлежащим к одному из лучших родов Норвегии, после того, как этот человек настолько опозорил себя, что не мог уже надеяться на лучший брак или на поддержание чести своего рода?

Он порывисто встал и заходил взад и вперед по горнице.

Но тут вскочил и господин Мюнан:

– Нет, Лавранс, если уж вы заговорили о позоре, то скажу вам, как перед Богом, что вы слишком высокомерны!..

Господин Борд прервал его, подойдя к Лаврансу:

– Вы, действительно, высокомерны, Лавранс! Вы напоминаете мне тех крестьян стародавнего времени, которые не хотели принимать никаких титулов от короля, – их гордыня не могла потерпеть, чтобы люди говорили о них, что они с обязаны благоденствием кому-то другому, а не самим себе. Потому говорю вам: если бы даже Эрленд обладал всей той честью и богатством, с которыми он родился, то и тогда я не считал бы, что унижаюсь, прося у родовитого и состоятельного человека руки его дочери для моего приемного сына, раз я вижу, что сердца обоих молодых людей могут разбиться, если их разлучат. Особенно, – тихо сказал он; положив руку на плечо Лавранса, – если бы дело обстояло так, что для душевной чистоты их обоих было бы лучше, если бы они получили друг друга в супруги.

Лавранс высвободился из-под руки собеседника; лицо его стало замкнутым и холодным:

– Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать!

Оба некоторое время смотрели друг на друга; потом господин Борд заговорил:

– Я хочу сказать, что Эрленд говорил мне, будто они по клялись друг другу в верности самими страшными клятвами. Может быть, вы на это ответите, что имеете власть разрешить от клятвы свою дочь, раз она клялась без вашего согласия. Но Эрленда вы разрешить не можете!.. И я вижу только одно: главное препятствие заключается в вашей гордыне и в вашей ненависти ко греху. Но мне кажется, что тут вы хотите быть строже самого Господа Бога, Лавранс, сын Бьёргюльфа!

Лавранс ответил несколько неуверенным голосом:

– Возможно, что в ваших словах есть доля правды, господин Борд. Но больше всего я был против этого брака потому, что считал Эрленда не таким надежным человеком, чтобы в его руки передать судьбу моей дочери.

– Я думаю, я теперь могу поручиться за своего приемного сына, – глухо сказал Борд. – Он так любит Кристин, что, я знаю, если вы отдадите ее ему, он будет вести себя хорошо и у вас не будет причин жаловаться на зятя.

Лавранс ответил не сразу. Тогда господин Борд протянул ему руку и проникновенно сказал:

– Во имя Бога, Лавранс, сын Бьёргюльфа, дайте свое согласие!

Лавранс вложил свою руку в руку Борда:

– Во имя Бога!

Рагнфрид и Кристин были позваны наверх, и Лавранс объявил им о своем решении. Господин Борд почтительно приветствовал обеих женщин, господин Мюнан пожал руку Рагнфрид и обратился к хозяйке дома с церемонным приветствием; но Кристин он приветствовал поцелуем на иностранный манер и торопился при этом. Кристин почувствовала, что отец все это время смотрел на нее.

– Как тебе правится твой новый родич господин Мюнан? – насмешливо спросил он, оставшись с ней вечером на минуту наедине.

Кристин умоляюще взглянула на отца. Тогда он несколько раз погладил ее по лицу и больше ничего не сказал.

Когда господин Борд и господин Мюнан отправились на покой, Мюнан сказал:

– Много бы я дал, чтобы посмотреть, какое лицо сделал бы этот Лавранс, сын Бьёргюльфа, если бы слышал всю правду про свою драгоценную дочку! А то нам с тобой пришлось на колени умолять о том, чтобы Эрленду отдали в жены женщину, которую он много раз приводил к себе в дом Брюнхильд....

– Держи язык за зубами, – раздраженно ответил господин Борд. – Самым скверным со стороны Эрленда было, что он заманивал этого ребенка в такие места; старайся, чтобы Лавранс никогда об этом не пронюхал; для всех будет лучше, если они оба станут теперь друзьями.

Было решено, что обручение будет отпраздновано в ту же осень. Лавранс сказал, что он не сможет устроить большого пиршества по этому случаю, потому что прошлый год был у них в долине неурожайный; но зато он берет на себя расходы по свадьбе, которая должна быть сыграна в Йорюндгорде с подобающей пышностью. И потребовал опять, сославшись на неурожай, чтобы между обручением и свадьбой прошел год.

VI

Обручение по различным причинам все откладывалось: получалось только к Новому году, но Лавранс согласился, чтобы свадьба не откладывалась из-за этого; ее должны были отпраздновать сразу же после Михайлова дня, как и было условленно раньше.

Итак, Кристин жила в Йорюндгорде законной невестой Эрленда. Вместе с матерью пересматривали они все накопленное для Кристин приданое, стараясь еще больше увеличить вороха постельного белья и платья, потому что Лавранс ничего не хотел жалеть, раз уж он решил отдать свою дочь владельцу Хюсабю.

Кристин сама себе удивлялась; отчего она теперь не радуется? Но по-настоящему вообще никто не радовался в Йорюндгорде, несмотря на все оживление и суету.

Родители болезненно тосковали по Ульвхильд – это Кристин понимала. Но понимала также, что они не только поэтому так молчаливы и грустны. Они были ласковы с Кристин, но когда разговаривали с ней о ее женихе, Кристин чувствовала, что они делают над собой усилие и говорят об Эрленде только для того, чтобы порадовать ее и выказать ей свое дружеское расположение, а не потому, что им самим хотелось поговорить о нем. И они не стали благосклоннее относиться к ее браку, когда познакомились с женихом. Сам Эрленд был неразговорчив и держал себя сдержанно в течение тех нескольких дней, которые он провел в Йорюндгорде во время помолвки, и Кристин думала, что иначе и быть не могло – ведь он знал, что отец ее неохотно дал свое согласие.

Сама же она едва ли обменялась с Эрлендом и десятью словами с глазу на глаз. И было странно и непривычно сидеть рядом на глазах у всех людей; теперь им почти не о чем было говорить, потому что прежде между ними было так много скрытого и тайного. В глубине ее души поднимался какой-то неопределенный страх, смутный и непонятный, но никогда ее не оставлявший: она боялась, что теперь, когда они поженятся, им, может быть, так или иначе придется трудно из-за того, что они уже раньше были слишком близки друг к другу, а потом слишком долго были совсем разлучены.

Но она попробовала отогнать от себя этот страх. Предполагалось, что Эрленд приедет погостить к ним в Йорюндгорд на Троицу; он спросил Лавранса и Рагнфрида, не будут ли они иметь что-нибудь против его приезда; Лавранс засмеялся и ответил, что он, конечно, хорошо примет своего зятя, – Эрленд может быть в этом уверен!

На Троицу они смогут вместе гулять, смогут поговорить друг с другом, как в былые дни, и тогда, должно быть, исчезнет эта тень, которая легла между ними из-за долгой разлуки, когда они были предоставлены самим себе и в одиночку несли каждый свое.

На Пасху Симон, сын Андреса, и его жена приехали к себе в Формо. Кристин видела их в церкви. Жена Симона стояла неподалеку от нее.

"Она, должно быть, гораздо старше его, – подумала Кристин, – ей, верно, лет тридцать". Фру Халфрид была хрупка, невысокого роста и худощава, но лицом необычайно прелестна. Даже матовый отблеск ее темно-русых волос, выбивавшихся волнами из-под полотняного платка, казался

таким мягким, и глаза ее были полны доброты и мягкости; они были большие, серые, с золотыми искорками. Все черты ее лица были тонки и чисты, но она была несколько бескровна, с сероватой, бледной кожей лица, а когда открывала рот, то видно было, что у нее нехорошие зубы. Она казалась слабенькой и, должно быть, часто болела – уже несколько раз у нее был выкидыш, как слышала Кристина. Кристина спрашивала себя, как-то живет ли Симон с этой женой.

Обитатели Йорюндгорда и Формо несколько раз издали обменивались приветствиями, встречаясь на церковном холме, но не заговаривали друг с другом. Но на третий день Симон пришел в церковь без жены. Тут он подошел к Лаврансу, и они некоторое время беседовали. Кристина слышала, что упоминалось имя Ульвхильд. Потом Симон заговорил с Рагнфридом. Рамборг, стоявшая с матерью, очень громко сказала:

– Я хорошо тебя помню, я знаю, кто ты!

Симон приподнял девочку с земли и повертел ее вокруг себя.

– Вот и хорошо, Рамборг, что ты не забыла меня!

А Кристина он только поклонился издали. И родители не упоминали впоследствии об этой встрече.

По Кристина много думала об этом. Было все-таки странно снова увидеться с Симоном Дарре, уже женатым человеком. При этой встрече оживило так много старых воспоминаний: она вспомнила свою собственную слепую и покорную любовь к Эрленду в те дни. Теперь эта любовь стала иной. Она подумала о том, рассказал ли Симон своей жене, почему они разошлись; но, конечно, он ничего не рассказывал. "Ради моего отца", – с насмешкой подумала она. Такая беда, так жалко, что она все еще не замужем и живет дома у родителей! Но они с Эрлендом все же обручены, и Симон может убедиться, что они добились-таки своего. И что бы там Эрленд ни делал, ей он оставался верен, а она тоже не была ни легкомысленной, ни ветреной.

Однажды вечером, ранней весной, Рагнфрид нужно было послать кого-нибудь с поручением к старой Гюнхильд, той вдове, что шила меховые вещи. Вечер был так хорош, что Кристина вызвалась поехать сама; и в конце концов она получила разрешение, потому что все мужчины были заняты.

Солнце уже закатилось, и с земли к золотисто-зеленому небу поднималось тонкое белое ледяное дыхание. Кристина слышала при каждом ударе конского копыта хрустящий звук ломающегося вечернего льда на дороге, с легким шуршанием и звоном разлетавшегося во все стороны. Но из кустов, росших вдоль дороги, раздавалось ликующее мягкое и по-весеннему полное пение птиц навстречу надвигавшимся сумеркам.

Кристина быстро ехала вниз по долине, ни о чем особенно не думая, а только ощущая, как хорошо снова быть одной на воле. Она ехала, не сводя взора с молодого месяца, опускавшегося за гребни гор по ту сторону долины. И поэтому едва не упала с лошади, когда та неожиданно бросилась в сторону и взвилась на дыбы.

Кристина увидела какое-то темное, сжавшееся в комок тело, лежавшее на краю дороги, и сперва было испугалась. Она все еще не могла отделаться от отвратительного страха, который испытывала, встречаясь одна на дороге с людьми. Но она подумала, что это мог быть какой-нибудь странник, заболевший в пути; поэтому, когда ей удалось справиться с лошастью, она повернула ее и поехала обратно, громко спрашивая, кто здесь.

Комок слегка пошевелился, и голос произнес:

– Мне кажется, это сама Кристина, дочь Лавранса?..

– Брат Эдвин? – тихо спросила она. Она готова была подумать, что это видение или дьявольское наваждение, которым хотят обмануть ее. Но она все-таки подошла к нему; это действительно был старый монах, и он не мог подняться на ноги без посторонней помощи.

– Дорогой отец, неужели вы пустились странствовать в эту пору года? – спросила она с изумлением.

– Слава Господу Богу, направившему тебя сегодня вечером по этой дороге, – сказал монах.

Кристина заметила, что он дрожит всем телом. – Я намеревался пройти на север, к вам, ко сегодня уже не мог больше идти. Мне уже начинало казаться, что такова Божья воля, чтобы я свалился и умер на дороге, как бродил по дорогам всю свою жизнь. Но я очень хотел бы исповедаться

и получить последнее причастие. И мне очень хотелось увидеть тебя, дочь моя...

Крестин помогла монаху сесть на лошадь и повела ее под уздцы, поддерживая старика. Он сетовал, что теперь Крестин промочит себе ноги в таком снегу, и время от времени тихо стонал от боли.

Он рассказал, что с Рождества жил в Эйабю; несколько богатых крестьян в приходе дали во время неурожая обет украсить свою церковь и отделать ее заново. Но работа подвигалась плохо; он болел в течение всей этой зимы – что-то у него неладно с животом, так что его рвало кровью и он не мог принимать пищу. Он сам думал, что ему осталось недолго жить, и стремился теперь домой, к себе в монастырь, потому что желал умереть там, среди своих братьев. Но ему захотелось сначала пройти в последний раз по долине к северу, и потому он пошел вместе со священствующим монахом из Хамара, который был назначен новым настоятелем в странноприимном доме в Руалстаде. От Фруна он продолжал свой путь уже один.

– Я слышал, что ты обручена, – сказал он, – с тем человеком... И тут мне до того захотелось повидать тебя. Мне было так больно думать, что та наша встреча с тобой у нас в монастырской церкви была последней! На моем сердце лежало тяжелым камнем, Крестин, что ты ступила на путь, не дающий мира...

Крестин поцеловала руку монаха и сказала:

– Я не могу понять, отец мой, что я сделала и чем заслужила, что вы выказываете ко мне такую большую любовь!

Монах тихо ответил:

– Я часто думал, Крестин, что если бы нам суждено было чаще встречаться, то ты могла бы стать как бы моей духовной дочерью.

– Вы хотите сказать, это привело бы меня тогда к тому, что я обратила бы все свои помыслы к монастырской жизни? – спросила Крестин. Немного погодя она сказала:

– Отец Эйрик заповедал мне, что если я не получу согласия своего отца на брак с Эрлендом, то мне нужно будет вступить в какую-нибудь богобоязненную общину сестер и замаливать свои грехи...

– Я часто молился о том, чтобы у тебя явилось стремление к монастырской жизни, – сказал брат Эдвин. – Но до того, как ты рассказала мне то, о чем сама знаешь. Я хотел, чтобы ты пришла к Богу с девическим венцом, Крестин!

Когда они приехали в Йорюндгорд, то брата Эдвина пришлось снести в дом на руках и уложить в постель. Его положили в старом зимнем доме, в горнице с очагом, и окружили самым тщательным уходом. Он был очень болен, и отец Эйрик часто навещал его и пользовал лекарствами и для тела и для души. Но священник сказал, что у старика *cancer*⁵⁷ и ему недолго уже осталось жить. Сам же брат Эдвин говорил, что как только он немного соберется с силами, то все-таки поедет на юг и попытается добраться до своего монастыря. Отец Эйрик сказал окружающим, что, по его мнению, об этом нечего и думать.

Всем обитателям Йорюндгорда казалось, что вместе с монахом в дом их вошли мир и большая радость. Люди приходили и уходили в течение целого дня, и никогда не было недостатка в тех, кто готов был бодрствовать ночью у постели больного. Все, у кого только было время, стекались толпами в горницу посидеть и послушать чтение отца Эйрика, когда тот приходил и читал умирающему божественные книги и вел беседы с братом Эдвином о духовном. И хотя многое из того, что он говорил, было неясно и темно, как обычные его речи, но людям все-таки казалось, что он укреплял и утешал их души, потому что все до одного понимали, что брат Эдвин весь исполнен любви к Богу.

Но монах, кроме того, с удовольствием слушал обо всем другом, расспрашивал о новостях в окрестных приходах и просил Лавранса рассказывать о неурожайном годе. Были люди, которые прибегали в этой страшной нужде к нехорошим средствам и обратились к таким помощникам, которых крещеные люди должны были бы избегать. К западу от долины, если взобраться немного вверх по горным склонам, было одно место в горах, где лежали несколько больших белых камней,

---

⁵⁷ Рак (лат.).

видом своим напоминавших тайные части человеческого тела; и вот несколько человек впали в заблуждение и начали приносить в жертву кабанов и кошек у этого отвратительного места. Тогда отец Эйрик позвал с собою нескольких из наиболее благочестивых и отважных крестьян, и они ночью прошли к тому месту и разбили камни на куски. Лавранс тоже ходил с ними и мог засвидетельствовать, что камни были все измазаны кровью, а вокруг валялись кости. В Хейдале люди будто бы заставили одну старуху сидеть в поле на камне и петь старинные заклинания в течение трех четверговых ночей.

Раз ночью Кристин сидела одна у брата Эдвина.

Около полуночи он проснулся и, казалось, мучился сильными болями. И вот он попросил Кристин взять книгу о чудесах девицы Марии, которую одолжил ему отец Эйрик, и почитать ему.

Для Кристин чтение вслух было непривычным делом, но она все-таки села на ступеньку кровати, поставила свечу рядом с собой, положила книгу на колени и начала читать как только могла лучше.

Через некоторое время она заметила, что больной лежит, стиснув зубы; мучась припадками болей, он сжимал свои иссохшие руки.

– Вы жестоко страдаете, дорогой отец, – с огорчением сказала Кристин.

– Так мне сейчас кажется. Но я знаю, что это Бог снова превратил меня в ребенка и делает со мною что хочет!.. Мне вспомнился один случай, когда я был еще маленьким... Мне было тогда четыре года. Я убежал из дому в лес. Я заблудился там и пробыл в лесу много дней и ночей... Моя мать была вместе с нашедшими меня людьми, и я помню, что, подняв меня на руки, она укусила меня в затылок. Я думал, что она сделала это потому, что сердилась на меня, но потом понял лучше... Теперь я сам с тоскою стремлюсь домой из этого леса. В писании сказано: "Оставьте всё и следуйте за мною", но на этом свете было слишком много такого, что мне очень не хотелось оставлять...

– Вам, отец? – сказала Кристин. – Я постоянно слышала от всех, что вы могли бы служить примером чистой жизни, бедности и смирения.

Монах сказал с улыбкой:

– Такие молоденькие девочки, как ты, вероятно думают, что на свете нет других соблазнов, кроме сладострастия, богатства и могущества. Но я говорю тебе: это все пустяки, которые человек встречает у края дороги, а я... я любил самые дороги – не ничтожные мирские вещи я любил, но весь мир! Бог оказал мне милость, и я с самой юности полюбил госпожу Бедность и госпожу Целомудрие и потому думал, что с такими подругами пройду свой путь спокойно; и вот я бродил по стране, желая только одного – пройти по всем земным дорогам. А мое сердце и мысли тоже бродили да странствовали – боюсь, что я часто заблуждался в своих мыслях о самых сокровенных вещах. Но теперь пришел конец. Кристин, девочка, теперь мне хочется домой, к себе в монастырь, хочется оставить все свои собственные мысли и услышать разумную речь настоятеля о том, как я должен верить и что должен думать о своих грехах и о Божьем милосердии...

Немного спустя он заснул. Кристин села у очага, следя за огнем. Но на рассвете, когда она сама чуть было не задремала, брат Эдвин неожиданно произнес с постели:

– Я рад, Кристин, что это дело с Эрлендом, сыном Никулауса, и тобою приведено к благополучному концу.

Тут Кристин залилась слезами.

– Мы совершили столько дурного, пока добились этого! И сердце мое мучительно раздирается – больше всего оттого, что я причинила так много горя своему отцу. Он и теперь не рад этому. А ведь он еще не знает... Если бы он знал все, то, наверное, совсем лишил бы меня своей дружбы!

– Кристин, – сказал брат Эдвин ласково, – или ты не понимаешь, дитя, что именно потому ты и должна, молчать обо всем и именно потому ты и не должна причинять ему новую горю, что он никогда не потребует с тебя никакой пени? Что бы ты ни сделала, это не изменит сердечной любви к тебе твоего отца.

Через несколько дней брат Эдвин почувствовал себя настолько лучше, что выразил желание ехать на юг. Видя, что это желание овладело им, Лавранс велел сделать нечто вроде носилок. ко-

торые подвешивались между двумя лошадьми, и таким образом довели больного до самого Листада; здесь брату Эдвину предоставили новых лошадей и новых провожатых и так довели его до Хамара. Там он и умер в монастыре братьев-проповедников и был похоронен в их церкви. Но потом нищенствующие монахи потребовали, чтобы останки были переданы им потому что многие в окрестных приходах считали брата Эдвина святым человеком и называли его святым Эвеном. Крестьяне молились ему на протяжении всего Опланда и вверх по Долинам, к северу до самой Трондхеймской области. Потому между обоими монастырями возникли долгие споры и пререкания о теле.

Обо всем этом Кристин узнала гораздо позже. Но она неутешно горевала, расставаясь с монахом. Ей казалось, что один лишь он знал вполне всю ее жизнь, – он знал ее несмышленым ребенком, когда она находилась на попечении отца, и знал о ее тайной жизни с Эрлендом, и потому ей казалось, что он был каким-то связующим звеном между всем тем, что когда-то был ей мило, и тем, что сейчас наполняло всю ее душу. Теперь же она была совершенно отрезана от той Кристин, которая была когда-то девушкой.

VII

– Мне кажется, – сказала Рагнфрид, пробуя тепловато сусло в чанах, – оно уже настолько охладилось, что теперь можно подмешивать дрожжи.

Кристин сидела в дверях пивоварни и пряла, ожидая, пока варево остынет. Она отложила веретено на порог, развернул ветошку, в которую был завернут жбан с распущенными грибными дрожжам и начала отмерять.

– Закрой же сперва дверь, – приказала мать, – а то будет сквозняк! Ты ходишь как во сне, Кристин, – сердито сказала она.

Кристин цедила дрожжи в пивные чаны, а Рагнфрид размешивала.

"Г'ейрхильд, дочь Дрива, возвала к Хатту, но это был Один"⁵⁸. Он пришел и помог ей сварить пиво; в награду же потребовал себе то, что находилось между чаном и ею". Такова была старинная сага, которую Лавранс рассказывал однажды, когда Кристин была маленькой.

"...То, что находилось между чаном и ею!.." Кристин почувствовала тошноту и головокружение от жары и сладкого, пряного запаха в темной запертой пивоварне.

На дворе Рамборг водила хоровод с толпой детей и пела:

Орел на высоком утесе сидит
И острые когти сжимает...

Кристин прошла вместе с матерью через маленькие сени, где стояли пустые пивные бочонки и разная утварь. Наружная дверь вела отсюда на небольшой участок земли между задней стеной пивоварни и плетнем, огораживавшим ячменное поле. Целая куча поросят дрались из-за выброшенной тепловатой барды, толкаясь и с визгом грызясь.

Кристин заслонила глаза рукою от ослепительного блеска полуденного солнца. Мать посмотрела на свиное стадо и сказала: – Нам не обойтись меньше чем восемнадцатью оленями.

– Вы думаете, нам столько надо? – рассеянно сказала дочь.

– Да, придется ведь подавать дичь и свинину ежедневно, – отвечала мать. – А мы вряд ли достанем больше птицы и зайцев, чем пойдет на одну только верхнюю горницу! Ты должна помнить, что сюда съедется почти двести человек, считая слуг и детей, да еще нищие, которых надо кормить. И даже если вы с Эрлендом уедете на пятый день, то все же некоторые из гостей останутся здесь, наверное, до конца недели по меньшей мере!.. Побудь тут и присмотри за пивом, – промолвила Рагнфрид, – а я пойду позабочусь о еде для твоего отца и косарей.

Кристин принесла прялку и уселась на пороге задней двери. Она сунула было палку с куделью себе под мышку, но потом бессильно уронила на колени руки, державшие веретено.

⁵⁸ Хатт – одно из воплощений Одина, главного Бога древнескандинавской мифологии.

Колосья ячменя за плетнем блестели на солнце, отливая шелком и серебром. Сквозь журчанье реки до Кристин время от времени доносился со стороны лугов на острове звон кос – то железом иногда ударялось о камень. Отец и работники спешили поскорее покончить с сенокосом. Ведь нужно было еще столько дел переделать, готовясь к ее свадьбе.

Пахло теплой бардой, и резкая вонь шла от свиней – Кристин снова почувствовала тошноту. А от полуденного зноя кружилась голова и во всем теле чувствовалась слабость. Побледнев и выпрямив спину, сидела Кристин, ожидая, когда это пройдет, – она не хотела, чтобы ее опять стошнило.

...Так она еще никогда себя не чувствовала. Напрасно она старалась утешить себя: это еще не наверное, может быть она ошиблась... "То, что находилось между чаном и ею..."

...Восемнадцать оленей... Почти двести свадебных гостей... Людям будет над чем посмеяться, когда станет известно, что все это затеяно только ради беременной бабы, которую надо было выдать замуж поскорее!

...Ох, нет!.. Она отбросила пряжу в сторону и вскочила на ноги. Прислонилась лбом к стене пивоварни, и ее начало рвать в крапиву, буйно разросшуюся вдоль стены. Крапива кишела коричневыми гусеницами – при виде этого Кристин затошнило еще сильнее.

Она провела руками по влажным от пота вискам. Ох, нет, так это и есть!..

Их должны повенчать во второе воскресенье после Михайлова дня, а свадьба будет праздноваться в течение пяти дней. До этого времени остается еще свыше двух месяцев. Тогда, вероятно, у нее уже очень будет заметно – и мать и другие замужние женщины обязательно увидят. Они всегда так догадливы в этих случаях, всегда знают, если какая-нибудь женщина беременна, за целые месяцы до того, как Кристин наконец сообразит, по каким признакам они это видят. "Бедняжка, она так поблекла!.." Кристин нетерпеливо потерла себе щеки, почувствовав, что они бескровны и бледны.

Прежде, правда, она очень часто думала, что это обязательно случится рано или поздно. И не так, уж этого боялась. Но тогда все было бы совсем иначе, чем теперь, – ведь тогда они не могли и не должны были отдаться друг другу законным образом.

Считалось, – да, конечно. – тоже и позорным и грешным, аи ли молодые люди не хотели позволить, чтобы их насильно разлучали, то это скоро забывалось, и люди говорили о них с радушием. Ей бы тогда не было стыдно! Но если так бывает между женихом и невестой, то тогда над ними только смеются, глупо шутят. Она и сама понимала, это смешно; вот теперь в пиво намешают вино, будут колоть скот и печь и варить на свадьбу, чтобы слава об этой свадьбе прогремела по всей округе, а ее, невесту, начинает тошнить от запаха еды, и она в холодном поту забирается за сарай да пристройки и там ее рвет...

Эрленд... Она гневно стиснула зубы. Он должен был бы избавить ее от этого. Потому что ведь она не хотела. Он должен был бы помнить, что раньше, когда будущее было для них так неясно, когда она ни на что не могла надеяться, кроме его любви, тогда она всегда, всегда с радостью предоставляла себя его желанию! Он должен был бы оставить ее в покое сейчас, когда она пыталась ему отказать, потому что ей казалось, что нехорошо брать себе что-либо украдкой после того, как отец соединил им руки в присутствии их родичей как жениху и невесте. Но он все таки взял ее, почти насильно, со смехом и ласками; и она не в силах была показать ему, что сопротивлялась и отказывала по-настоящему,

...Она вошла в пивоварню и взглянула на пиво, потом опять вернулась к плетню и задумалась, облокотившись на него. Колосья ячменя тихо покачивались от легкого дуновения ветра. Кристин не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела хлеба такими богатыми и буйными, как в этом году... Вдали поблескивала река, слышен был голос Лавранса, кричавшего что-то – слов нельзя было разобрать, но работники на острове смеялись.

Если пойти к отцу и сказать ему? Не лучше ли бросить все эти приготовления и в тишине соединить нас навеки с Эрлендом без церковного венчания и большого празднества, – раз теперь все дело только в том, чтобы ей получить звание супруги пока всем не стало ясно, что она носит уже под сердцем ребенка от Эрленда.

Он тоже подвергнется, насмешкам. Эрленд, как и она сама – или даже еще больше. Ведь он-

то уже не юноша. Но он сам желал этой свадьбы, ему хотелось видеть Кристин невестой в шелку к бархате, с высокой золотой короной на, голове, – он хотел этого и вместе с тем хотел обладать ею во все эти сладкие тайные часы! Она исполняла его желания всегда и во всем. И должна была продолжать исполнять его волю и в этом.

Но в конце концов он убедится, что никто не может получать и то и другое одновременно. Он столько говорил о большом рождественском празднике, который он устроит в Хюсабю а первый год, когда она войдет хозяйкой к нему в дом, – тогда он покажет всем своим родичам, и друзьям, и жителям окрестных приходов, вплоть до самых отдаленных, какая ему досталась красивая жена. Кристин насмешливо улыбнулась. Да, такой пир будет очень кстати на нынешнее Рождество!

Это произойдет около дня святого Григория. Вихрь мыслей закружился в ее мозгу, когда она произнесла про себя, что около дня святого Григория она родит ребенка. Она немного страшилась и этого – она помнила пронзительные крики матери, резко звеневшие над всем домом в течение двух суток, когда Ульвхильд появлялась на свет. В горах, в Ульвсволде, умерли от родов одна за другой две молодые женщины, и первая и вторая жены Сигюрда из Лоптсгорда, и ее собственная бабушка по отцу, в честь которой ей дали имя...

Но не в страхе было дело. Она так часто думала за эти годы, каждый раз, когда замечала, что все еще не беременна, что, может быть, это послужит наказанием ей и Эрленду. Что она навсегда так и останется бесплодной. Тщетно будут они ждать да ждать того, чего раньше так боялись, будут надеяться так же напрасно, как раньше беспричинно страшились! Пока наконец не узнают, что придет время, когда их вынесут из его дома и род Эрленда заглохнет; ведь его брат – священник, а те дети, которые сейчас у Эрленда, никогда не смогут наследовать отцу. Мюнан Увалень и его сыновья въедут и сядут на их хозяйское место, а имя Эрленда будет выкинуто и забыто в его роду.

Она крепко прижала руки к животу. Там было оно – между плетнем и ею, между чаном и ею! Между нею и целым миром был он – законный сын Эрленда! Она уже испробовала способ, о котором однажды при ней говорила фру Осхильд, – пробу крови из правой и левой руки. Она носит сына. Что-то он ей принесет? Она вспомнила своих мертвых братьев, горестные лица родителей при упоминании о них, вспомнила все те дни, когда видела отчаяние родителей из-за Ульвхильд, ту ночь, когда Ульвхильд умерла. И подумала обо всем том горе, которое причинила им, об измученном лице отца... И все же не видно еще конца горю, которое она причинит отцу и матери...

И все-таки, все-таки! Кристин уронила голову на руку, лежавшую на плетне; другую руку она продолжала держать на животе. Хотя бы это и принесло ей новое горе, хотя бы это и причинило ей смерть, но она предпочитает умереть, родя Эрленду сына, чем знать, что когда-нибудь они оба умрут, и дома останутся после них пусты, и хлеба будут колыхаться для чужих...

Кто-то вошел в сени. "Пиво! – подумала Кристин. – Я должна была взглянуть на него уже давным-давно!" Она выпрямилась, но в эту минуту появился Эрленд и, нагнувшись под притолокой, вышел на яркий солнечный свет, весь сияя от радости.

– Так вот ты где! – сказал он. – И даже шагу не сделаешь ко мне навстречу? – И обнял ее.

– Милый, как ты приехал? – удивленно сказала она. Он, очевидно, только что спрыгнул с лошади: через плечо у него был еще переброшен плащ, а меч висел сбоку, и был он небритый, грязный и очень запыленный. Он был одет в красный кафтан, падавший складками с самого ворота и разрезанный с боков почти до подмышек. Пока они проходили через пивоварню и двор, одежда развевалась на Эрленде, открывая его ноги до бедер. Как странно, прежде Кристин никогда не замечала, что он слегка косолапил при ходьбе, прежде она видела только, что у него длинные, стройные ноги, тонкие щиколотки и небольшие красивые ступни.

Эрленд приехал не один – с четырьмя слугами и тремя запасными лошадьми. Он сказал Рагнфрид, что приехал, чтобы забрать приданое Кристин, – ведь для нее удобнее, если ее вещи будут уже в Хюсабю, когда она приедет туда. Свадьба состоится так поздно осенью, что тогда, пожалуй, будет трудно перевезти вещи, и их к тому же легко можно попортить морской водой на корабле. А теперь аббат в Нидархолме предлагает ему послать их со шхуной святого Лаврентия – предполагают, что она отплывет от острова Веэй около дня Успенья Богородицы. Поэтому он и приехал, чтобы отвезти приданое на лошадях к мысу через Рэумсдал.

Он сидел в дверях поварни, пил пиво и болтал, пока Рагнфрид и Кристин ошипывали диких уток, принесенных Лаврансом накануне с охоты. Мать с дочерью были одни дома; все женщины пошли на луг сгребать сено. У Эрленда был очень веселый вид, он был очень доволен собою, потому что приехал сюда с такой разумной целью...

Мать вышла, а Кристин осталась присматривать за птицами на вертеле. Сквозь открытую дверь ей чуть видны были слуги Эрленда, лежавшие в тени на другой стороне двора; чаша с пивом ходила у них вкруговую. Сам Эрленд сидел на пороге, болтал и смеялся – солнце светило на его непокрытую голову, на черные как смоль волосы, Кристин заметила, что в них было несколько седых нитей. Да, ему ведь скоро уж будет тридцать два года, но он ведет себя как балованный мальчик! Она знала, что у нее не повернется язык сказать Эрленду о своей беде, – он еще и сам успеет увидеть это. Смеющаяся мягкая нежность заливала ее сердце, затопляла таящуюся на дне его искру холодного гнева, как сверкающая река струится поперек камней.

Она любила его больше всего на свете, любовью была полна ее душа, хотя Кристин в то же время продолжала видеть и помнить все другое. Как мало подходит этот придворный в красивом кафтане, с серебряными шпорами и с разукрашенным золотом кушаком к сенокосной страде здесь, в Йорюндгорде! Кристин заметила также, что отец не пришел с поля, хотя мать и послала Рамборг к реке с известием, какой к ним приехал гость.

Эрленд подошел к Кристин и обнял ее за плечи.

– Ты понимаешь? – сказал он с сияющим лицом. – Не странно ли тебе, что вся эта суета и работа – ради нашей свадьбы?

Кристин поцеловала его и оттолкнула от себя, – принялась поливать птиц жиром и попросила не мешать ей. Нет, она не станет говорить ему об этом!..

Лавранс пришел домой только к ужину, вместе с косарями. Он был одет почти так же, как и батраки; на нем был кафтан из домотканого сукна, доходивший до самых колен, и просторные штаны из той же материи; он шел босиком с косой на плече. Единственно, чем его наряд отличался от одежды работников. Это кожаным наплечником для сокола, сидевшего у него на левом плече. Лавранс вел за руку Рамборг.

Лавранс приветствовал зятя довольно сердечно и попросил извинения за то, что не явился раньше, – приходится налегать на полевые работы изо всех сил, потому что нужно еще съездить в город между сенокосом и жатвой. Но когда Эрленд рассказал за столом о цели своего приезда, Лавранс выказал некоторое неудовольствие.

Ему сейчас никак не обойтись без повозок и лошадей. Эрленд отвечал, что он привел с собою четырех запасных лошадей. Лавранс высказал предположение, что понадобятся по меньшей мере три воза. Кроме того, девушке нужно будет иметь здесь под рукою свои наряды. А постельные принадлежности, которые Кристин получала в приданое, потребуются в Йорюндгорде во время свадьбы, когда придется отводить помещение стольким гостям.

– Ну что ж, – сказал Эрленд. – Конечно, и осенью удастся как-нибудь перевезти приданое. – Но он так обрадовался, когда услышал, как ему казалось, вполне разумное предложение настоятеля отправить вещи на монастырской шхуне. Настоятель даже напомнил ему о родстве между ними. – Теперь все об этом вспоминают! – сказал Эрленд улыбаясь. По-видимому, неудовольствие тестя ни капли его не смущало.

В конце концов было решено, что Эрленду дадут одну повозку, и он увезет воз таких вещей, которые прежде всего потребуются Кристин, когда та приедет к себе в новый дом.

На следующий день началась спешная укладка. Мать решила, что большой и маленький ткацкие станки могут быть отосланы теперь же вместе с другими вещами, – Кристин, пожалуй, не удастся больше ткать до самой свадьбы. Рагнфрид с дочерью сняли ткань с кросен. Это была хотя и некрашенная шерстяная материя, но зато из самой лучшей мягкой шерсти с вотканными прядями шерсти от черных овец, что давало правильно расположенный узор. Кристин с матерью сложили материю и уложили ее в кожаный мешок. Кристин подумала, что из этой ткани выйдут хорошие свивальники, и очень красивые, если их обшить красной или синей тесьмой.

Рабочий стан с ящиком в сиденье, выкованный когда-то Арне, можно было тоже отправить теперь же. Кристин вынула из ящика все те вещи, которые в то или иное время были получены ею

от Эрленда. Она показала матери отделанный красным узором голубой бархатный плащ, в котором должна была ехать в церковь в день своей свадьбы. Мать стала его рассматривать со всех сторон, щупая материю и меховую подкладку.

– Это очень дорогой плащ, – сказала Рагнфрид. – Когда тебе Эрленд подарил его?

– Он подарил мне его, когда я жила в монастыре, – сказала дочь.

Сундук с приданым Кристин, которое мать начала собирать еще с того времени, когда дочка была совсем маленькой, был уложен заново. Весь он был разукрашен резьбой. Крышка его и стенки были покрыты квадратами, а в них изображены скачущие звери или птицы. Подвенечное платье дочери Рагнфрид переложил в один из своих собственных сундуков. Оно еще не было закончено, его начали шить лишь этой зимой. Было оно из алого шелка и скроено так, что сидело совсем в обтяжку. Кристин подумала, что теперь оно, пожалуй, будет ей слишком узко в груди.

К вечеру воз, уже совсем готовый и увязанный, стоял под навесом. Эрленд должен был ехать рано утром на следующий день.

Он стоял рядом с Кристин, опершись о калитку, и смотрел на север, где вся долина была затянута синевато-черными грозowymi тучами. В горах рокотал гром, но река и луга к югу от них были залиты желтым, жгучим солнечным светом.

– Помнишь грозу в тот день в лесу у Гердарюда? – тихо спросил он, играя ее пальцами.

Кристин кивнула головой и попробовала улыбнуться. Воздух был такой тяжелый и душный, голова у нее болела, и ее бросало в ног при каждом вздохе.

Лавранс подошел к стоявшим у калитки и заговорил о погоде; у них в приходе редко бывает, чтобы гроза причиняла какой-либо вред, но один Бог знает, не придется ли им потом услышать о несчастье с рогатым скотом или лошадьми где-нибудь в горах.

На холме у церкви было темно как ночью. При блеске молнии можно было различить нескольких лошадей, встревоженных и сбившихся в кучу около кладбищенских ворот. Лавранс высказал предположение, что это едва ли здешние лошади – скорее это табун из Довре, который пасется в горах ниже Йетты. Па всякий случай следует, пожалуй, пройти к церкви и взглянуть, прокричал он сквозь громовой раскат, нет ли там среди чужих и его лошадей!..

Страшная молния разорвала темноту у церкви, громовой удар прогремел и загрохотал, оглушая всех. Лошади поскакали во все стороны через луга под горою. Все трое осенили себя крестным знаменем.

...Опять сверкнула молния; казалось, небо разорвалось как раз над ними, громадное снежно-белое пламя полыхнуло на них – их бросило друг на друга, и они стояли с закрытыми ослепленными глазами, ощущая запах словно паленого камня, а потрясавший удар грома совершенно разорвал им уши.

– Святой Улав, помоги нам! – тихо сказал Лавранс.

– Смотрите, береза, береза! – закричал Эрленд. Большая береза на соседнем поле словно зашаталась, и вот огромный сук отделился от нее и рухнул на землю, оставив за собою огромную щель в стволе.

– Как думаете, не загорится ли она?.. Иисусе Христе! Горит церковная крыша! – закричал Лавранс.

Они не сводили взоров с церкви – нет! – да! – из-под дранок под коньком крыши пробивались красные языки пламени.

Оба мужчины бросились бежать через двор. Лавранс стремительно распахивал двери во все жилые помещения и кричал о пожаре; люди толпами выбегали наружу.

– Берите топоры, топоры! Плотничьи топоры! – кричал он. – И багры!.. – Он кинулся бежать к конюшне. И сейчас же снова вышел на двор, ведя за гриву Гюльдсвейна, вскочил на неоседланную лошадь и помчался к северу; в руке у него была секира. Эрленд поскакал вслед, все мужчины поспешили за ними, некоторые верхом, но иные не могли справиться с испуганными лошадьми, оставили их и побежали вперед. За ними побежала и Рагнфрид с женщинами, забрав ведра и жбаны.

Казалось, никто уже больше не замечал грозы. При блеске молнии видно было, что народ стремился потоком из всех жилищ, разбросанных в долине. Отец Эйрик уже подбегал по склону горы к самой церкви в сопровождении своих домочадцев. Мост внизу гремел под ударами лоша-

диных копыт – несколько парней промчались мимо; их бледные, полные ужаса лица были обращены к горящей церкви.

Дул легкий ветер с юго-востока. Огонь охватил всю северную стену; в церковные двери с западной стороны нельзя уже было пройти. Но пламя еще не охватило ни южной стороны, ни алтаря, ни хоров.

Кристин и другие женщины из Йорюндгорда пробежали на кладбище к югу от церкви, в том месте, где ограда была разрушена.

Огромное красное зарево освещало рошу к северу от церкви и место, где были коновязи. Тогда уже никто не мог пройти из-за страшного жара, там стоял только один крест, купавшийся в отблесках пламени. Казалось, он был живым и двигался.

Сквозь вой и рев пламени слышались громкие удары топоров по бревнам южной стены. В крытой галерее стояли мужчины, рубившие и молотившие по стенам, пока другие пробовали снести самое галерею. Кто-то крикнул женщинам из Йорюндгорда, что Лавранс с несколькими другими мужчинами проникли за отцом Эйриком внутрь церкви. Необходимо скорее прорубить отверстие в стене – уже и с этой стороны из-под дранок кровли начинали играть язычки пламени. Изменись только ветер или совсем стихни, и пламя сразу охватит всю церковь.

Нечего было и думать о том, чтобы потушить пожар, уже некогда было делать цепь до самой реки, но, по приказанию Рагнфрид, женщины все-таки выстроились в ряд и начали передавать воду из ручейка, протекавшего к западу у дороги, – воды хватило на то, чтобы обливать южную стену и мужчин, работавших там. Многие из женщин при этом громко рыдали от страха и волнения за людей проникших в здание, и горевали о гибели своей церкви.

Кристин стояла впереди всех в цепи женщин, передавая ведра; затаив дыхание, не отрывая взора, глядела она на церковь, где находились они оба – и отец и, наверное, Эрленд!

Сорванные с места колонны галереи лежали в куче бревен, дерева и кусков дранки с крыши притвора. Мужчины изо всех сил навалились на внутреннюю бревенчатую стену церкви – целая толпа людей подняла балку и громила ею стену.

Эрленд и один из его слуг вышли из маленькой южной двери, ведущей на хоры; они несли из ризницы большой сундук, на котором отец Эйрик обыкновенно сидел, выслушивая исповедь. Эрленд со слугою вывалили сундук на кладбище.

Кристин не расслышала, что кричал Эрленд; он побежал назад и опять скрылся в галерее. Он был ловким, как кошка, когда стремительно бежал к церкви, – сбросил с себя верхнее платье и остался только в рубашке, штанах и чулках.

Другие подхватили его крик – горело в ризнице и на хорах: никто уже не мог выйти из церкви через южную дверь – огонь преградил оба выхода. Две-три балки в стене были расщеплены, Эрленд схватил пожарный багор и стал срывать и разносить остатки балок. Таким образом было пробито отверстие в стене церкви; но другие кричали, чтобы Эрленд поостерегся, крыша может обрушиться и запереть тех, кто в церкви; теперь уже и на этой стороне деревянный настил крыши начал сильно разгораться, и жар становился невыносимым.

Эрленд бросился в образовавшееся отверстие и помог отцу Эйрику. Священник нес из алтаря полный подол священных сосудов.

За ним показался мальчик, закрывший лицо рукой и несший в другой руке наперевес высокий крест, который выносился во время крестного хода. Потом вышел Лавранс. Он закрывал глаза от дыма и шел, качаясь под тяжестью огромного распятия, которое нес в объятиях: оно было гораздо выше его.

Народ ринулся им навстречу и помог пройти на кладбище. Отец Эйрик споткнулся, упал на колени, и священные сосуды покатались по холму. Серебряный голубь раскрылся, и святые дары выпали на землю; священник поднял их, стряхнул с них пыль и поцеловал, громко рыдая; поцеловал он и позолоченную голову, которая всегда стояла над алтарем – в ней хранились волосы и ноги святого Улава.

Лавранс, сын Бьёргюльфа, все еще стоял, держась за распятие. Его рука лежала на перекладине креста, а голову он опустил на плечо Христу; казалось, будто спаситель склонил свое прекрасное грустное лицо к Лаврансу, утешая его...

Крыша начала уже не частям обрушиваться внутрь с северной стороны церкви – огромная головня от упавшей балки вылетела наружу и ударила в большой колокол в колоколенке у кладбищенских ворот. Колокол загудел глубоким рыдающим звуком, который замер в протяжном стане, утонувшем в реве пламени.

Никто за все это время не обращал внимания на непогоду, к тому же гроза продолжалась очень недолго, но люди и этого, очевидно, не заметили. Теперь молнии сверкали и гром грохотал далеко на юге долины, а дождь, шедший уже некоторое время, припустил; зато ветер совсем утих.

Но вдруг как будто огненный парус взвился вверх от самого фундамента – одно мгновение, и пламя с воем охватило всю церковь от одного конца до другого.

Народ кинулся бежать от всепожирающего жара. Эрленд в это мгновение очутился около Кристин и увлек ее вниз по холму. От Эрленда пахло гарью, и когда Кристин погладила его по голове и по лицу, то рука ее оказалась полна спаленных волос.

Они не слышали друг друга в реве пожара. Но Кристин увидела, что брови у Эрленда опалены до корней, на лице ожоги, а рубашка прожжена во многих местах. Эрленд смеялся, увлекая Кристин за собою, вслед за другими.

Народ провожал старого плачущего священника и Лавранса, несшего распятие.

В конце кладбища Лавранс поставил крест на землю, прислонив его к дереву, а сам присел на разрушенную ограду. Отец Эйрик уже сидел там, простирая руки к горящей церкви:

– Прощай, прощай, церковь Улава! Да благословит тебя Бог, моя церковь Улава, да благословит тебя Бог за каждый час, который я провел в тебе за песнопениями и богослужениями! Спокойной ночи, церковь моя, спокойной ночи!..

Прихожане громко плакали вместе с ним. Дождь лил как из ведра на толпы людей, но никто и не думал уходить. Казалось, дождь не мог заглушить огонь в просмоленной деревянной постройке – головни и горящие дранки разлетались во все стороны. Вскоре после этого в огонь обрушился конец церкви, подняв целый сноп взлетевших в небо искр.

Лавранс сидел, закрыв лицо одной рукой, другая лежала у него на коленях; Кристин увидела, что его рукав был окровавлен от плеча до самого низа и кровь текла по пальцам. Она подошла к отцу и дотронулась до его руки.

– Ничего, пустяки – что-то упало мне сверху на плечо, – сказал он, взглянув на дочь. Он был так бледен, что у него даже губы побелели. – Ульвхильд! – с болью прошептал он, глядя на пылающий костер.

Отец Эйрик услышал это и положил руку на его плечо.

– Это не разбудит твоего ребенка, Лавранс, она спит все так же крепко, хотя над ее ложем и пылает пожар! – сказал он. – Она не утратила прибежища для души своей, как мы все сегодня!

Кристин спрятала лицо на груди Эрленда и стояла неподвижно, чувствуя его руки, охватившие ее плечи. Потом она услышала, что отец спросил о жене.

Кто-то ответил, что у одной женщины от испуга начались роды; ее отнесли в усадьбу священника, и Рагнфрид пошла туда же.

Тогда Кристин снова вспомнила о том, что позабыла с той самой минуты, как они заметили, что церковь горит. Ей, наверное, не следовало бы смотреть на это! Южнее в долине жил один человек с красным пятном на пол-лица; говорили, что он родился таким, потому что его мать смотрела на пожар, когда носила его.

"Дорогая Пресвятая дева Мария! – взмолилась Кристин про себя. – Сделай так, чтобы это не причинило вреда моему ребенку!.."

Спустя день все прихожане были созваны на сходку на церковном холме – нужно было поговорить о восстановлении церкви.

Кристин навестила отца Эйрика в Румюндгорде, пока тот еще не ушел на сходку. Она спросила священника, не думает ли он, что ей нужно принять это за знамение свыше. Может быть, то Божья воля, чтобы она сказала, что она недостойна носить венец невесты; было бы приличнее отдать ее в жены Эрленду, сыну Никулауса, без почетного праздника.

Но отец Эйрик накинудся на нее, и глаза его загорелись гневом.

– Ты думаешь, Богу столько дела до того, как вы, суки, бегаєте и блудите, что он станет жи-

гать из-за тебя красивую честную церковь? Брось-ка ты свою гордыню и не причиняй матери и Лаврансу горя, от которого они не скоро оправятся! Если ты в самый торжественный день своей жизни принимаешь на себя венец недостойно, то тем хуже для тебя; но тем нужнее венчание и тебе и Эрленду, когда вы с ним соединитесь. У каждого человека есть свои грехи, за которые он должен ответить; вот, вероятно, почему на нас всех и обрушилось это несчастье. Постарайся, чтобы это послужило тебе уроком на будущее, и вместе с Эрлендом помоги нам отстроить снова церковь!

Кристин было подумала, что она ведь не рассказала о том самом тяжелом, что случилось с нею, но решила промолчать.

Она отправилась на сходку вместе с мужчинами. Лавранс пришел с рукой на перевязи, а у Эрленда на лице было много ожогов; на него просто страшно было смотреть, но он только смеялся. Больших ожогов у него не было, и он надеялся, что лицо не будет обезображено в день свадьбы. Он встал вслед за Лаврансом и обещал пожертвовать на церковь за себя четыре марки⁵⁹ серебра, а за свою невесту, с согласия Лавранса, – участок земли из приданого Кристин в этом приходе стоимостью в шестьдесят коров.

Эрленд должен был провести в Йорюндгорде целую неделю из-за своих ожогов. Кристин заметила, что Лаврансу после пожара зять как будто больше стал нравиться; казалось, мужчины теперь совсем подружились. И она подумала: быть может, отец так полюбит Эрленда, что когда придет время и он узнает, что они согрешили против него, он осудит их не слишком строго и не так уж тяжело примет это к сердцу, как она этого боялась.

VIII

Этот год выдался необыкновенно урожайным для всей долины. Сена было собрано много, и его удалось вовремя убрать с лугов; люди возвращались домой с сетеров с большими молочными скопами и с откормленным скотом – в этом году их даже и дикий зверь пощадил. Хлеб на полях стоял с таким наливным колосом, что мало кто из жителей мог припомнить такие хорошие хлеба, отлично вызревшие и тучные; и погода стояла наилучшая. Между днем святого Варфоломея и Рождеством Богородицы, когда больше всего приходится бояться ночных заморозков, прошли небольшие дожди, но погода стояла мягкая, облачная. Пора уборки урожая прошла при солнечной и ветреной погоде с теплыми туманными ночами. Спустя неделю после Михайлова дня большая часть хлеба была уже убрана по всему приходу.

В Йорюндгорде шла спешная работа по приготовлению к большому свадебному торжеству. За последние два месяца Кристин была каждый Божий день так занята с утра до вечера, что у нее оставалось мало времени печалиться и думать о чем-нибудь другом, кроме работы. Она заметила, что отяжелела в груди; маленькие розовые соски стали коричневыми и до боли чувствительными, особенно по утрам, когда надо было вставать по холоду. Но это проходило, когда она согревалась от работы, а потом она думала только о том, что ей надо было переделать до вечера. Когда время от времени приходилось выпрямлять спину, чтобы немного передохнуть, она чувствовала, что ноша в животе становится все тяжелее, но на вид Кристин по-прежнему была тонкой и стройной. Она проводила руками по своим длинным красивым бедрам. Нет, сейчас ей еще нечего горевать об этом! Случалось, она думала с чуть щемящей тоской: через месяц или около того она, вероятно, почувствует в себе жизнь... К этому времени она будет уже в Хюсабю. Может быть, Эрленд обрадуется... Она закрывала глаза, прикусывала зубами свое обручальное кольцо, и перед ней вставало лицо Эрленда, бледное от волнения, когда он стоял в верхней горнице и произносил громким и ясным голосом слова обручения:

"Так да будет мне свидетелем Бог и стоящие здесь мужи, что я, Эрленд, сын Никулауса, обручаюсь с Кристин, дочерью Лавранса, по закону Божескому и человеческому на тех условиях, которые были названы при стоящих здесь свидетелях. Что я буду владеть тобою, как своею женою, и ты будешь владеть мною, как своим мужем, пока мы живы; что мы будем жить вместе в

⁵⁹ То есть немного менее килограмма чистого серебра.

супружестве со всем тем согласием, которое предначертано законами Бога и нашей страны".

Она бежала по какому-то делу из одного дома в другой и остановилась на мгновение: в этом году уродилось столько рябины – будет снежная зима. А солнце светило на поблекшие поля, где стояли снопы на высоких шестах. Дай-то Боже, чтобы такая погода продержалась на все время свадьбы!

Лавранс непоколебимо стоял на том, чтобы его дочь венчалась в церкви. Поэтому порешили, что бракосочетание будет совершено в часовне в Сюдбю. Свадебный поезд отправится в субботу через горы в Вога, все переночуют в Сюдбю и в близлежащих усадьбах, а в воскресенье после венчания тронутся назад. В тот же вечер после вечерни, когда минует праздник, будет отпразднована свадьба, и Лавранс передаст свою дочь Эрленду. А после полуночи жениха с невестой поведут укладывать в постель.

В пятницу к вечеру Кристин стояла на галерее перед верхней горницей и смотрела на толпу людей, ехавших с севера, мимо сгоревшей церкви на холме. Это был Эрленд со своими поезжанами. Она напрягала зрение, чтобы разглядеть его среди других. Им нельзя было больше видаться, – теперь никто из мужчин не может ее видеть до завтрашнего дня, когда ее выведут в подвенечном наряде.

Там, где дорога сворачивала к Йорюндгорду, от толпы отделилось несколько женщин. Мужчины поехали дальше в Лэугарбру; эту ночь они должны были провести там.

Кристин сошла вниз, чтобы встретить прибывших. Она чувствовала себя такой усталой после омовения, и кожа на голове у нее болела, – мать вымыла ей волосы в очень крепком щелоке, чтобы они были как можно светлее назавтра.

Фру Осхильд, дочь Гэуте, соскользнула с седла на руки Лавранса. "До чего молодо и легко она держится", – подумала Кристин. Ее невестка, жена господина Мюнана, Катрин, выглядела чуть ли не старше ее – она была рослая, тучная, с бесцветной кожей и глазами. "Как странно, – подумала Кристин. – она безобразна, и он ей неверен, и все-таки про них говорят, что они живут хорошо!" Кроме них, приехали еще две дочери Борда, сына Петера, одна замужняя и другая девица. Они не были ни безобразны, ни красивы, по виду казались очень милыми и добрыми. но держали себя с чужими несколько принужденно. Лавранс вежливо поблагодарил их, что они пожелали оказать такую честь свадьбе его дочери и пустились в столь длинную дорогу поздней осенью.

– Эрленд воспитывался у нашего отца, когда был мальчиком, – сказала старшая сестра, подошла к Кристин и поздоровалась с нею.

В это время во двор быстрой рысью въехали двое юношей; они спрыгнули с лошадей и, смеясь, погнались за Кристин, которая вбежала в дом и спряталась там. Это были юные сыновья Тронда Йеслинга, красивые и многообещающие юноши. Они привезли с собой из Сюдбю в ларце невестин венец. Тронд с женой должны были приехать в Йорюндгорд только в воскресенье после обедни.

Кристин убежала в старую горницу с очагом; фру Осхильд прошла за нею следом, положила руки ей на плечи и притянула ее лицо к своему для поцелуя.

– Я рада, что дожидая до этого дня! – сказала фру Осхильд. Взяв Кристин за руки, она увидела, как они похудели. Увидела, что невеста и вообще похудела, но грудь у нее стала высокой. Все черты ее лица стали тоньше и красивее, чем прежде, виски казались несколько впалыми в тени тяжелых влажных кос. Щеки не были уже такими округлыми, а свежий цвел кожи поблек. Но глаза у Кристин стали гораздо больше и темнее. Фру Осхильд снова поцеловала ее.

– Я вижу, Кристин, тебе пришлось туго! – сказала она. – Сегодня вечером ты получишь от меня питье и встанешь завтра отдохнувшей и свежей.

Губы Кристин начали дрожать.

– Ш-шш... – сказала фру Осхильд, похлопав ее по руке, – я так радуюсь тому, что завтра буду наряжать тебя, – никто никогда еще не видел такой красавицы невесты, какой ты будешь завтра!

Лавранс поехал в Лэугарбру поужинать вместе со своими гостями, которые остановились там.

Мужчины не могли вдоволь нахвалиться предложенной им едой – лучшего угощения, при-

личествующего пятнице, никто не получил бы даже и в самом богатом монастыре! Была подана каша из ржаной муки, вареные бобы, белый хлеб, а на рыбное подавали только форель, соленую и свежую, и жирную палтусину.

Но мере того как мужчины пили пиво, они становились все веселее и веселее и все грубее и грубее подшучивали над женихом. Все дружки Эрленда были гораздо моложе его – его ровесники и друзья давно уже были женатыми людьми. И теперь мужчины шутили над тем, что Эрленд уже такой старик, а ему приходится впервые ложиться в постель к невесте. Некоторые из пожилых родителей Эрленда, еще довольно трезвые, сидели в большом страхе, следя за каждым произнесенным словом, боясь, что разговор сейчас коснется таких вещей, которых лучше бы не затрагивать. Господин Борд из Хестнеса не сводил глаз с Лавранса. Тотпил часто, сидя на своем хозяйском почетном месте, но, по-видимому, пиво его не веселило; лицо его темнело по мере того как взор становился все более и более тяжелым. Но Эрленд, сидевший по правую руку от тестя, шутливо и весело отвечал на насмешки и много смеялся; лицо его было красно, и глаза блестели.

Вдруг Лавранса будто прорвало:

– А где повозка, зять, – пока я не забыл, – куда ты девал ту повозку, что я одолжил тебе этим летом?..

– Повозку?.. – сказал Эрленд.

– Или ты уже забыл, что взял у меня летом займы повозку?.. Видит Бог, это была такая хорошая повозка, что лучшей мне никогда не увидеть, ведь я сам присматривал за тем, как ее делали у меня в кузнице! Ты обещал и клялся, призываю Бога в свидетели, да и все мои домочадцы знают, что ты обещал мне доставить повозку обратно, но не сдержал своего слова!..

Некоторые из гостей закричали, что об этом, право, не стоит теперь говорить, но Лавранс ударил кулаком по столу и поклялся, что он узнает, что сделал Эрленд с его повозкой.

– Да она стоит, вероятно, в той усадьбе на мысу, где мы достали лодку для переезда на остров Везй, – равнодушно сказал Эрленд. – Я не думал, что это так уж важно! Видите ли, тесть, дело в том, что поездка через долины с нагруженным возом была очень трудной и долгой, поэтому, когда мы наконец добрались до фьорда, то ни одному из моих слуг не захотелось пускаться в обратную дорогу с повозкой, а потом снова пробираться через горы на север к Тро ндхей мской области. Тогда я подумал, что пока, пожалуй, ее можно будет и оставить...

– Нет, черт меня побери совсем, если я когда-либо слышал от кого-нибудь такие речи! – вспылil Лавранс. – Что это за порядок у тебя в доме? Кто там решает, ты или твои слуги, куда им надо ехать и куда не надо?..

Эрленд пожал плечами.

– Это правда, многое у меня в доме было не таким, каким должно было бы быть! Повозку я отошлю теперь вам обратно, когда мы с Кристин будем проезжать через те места. Дорогой мой тесть, – сказал он улыбаясь и протягивая Лаврансу руку, – знайте, что теперь все у меня пойдет совершенно иначе, да и сам я переменюсь, когда введу Кристин хозяйкою к себе в дом! Нехорошо вышло с повозкой. Но обещаю вам: в последний раз я дал вам повод сердиться на меня!

– Дорогой Лавранс, – попросил Борд, сын Петера, – примиритесь же с ним в таком пустячном деле!..

– Пустячное дело или не пустячное... – начал было Лавранс. Но сдержал себя и пожал руку Эрленду.

Немного спустя он подал знак вставать, и гости разбрелись на ночлег.

В субботу до полудня женщинам и девушкам пришлось много поработать в старом стабюре. Одни устраивали брачную постель, другие наряжали и украшали невесту.

Рагнфрид выбрала именно это помещение для новобрачных, отчасти потому что этот стабюр был самым маленьким – можно было поместить гораздо больше гостей в новой постройке, а эта и самим им служила летом спальней, когда Кристин была еще маленькой, пока Лавранс не выстроил нового большого дома, в котором они жили теперь и зиму и лето. Но, кроме того, старый стабюр был, пожалуй, самой красивой постройкой во всем дворе, с тех пор как Лавранс починил ее, – она совсем уже разрушалась, когда они переехали в Йорюндгорд. Постройка была украшена отличной резьбой по дереву и снаружи и внутри; и хотя верхняя горница была невелика, но тем легче было

обтянуть и красиво убрать ее коврами, занавесками и шкурами.

Брачная постель стояла уже совсем готовой, с подушками в шелковых наволочках; красивые ковры были развешаны вокруг нее в виде полога; поверх шкур и простыней было разостлано вышитое шелковое покрывало. Рагнфрид и еще несколько женщин завешивали бревенчатые стены коврами и раскладывали на скамьях подушки.

Кристин сидела в большом кресле, которое нарочно принесли сюда. Она была одета в алое подвенечное платье. Большие застёжки скрепляли его на груди, закрывая вырез ворота желтой шелковой рубашки; золотые браслеты блестели на желтых шелковых рукавах. Золоченый серебряный пояс обвивался три раза вокруг ее стана, а на шее и на груди были надеты в несколько рядов бесчисленные цепочки, и поверх всех – старая отцовская золотая цепь с большим крестом с частицей мощей. Руки, лежавшие у нее на коленях, были тяжелы от колец.

Фру Осхильд стояла за креслом, расчесывая щеткой тяжелые золотисто-каштановые волосы Кристин.

– Завтра ты распустишь их в последний раз! – сказала она улыбаясь и обвила голову Кристин красными и зелеными шелковыми лентами, которые должны были поддерживать венец. И вот женщины столпились вокруг невесты.

Рагнфрид и Гюрид из Скуга взяли со стола большой свадебный венец, принадлежащий роду Йеслинггов. Венец был сплошь вызолочен, зубцы его оканчивались попеременно то крестами, то трилистниками, а обруч был весь усажен горными хрусталями.

Они плотно надели его на голову невесты. Рагнфрид была бледна, руки ее дрожали, когда она это делала.

Кристин медленно встала. Господи Иисусе, как тяжело носить на себе все это золото и серебро!.. Тут фру Осхильд взяла ее за руку и подвела к большой кадке с водой, а подружки распахнули двери, чтобы солнечные лучи осветили горницу.

– Посмотри теперь на себя, Кристин, – сказала фру Осхильд, и Кристин нагнулась над кадкой. Она разглядела свое собственное бледное лицо, поднимающееся из воды; оно было так близко, что Кристин видела над ним золотой венец. Вокруг него на зеркальной поверхности шевелилось много светлых и темных теней, – что-то ей почти уже вспомнилось, но тут ей показалось, что она сейчас лишится чувств, – она схватилась за край кадки. Тогда фру Осхильд положила свою руку на руку Кристин и так больно вонзила ей в тело ногти, что Кристин пришла от этого в себя.

Внизу у моста послышался звук рога. Со двора закричали наверх, что едет жених со своей свитой. Женщины вывели Кристин на галерею стабюра.

Во дворе волновалось море красиво разукрашенных лошадей и празднично одетых людей, сверкая и блестя на солнце. Кристин устремила взор поверх всего этого в глубину долины. Родной поселок лежал светлый и тихий, в тонкой голубовато-гуманной дымке; прямо из нее поднимались вверх горы, серые от каменистых круч и черные от лесов, а солнце с безоблачного неба заливало своим светом всю чашу долины.

Кристин раньше как-то не обращала внимания, что листва уже опала с деревьев и рощи отливали сероватым серебром и стояли обнаженные. Только ольшаник вдоль реки сохранял еще немного поблекшей зелени на самых высоких ветвях, да кое-где на крайних ветках березок держалось несколько бледно-желтых листьев. Но другие деревья стояли почти голыми – только рябина все еще пестрела коричневатой-красной листвой вокруг кроваво-красных гроздей. День выдался безветренный и теплый, и кисловатый аромат осени исходил от стлавшегося повсюду пепельно-серого ковра опавших листьев.

Если бы не рябина, то можно было бы принять этот день за ранний весенний. Такая же тишина... Но нет, было тихо по-осеннему, так тихо!.. Каждый раз, когда замолкал рог, по поселку не разносилось ни звука, кроме позвякивания колокольчиков на пожнях и покосах, где паслась скотина.

Река сузилась и обмелела, утих ее шум; только несколько узких струй быстро бежало между песчаными наносами и громадными плитами белых, обточенных водою камней. С горных склонов не слышно было журчания ручьев – осень была такая сухая. И все же все поля кругом влажно блестели, но это была лишь та влага, что выступает осенью на поверхность земли, как бы дни ни были

теплы, а воздух ясен.

Толпа внизу, во дворе, раздалась в стороны, очищая место для свиты жениха. Молодые дружки как раз в это время выезжали вперед; среди женщин на галерее началось волнение.

Фру Осхильд стояла рядом с невестой.

– Возьми себя в руки, Кристин, – сказала она, – теперь уже недолго до того, как ты будешь в безопасности под бабьим платком!

Кристин беспомощно кивнула головой. Она чувствовала, каким, наверное, до ужаса бледным было у нее лицо.

– Я, должно быть, слишком бледна для невесты! – тихо сказала она.

– Ты прекраснейшая из невест! – отвечала Осхильд. – А вот едет Эрленд – красивей вас с ним, пожалуй, не найти.

Теперь и сам Эрленд подъехал к галерее. Он легко спрыгнул с лошади, держась свободно и не чувствуя стеснения от тяжелой развевающейся одежды. Он показался Кристин таким красивым, что она почувствовала боль во всем теле.

Он был одет во все темное – на нем был длинный, ниже колен, шелковый кафтан цвета увядших листьев, с разрезами по бокам, затканый черным и белым узором. Стан его был охвачен золототканым кушаком, а у левого бедра висел меч, рукоятка которого и ножны были отделаны золотом. За плечами на спину спускался тяжелый темно-синий бархатный плащ, а на черные волосы была надета черная французская шапочка, которая образовывала по обеим сторонам головы большие стоячие складки в виде крыльев, оканчивавшихся двумя длинными концами; один из них был переброшен от левого плеча через грудь назад, за правое плечо.

Эрленд приветствовал свою невесту, потом подошел к приготовленной для Кристин попади и остановился около нее, положив руку на седло, пока Лавранс поднимался вверх по лестнице. Кристин стало не по себе, к у нее голова закружилась от всего этого великолепия – отец выглядел таким чужим в своей праздничной зеленой бархатной одежде, спускавшейся ниже колен. А лицо матери, на которой было красное шелковое платье, казалось пепельно-серым под полотняной повязкой. Рагнфрид подошла к дочери и закутала ее в плащ.

И вот Лавранс взял невесту за руку и свел ее вниз к Эрленду. Тот посадил ее на лошадь и, в свою очередь, вскочил в седло. Оба они держались рядом перед стабюром, отведенным для новобрачных, пока свадебный поезд постепенно выезжал со двора через ворота. Прежде всего священники: отец Эйрик, отец Турмуд из Ульвсволда и один священник-монах из Хамара, друг Лавранса. Потом тронулись дружки и подружки попарно. Наконец пришла очередь и им с Эрлендом выезжать со двора. Вслед за ними ехали родители невесты, родичи, друзья и гости, растянувшиеся длинной вереницей между плетнями к проезжей дороге. На далекое расстояние путь их был усыпан кистями рябины, ельником и последними, осенними, белыми ромашками; народ стоял вдоль всей дороги, по которой проезжал свадебный поезд, приветствуя его громкими криками.

В воскресенье, сейчас же после заката солнца, свадебный поезд вернулся в Йорюндгорд. Сквозь первые тени надвигавшихся сумерек просвечивали красные пятна костров, разложенных на дворе. Гудочки и игрецы пели, били в барабаны, пока толпа поезжан подъезжала к жаркому красному зареву.

Ноги у Кристин подкосились, когда Эрленд снял ее с лошади перед лестницей на галерею верхней горницы.

– Я так озябла, когда мы ехали через горы, – прошептала она, – и так устала!.. – Она постояла немного и когда поднималась по лестнице в верхнюю горницу, то шаталась на каждой ступеньке.

Наверху замерзшие свадебные гости скоро отогрелись – было очень жарко от горевших в горнице бесчисленных свечей; гостей обносили горячим, дымящимся кушаньем, а вино, мед и крепкое пиво ходили вкруговую. Гул голосов и громкое жевание отдавались далеким рокотом в ушах Кристин.

Она все никак не могла согреться. Спустя некоторое время у нее начали гореть щеки, но ноги не хотели оттаивать, и по спине пробегала холодная дрожь. Кристин сидела на почетном месте рядом с Эрлендом, невольно наклоняясь вперед под тяжестью всех надетых на нее золотых укра-

шений.

Каждый раз, как жених пил за ее здоровье, она не могла отвести взор от красных пятен и полос, резко выступавших на лице Эрленда теперь, тогда он стал согреться после езды по холоду. Это были следы ожогов, оставшихся еще с лета.

Вчера вечером ее охватил невероятный страх, когда они ужинали в Сюдбю и она встрети-лась взором с потухшим взглядом Бьёрна, сына Гюннара, устремленным на нее и на Эрленда, – глаза его не мигали и не двигались. Господина Бьёрна вырядили в рыцарское платье – он выглядел в нем словно мертвец, возвращенный к жизни заклинаниями.

Ночью она лежала вместе с фру Осхильд – та была из всех свадебных гостей ближайшей родственницей жениха.

– Что с тобою, Кристин? – сказала фру Осхильд немного раздраженно. – Уж додержишься до конца и не падай так духом!..

– Я думаю, – дрожа сказала Кристин, – обо всех тех, кому мы причинили зло, чтобы дожить до этого дня...

– Вам и самим-то тоже жилось не очень хорошо, – сказала фру Осхильд. – Во всяком случае, Эрленду! А тебе, пожалуй, было еще хуже!

– Я думаю о его незащитных детях, – сказала невеста все так же, – мне хотелось бы знать, известно ли им, что их отец справляет сегодня свадьбу.

– Думай о собственном ребенке, – сказала Осхильд. – Будь рада, что празднуешь свадьбу с его отцом!

Кристин некоторое время лежала молча, словно проваливаясь в пропасть головокружения. Было так странно слышать о том, что наполняло ее мысли каждый божий день на протяжении с лишком трех месяцев и о чем она не могла произнести ни слова ни одной живой душе. Но это по-могло ей только на короткое время.

– Я думаю о той, которой пришлось поплатиться жизнью за любовь свою к Эрленду, – про-шептала она дрожа.

– Ты сама можешь поплатиться жизнью еще до того, как станешь на полгода старше! – резко ответила фру Осхильд. – Радуйся же, пока можешь!.. Что же мне сказать тебе, Кристин, – вымол-вила старуха в отчаянии, – или ты теперь совершенно потеряла мужество? В свое время от вас по-требуют, чтобы вы расплатились за все, что вами взято от жизни, можешь не беспокоиться!..

Но Кристин чувствовала, что все рушилось в ее душе, обвал за обвалом сносил ту постройку, которую она возвела после того ужасного дня в Хэуге. В то первое время она слепо и безумно ду-мала о том, чтобы продержаться еще, чтобы продержаться еще хоть один лишний день. И она продержалась, пока наконец не стало легче, а потом и совсем легко, когда она отбросила от себя все мысли, кроме одной: наконец-то наступает день их свадьбы, свадьбы с Эрлендом!

Они с Эрлендом стояли рядом на коленях во время службы. Но все казалось Кристин каким-то видением: свечи, картины, отблески на сосудах, священники в белых полотняных одеждах и коротких накидках. Кристин словно во сне видела всех этих людей, которые знали ее в ее прежней жизни и стояли теперь тут, рядом; в своих непривычно праздничных нарядах, переполняя всю церковь. А господин Бьёрн стоял, прислонясь к колонне, и смотрел на брачащихся своим мертвым взором – Кристин чудилось, что и другой мертвец должен был бы появиться вместе с ним, рука об руку!

Кристин сделала попытку смотреть на изображение святого Улава – он стоял белый, румя-ный и прекрасный, опираясь на секиру и попирая ногами свое собственное грешное человеческое естество, – но господин Бьёрн невольно притягивал к себе ее взгляд. А рядом с ним она видела мертвое лицо Элины, дочери Орма, – равнодушно глядела она на них. Они растоптали ее для того, чтобы прийти сюда, и она уступала им путь!

Мертвая поднялась и сбросила с себя все камни, которыми Кристин так старалась завалить ее могилу. Растрченная молодость Эрленда, его честь и благополучие, расположение друзей, спасение его души... Мертвая стряхнула с себя все это. "Он хотел обладать мною, а я хотела обладать им, ты захотела обладать им, и он захотел обладать тобою! – говорила Элина. – Я поплатилась, и он поплатится, и ты поплатишься, когда придет твое время. Когда грех совершен, то он порождает

смерть..."

Кристин казалось, что они с Эрлендом стоят на коленях на холодном камне. Эрленд с красными пятнами ожогов на бледном лице преклонил колени, она стояла на коленях с тяжелым брачным венцом на голове, чувствуя во чреве глухую давящую тяжесть – бремя греха, которое она носила. Она играла и носилась со своим грехом, измеряла его величину, словно в детской игре... Пресвятая дева, ведь скоро наступит время, когда он будет лежать перед нею уже выношенным, будет смотреть на нее живыми глазами, показывать ей огненные знаки греха, отвратительное уродство греха, с ненавистью бить искалеченными руками в грудь своей матери! Когда она родит ребенка, когда она увидит на нем знаки греха и полюбит его, как полюбила свой грех, тогда игра будет доиграна до конца.

Кристин подумала: а что, если закричать сейчас так, чтобы крик врезался в низкие мужские голоса, поющие обедню, и прозвучал эхом над толпою?.. Исчезнет ли тогда лицо Элины, появится ли жизнь в глазах мертвецов? Но она крепко стиснула зубы.

"...Святой Король Улав, я взываю к тебе! Тебя одного из всех, восседающих на небесах, прошу я, ибо знаю, что ты возлюбил справедливость Божию превыше всего! Я призываю тебя, чтобы ты простер руку свою над невинным, находящимся в утробе моей! Отврати гнев Божий от невинного, обрати его на меня, аминь, во имя святого короля!.."

"Мои ведь дети, – говорила Элина, – тоже невинны, а для них нет места в стране, где живут христиане! Твой ребенок зачат в беззаконии, как и мои! Не можешь ты требовать для него никаких прав в той стране, откуда ты сама ушла, как и я не могла требовать прав для своих детей!.."

"...Святой Улав, я все же прошу о милосердии! Вымоли у Бога милости для моего сына, возьми его под свою защиту, тогда я босая пойду с ребенком на руках в твою церковь, и снесу тебе свою золотую мишуру, и возложу ее на твой алтарь, если только ты захочешь помочь мне, аминь!.."

Лицо у нее застыло и стало будто каменным: так старалась она совладать с собой и успокоиться, но все тело ее дрожало и трепетало, пока она стояла на коленях и ее венчали с Эрлендом.

И вот она сидела вместе с Эрлендом дома на почетном месте, и все кругом казалось ей видением в лихорадочном бреду.

В горнице звучали арфы и виолы играцов, и из нижней горницы и со двора тоже доносились пение и музыка. Красный отсвет огней проникал в дом, когда открывались двери и вносилось или выносилось кушанье или питье.

И вот все поднялись из-за стола. Кристин стояла между отцом и Эрлендом. Отец громким голосом объявил во всеуслышание, что теперь он отдал в жены Эрленду, сыну Никулауса, свою дочь Кристин. Эрленд поблагодарил тестя, поблагодарил и всех добрых людей, собравшихся здесь, чтобы почтить его с женой.

Кристин сказали, что теперь надо сесть, и Эрленд положил ей на колени свадебные подарки. Отец Эйрик и господин Мюнан, сын Борда, развернули грамоты и прочли, как распределяется имущество новобрачных. Пока читались грамоты и выкладывались на стол подарки и мешки с деньгами, дружки, стоявшие вокруг с копьями в руках, ударяли древками об пол.

Когда принесенные в горницу столы были убраны, Эрленд вывел Кристин на середину, и они протанцевали.

Кристин подумала:

"Наши дружки слишком молоды для нас; все, кто были молоды вместе с нами, уже уехали из этих мест; как же это мы снова вернулись сюда?.."

– Ты такая странная, Кристин, – прошептал Эрленд во время танца. – Я боюсь за тебя, Кристин, или ты не рада?..

Они переходили из дома в дом, приветствуя своих гостей. Во всех горницах горело много свечей, и всюду было полно людей, которые пили, пели и танцевали. Кристин казалось, что она не узнает своего родного дома и она утратила всякое понятие о времени – часы и образы смутной, разрозненной вереницей проносились перед нею.

Осенняя ночь была тепла; на дворе тоже играла музыка, и народ танцевал вокруг костра. Раздались крики, что жених с невестой должны оказать и им честь, и Кристин протанцевала с Эр-

лендом на холодном, покрытом росой дворе. Она словно очнулась и немного пришла в себя от этого, и в голове у нее прояснилось.

Вдали над журчащей рекой плавала во мраке светлая полоса тумана. Горы рисовались угольно-черной стеной на усыпанном звездами небе.

Эрленд увлек Кристин в сторону от танцующих и крепко прижал к себе в темноте под одной из галерей.

– Я даже не успел еще ни разу сказать тебе, что ты так прекрасна, так прекрасна и так мила! Щеки твои пылают огнем... – С этими словами он прижался к ее щеке. – Кристин, что с тобою?

– Я так устала, так устала, – прошептала она в ответ.

– Теперь мы скоро пойдем спать, – сказал жених и взглянул на небо. Млечный Путь повернулся и шел теперь почти прямо с севера на юг. – Вспомни, что мы не спали друг с другом с той единственной ночи, которую я провел у тебя в твоей светелке в Скуге...

Немного спустя отец Эйрик крикнул во двор, что настал понедельник. Женщины подошли к невесте, чтобы вести ее на брачное ложе, – Кристин так устала, что почти не в состоянии была противиться, как полагалось ей ради приличия. Она позволила фру Осхильд и Гюрнд из Скуга взять и повести себя из верхней горницы. Дружки стояли у подножия лестницы с горящими факелами и обнаженными мечами; они окружили кольцом толпу женщин и повели Кристин через двор наверх, в старый стабюр.

Женщины принялись снимать с нее подвенечные наряды, одну вещь за другою, откладывая в сторону. Кристин увидела, что в ногах кровати висит лиловое бархатное платье, которое она должна будет надеть завтра, а сверху на нем лежит длинный, снежно-белый, красиво сложенный, полотняный плат. Это был бабий головной убор, который Эрленд привез с собою для нее; завтра она должна будет связать свои волосы узлом и покрыть их этой повязкой. От нее веяло такой свежестью, прохладой и покоем.

Наконец Кристин очутилась перед брачной постелью, босиком, с обнаженными руками, одетая только в длинную золотисто-желтую рубашку, доходившую до самых щиколоток. Женщины снова надели на нее венец; его должен будет снять с нее жених, когда они останутся вдвоем.

Рагнфрид положила руки на плечи дочери и поцеловала ее в щеку – лицо и руки матери были странно холодными; казалось, где-то в самой глубине груди ее душили слезы. Затем она раскрыла постель и велела невесте сесть в нее. Кристин послушалась и прислонилась спиной к горке шелковых подушек в изголовье – ей пришлось слегка наклонить вперед голову, чтобы удержать на ней венец. Фру Осхильд закрыла ее до пояса одеялом, положив ее руки на шелковое покрывало и, собрав блестящие волосы невесты, перекинула их ей на грудь и обнаженные хрупкие плечи.

Мужчины ввели в горницу жениха. Мюнан, сын Борда, снял с Эрленда золотой пояс с мечом; вешая его на стену над кроватью, он шепнул что-то невесте; Кристин не поняла, что он сказал, но улыбнулась ему как можно приветливее.

Дружки развязали на Эрленде шелковую одежду и сняли с него через голову тяжелый, длинный кафтан. Эрленд сел в кресло, и ему помогли снять шпоры и сапоги..

Один-единственный раз осмелилась невеста поднять свой взор и встретить его взгляд.

Потом начались пожелания спокойной ночи. Горница опустела, гости уходили один за другом. Последним вышел Лавранс, сын Бьёргюльфа, и запер дверь в спальню новобрачных.

Эрленд поднялся с места, сорвал с себя нижнее платье и бросил его на скамейку. Подойдя к кровати, он снял венец и шелковые ленты с головы Кристин и положил их на стол. Потом вернулся назад и взобрался на кровать. И, встав на колени на ложе около Кристин, он схватил ее за голову, прижал ее к своей обнаженной горячей груди и стал осыпать лоб поцелуями вдоль красного рубца, оставленного венцом.

Она обняла его за плечи и громко зарыдала, почувствовав со сладкой и дикой силой, что теперь растаяли и исчезли без следа все ужасы и привидения – теперь, теперь она с ним снова вдвоем! Он на мгновение поднял ее голову, взглянул в лицо Кристин и провел рукою и по ее лицу и по всему телу, странно поспешно и грубо, словно срывая какой-то покров.

– Забудь! – взмолился он жарким шепотом. – Забудь все, моя Кристин, все, кроме того, что ты моя жена, а я муж твой!

Он потушил рукой пламя последней свечи, бросился во мраке на ложе рядом с Кристин и тоже громко зарыдал:

– Я никогда не верил, никогда за все эти годы, что мы доживем до этого дня!..

Шум во дворе стал мало-помалу стихать. Гости, усталые от дневного переезда и ошалевшие от вина и пива, некоторое время еще бродили кругом из приличия, но все больше их расходилось потихоньку в поисках мест, приготовленных им для ночлега.

Рагнфрид провожала наиболее почетных гостей в отведенные для них помещения и желала им спокойной ночи. Мужа, который должен был помогать ей в этом, она не видела нигде.

На темном дворе оставалось всего лишь несколько небольших кучек молодежи – больше слуг и служанок, когда наконец Рагнфрид выскользнула из дому, чтобы найти мужа и уложить его с собой в постель. Она видела, что к концу вечера Лавранс сильно опьянел.

В конце концов она споткнулась о мужа, пробираясь в поисках за ним по другую сторону скотного двора, – Лавранс лежал лицом вниз на траве за баней.

Пошарив рукой в темноте, она опознала: да, это он! Рагнфрид решила, что он спит, взяла его за плечи и хотела поднять с холодной, как лед, земли. Но он не спал, во всяком случае не совсем спал.

– Что тебе надо? – спросил он, тяжело ворочая языком.

– Нельзя здесь лежать, – сказала жена. Она стала поддерживать его, пока он, шатаясь, вставал с земли. Другой рукой она счищала грязь с его бархатной одежды. – Нам тоже пора идти спать, муж мой! – Она взяла нетвердо державшегося на ногах мужа под руку и повела его по направлению к дому; они шли вдоль задних стен хлевов и конюшен.

– Ты-то не подымала глаз, Рагнфрид, когда сидела в венце на брачной постели, – сказал он прежним голосом. – Наша дочь не такая скромная, ее глаза не были скромными, когда она глядела на своего жениха!

– Она ждала его три с половиной года, – тихо сказала мать. – И понятно, что она осмелилась поднять взор...

– Да, черта с два! Ждали они, как же! – закричал отец, а жена испуганно зашикала на него.

Они очутились в узком проходе между задней стеной отхожего места и плетнем. Лавранс ударил кулаком в нижнюю балку, перекинутую через яму.

– Я положил тебя сюда на позор и посмешище, бревно! Я положил тебя сюда, чтобы нечистоты развели тебя! Я положил тебя сюда в наказание за то, что ты убило мою маленькую ненаглядную девочку! А надо было положить тебя над дверью моей самой лучшей горницы, и почтить, и отблагодарить тебя, украсив дорогою резьбой, за то, что ты спасло мою дочь от стыда и горя, за то, что благодаря тебе моя Ульвхильд умерла невинным ребенком!..

Он повернулся, пошел, шатаясь, вдоль плетня, упал на него и залился горячими слезами, прерывая рыдания глубокими и протяжными стонами.

Жена обняла его за плечи.

– Лавранс, Лавранс! – Но не могла успокоить его. – Муж мой!..

– Ах, никогда, никогда, никогда не надо было бы мне отдавать ее этому человеку! Господи Боже, я ведь все время знал это! Он сокрушил ее молодость и ее драгоценную честь! Я не верил в это, да мог ли я думать так о Кристин? Но все же знал это! Все же она слишком хороша для этого слабовольного человека, который испортил жизнь и себе и ей; и хотя бы он десять раз соблазнил ее, мне ее все-таки не надо было отдавать ему, чтобы он продолжал еще портить ей жизнь и губить ее счастье!

– Что же тут оставалось делать, – сказала мать упавшим голосом. – Ты ведь тоже понимаешь, что она уже принадлежала ему?..

– Да, очень мне было надо подымать столько шума, чтобы отдать Эрленду то, что он уже сам взял! – сказал Лавранс. – Нечего говорить, отличного мужа она получила, моя Кристин!.. – Он рванул плетень. Потом снова зарыдал. Рагнфрид показалось, что он было немного протрезвился, но теперь хмель снова ударил ему в голову.

Муж был так пьян и в таком отчаянии, что Рагнфрид сочла невозможным вести его в старую горницу, где они должны были почивать, – горница была полна гостей. Она огляделась по сторо-

нам – неподалеку стоял сарайчик, куда складывалось лучшее сено для корма лошадей во время весенних работ. Рагнфрид подошла к сараю и заглянула в него – там никого не было; тогда она отвела туда мужа и закрыла за собой дверь,

Рагнфрид подгрестила сено вокруг себя и мужа и покрыла сверху плащами. Лавранс то и дело начинал плакать и что-то говорил, но так неясно и смутно, что Рагнфрид не могла добраться до смысла. Немного спустя она приподняла его голову и положила к себе на колени.

– Милый мой муж, раз уж они так полюбили друг друга, то, может, все пойдет лучше, чем мы предполагаем...

Лавранс отвечал прерывающимся голосом – в голове у него как будто опять прояснело:

– Или ты не понимаешь, – он теперь приобрел над нею полную власть, он, который никогда не мог совладать с самим собою. Трудно ей будет набраться сил и воспротивиться в чем-либо воле своего мужа, а если придется когда-нибудь это сделать, то она сама испытает при этом горчайшие муки – моя мягкая, добрая девочка... Я скоро уж откажусь понимать, за что Бог налагает на меня так много тяжелых испытаний – я всегда старался быть ему верным и исполнять его волю. Зачем он отнял у нас наших детей, Рагнфрид, одного за другим, – сперва сыновей, потом маленькую Ульвхильд? И вот теперь я отдал ту, которую любил больше всех, отдал без чести ненадежному и неразумному человеку? Ныне у нас остается только одна наша малютка, и мне думается теперь, что будет глупо с моей стороны радоваться на нее, пока я не увижу, каково-то сложится ее жизнь – жизнь Рамборг.

Рагнфрид дрожала как лист. Тогда муж обнял ее за плечи.

– Ложись, – попросил он, – будем спать!.. – И, положив голову жене на руку, полежал немало, вздыхая время от времени, пока наконец не заснул.

В сарае все еще стояла непроницаемая тьма, когда Рагнфрид пошевелилась – с удивлением она поняла, что спала. Она стала шарить вокруг себя. Лавранс сидел, охватив колени руками.

– И ты уже проснулся? – удивленно спросила она. – Тебе холодно?

– Нет, – отвечал он охрипшим голосом, – но я не могу опять заснуть!

– Ты думаешь о Кристин? – спросила мать. – Ведь все может обернуться лучше, чем мы думаем, Лавранс, – повторила она.

– Да, я именно о том и думаю, – сказал муж. – Девушкой или женщиной, она все же легла в брачную постель с тем, кого полюбила. Не так это было с нами обоими, бедная моя Рагнфрид!

Жена издала глухой глубокий стон и упала на бок в сено. Лавранс положил руку ей на плечо.

– Но я не мог... – сказал он страстно и со страданием в голосе. – Нет, я не мог быть таким, каким ты хотела, когда мы были молоды! Я не такой...

Немного спустя Рагнфрид сказала тихо сквозь слезы:

– Но мы с тобою все-таки хорошо жили, Лавранс, все эти годы?

– Так и я сам думал, – мрачно ответил он. Мысли кружились и теснились в его голове. Тот единственный обнажающий взгляд, который бросили друг на друга жених и невеста, два молодых лица, вспыхнувших красным полымем, – Лавранс считал это бесстыдством. Его опалило, как огнем, – и это была его дочь! Но он все время видел перед собою эти глаза и дико и слепо боролся, чтобы покровы не были сорваны с чего-то в его собственном сердце, – Лавранс никогда не хотел признать, что это что-то он защищал от своей собственной жены, когда она искала этого...

Он не мог, упрямо повторял Лавранс про себя. Черт возьми, его женили совсем еще мальчиком, он не сам выбирал себе невесту, она была старше его, он не чувствовал к ней влечения, не хотел этому, научиться от нее... любви! Его до сих пор еще бросало в жар от стыда при мысли об этом... О том, что жена заставляла его любить себя, когда ему не хотелось от нее такой любви. О том, что она предлагала ему все, чего он никогда не просил.

Лавранс был ей хорошим мужем, он и сам так думал. Он оказывал ей такое уважение, какое только мог, предоставлял ей полную власть распоряжаться, спрашивал ее совета во всем, был ей верен, и у них ведь родилось шестеро детей. Он хотел только иметь возможность жить с нею спокойно, чтобы она не касалась постоянно тех тайников его сердца, которые он сам не хотел обнажать...

А он никого, никого не любил... Ингюнн, жену Карла в Брю? Лавранс покраснел в темноте.

Он всегда гостил у них, когда проезжал по долине. Пожалуй, он даже ни разу не говорил с хозяйкой наедине; но когда видел ее, даже как только думал о ней, он ощущал нечто похожее на первый запах полей весной, едва только тает снег. Теперь он знает, что это могло случиться и с ним, – он тоже мог бы любить.

Его женили таким молодым, и он стал робким. И вышло так, что он начал чувствовать себя лучше в глухом лесу, в диких горах, где все живые существа хотят широкого простора, – простора для бегства, – и робко и недоверчиво следят за каждым пришельцем, который захочет подкрасться к ним...

Но наступало такое время раз в году, когда звери в лесах и на горах забывали робость. Тогда они кидались на своих самок. Но свою он получил в подарок! И она предлагала ему все то, чего он не добивался...

А птенцы в гнезде... Это было единственным светлым пятном в пустыне, самой глубокой сладостной радостью в его жизни. Маленькие светловолосые девичьи головки под его рукой.

Женитьба – его просто женили, почти не спрашивая. Друзья – у него было много друзей, и ни одного друга. Война – она была для него радостью, но войны больше не было, его доспехи висели на чердаке, малonoшенные... Он стал крестьянином... Но у него были дочери – вся его жизнь стала ему дороже, потому что он обеспечивал и охранял их, прекрасные, нежные маленькие жизни, которые он держал в своих руках. Он вспоминал маленькое двухлетнее тельце Кристин на своем плече, ее светлые, как лен, мягкие волосы у своей щеки. Ее маленькие ручки, державшиеся за его кушак, ее круглый, крепкий детский лобик, которым она упиралась отцу в спину, когда сидела сзади него верхом на лошади.

А теперь у нее такие же жаркие глаза – и она добилась своего. Она сидела в полутени, приклонясь к шелковым подушкам постели. В мерцающем свете свечей она была вся золотая – золотой венец, золотая рубашка, золотые волосы на обнаженных золотых плечах... И глаза у нее не были уже больше скромны.

Отец содрогнулся от стыда.

Хотя сердце у него обливало кровью. За то, что не досталось ему самому! За жену, лежавшую тут, рядом с ним, которой он не мог дать того, чего она хотела.

До боли чувствуя к ней жалость, он нащупал в темноте руку Рагнфрид.

– Да, мне кажется, мы с тобой хорошо жили, – сказал он. – Я думал, ты горюешь о наших детях... И что ты от природы такая грустная. Но мне никогда не приходила в голову мысль, что я, быть может, не был тебе хорошим мужем!..

Рагнфрид дрожала, словно тело ее сводили судороги.

– Ты всегда был хорошим мужем, Лавранс!

– Хм!.. – Лавранс сидел, упираясь подбородком в колени. – И все же для тебя, может быть, было бы лучше, если бы ты вышла замуж так, как наша дочка нынче...

Рагнфрид вскочила и вскрикнула низким, резким голосом:

– Ты знаешь?.. Как ты узнал? Давно ли ты знаешь?

– Я не знаю, о чем ты говоришь, – сказал Лавранс немного спустя странным глухим голосом.

– Я говорю о том, что я не была девушкой, когда стала твоей женой, – отвечала Рагнфрид, и голос ее был ясен и звонок от отчаяния.

Немного погодя Лавранс ответил тем же голосом, что и раньше:

– Этого я никогда не знал – до сегодняшнего дня.

Рагнфрид лежала на сене, содрогаясь от рыданий. Когда приступ прошел, она приподняла голову. В отверстие в стене начал уже просачиваться слабый серый свет. Она могла уже различить фигуру мужа – тот сидел, обняв колени руками, неподвижный, будто окаменевший.

– Лавранс... Скажи мне что-нибудь! – взмолилась она.

– Что же ты хочешь услышать от меня? – спросил он, не двигаясь.

– О, я не знаю... Чтобы ты обругал меня, побил!..

– Теперь это было бы, пожалуй, немного поздно, – сказал муж; в голосе его прозвучала как бы тень насмешливой улыбки. Рагнфрид снова заплакала.

– Тогда я не думала о том, что обманываю тебя. Мне казалось, что я сама была так обманута

и так обижена! Никто не щадил меня. Ко мне явились с тобою, – я ведь видела тебя всего три раза до свадьбы, – мне казалось, что ты совсем еще мальчик, белый и румяный, такой молоденький и по-детски простой...

– Я и был таким, – сказал Лавранс, и голос его на этот раз зазвучал увереннее... – И потому мне хотелось бы думать, что ты как женщина должна была бы больше бояться... обмануть... обмануть юношу, который был так молод, что ничего еще не понимал.

– После я и сама это поняла, – рыдая, сказала Рагнфрид, – когда узнала тебя. Очень скоро наступило время, когда я согласилась бы двадцать раз отдать свою душу, только бы не чувствовать своей вины перед тобой!

Лавранс сидел молча и неподвижно; жена опять сказала:

– Ты ни о чем не спрашиваешь?

– К чему? Это был тот... Это с его гробом мы встретились на Фегинсбрекке, когда носили Ульвхильд в Нидарос?..

– Да, – сказала Рагнфрид. – Нам пришлось сойти с дороги прямо на луг. Я видела, как его тело проносили мимо на носилках, окруженных священниками, монахами и вооруженными слугами. Я слышала, что он умер хорошей смертью, примирившись с Богом. Я молилась, пока мы стояли с носилками, на которых лежала Ульвхильд, чтобы мои грехи и моя скорбь были положены к его ногам в день Страшного суда!..

– Да, конечно, об этом ты и молилась! – сказал Лавранс, и та же тень насмешки снова зазвучала в его голосе.

– Ты не все еще знаешь, – сказала Рагнфрид в холодном отчаянии – Помнишь, он пришел к нам в Скуг в первую зиму после нашего брака?..

– Да, – ответил муж.

– Когда Бьёргюльф боролся со смертью... О, в тот раз никто не щадил меня! Он был пьян, когда поступил так со мною... А потом сказал, что никогда не любил меня и не хочет брать меня в жены, он просил меня забыть все... Отец мой не знал об этом, он не обманывал тебя, никогда не думай этого! Но Тронд! В то время мы были с ним большими друзьями, и я пожаловалась ему. Он хотел угрозами заставить этого человека жениться на мне... Но он был только мальчиком, и его отколотили... Потом он посоветовал мне молчать об этом и выходить за тебя...

Она посидела немного молча.

– Когда он приехал в Скуг... Прошел уже целый год; я не задумывалась особенно над этим. Но он приехал туда, сказал, что раскаивается, что теперь он хотел бы взять меня в жены, если бы я не была замужем... что он любит меня. Так он говорил!

Один Бог знает, говорил ли он правду. Когда он уехал, я не смела броситься в фьорд, не смела из боязни греха... и ради ребенка, которого ждала... И потом... И потом я начала уже так любить тебя! – Она вскрикнула, словно от невыносимой муки. Муж быстро повернул к ней голову.

– Когда родился Бьёргюльф – о, мне казалось, что я люблю его больше собственной жизни! Когда он лежал, борясь то смертью, я думала: угаснет он – умру тогда и я! Но я не молила Бога пощадить жизнь мальчика...

Лавранс очень долго сидел молча, прежде чем спросил мертвым и тяжелым голосом:

– Оттого, что я не был его отцом?

– Я не знала, был ли ты его отцом! – сказала Рагнфрид, вся похолодев.

Долго сидели они молча, в мертвой тишине. Вдруг муж спросил пылко:

– Во имя Бога, Рагнфрид, зачем ты рассказываешь мне все это теперь?

– Ах, не знаю! – Она заломила руки так, что пальцы захрустели в суставах. – Чтобы ты мог отомстить мне! Прогони меня из своего дома!..

– Неужели ты думаешь, это мне поможет? – Его голос дрожал от презрительной насмешки. – А потом у нас есть дочери, – тихо сказал он, – Кристин... и малютка.

Рагнфрид некоторое время сидела молча.

– Я помню, как ты осуждал Эрленда, сына Никулауса, – тихо сказала она. – Какой же приговор ты произнесешь тогда надо мной?..

По телу Лавранса медленно пробежала холодная дрожь, и это вывело его немного из непо-

движности.

– Ты жила... Мы прожили с тобой почти двадцать семь лет! Это не то, что судить о чужом человеке! Я понимаю, что тебе за все эти годы было хуже худого.

Услышав эти слова, Рагнфрид, рыдая, упала на сено. Она осмелилась протянуть руку и коснуться его руки. Лавранс не пошевелился и сидел тихо, как мертвый. Тогда Рагнфрид стала плакать все громче и громче, – муж продолжал сидеть все так же неподвижно, глядя на слабый сероватый свет, брезжащий вокруг двери. Наконец Рагнфрид смолкла и лежала тихо, как будто выплавав все свои слезы. Тогда Лавранс быстро погладил ее по плечу и руке. И Рагнфрид принялась опять плакать.

– Помнишь ли ты, – сказала она сквозь слезы, – того человека, который приходил к нам однажды, когда мы жали в Скуге. Того, который знал старинные песни? Помнишь ли одну из них – о мертвце, который вернулся на землю из мира мучений и поведал сыну своему о том, что он там видел? Как слышался скрежет из глубины преисподней – это неверные жены мололи своим мужьям землю вместо хлеба! Окровавлены были те камни, которые они ворочали, окровавленные сердца висели из их грудей!..

Лавранс ничего не сказал.

– Все эти годы я думала об этих словах, – сказала Рагнфрид. – Мое сердце исходило кровью каждый Божий день, потому что мне каждый день казалось, что я перемалываю для тебя землю вместо хлеба!..

Лавранс сам не знал, почему он ответил на это так, как он ответил. Он чувствовал, что грудь его стала пустой и впалой, как у человека, которому вырезали на спине "кровавого орла"⁶⁰.

Но он тяжело и устало опустил руку на голову жены и проговорил:

– Земля ведь должна перемалываться, моя Рагнфрид, чтобы на ней мог вырасти хлеб.

Когда Рагнфрид хотела поцеловать его руку, он быстро отдернул ее. Потом взглянул на жену, взял ее руку, положил к себе на колени и приник к ней своим холодным, застывшим лицом. И так сидели они, не шевелясь и не разговаривая больше...

---

⁶⁰ "Кровавый орел" – казнь, которая применялась во времена викингов. Осужденному вырезали ребра со спины и вырывали через рану легкие и сердце. Иногда приговоренные к казни сами просили вырезать им "орла", чтобы доказать снос мужество и презрение к смерти.